Министерство науки и высшей школы Российской Федерации
Министерство сельского хозяйства Российской Федерации
Уральский государственный аграрный университет
Институт экономики, финансов и менеджмента
Кафедра философии

НАУКА, ОБРАЗОВАНИЕ, КУЛЬТУРА

Межвузовский сборник научных статей
Выпуск 2.

Екатеринбург
2021

УДК 371.3:378.147
ББК 74.48 Ш 65

Наука, образование, культура. Межвузовский сборник научных статей. Екатеринбург: Изд-во Уральского государственного аграрного университета, 2021. Вып.2. - 366 с.

Под общей редакцией: Ю.А.Ермакова, доктора философских наук, профессора УрФУ; В.П. Леднева, доктора исторических наук, профессора РГППУ; К. П. Стожко, доктора исторических наук, профессора Уральского ГАУ

Посвящается памяти
Заслуженного работника Высшей школы
Российской Федерации,
доктора философских наук, профессора
Николая Николаевича Целищева

В сборнике представлены статьи преподавателей высших учебных заведений Екатеринбурга, Москвы, Магнитогорска, Омска, С.-Петербурга, Тюмени, Челябинска, Перми и других городов Российской Федерации по вопросам теории и методологии науки и образования, истории гуманитарной мысли, социально-экономической проблематике.

Особое внимание авторами сборника уделено проблемным аспектам развития современной культуры, идеологии и общественной морали, а также совершенствованию хозяйственной практики в условиях макроэкономической нестабильности и неопределенности.

Для широкого круга читателей.

Все статьи публикуются в авторской редакции

© Авторы, указанные в оглавлении,2021.
© Уральский государственный
аграрный университет, 2021.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Аджалова А.А., Стожко Д.К.	Философские аспекты теории и практики управления	6
Благодатских В.Г.	Проблема экономической дискриминации и пути ее решения	16
Бурцева Т.В., Лавров В.Н.	Методологические аспекты формирования человеческого капитала в агропромышленном комплексе	23
Ветошкин А.П. Стожко К.П.	Философия личности в современных условиях: к вопросу об «ответственном человеке»	36
Ветошкин А.П., Шиловцев А.В.	Проблема социальной безопасности личности современная идеология	45
Ветошкин А.П., Некрасов С.Н., Стожко К.П.	Своеобразие современного капитализма и проблема деградации производства	50
Ветошкин А.П., Некрасов С.Н., Стожко К.П.	Трансформация капитализма как проблема философии обогащения	57
Ветошкин А.П., Некрасов С.Н., Стожко К.П.	Доходы и потребление: дилемма между капитализмом и социализмом	64
Воронин Б.А. Фоменко С.С.	Феномен правосознания в рыночной экономике	76
Воронин Б.А. Чупина И.П., Воронина Я.В.	Реализация человеческого капитала в организациях аграрного сектора экономики	81
Воронин Б.А. Чупина И.П., Воронина Я.В.	Практический подход к научным исследованиям в сельском хозяйстве	87
Журавлева Л.А., Зарубина Е.В.	Культура питания: теоретико-методологические вопросы	94
Зарубина Е.В., Журавлева Л.А.	Феномен права в экзистенциально-философском измерении	98
Зарубина Е.В., Журавлева Л.А.	Повседневная жизнь людей в условиях пандемии	1 101
Зарубина Е. В., Ручкин А. В. \	Изучение философии как фактор формирования критического мышления	1 108
Кащапова А.С.,	Проблема дискриминации в системе	112

Стожко Д.К.	социально-трудовых отношений	
Кружкова Т.И., Рущицкая О.А. Стожко К.П.	Проблема совершенствования технического обслуживания в контексте развития аграрной экономики	117
Кружкова Т.И., Рущицкая О.А.	Гуманистически аспекты образования и воспитания студентов в аграрном вузе	130
Кружкова Т.И., Рущицкая О.А.	Формирование у студентов аграрного вуза целостного мышления	133
Лавров В.Н., Соболевский М.А., Стожко К.П.	Причины и последствия современной безработицы	137
Мартыненко А.И., Стожко К.П.	Новые технологии трудовой адаптации в организации	142
Митин А.Н.	К вопросу о коррупции в истории мировой философской мысли	151
Митин А.Н.	Проблема коррупции в современной науке и практике	159
Некрасов С.Н.	Управление смыслами в эпоху глобализации в взлет русского сельского хозяйства	170
Некрасов С.Н.	Чем грозит человечеству победа города над деревней: рождение новых смыслов о будущем и благодати	175
Некрасов С.Н.	Синергетика и кластерные сети в глобализации	181
Синько В. Н.	Музей истории Уральского ГАУ в условиях дистанционного образования: вызовы, опыт и перспективы	186
Синько В. Н.	Основные направления научно-исследовательской деятельности студентов в музее истории Уральского ГАУ	190
Сорокина Н. И.	Диалог культур как средство формирования межкультурной компетенции студентов	195
Стахеева Л. М., Горбунова О. С., Пильникова И. Ф.	Организационно-экономические и правовые основы предпринимательской деятельности	198
Стожко Д.К.	Технология блокчейн и проблема повышения качества управления персоналом	202
Стожко Д.К.	Проблема взаимосвязи человека и техники в условиях постиндустриализма	208
Стожко Д.К.	Кризис личности в условиях современного постиндустриального общества	212
Стожко К.П.,	Культура и этническая идентичность	218

Князев В.М.		
Стожко Д.К.,	Инновационные технологии в управлении АПК	230
Стожко Д.К., Ергунова О.Т.	Проблема формирования культуры био-власти в условиях макроэкономической неопределенности	235
Стожко Д.К., Стожко К.П.	Исторический опыт развития экономического соревнования	248
Стожко Д.К., Стожко К.П.	Управление и самоуправление: диалектика науки и техники	258
Стожко К.П.,	Креативность contra рациональность	281
Стожко К.П.	Проблемы социальной экономики: методологический аспект	298
Стожко К.П.	«Потребительское общество» и современные концепции потребления	303
Стожко Д.К.	Культура хозяйства в цифровой экономике	320
Фетисова А. В., Батракова С. И.	Проблема информационного обеспечения преподавателя аграрного вуза	332
Шабатура Л.Н., Тарасова О.В.	К вопросу об изучении военной культуры в современных условиях	335
Шиловцев А.В., Стожко К.П.	Феномен личной ответственности в современных условиях	339
Шиловцев А.В. Благодатских В.Г., Князев В.М.	Культура, гуманитарное образование и ноономика	348
Шиловцев А.В.	Социальная безопасность и проблема безработицы	357
Сведения об авторах		363

А.А.Аджалова
студентка III курса,
Институт менеджмента и информационных технологий,
Уральский государственный экономический университет;
Д.К.Стожко
(научный руководитель),
кандидат философских наук, доцент,
кафедра истории и философии,
Уральский государственный экономический университет.

ФИЛОСОФСКИЕ АСПЕКТЫ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ УПРАВЛЕНИЯ

Аннотация. В статье сформулировано определение философии и философского знания, как особой области науки; раскрыта специфика современного философского знания; выявлены различия, а также сходства философии и науки. Изучен предмет и объект философии экономики. Выявлена необходимость изучения философии в системе современного образования. Авторами подробно рассматривается тема философии управления, как особой области знаний и сферы творческого поиска, которая развивается сразу по нескольким различным направлениям. Раскрыты задачи философии управления, сформулированные в современных исследованиях.

Ключевые слова: философское знание, философская мысль, наука, философия экономики, философия управления.

Современная ситуация характеризуется глубинными внутренними трансформациями личности, самого общества и государства. Происходит трансформация фундаментальных ценностных оснований всех видов человеческой деятельности. Ускорение социально-экономических процессов, переход к новому технологическому укладу, рост рисков и нестабильности, - все это вызовы времени, на которые необходимо реагировать. И здесь без философского осмысления и переосмысления происходящих перемен никак не обойтись.

При этом, человек, соприкасающийся с философией, может и не задаваться вопросом, о том, зачем она, собственно говоря, нужна. Но поскольку философия есть способ осмысления окружающего мира и самопознания, то она присуща в той или иной степени человеку как мыслящему существу. Каждый хотел бы понять, что он собой представляет, в чем смысл его существования. Уже поэтому каждый человек, в известном смысле, философ.

Философское знание – это знание о мире в целом; отдельные его области, сферы деятельности, философски осмысленные, выступают в философии как специфическая часть целого. Есть конкретное знание, фрагменты мозаичной гигантской картины, в совокупности это окружающий нас мир во всем его многообразии, а есть то, что лежит в основе этого мира, скрепляет мозаику, придает ей целостность. Это и есть философия. Но философия не сумма знаний; на подобное она не претендует [1].

Определений философии множество. Сложно дать исчерпывающее определение, вероятно, это невозможно, попытаемся свести воедино особенности философского знания.

Философия – это, прежде всего мировоззрение как обобщенная система взглядов на мир и место в нем человека. Это учение об общих принципах бытия и познания, об отношении человека к миру. Она содержит в себе систему норм и идеалов и способствует формированию новых.

Философия – способ, средство самопознания. Если человек смог хотя бы частично постичь самого себя, то жил, думал, действовал во многом иначе. Жизнь явно зависит не только от того, каков окружающий нас мир, но и от того, каковы мы сами, как, насколько верно оцениваем мы себя и свои поступки.

Помимо философского есть научное понимание мира. Самоочевидно, что по ряду существенных параметров они не совпадают. Лишь на начальных этапах становления науки между ней и философией не проводилось никакой грани. Но постепенно отдельные науки, развиваясь, приобретали самостоятельное значение и «отпочковывались» от философии, хотя еще долго сохранялась и реально, и в сознании ученых, представлявших конкретную науку, связь между ней и философией.

Те же открытия Коперника, Галилея и Ньютона рассматривались в XVII – XVIII вв. не только в границах механики, математики, астрономии. С их помощью, при опоре на них делались попытки, и небезуспешные, осветить гораздо более емкий круг проблем, потенциально – мироздание в целом. Философия, другими словами, претендовала на роль своего рода науки наук, а конкретная наука не возражала против такого рода претензий. Наука никогда не претендовала и не претендует на всеобъемлемость. Если такого рода попытки и были, они рано или поздно обнаруживали свою уязвимость, несостоятельность.

По мере развития все более углубляется разрыв, увеличивается дистанция между конкретными науками и философией. Наука осталась союзницей философии или встала в оппозицию к ней (философия многолика, все дело в том, о какой философии идет речь), но она, наука, обрела самостоятельность [2].

Наука стремится к истине. Ее идеал – максимально полное и точное отражение объективной реальности вне зависимости от субъективных предпочтений, оценок, того, что определяется как личностное начало. Если оно вдруг обнаруживается в науке, то рассматривается, точнее, рассматривалось – ситуация в современной науке не столь однозначна, – как нечто мешающее, затрудняющее достижение истинного знания. В науке на первом плане – объективность. В социальных науках личностное начало может присутствовать в большей или меньшей степени, но оно ограничено целью, задачами конкретного научного исследования и нередко специально оговаривается.

Философия имеет дело не только и не столько с объектом. Для философа всегда значимо его собственное отношение к миру, оно отчетливо проявляется в любом философском исследовании. Если же речь идет не о философии как целостной системе взглядов, а более широко – о попытке человека философски мыслить, то здесь чувственное начало еще очевиднее. Это его, конкретного человека, видение самого себя, других людей. Это его представление о мире и всем, что в нем происходит, но это не бездоказательное умствование. Человек «вписан» в окружающий его мир, в природную и социальную реальность, и он по-своему осмысливает ее в философии.

В более широком плане философию следует определить как методологию науки. Разработка основных принципов, норм научного знания, законов, по которым это знание развивается – одна из основных задач философии, что дает некоторое основание рассматривать философию как науку, хотя, если быть точным, нельзя не признать: сохраняя теоретическую форму и сближаясь, по ряду существенных параметров с наукой, она наукой, строго говоря, не является.

Философия многолика. Для нее характерны борьба мнений, столкновение позиций, выливающееся в разные философские школы, течения, где-то соприкасающиеся, а в чем-то по сути противоположные. Внешне это может представляться как некий конгломерат и чуть ли ни случайная смена разнообразных и малосвязанных одно с другим учений. Но это лишь внешне.

Каждая великая философия именно потому и велика, что представляет собой необходимую ступень в интеллектуальном развитии человечества. Не все в ней безошибочно. Но именно в борьбе, столкновении позиций философ приближается к истине. Нельзя не заметить и другого: в каждой великой философии (именно тем она и значима) есть вечное, общечеловеческое содержание. Оно передается от эпохи к эпохе, сохраняется в современной философии как непреходящая ценность [3].

Философия предполагает развернутый ответ на вопрос: что есть истина? Существует учение об истине. Но философия не претендует и здесь на единство

и даже на единообразие. Учение в границах философского знания плюралистично. Можно сказать: каждая философская система, каждое течение философской мысли, а то и отдельный философ опираются на собственную трактовку истины или же, как минимум, существенно модифицируют уже имеющиеся, отбирая у богатого философского наследия то, что отвечает взглядам, согласуется с позицией того или иного философа, или философской школы. Учение об истине, другими словами, органично вписывается в общемировоззренческую, философскую позицию, выступая как необходимый ее элемент. Наука в целом также создает определенное мировоззрение. Оно самоочевидно связано с философским: при всей специфике того и другого они подпитывают и усиливают друг друга.

Хотелось бы подчеркнуть: рассматривая философию как неотъемлемую часть культуры человека и человечества, саму культуру следует понимать не только как художественную культуру. Она, философия, зримо присутствует в политической и правовой культуре, самым тесным образом связана с нравственностью. Даже религия стремится опереться на философию. Другой вопрос, на какую философию и с какой целью [4].

В подлинной науке, так или иначе, всегда обнаруживает себя философская составляющая. Есть право, а есть философия права, есть политика, а есть политическая философия. Есть многообразная в своих проявлениях экономическая наука, а есть философия экономики, есть история, а есть философия истории. Философия придает науке целостность, выступает как дополнительное ее основание. Она не может дать и не дает готовых решений, но она предлагает порассуждать пока в рамках самых общих о предмете, явлении, фундаментальных вариантах подхода к их анализу.

Современная философия рассматривает многие проблемы экономической жизни общества, понимая под ней отношения собственности, распределения, обмена и потребления. Философия экономики стремится выявить смысл всемирно-исторического процесса как движения к идеалу, благосостоянию общества, социальной справедливости. Выдающийся экономист, творец «немецкого чуда» Л. Эрхард так писал о цели экономической деятельности: «Экономические концепции и уклады всегда были и будут подвержены изменениям, однако вечной остается цель экономической деятельности – служить и содействовать благосостоянию людей» [5].

Объектом философии экономики выступает экономическое бытие общества, первооснова функционирования всех его сфер. Предметом философии экономики является знание о производящей экономике, сверхсложной самоорганизующейся системе как сущности экономического бытия, цивилизационном Благе, универсальных законах его развития, связи с

социально-нравственным началом, проектировании гуманистически ориентированных моделей субъектов хозяйственной деятельности и форм ведения хозяйства.

Существует недостаток в области подготовки экономистов и финансистов и смежных с ними специальностей, для лучшего усвоения студентами и аспирантами философских проблем в области их профессиональной деятельности, необходимо в вузах преподавать философию хозяйства, экономическую социологию, историю экономической мысли и т. д.

Европейская цивилизация давно уже породила культ философии. Ее изучают в любом варианте университетского образования, а начинается оно еще в школе. Очевидная цель философского образования – усилить желание интеллектуального поиска, помочь формированию системы взглядов, основ мировосприятия, придав ему некоторую законченность и наполнив общечеловеческим содержанием. Но такова в конечном итоге цель любой системы образования, если брать ее в целом.

Довольно рано, однако, образование становится профессионально ориентированным, и чем дальше, тем заметнее проявляется тревога за будущее, все настоятельнее требование (оно по-разному выражено, но суть его одна): профессиональная подготовка должна быть лишь частью важной, значимой, но частью «делания человека», формирования личности.

В образовании, в более широком плане формирования личности главным в конечном итоге остается вопрос: кого мы хотим получить – хорошего исполнителя, способного на деле реализовать соответствующие указания, или мыслящего человека, творца, человека, способного не только делать, но и думать, отдавать отчет своим поступкам и решениям. Первым по большому счету философия не нужна, им вполне подходит единая, официально признанная и одобренная сверху псевдофилософия. Такая философия отучает думать, погружает разум в догматический сон. Подлинная философия делает возможным формирование всесторонне и гармонически развитой личности, позволяет раскрыть се потенциал, и не только профессиональный.

Таким образом, философия, должна быть в основе современного образования. Помимо всего прочего, никак нельзя абстрагироваться и от того обстоятельства, что именно философия возвращает нас к идее системы знаний.

Итак, каждый человек, уже потому, что он мыслит, не может не иметь определенного представления о мире, не сформировать своего к нему отношения, не определиться в своем отношении к другим людям, в своем реальном поведении, не проявить принятие или непринятие тех, или иных жизненных норм и ценностей. Вся культура человечества, таким образом,

насквозь пропитана философской мыслью. Философия при этом – сердцевина культуры, ее смысловой стержень, своего рода ключ к ее богатствам.

Особое значение в современных условиях приобретает философия управления. Философия управления – относительно молодая, востребованная и практически ориентированная отрасль философии хозяйства, базисные принципы и методологические ориентиры которой все еще пребывают в стадии развития. Дело в том, что прежняя, традиционная для советского периода нашей истории и времени перестройки философия как основа мировоззренческих ориентаций людей, ушла в прошлое. Сегодня активно происходят процессы формирования нового типа экономического сознания, экономического мышления и экономической психологии, адекватные новому качеству самой экономики – цифровой ее модели.

На сегодняшний день философия управления, формируется согласно многим тенденциям. В целом система координат может быть сведена к двум основным полюсам: господствующей идеологии экономического неоклассицизма с одной стороны и все более усиливающимся неоинституционализмом с другой стороны. Именно эти два направления оказывают решающее влияние на главный тренд развития экономической философии – так называемой поведенческой экономики. В свою очередь, поведенческая экономика строится на достижениях гештальтпсихологии, бихевиоризма и некоторых других областей современной психологии.

С одной стороны, достаточно актуальна задача синтеза теорий управления, разработанных и разрабатываемых в рамках различных дисциплин. А так же проблематизация «управления в целом», исследование управления в его процессуальном и технологическом контекстах (методология управления). С другой, усиливается важность философской проблематизации передового менеджмента и профессиональной управленческой практики, т. е. управления как специфической профессиональной деятельности.

В XX веке стало стремительно образовываться знание о научных основах управления обществом, что обусловлено появлением таких дисциплин, как теория менеджмента, теория организации, тектология, а чуть позже кибернетики и ряда других. На сегодняшний день, весьма развились и утвердились такие дисциплины, как социология управления, психология управления и т. д. Тем не менее, авторы которые работают в рамках данных дисциплин, отмечают: «Необходимо признать, что наука так и не обладает теоретически развернутой феноменологией управления, представлением о закономерностях её порождения, структуры, функционирования и развития, несмотря на притязания «научного менеджмента», системного анализа, кибернетики и синергетики на роль теории управления» [6].

Отметим, что в настоящий период, различные теории и концепции управления, выявив собственную недостаточность, а порой несоответствие призывам нашего времени, принуждены снова прибегать к поиску философских начал самих себя.

В связи с этим В. С. Диев, например, пишет: «Любая отрасль знания, достигнув определенной стадии зрелости, требует философского осмысления собственных оснований». Что говорит о том, что современные совокупные познания об управлении достигли такой стадии, при которой теории и концепции управления не могут полноценно развиваться без соответствующей им философии. В данном значении философия управления является необходимым условием ее дальнейшего совершенствования, а не просто вспомогательным приложением к управленческой практике.

Проблематика управления не может быть исчерпана в рамках какой-либо одной научной дисциплины, так как она слишком сложна и широка. Многогранность данного феномена отражает сформировавшаяся совокупность наук об управлении и разнообразные научные дисциплины, которые анализируют управление и отдельные его аспекты, виды и компоненты по-разному.

В то же время все они, так или иначе, выявляют объективное естество управления, создавая единую совокупность представлений и теорий, которая, в свою очередь, и формирует согласно огромной доли предмет современной философии управления. Таким образом, философия управления является так же и философией наук об управлении. Одно от другого не отделить.

Например, управление со стороны социологической мысли – свойственный обществу признак, особенность «вытекающая из природы совместной жизнедеятельности людей, коллективного характера их труда, которая невозможна без установления между ними соответствующих связей, координации совместных действий людей...». Социальная природа управления не утрачивает своего фундаментального значения. А сфера социального управления стремительно формируется, являясь результатом эволюционного развития управленческой практики [7].

К примеру, «управление в своем наиболее развитом виде – это феномен культуры как надприродного явления, феномен, принадлежащий миру искусственного». С этой точки зрения в естественных (природных) системах управление в полном смысле отсутствует. Но управление в отрыве от объективных закономерностей движения и развития тех или иных социальных систем также невозможно. Другими словами, управление реализуется на стыке естественного и искусственного.

Данная проблема изучалась отечественными учеными, которые пришли к выводу о том, что «сама задача управления какой-либо социальной системой может быть поставлена и ставится лишь тогда, когда мы рассматриваем ее, с одной стороны, как естественную систему, подчиняющуюся своим внутренним процессам с имманентными законами, а с другой стороны, как искусственную систему, включенную в деятельность и преобразуемую ею в такой степени, что при этом меняются сами законы ее естественного функционирования и изменения» [8].

Другой аспект связан с такими частными функциями управления, как проектирование, прогнозирование и планирование. Дело в том, «что эволюция общества принципиально отличается от эволюции других систем в природе. Планируя свое развитие (пусть даже в отдельных частях) и управляя развитием, общество пытается управлять своей собственной эволюцией». В связи с этим чрезвычайно глубоким и емким является данное Л. Г. Голубковой определение управления как деятельности «по обеспечению равновесия между проектируемым и настоящим, между искусственным и естественным» [2].

В ряду современных философских представлений об управлении следует также выделить концепцию так называемого рефлексивного управления, с которой связано, пожалуй, одно из перспективнейших направлений исследования. Ключевым для данной концепции является понятие рефлексии, которая определяется как «способность некоторых систем строить модели себя и других систем, одновременно видеть себя строящими такие модели». Рефлексия при этом рассматривается как необходимый атрибут управления, которое соответственно невозможно в нерефлексивных системах.

Итак, современная философия управления охватывает широкий круг проблем, основывается на достижениях целого ряда дисциплин и не ограничивается какой-либо единственной философской концепцией. В связи с этим задачи философии управления на данном этапе ее развития весьма обширны. Современные исследователи следующим образом определяют эти задачи:

1. Философия управления должна «критиковать неудовлетворительные способы изучения управления». Поэтому необходимо критическое переосмысление наиболее значимых философских построений, накопленных за всю историю человечества, ориентированное на решение современных управленческих проблем.

2. Философия управления должна определять сущность управления. Здесь, как пишет Розин В. М., «навязываются несколько направлений исследования. Во-первых, сравнительный анализ концепций управления, прежде всего с точки зрения подходов и основных методов мышления. Во-

вторых, генетическое изучение ключевых видов управления, имевших место в истории культуры. В-третьих, построение собственных концепций управления, схватывающих не только сущность управления, но и разные его типы» [2].

3. Философия управления обязана реализовывать «анализ более обширной реальности, обусловливающей различные виды управления, а также их эволюцию. Это подразумевает философско-методологическое рассмотрение таких тем, как язык, общество, личность, власть, социальные институты. А также изучение мегатенденций современности, представлений о будущем, стратегий социального действия, форм социальной жизни, социальной эволюции, особенностей русской модели управления и ее эволюции.

К перечисленным задачам философии управления, сформулированным следует добавить и еще одну не менее важную – смысловое и нравственно-этическое наполнение управления. Надо сказать, что большинство концепций управления рассматривают его преимущественно с формальных позиций. Они в основном пытаются ответить на вопрос «Как управлять?» Вопросы иного порядка: «для чего управлять?» или «почему вообще возможно управление?», «в чем смысл управления?» – остаются, как правило, в стороне. При этом нельзя игнорировать тот факт, что русскоязычное понятие «управление» имеет этимологию, определяемую древнерусским словом «праведный» и старославянским «право», что не позволяет игнорировать нравственно-этическую компоненту управления.

Остается отметить, что философия управления в силу объективной всеохватности самого феномена управления прямо или косвенно затрагивает практически все сферы и аспекты человеческой жизни. Причем, философия управления, будучи творчески и деятельностно ориентированной на их организацию, преобразование и развитие в практическом ключе, должна отталкиваться от конкретных социокультурных трансформаций. В частности, от возрастания атомизации общества, от развития феномена социального самоуправления, от появления и развития новых организационно-правовых форм. Новые типы организации общественного устройства в политике, экономике, культуре, образовании - это факт, не требующий особых доказательств. О развитии тенденции к децентрализации управления пишут многие авторы (С.Лэш, К.Оффе, Дж. Урри и др.) [9, с.267602с.].

Философия управления в условиях нарастающей атомизации общества и децентрализации практики социального менеджмента должна исходить из понимания необходимости соответствия философских установок и социальных интересов. Иначе получится так, как это произошло в 1992 г., когда руководство страны «одним махом». Ликвидировало прежнюю систему управления и понадеялось на саморегулирование рынка. Это было тем, что

Л.Эрхард в свое время назвал «прыжком в холодную воду», когда «стальной душ свободных цен» привел к полной дезорганизации общества, экономики и всех иных сфер деятельности.

Справедливо считая такую практику «прыжка в холодную воду» сомнительной и даже вредной (как это считал и автор «немецкого экономического чуда) [10, с.106], необходима научная разработка философии управления. Высокая социальная, политическая и экономическая турбулентность в современном мире действительно предполагают нахождение новых сценариев развития и новых способов управления.

Логично предположить, что значимость философии управления к связи с этим будет только возрастать.

Литература

1. Годунов, И.В. Синергия образования: Философия. Право. Управление. Экономика [Электронный ресурс] : монография / И.В. Годунов, И.К. Ларионов. – Электрон. дан. – Москва : Дашков и К, 2017. – 292 с. – Режим доступа: https://e.lanbook.com/book/91215. – Загл. с экрана.

2. Голубкова, Л. Г., Розин В.М.Философия управления : учеб. пособие для бакалавриата и магистратуры /Л. Г. Голубкова, В. М. Розин. – 2-е изд., испр. и доп. – М. : Издательство Юрайт, 2018. – 439 с.

3. Егоров Ю.Л. Философия управления. / Ю.Л. Егоров. Московский гос. ин-т электронной техники, 2014 – 299 с.

4. Минеева, Т.М. Философия управления [Электронный ресурс] : учебное пособие / Т.М. Минеева, В.И. Постол, С.А. Еварович. – Электрон. дан. – Томск: ТГУ, 2017. – 84 с. – Режим доступа: https://e.lanbook.com/book/105111. – Загл. с экрана.

5. Эрхард Л. Благосостояние для всех: пер. с нем. М.:Начала-Пресс, 1991. - 336с.

6. Чумакова А.М. Философия в профессиональной деятельности [Электронный ресурс] : учебное пособие / А.М. Чумакова – М. : Издательство «Проспект», 2014 – 591 с.

7. Диев Владимир Серафимович - Задачи и перспективы философии управления. Вестник Хакасского государственного университета им. Н.Ф. Катанова – 2018г. № 25.

8. Карпицкий Н.Н. Сущность философии и специфика философского знания: Учебное пособие. – Ханты-Мансийск: ЮГУ, 2014. – 32 с.

9. Радаев В.В.Экономическая социология. М.: ГУ ВШЭ, 2005. - 602с.

10. Эрхард Л. Благосостояние для всех: пер. с нем. М.: Начала-Пресс, 1991. -336с.

В.Г. Благодатских
доктор исторических наук, профессор,
кафедра истории и философии,
Уральский государственный экономический университет.

ПРОБЛЕМА ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ДИСКРИМИНАЦИИ И ПУТИ ЕЕ РЕШЕНИЯ

Аннотация. В статье рассмотрены основные виды дискриминации в сфере социально-трудовых отношений. Определена прямая и косвенная экономическая дискриминация. Особое внимание уделено анализу ситуации в аграрной экономике России, в которой наблюдаются проявления экономической дискриминации в области оплаты труда, отношений собственности, развития социальной инфраструктуры и др. Выявлены особенности и сложности данной проблемы, а также способы ее решения в других странах. Обобщен мировой опыт преодоления проявлений экономической дискриминации в рамках трудовой политики разных государств. Раскрыты методы и направления преодоления экономической дискриминации с учетом сложившейся макроэкономической ситуации.

Ключевые слова: административная рента, бюрократия, труд, трудовая политика, социально-трудовые отношения, управление, экономическая дискриминация.

Экономическая теория дискриминации появилась в середине XX века. В работе Г. Беккера «Экономика дискриминации» (1957) впервые в истории мировой экономической науки была сформулирована и обоснована мысль о том, что субъекты хозяйственной деятельности вступают в рыночные отношения друг с другом не только под влиянием экономических факторов (качество продуктов, цена, затраты на производство и сбыт и т. д.). Но и под воздействием неэкономических обстоятельств (половая, сословная или расовая принадлежность, религиозные убеждения и т. д.). В первые два десятилетия XX века это обстоятельство получило самое широкое распространение. В условиях кризиса современного глобализма, различных торговых, ценовых и таможенных войн, политики санкций, которые одни страны принимают в отношении других, пандемии Covid-19, охватившей мир экономическая дискриминация становится едва и не тривиальной. Для повышения собственной конкурентоспособности и решения своих задач транснациональные корпорации и национальные правительства часто просто игнорируют

естественноисторические условия развития собственной экономики [9] и вырабатывают неприемлемые для других стран сценарии поведения.

Модель поведения субъекта экономической дискриминации, согласно экономической теории дискриминации, связана с предпочтениями, которые он формулирует и предъявляет в рамках своего поведения. Эту мысль активно развивали за рубежом К. Клеман, Дж. Нельсон, Д. Норт, Дж. Робинсон, М. Спенс, Э. Чемберлин, К. Эрроу и др. В нашей стране различные модели экономической дискриминации, в том числе и в сфере труда, социально-трудовых отношений, исследовали Т.И. Заславская, Р.И. Капелюшников, Н.С. Лазарева, П.В. Романов, Г.Г. Силласте, Е.А. Трофимов, А.Е. Шадрин и др. Можно определенно утверждать, что экономическая дискриминация – это феномен поведенческой экономики (*behavioral economics*).

Дискриминация (в переводе с латинского *discriminatio* – различение, ограничение) представляет собой практику ограничения прав и обязанностей человека по определённому признаку. Наиболее распространённое толкование термина несёт в себе то, что дискриминация это «ущемление прав и свобод, которые закреплены Конституцией и законами». В России гарантии равенства прав и свобод закреплены в основном законе страны – Конституции РФ (ст. 19), причем равноправие в сфере труда и его оплаты выделено особо (ст. 37), что подчеркивает его социальную значимость. Именно в Конституции РФ затрагивается данный термин исходя из оснований запрета фиксирования неравенства по неким признакам.

Феномен дискриминации давно известен в системе социально-экономических отношений. Если остановиться на дискриминации в сфере трудовых отношений, то данное явление можно представить по-разному. Например, в виде различий в квалификации, ответственности, доходах, а также в виде дискриминация по гендерной, возрастной, этнической, отраслевой принадлежности и т.п. Собственно, проявления дискриминации есть проявления так называемых «провалов трынка», которые поддаются устранению при соответствующих мерах воздействия [11].

Так же выделяют два вида дискриминации: прямую и косвенную. Прямая дискриминация в организации может проявляться путём придирчивого и строгого отношения к сотруднику в открытой форме, но такое поведение допустимо только тогда, когда есть обоснованные предпосылки. Ярким примером может служить отбор персонала для ресторанов русской кухни. При отборе персонала предпочтение отдавалось кандидатам славянской внешности, но это только в том случае, если персонал будет напрямую работать с клиентами, например, обслуживать на входе и в обеденном зале. Для работы на кухне, а именно сотрудников, которых клиенты не будут видеть, отбирали

кандидатов любой национальности и внешности. Данный пример показывает дискриминацию по расе, национальности и других внешних отличительных признаков.

Что касается косвенного вида дискриминации, то она может возникать и проявлять себя в контексте создания разных условий труда для конкретного сотрудника, которые отличаются от условий других сотрудников. В таком случае условия труда могут носить несправедливый характер, например, во время ночного дежурства одной медсестре было предоставлено оборудованное место для перекуса, в кабинете медсестры другого отделения такой возможности не было. На данном примере подразумевается дискриминация второй медсестры, но о ней можно лишь догадываться путём анализа ситуации.

По сфере деятельности или по результатам выделяют следующие виды дискриминации.

1. Дискриминация при оплате труда. Она заключается в разнице при оплате труда работников, выполняющих одну и ту же работу в одинаковых условиях.

2. Дискриминация при продвижении по служебной лестнице. Это отсутствие возможности у сотрудников в построении вертикального вида карьеры.

3. Дискриминация при получении образования или профессиональной подготовки – может выражаться или в ограничении доступа к получению образования и профессиональной подготовки, или в предоставлении образовательных услуг более низкого качества. Этот вид дискриминации нельзя в полной мере отнести к дискриминации на рынке труда, так как получение образования обычно предшествует выходу на рынок труда и трудовой деятельности. Но, несмотря на "дотрудовой" характер этого вида дискриминации, ее причины и следствия тесным образом связаны с функционированием профессионального рынка труда [2].

Такое явление как дискриминация проявляется не только в нашей стране, но и в странах ближнего и дальнего зарубежья. Рассмотрим, как дискриминируют работников в КНР. Дискриминация по возрасту. 35 лет – предельный возраст для женщин; женщинам старше 35 лет уже трудно найти себе нормальную работу. Поэтому в Китае работающие женщины в возрасте 40 лет и мужчины в возрасте 50 лет – это редкое явление. Дискриминация по месту проживания. Например, бюро по подбору кадров г. Гуанчжоу (КНР) выдвинули требование о приеме на работу только выпускников и жителей г. Гуанчжоу. Таковы некоторые виды дискриминации при устройстве на работу в Китае. Причина этого заключается в несовершенстве законов о труде и занятости. В настоящее время в Китае нет закона против дискриминации при

устройстве на работу и занятости, есть только некоторые статьи в Конституции и в других правовых актах о равноправии граждан [13].

В главном источнике трудового права Франции, а именно в Трудовом Кодексе прописан запрет на ограничение трудовых прав работников и запрет дискриминации в сфере труда (запрещена дискриминация по различным признакам: расы, пола, семейного положения, политических и религиозных взглядов, принадлежности к профсоюзам, возрасту, инвалидности, погашенной судимости, личной жизни, сексуальной ориентации).

Что интересно, разрешена «позитивная дискриминация»: специальные гарантии для отдельных категорий работников (например, для инвалидов предусмотрена определенная квота рабочих мест).

Например, в Польше запрещена дискриминация на работе, касающаяся найма, окончания – действия трудового договора, условий трудоустройства (прежде всего, размера заработной платы), карьерного роста, доступа к профессиональным обучениям с целью повышения квалификации. Работодатели ни к кому не могут обращаться хуже по причине пола, возраста, инвалидности, расы, религии, национальности, политических убеждений, союзной принадлежности, сексуальной ориентации, а также по причине трудоустройства на определённый и неопределённый срок, и продолжительности рабочего времени. Перечень причин, по которым недопустима дискриминация, содержится в Трудовом Кодексе и носит открытый характер [7].

Так же дискриминация может проявляться и в косвенном порядке. Например, ущемление законных интересов посредством ценовой дискриминации. Известно, например, что в структуре себестоимости сельскохозяйственной продукции на долю ее производителя приходится 77%, а получает аграрий 27%, на долю переработки – 15%, а получают переработчики 31%, на долю торговли – 8%, а получают продавцы 42% от цены продукции [10, с. 265–266].

Следствием обострения проблемы экономической дискриминации можно считать и перераспределение земли среди сельского населения страны, снижение эффективности использования земельных ресурсов в сельском хозяйстве сокращение количества посевных площадей в ряде регионов страны [8].

Сотрудники, которые подвергаются дискриминации, вправе рассчитывать на возмещение материального урона, например, на денежную компенсацию в размере не ниже минимального размера заработной платы, Такой принцип действует, например, в Польше на основании отдельных правил [7]. Дискриминация также может проявляться в таком поведении, как угрозы,

оскорбления, побои. Это - преступления, и лица, которые испытали их на себе, должны обращаться в полицию.

Независимо от вида дискриминации в организации работников или кандидатов на вакантную должность, её существование влечёт за собой нездоровую моральную атмосферу в организации. Для преодоления дискриминационных различий в заработной плате в социальной политике применяют систему равной оплаты за работы сравнимой ценности.

В трудовых отношениях существуют методы, с помощью которых можно избежать нарушения прав и несправедливое отношение к работникам. Например, когда при приёме на работу соискателю отказывают, объясняя, что он не соответствуете требованиям. Тогда претендент имеет право ознакомиться с документом, например, нормативно правовым актом, устанавливающим такие требования. Но, если он подвергся дискриминации, то восстановить нарушенные права, можно, обратившись в суд, и потребовав компенсацию за причиненный моральный вред.

Избегать ситуации дискриминации в сфере социально-трудовых отношений нужно необходимо не только работникам, но и организации. Всё чаще объектом трудовых споров в административной и судебной практике являются жалобы работников на соблюдении принципа равной оплаты за труд равной сложности, квалификации, количества и качества. Нередки и жалобы работников на дискриминацию при премировании. Одним из выходов для того, чтобы избежать судебных разбирательств, может служить установка надбавки, поощрения, обусловленные трудовой функцией и деловыми качествами работника. Но в любом случае администрации следует быть готовой доказать в суде обоснованность предпочтения одного работника другому, уметь доказать обоснованность различий в выплате поощрений. Для этого необходимо закрепить в локальных актах конкретной компании возможность по-разному оценивать результаты работы сотрудников. Например, это может быть «Положение о премировании». В этом случае все работники предприятия в обязательном порядке должны быть с ним ознакомлены.

Примеры конкретных случаев дискриминации в трудовой сфере весьма разнообразны. Как показывает практика, они довольно часто встречаются в повседневности, и могут касаться любых моментов трудовой деятельности. В связи с этим требуется существенное совершенствование всей системы социально-трудовых отношений. Прежде всего, трудового контроля, который связан с условиями распределения работы между работниками и воспроизводством оптимального трудового порядка [4, с. 270]. Устранение дискриминации должно быть важнейшей предпосылкой для того, чтобы

избавиться людей от неравенства на рынке труда и появления несправедливых преимуществ.

Особое место в системе экономической дискриминации села занимает проблема состояния сельской социальной инфраструктуры [1]. На протяжении десятилетий она в своем развитии заметно отставала от городской инфраструктуры. В результате такого отставания сельские территории ныне не относятся к так называемым «территориям опережающего развития». В отдельных регионах предпринимаются попытки исправления ситуации [6], однако сказывается груз допущенных ошибок и просчетов [3, с. 73]. Об этом свидетельствует рост безработицы на селе и сокращение сельского населения. Наиболее интенсивно рост безработицы происходи в 90-х гг. прошлого века. В нынешнем столетии ее интенсивный рост начался с вступлением Российской Федерации в ВТО [5, с. 208]. Что касается сокращения численности и динамики сельского населения, то они связаны с общей демографической ситуацией в стране. На начале 2020 г. сельское население РФ составляло 37,196 млн. чел., т. е. 26% от общей численности населения страны. Динамика в разных регионах оказалась различной. В Свердловской области, например, обнаружилась устойчивая тенденция к сокращению численности сельского населения: с 554 тыс. чел. в 2004 г., до 503 тыс. чел. в 2014 г. К 2019 г. оно сократилось до 456 тыс. чел., а к 2029 г. прогнозируется сокращение до 346 тыс. чел.[10, с. 258]. Не последним фактором этого сокращения стала экономическая дискриминация в сфере оплаты труда: средняя заработная плата в Свердловской области в 2019 г. составила 37,7 тыс. руб., в промышленности – 44,1 тыс. руб., а в сельском хозяйстве – только 29,6 тыс. руб.

Немаловажным обстоятельством, свидетельствующим об определенной дискриминации села является и низкая доступность кредитных ресурсов. В частности, в области ипотечного кредитования [5, с. 214–216]. Это часто объясняют более высокими рисками в сельском хозяйстве (по сравнению с промышленностью или сферой производства), длительными сроками окупаемости инвестиций, сравнительно низкой добавленной стоимостью в структуре стоимости сельскохозяйственной продукции и т. д. Но ясно, что без создания эффективного механизма кредитования аграрных производителей нельзя решить проблему продовольственной безопасности страны.

Однако ликвидировать практику трудовой дискриминации можно только снизив степень бюрократизма в системе управления. Дело в том, что бюрократия формирует нормативно-правовую базу для системы социально-трудовых отношений. И, соответственно, степень бюрократизации этой базы и ее исполнения (применения) прямо пропорциональна численности бюрократии. Рост этой численности вызывает и рост объема бюрократических процедур,

новые кипы разного рода документов и предписаний. В условиях постоянно растущей бюрократии люди «перестают пробовать что-либо; потребители испаряются; лучшие работники погружаются в апатию или голосуют ногами» [12, с. 30–31].

Именно бюрократия является основным источником трудовой дискриминации, поскольку ее благосостояние связано с получением, так называемо, административной ренты, которая представляет собой часть общего фонда оплаты труда и оказывается тем выше, чем меньше средств остается на оплату наемного труда. Поэтому ее сокращение объективно будет способствовать развитию трудового самоуправления и снижению угрозы трудовой дискриминации на предприятиях и в организациях.

В этой связи нуждается в немедленной корректировке современное действующее трудовое законодательство в части ограничения верхних пределов оплаты труда в системе управления и привязка этого уровня в оплате к качеству и эффективности самого менеджмента.

Литература

1. Баландин Д. А. Теоретические аспекты развития инфраструктуры сельских территорий / Д. А. Баландин // Журнал экономической теории. – 2018. – Т. 15. – № 3. – С. 443–448.

2. Горелов Н. А. Экономика труда / Н. А. Горелов. – Санкт-Петербург: Питер, 2007. – 704 с.

3. Милосердов В. В. Многострадальная судьба российского крестьянства / В. В. Милосердов. – Москва: Колос, 2010. – 83 с.

4. Радаев В. В. Экономическая социология / В. В. Радаев. – Москва: ГУ ВШЭ, 2005. – 603с.

5. Россия в ВТО: год после вступления / ред. В. А. Черешнев, А. И. Татаркин, М. В. Федоров. В 2- т. – Т. 2. – Ч. 2. – Москва: Экономика, 2014. – 600 с.

6. Семин А. Н. От доктрины – к действию / А. Н. Семин, С. М. Якимов, В. В. Блюхер [и др.]. – Екатеринбург: Издательство Уральской государственной сельскохозяйственной академии, 2010. – 149 с.

7. Синицина И. С. Польша: Новая экономическая политика / И. С. Синицына, Н. А. Чудакова // АПЕ. – 2019. – № 3. – С. 141–166.

8. Старкова О.Я. Региональный аспект эффективного использования земли в сельском хозяйстве / О. Я. Старкова // Вестник ПНИПУ. Серия: Социально-экономические науки. – 2017. – № 3. – С. 203–211.

9. Стожко Д. К. Естественноисторические факторы повышения конкурентоспособности аграрной экономики России / Д. К. Стожко, К. П.

Стожко // Аграрный вестник Верхневолжья. – 2017. – № 3 (20). – С. 115–125.

10. Стожко Д. К. Модернизация российской экономики: История. Теория. Практика / Д. К. Стожко. – Екатеринбург: Издательство Уральского университета, 2020. – 412 с.

11. Стожко К. П. Теоретическая экономика / К. П. Стожко, Л. Н. Шабатура. – Екатеринбург: Издательство Уральского университета, 1997. – 596 с.

12. Уотермен Р. Фактор обновления. Как сохраняют конкурентоспособность лучшие компании / Р. Уотермен. – Москва: Прогресс, 1988. – 368 с.

13. Ялдань Хоу. Состояние и направления развития трудовых отношений в Китае / Хоу Ялдань // Экономика. Профессия. Бизнес. – 2018. – № 2. – С. 97–102.

Т.В.Бурцева
кандидат экономических наук, доцент,
кафедра инфекционной и незаразной патологии,
Уральский государственный аграрный университет;
В.Н.Лавров В.Н.
доктор экономических наук, профессор,
кафедра менеджмента и экономической теории,
Уральский государственный аграрный университет

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ФОРМИРОВАНИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО КАПИТАЛА В АГРОПРОМЫШЛЕННОМ КОМПЛЕКСЕ

Аннотация: В статье рассматриваются политико-экономические аспекты формирования и развития человеческого капитала в условиях макроэкономической нестабильности и неопределенности. Особое внимание уделено трансформации современной рыночной экономики в контексте глобального экономического кризиса и перехода РФ к новому технологическому укладу. На основе регионального анализа раскрыта специфика развития человеческого капитала на территории Среднего Урала.

Ключевые слова: предпринимательство, сельское хозяйство, хозрасчет, человеческий капитал, экономика,

В современных условиях роль человеческого капитала все более становится решающей для обеспечения устойчивых темпов развития национальных экономик. Дело в том, что современное общество переживает не только переход к принципиально новому технологическому укладу, основанному на информационных технологиях, но и период качественного изменения самого типа общественного производства. Речь идет о перехода от модели «бережливого производств» к модели «быстрореагирующего производства», об ускорении всех производственных, технологических и социально-экономических процессов.

Убыль населения в стране, массовая миграция сельского населения в мегаполисы, стремительное старение населения, сокращение работоспособного населения на селе, а также другие негативные процессы ставят вопрос о сохранении и воспроизводстве сельского человеческого капитала на первый план в экономической политике государства. Потому что на многих сельских территориях отмечается «неблагоприятная ситуация для привлечения, преумножения и сохранения человеческого капитала» [1].

Сельскохозяйственная отрасль и АПК в целом в любой стране исторически и по определению не могут работать и функционировать исключительно по законам рыночной экономики, так как принцип самоокупаемости полностью мог быть реализован только в условиях натурально-экономического хозяйствования.

При переходе к капиталистической системе ценообразования, без дотаций и других выплат из бюджета государства, производство и реализация сельхозпродукции становится однозначно убыточной [2]. Поэтому спасти такие предприятия от банкротства возможно лишь за счет экономии зарплаты и других элементов затрат в процессе производства продуктов питания, сырья, а также прочих товарных услуг в системе АПК.

Реалии 21-го века с великой очевидностью показали, что оптимальные инвестиции и прямые дотации со стороны государства делают аграрный сектор важной точкой экономического роста и превращают его в развитый кластер роста экспорта продуктов питания и сырья глубокой переработки [3]. Так, например, аграрные отрасли промышленно-развитых стран, таких как США, Канада, Австралия, КНР, Италия, Испания, Франция и др. получают доход от экспорта сельхозпродукции и пополняют бюджет государства равный величине выручки от туризма [4].

Таким образом, управлять сельским хозяйством, а точнее субъектами аграрного хозяйствования государственным чиновникам следует с учетом и поправкой на то, что эта отрасль стопроцентно рыночной не является, а потому требует, чтобы данный малорыночный сектор развивался по особому

государственному плану [5]. Данный план и программа должны быть обсуждены руководителями регионов и утверждены министерством сельского хозяйства Российской Федерации.

Самая большая сложность заключается в том, что институты фермерства и мини-фермерства могут принимать самые разные правовые формы и быть по экономико-юридическому содержанию частным, получастным, смешанным и чисто государственными. Именно организаторско-правовая форма определяет вид и субъектности хозяйствования, а значит, позволяет относить каждое данное предприятие к тому или другому классу (экономическому институту хозяйствования). Отсюда и вытекают возможности легитимного субсидирования и инвестирования каждого данного «фермера-собственника» в регионе [6].

Пять принципов хозрасчета, совпадающих с рыночными принципами предпринимательства, свидетельствуют о том, что они хороши и истинны, но не для всех институтов собственности.

Трехсекторная модель смешанной экономики, которая присутствует во всех государствах и территориях планеты «земля» очень органично относит аграрный сектор к нерыночному институту особой дополнительной социальной и экономической опеки (помощи) со стороны государства.

К нерыночным (малоокупаемым) секторам экономики исторически и логически принято относить не только аграрный сектор, но также институты министерства образования, институты здравоохранения, фундаментальную науку и институты физкультуры и спорта

Такой подход принципиально важен с точки зрения методологических особенностей планирования, финансирования, регулирования и управления государством вышеназванных секторов, отраслей и институтов. Это и есть, по сути дела, главная ответственность и забота государственных учреждений по сбережению народонаселения, по сохранению качества рабочей силы.

Таким образом, рыночные сектора экономики, тем более частично рыночные смешанные с государственной собственностью не требуют особой опеки и вмешательства государства в их хозяйственную деятельность внутри страны и за рубежом.

Весь набор нерыночных институтов органически связан с интересами государства и общества и поэтому требует отеческого «пригляда» управления и постоянной социально-экономической поддержки, а иногда прямой помощи государственного бюджета для планомерной, пропорциональной хозяйственно-экономической деятельности в целях повышения эффективности благосостояния народонаселения [7].

Особую проблему составляет вопрос о разных климатических условиях выращивания сельхозкультур по регионам России. Кроме того, кадастровые (качество почвенно-земельных ресурсов) и экономические показатели ценообразования на земельные сельхозпродуктовые товары и услуги в разных областях и регионах бывшей российской империи сильно разнятся, и это приходится учитывать руководителям и самим сельхозминистерствам каждой данной территориальной единицы страны [8].

Административно-территориальная система управления областями, краями и автономиями Российской Федерации давно требует социально-экономического анализа и совершенствования. Должна быть пересмотрена и изменена налоговая, инвестиционная и инновационная политика правительства, парламента и президентского совета по снятию ограничений, по увеличению местных налогов за счет снижения отчислений в федеральный бюджет [9]. За счет решения транспортных, жилищно-коммунальных, социально-экологических и других проблем благосостояния народов Урала, Сибири, Дальнего Востока, а также северных территорий должно заметно возрасти и только в этом случае можно остановить миграцию населения на Запад и Юг Российской Федерации.

Демографические проблемы будут решаться только в русле вышеперечисленных мероприятий и направлений.

Социально-экономическая программа развития регионов РФ до 2030 года безусловно должна включать раздел под названием «Развитие агропромышленных комплексов регионов Российского государства» [22].

Хотелось бы особо отметить проблемные вопросы конкуренции и монополизма в системе взаимодействия крупных агрофирм, средних и мелких (мини-фермеров) сельхозпредприятий между собой и с банками, фондами, другими финансовыми учреждениями являющимися источниками, а также спонсорами кредитования всего АПК в государстве [9]. Практика последних двух десятилетий показывает, что главные деньги и льготы достаются крупным агрофирмам, выступающим в роли монополистов (олигополистов). С точки государственных интересов казалось бы, все справедливо и правильно: раз крупные агрофирмы имеют высокую производительность и выпускают львиную долю сельхозпродукции, то им, и («карты в руки»), нужно уделять основное внимание, - предоставлять льготы и дешевые кредиты в самую первую очередь.

Но если обратить внимание на такую закономерность с учетом эколого-экономических и внешнеполитических интересов российского государства, с учетом применяемых против нашей страны санкций, которые стали именовать «гибридной войной» со стороны США и ее зависимых партнеров, то

вырисовывается достаточно неприглядная ситуация последствий борьбы зарубежных конкурентов против нашего АПК.

Нельзя исключить ситуацию, когда в крупных предприятиях аграрных отраслей начнутся заболевания (пандемия), а падеж скота, птицы, свиней ит.д. Подобную альтернативу нельзя исключать в растениеводстве, семеноводстве и т.д. которые зависят не только от климатических особенностей и химических удобрений.

Вполне очевидно, что если разразится вышеназванный эколого-экономический кризис, то вероятность того, что мелкие и средние фермеры выживут и окажутся главными спасителями АПК. Именно поэтому проблема сохранения и укрепления человеческого капитала в сельских территориях неразрывно связана с малым и средним предпринимательством.

Государственная политика импортозамещения предполагает, что каждый хозяйственный субъект РФ будет исходит, прежде всего, из необходимости сельхозпродуктового и промышленного самообеспечения потребностей своего региона. Такая логистика небольшой «автаркии» вполне обоснована и помогает быстро и эффективно решить проблемы продовольственной и экономической безопасности страны и государства [11].

Несмотря на разнородность эколого-климатических зон (поясов), в которых расположены государственные и частные субъекты хозяйствования, главной задачей социально-экономической политики правительства является увеличение совокупного спроса населения в каждом регионе и удовлетворение его за счет произведенной здесь на месте сельхозпродукции.

И если названная задача полностью решается, то избыток продукции можно выгодно отправить на экспорт. Программа продовольственного и промышленного самообеспечения должна быть решена в первую очередь [12]. На практике разные области, которых в стране насчитывается более восьми десятков, решают поставленные задачи по-разному с разной степенью успешности [13]. Так, например, в «Программе социально-экономического развития Свердловской области 2011-2015 годы» по развитию агропромышленного комплекса были предусмотрены следующие мероприятия:

1) реконструкция действующих и создание новых производств в сельском хозяйстве и производстве пищевых продуктов;

2) оказание государственной поддержки сельхозтоваропроизводителям;

3) совершенствование и модернизация системы кормопроизводства и кормления животных, развитие кормовой базы и улучшение качества кормов;

4) совершенствование племенной и селекционной работы;

5) развитие материальной базы растениеводства, соблюдение научно-обоснованных севооборотов;

6) создание условий для развития рыбоводства;

7) внедрение новых, прогрессивных и экологически безопасных технологий, обеспечивающих глубокую, безотходную переработку качества, внедрение международных систем менеджмента качества и безопасности пищевых продуктов;

8) осуществление мероприятий по финансовому оздоровлению сельскохозяйственных товаропроизводителей;

9) содействие развитию малых форм хозяйствования в сельской местности, личных подворий граждан, реализации производимой ими продукции;

10) содействие подготовке кадров для агропромышленного комплекса.

Результаты:

1) рост валовой продукции сельского хозяйства в хозяйствах всех категорий с 41,2 млрд. рублей в 2010 году до 52,7 млрд. рублей в 2015 году в текущих ценах

2)поддержание уровня закупа молока у граждан, ведущих личное подсобное хозяйство, не ниже 12,5-13 тыс.тонн.

Данный раздел и программа в целом были утверждены законом Свердловской области [22].

В «Стратегии социально-экономического развития Свердловской области на 2016-2030 годы», утвержденной 15 декабря 2015 года, были сформулированы и приняты «направления социально-экономической политики Свердловской области на 2016-2030 годы по «Развитию АПК Свердловской области».

Целями реализации этого направления, (как сказано в этом документе), являются устойчивое развитие АПК и обеспечение продовольственной безопасности Свердловской области. В параграфе 24 документа перечислены основные задачи для достижения указанных целей:

1) увеличение доли потребления сельскохозяйственной продукции и продукции пищевой промышленности, произведенной на территории Свердловской области, в общем объеме потребления сельскохозяйственной продукции и продукции пищевой промышленности;

2) повышение инвестиционной привлекательности сельских территорий;

3) повышение эффективности функционирования агропромышленного комплекса и конкурентоспособности организаций агропромышленного комплекса;

4) содействие развитию малых форм хозяйствования в сельской местности, личных подворий граждан.

На решение поставленных задач направлен реализуемый в рамках государственной программы Свердловской области проект «Развитие агропромышленного комплекса».

Ожидаемыми результатами реализации указанного проекта являются:

1) увеличение обеспечения Свердловской области продукцией собственного производства: мясом и мясной продукцией с 55,3% в 2014 году до 72 % в 2030 году; молоком и молочной продукцией с 60,3 % в 2014 году до 80 % в 2030 году; овощами с 39,2 % в 2014 году до 44 % в 2030 году;

2) увеличение объема произведенной продукции сельского хозяйства с 65,9 миллиарда рублей в 2014 году до 95,3 миллиарда рублей в 2030 году;

3) увеличение объема произведенной продукции пищевой промышленности с 88,2 миллиарда рублей в 2014 году до 134,1 миллиарда рублей в 2030 году;

4) увеличение производительности труда в сфере сельского хозяйства с 1,6 миллиона рублей в 2014 году до 2,8 миллиона рублей 2030 году;

5) увеличение производительности труда в пищевой промышленности с 3,4 миллиона рублей в 2014 году до 5,4 миллиона рублей на человека в 2030 году [22].

Следует особо отметить, что названные задачи решаются в области достаточно успешно, а это свидетельствует о реальности утвержденных программ и планов. В этом же документе в параграфе 27 расшифровано очень важное направление реализации задач без решения, которых стратегия экономического развития данного региона неосуществима в принципе. Речь идет о необходимости своевременного решения экологических проблем Среднего Урала. В документе, имеющем правовое обеспечение, конкретно записано, что «целью реализации направления социально-экономической политики Свердловской области на 2016-2030 годы является «Устойчивое экологическое развитие Свердловской области» за счет снижения негативного воздействия хозяйственной и иной деятельности на окружающую среду. Основными задачами для достижения указанной цели являются:

1)совершенствование государственного экологического мониторинга состояния окружающей среды;

2) совершенствование деятельности по сбору (в том числе раздельному сбору), накоплению, транспортированию, обработке, утилизации, обезвреживанию и размещению твердых коммунальных отходов;

3) совершенствование деятельности по сбору, транспортированию, переработке, обезвреживанию и утилизации жидких бытовых отходов;

4) привлечение частных инвестиций в сферу утилизации твердых коммунальных и промышленных отходов;

5) поддержка внедрения энерго- и ресурсосберегающих технологий в промышленности, сельском хозяйстве, жилищно-коммунальном хозяйстве;

6) обеспечение безопасного обращения с отходами производства и потребления;

7) сохранение биологического разнообразия создание условий для устойчивого существования объектов животного и растительного мира, среды их обитания;

8) внедрение мер экономического стимулирования в сфере охраны окружающей средь, направленных на ограничение выбросов и сбросов загрязняющих веществ и микроорганизмов в окружающую среду, на увеличение доли утилизированных и обезвреженных отходов производства и потребления;

9) повышение эксплуатационной надежности гидротехнических сооружений (в том числе

бесхозяйных) путем их приведения к безопасному техническому состоянию.

На решение поставленных задач направлен реализуемый в рамках государственной программы Свердловской области проект "Чистая среда".

Ожидаемыми результатами реализации указанного проекта являются

1) увеличение доли площади территорий, занятых особо охраняемыми природными территориями федерального, регионального и местного значения, в общей площади территории Свердловской области с 7,6 процента в 2014 году до 8,08 процента в 2030 году;

2) снижение объема выбросов загрязняющих веществ в атмосферный воздух стационарными источниками загрязнения окружающей среды с 1021,2 тысячи тонн в 2014 году до 40 тысяч тонн в 2030 году;

3) снижение объема накопленных отходов производства с 8,9 миллиарда тонн в 2014 году до 7.6 миллиарда тонн в 2030 году;

4) увеличение доли переработки твердых коммунальных отходов по отношению к общему

‘объему их образования с 13 процентов в 2014 году до 80 процентов в 2030 году

5) увеличение доли утилизированных и обезвреженных отходов производства по отношению к общему объему их образования с 45,5 процента в 2014 году до 65 процентов в 2030 году;

6) осуществление сбора (в том числе раздельного сбора), накопления, транспортирования, обработки, утилизации, обезвреживания и размещения твердых коммунальных отходов во всех муниципальных образованиях, расположенных на территории Свердловской области;

7) осуществление сбора, транспортирования, переработки, обезвреживания и утилизации жидких бытовых отходов во всех муниципальных образованиях, расположенных на территории Свердловской области [23].

Задача по увеличению доли потребления сельхозпродукции произведенной на территории собственного региона имеет несколько вариантов решения и упирается в проблему повышения качества производимой и переработанной продукции [16]. Качество продуктов питания, их экологическая «чистота» превратилась в проблему общегосударственного масштаба. Такие вопросы не стояли на повестке дня в «советское время», ибо целью, так называемого «социалистического производства», не являлась «максимизация прибыли». Увеличение объема прибыли за счет снижения, или сохранения на прежнем уровне качества (экологического качества) не могло быть целью субъекта хозяйственной деятельности на любом уровне общественного воспроизводства в отраслях группы «А» или в отраслях группы «Б» [20].

Именно проблема качества товаров и услуг встала во весь рост в регионах Российской Федерации в процессе формирования развитых рыночно-капиталистических отношений. Официальные и неофициальные законы конкуренции не в состоянии положить пределы монополистам, имеющим большие финансовые накопления и связи с государственными чиновниками регионального и федерального уровня [21].

Решение вопросов роста производства и повышения показателей эффективности в системе АПК тормозится несовершенством законодательства в сфере методов и методологии экономической оценки земли в целях сельхозиспользования и в несельскохозяйственных целях. Кроме того, вызывает много вопросов в контексте решения проблемы сохранения человеческого капитала в сельских территориях и концентрация крупной земельной собственности, монополизация земли крупными агро-холдингами и иными структурами.

Экономическая оценка и цена земельных ресурсов напрямую влияет на систему арендных отношений, на цену товаров, услуг и цену квадратных метров жилых новостроек, коммунальных услуг и на базу налогообложения. Земельная рента, банковский процент, норма прибыли (рентабельность) аграрных и промышленных предприятий связаны причинно-следственной логической экономико-правовой цепочкой. Следует особо подчеркнуть, и что увеличение затрат т.е. прямых и косвенных расходов на улучшение качества окружающей природной среды объективно повышает себестоимость продукции, а значит и ее цену. Кроме названного объективного фактора, рост цены на конечную продукцию является следствием увеличения затрат на

сохранение и повышение качества товаров и услуг аграрного и промышленного производства [17].

Таким образом, несмотря на характерные социальные и экономические противоречия политика, имеющая цель продуктовое самообеспечение с элементами натурально-экологического продолжает реализовываться в соответствии с правительственной программой импортозамещения в системе воспроизводственных процессов регионов и всего народнохозяйственного комплекса российской макроэкономики.

1. Повышение инвестиционной привлекательности мероприятий по финансовому оздоровлению сельскохозяйственных предприятий и организаций.

Стратегические задачи государственной политики по разработке механизма, моделей, источников роста объемов, видов и методов финансирования проектов и стартапов в регионах российской федерации решаются, к сожалению медленно и не в полных параметрах.

Методологическое обоснование данной стратегии показывает, что высокие темпы развития аграрного производства создают наиболее совершенную инфраструктуру для повышения конкурентоспособности промышленных изводящих предприятий и предприятий серы услуг [15]. Борьба за кластеризацию и формирование новых точек экономического роста объективно требует главного внимания правительства страны и госкорпорации к вопросу оптимально-максимального финансирования сельскохозяйственных товаропроизводителей.

Так, например, в настоящее время в регионе под названием «Свердловская область» ведущими кластерами и «точками экономического роста» принято называть «Белую металлургию», «Титановую долину, «Фармацевтику (фармакологию)», «Крупное аграрное фермерство» и др.

Все вышеназванные кластеры находятся в стадии дальнейшего инновационного маркетингового формирования, и главная проблема организаций и предприятий указанных отраслей, - это нехватка финансирования и несовершенство законодательства в сфере налогов и землепользования.

Именно эти проблемы тормозят развитие товаропроизводства и полнометражный выход, (в частности) продукции АПК Свердловской области на зарубежные рынки. В более широком макроэкономическом смысле предприятия АПК имеют большие транспортные издержки из-за плохих дорожных покрытий; растут издержки по причине рейдерского ценообразования и «ножниц цен» на продукцию сельхозпроизводства в конкретном месте производства и розничными ценами в городских

агломерациях (магазинах и рынках). Особо следует подчеркнуть беспрерывный рост расходов агропредприятий на уменьшение и ликвидацию экологических загрязнений.

Понятно, что без ужесточения контроля за выполнением законодательных нормативов «ПДВ», «ПДК», «ПДД», «ПДС», «ПДП» т.е. выбросов загрязняющих веществ в атмосферную и водную среды ситуация не улучшиится [24].

С точки зрения инвестиционной привлекательности регионов необходимо указать на нерешенность проблемы правовых вопросов «продажи» «непродажи» земли, сдачи земельных площадей в аренду, на определенных условиях и на определенный срок. По нашему мнению, в вечное пользование с некоторыми оговорками землю можно продавать лишь в особых случаях; вся остальная земля с ее фауной и флорой может и подлежит сдаче в аренду на достаточно длительный срок при участии и контроле государственных (муниципальных) органов за не нарушением условий аренды [18].

Думается, что твердые гарантии государства по невмешательству в процессы землепользования смогут изменить инвестиционный климат в отдельных регионах и стране в целом. Кроме того, до сих пор обсуждается вопрос о снижении ставки налогов, и в частности «НДС» (налоговая на добавочную стоимость) для предприятий АПК, в первую очередь.

Только снижение налогов в результате реформы налогообложения для сельхозпроизводителей во многом и достаточно быстро изменяет картину в инвестиционно-инновационной хозяйственной деятельности на всех уровнях управления и производства аграрно-промышленного комплекса в российских регионах великого государства.

Таким образом, не за горами ситуация, когда мини, среднее и крупное фермерство превратится в один из самых модных видов бизнеса в Российской Федерации [19].

Инновационная деятельность предприятия – это вид деятельности, связанный с превращением идей в новый или усовершенственный продукт, в новый или усовершенственный технологический процесс, в новый подход к социальным услугам [9].

Что касается инвестиций, то с точки зрения экономики инвестиции – это расходы на создание, расширение, реконструкцию техническое перевооружение основного капитала, а также связанные с этим изменения оборотного капитала. С точки зрения финансов инвестиции – это все виды активов, вкладываемых в хозяйственную деятельность в целях получения дохода.

Итак, инвестиционная деятельность по вложению и реализации инвестиций. Поэтому капиталообразующие инвестиции, - это вложения в новое строительство, расширение, реконструкцию, техническое перевооружение и поддержание действующего производства, а также вложения средств в создание товарно-производственных запасов, прирост оборотных средств и нематериальные активы. Более кратко капитальные вложения, - это затраты материальных, трудовых и денежных ресурсов, направленные на восстановление и прирост основных фондов.

Источниками финансирования на предприятии АПК могут выступать:

- во-первых, внутренние источники (кредиторская задолженность, амортизационные отчисления, прибыль, накопления);
- во-вторых, заемные средства (банковские кредиты, бюджетные ссуды);
- в-третьих, привлеченные средства (от продажи ценных бумаг), паевые взносы трудового коллектива, иностранные инвестиции).

Все эти средства необходимо направлять, в первую очередь, ра развитие человеческого капитала, на создлание необходимых условий для расширенного воспроизводства сельского населения и роста его производительных способностей [25].

В заключение следует подчеркнуть, что проблема импортозамещения в аграрных и аграрно-промышленных отраслях может быть оптимизирована, если присутствует система (как перечень логически взаимосвязанных условий) реализации инвестиционно-инновационных факторов в модуле законодательно оформленной государственной стратегии развития АПК регионов России.

Литература

1. Ведьманова О.О., Конокоткин Н.Г., Огарков А.П. и др. Человеческий капитал сельских территорий // Московский экономический журнал. 2019. № 11.
2. Кейнс Дж.М. Избранные произведения: пер. с англ. М.: Экономика, 1993.- 540 с.
3. Портер М. Конкуренция: пер. с англ. М.: Издательский дом «Вильямс», 2000. - 495 с.
4. Макроэкономика: учебник / М.Л. Альпидовская и др. Ростов-на-Дону: Феникс, 2017. - 411 с.
5. *Кондратьев* Н.Д. *Избранные сочинения.* М.: Экономика, 1993. - 543 с.
6. Вечканов Г.С. Экономическая теория. СПб: Питер, 2019.- 512 с.
7. Эрхард Л. Благосостояние для всех: пер. с нем. М.: Начала-Пресс, 1991. - 336 с.

8. Лавров В.Н. Сбережения российского народа и национальная экономика // Экономические реформы в России: к 110-летию аграрной реформы П.А. Столыпина. Екатеринбург: Ажур, 2017. С.125-137.

9. Попов Р.А. Антикризисное управление. М.: Высшая шола, 2016. - 429 с.

10. Юн Г.Б., Таль Г.К., Григорьев В.В. Словарь по антикризисному управлению. М.: Дело, 2010. - 448 с.

11. Пирамонов П.Ф. Организационно-экономические проблемы адаптации сельскохозяйственных товаропроизводителей к рыночным условиям хозяйствования Краснодар: КГАУ. 2008. - 548 с.

12. Нечаев В.И., Парамонов П.Ф., Халявка И.Е. Экономика предприятий АПК. СПб: Лань, 2016. – 464 с.

13. Курнышев В.В. Региональная экономика. Основы теории и методы исследования. М.: КНОРУС, 2014. -272 с.

14. Семин А.Н. Макроэкономическое планирование и прогнозирование. М.: КНОРУС. 2016. – 308 с.

15. Коуз Р.Г. Природа фирмы // Вехи экономической мысли. Ч.2. Теория фирмы.

16. Стратегический менеджмент / под ред. А.Петрова. – СПб.: Питер, 2015. – 400 с.

17. Лавров В.Н., Пономарева С.И., Бурцева Т.В. От аграрно-промышленной экономики к экономике рыночного капитала. // Аграрный вестник Урала. 2019. №3. С.68-72.

18. Валдайцев С. В. Оценка бизнеса: Учебник. - М.: ТК Велби, Изд-во Проспект, 2017. – 352 с.

19. Есипов В.Е., Маховикова Г.А, Терехова В.В. – Оценка бизнеса. СПб.: Питер, 2018. – 464 с.

20. Оценка недвижимости / под ред. А.Г. Грязновой, М.А. Федотовой. М.: Финансы и статистика. 2016. – 496 с.

21. Савицкая Г.В. Анализ хозяйственной деятельности. М. ИНФРА – М, 2012. - 245 с.

22. Рязанов С. Пока еще не поздно (об оздоровлении национальной экономики). / Аргументы недели. 2020. №18 (712). С. 3.

23. Распоряжение правительства Российской Федерации от 12 апреля 2020 года N 993-р «Об утверждении «Стратегии развития агропромышленного и рыбохозяйственного комплексов Российской Федерации на период до 2030 года» [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://docs.cntd.ru/document/564654448

24. Проект «Чистая среда» в рамках государственной программы Свердловской области [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://tagilcity.ru/news/economy/25-02-2019/25-mlrd-budut-napravleny-na-realizatsiyu-proekta-chistaya-sreda-v-sverdlovskoy-oblasti

25. Мусаев Т.К., Исбагиева Г.С. Формирование условий для населения как фактор развития сельских территорий // Вестник Северо-Кавказского федерального университета, 2017. № 2 (59). С.86 - 92.

А.П.Ветошкин
доктор философских наук, профессор,
кафедра философии, социологии и муниципального управления,
Российский государственный университет транспорта;
К.П.Стожко
доктор исторических наук, профессор,
кафедра философии,
Уральский государственный аграрный университет.

ФИЛОСОФИЯ ЛИЧНОСТИ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ: К ВОПРОСУ ОБ «ОТВЕТСТВЕННОМ ЧЕЛОВЕКЕ»

Аннотация: В статье раскрывается сущность понятия «ответственного человека». Показаны разные философские подходы к определению социальной ответственности личности. Дан авторский анализ основных тенденций и характера процесса формирования нового типа личности в современных условиях. Выявлены конкретные признаки социальной ответственности и осмыслены основные идеи ее формирования, содержащиеся в сочинениях Ф.Бэкона, В.Гете, И.И.Лапшина, Д.Локка, С.Л.Франка, М.Шеллера, Ш.Шнейдера и др.

Ключевые слова: индивид, личность, межличностное взаимодействие, общество, социальная ответственность

В условиях глубоких социальных, политических и экономических трансформаций, которые переживает современный мир, существенно меняются и научные, прежде всего, философские представления о человеке, о его сущности. Эпоха индустриализма и постиндустриализма способствовала созданию образа «рационального человека», максимизирующего свою выгоду (прибыль), и минимизирующего затраты. Однако в условиях перехода к новому типу общества - «обществу риска», такой сугубо рационализированный подход

уже не дает ответов на вопросы о причинах и последствиях многих антропологических трансформаций. А потому и традиционный взгляд на философию как на системно-рационализированное мировоззрение оказывается ограниченным [1].

Каждая новая ступень в развитии общества порождает свои проблемы, противоречия и кризисные ситуации, разрешение которых требует новых подходов. Информационное общество в условиях постиндустриального развития выдвигает на передний план в первую очередь именно *социокультурные* вопросы. Творческий акт и личная ответственность начинают играть решающую роль в преодолении одиночества, личностной заброшенности, отверженности. Для актуализации личной социальной ответственности в рамках творческого акта все большее значение начинают приобретать следующие способности личности: 1) умение отличать главное от второстепенного; 2) умение четко представлять и формулировать интересы каждого человека; 3) стремление опираться на собственные силы; 4) умение рисковать (измерять и определять риски); 5) умение обрабатывать информацию; 6) эмоциональная зрелость и устойчивость, опора на высшие эмоционально-ценностные установки и нормы; 7) умение подходить к проблеме с разных точек зрения; 8) готовность к переменам (антикризисный подход, предусмотрительность); 9)реализм (адекватное восприятие действительности); 10) наблюдательность; 11) стремление выйти из проблемной ситуации, увидеть ситуацию шире, в контексте более крупной совокупности явлений; 12) взаимопонимание; 13) дальновидность (понимание логики и перспектив развития); 14) умение извлекать положительный опыт из всего происходящего (в том числе и из ошибок); 15) оптимизм; 16) критическое отношение к самому себе [2, с. 105-110].

К сожалению, этот - далеко не полный перечень личностных свойств, опосредующий процесс формирования социальной ответственности субъекта деятельности. Кроме того, когда мы начинаем рассуждать о *совпадении* или *несовпадении* отдельных (тех или иных) проявлений социальной ответственности (безответственности) личности, о транспарентности хотя бы названных выше шестнадцати свойствах личности, то обнаруживается, что: а) существует определенная несовместимость и несовпадения между различными свойствами личности; в) существует некая разница между понятиями *совпадение* и *совместимость*. Более того, *совместимость* может быть *полной* и *частичной*, в связи с чем *совпадение* правомерно, на наш взгляд, рассматривать как проявление *полной совместимости*. Частичная совместимость характеризуется не совпадением (идентичностью) характеристик (свойств) предмета, а их *взаимной дополняемостью*. Собственно говоря, именно поэтому

общий тренд в развитии феномена социальной ответственности личности сегодня связан с практикой *делегирования полномочий* сверху вниз и передачи ряда функций от одного человека - другому. С одной стороны, это свидетельствует о продолжающемся процессе дифференциации и общественного разделения в процессе деятельности, а с другой стороны – доказательство нарастающего иждивенчества и несамостоятельности личности. Люди не просто привыкли, что ими управляют (направляют, нацеливают, мотивируют, контролируют и т.д.). Современный человек перестал *ответственно* стремиться к самостоятельности, к самоуправлению, к самореализации.

А ведь в контексте развития личностного самоуправления такая «иждивенческая» эволюция индивида оказывается невозможной, поскольку субъект и объект самоуправления, как известно, совпадают в одном лице, т.е. оказываются полностью идентичными (интерсубъектными) [3, с. 11-12].

Если использовать фундаментальный принцип *взаимной дополняемости* (Н.Бор), то можно обнаружить *процессуальный* характер феномена социальной ответственности личности, которая отнюдь не есть омертвленное (статичное) равновесие между интересами и ценностями самой личности, с одной стороны, и общества, с другой стороны. Такое равновесие *динамично*, т.е. выступает как процесс постоянного согласования интересов личности и общества, регулярной их верификации, переоценки ценностных координат, в рамках которых такое согласование происходит. Поэтому социальная ответственность субъекта деятельности не сводится только к его ответственности за свои поступки она гораздо шире и глубже, поскольку включает в себя еще и *априорный* момент согласования *чувства* ценности и *суждений* ценности, понимания интересов и потребностей. Уяснение мотивационной стороны действия, предваряющей само действие, есть непременное условие адекватного понимания самой социальной ответственности личности.

Как справедливо отмечал И.И.Лапшин, личность стремится к самоутверждению через свои поступки и ей свойственно поступать таким образом, чтобы осуществлять такое самоутверждение. Но из этого вовсе не следует, что личность изначально находится в антагонистическом противостоянии с обществом. Или что ее *логический акт утверждения* («да, это так, это соответствует моим интересам» и т.д.) должен выводиться из *аппетивных* реакций, а *логический акт отрицания* («нет, это не так, это – не для меня» и т.д.) – из *репульсивных* реакций.

Критикуя немецкого философа и исследователя культуры Г.Шнейдера за фактическое сведение *чувства* ценности к *суждению* о ценности, а *суждения* о ценности - к *самопроизвольному* целеполаганию, И.И.Лапшин не случайно

обращал внимание на имеющееся противоречие между *аффективными* и *эффективными* наклонностями личности. Возражая против психологизации вопроса о творческих (субъектных) способностях личности, он полагал, что субъектные свойства должны быть направлены на то, чтобы быть «*достойным* членом всечеловеческого братства» [4, с. 199-201]. Итак, мы сталкиваемся еще с одним аспектом интерпретации личной социальной ответственности – личным *достоинством.* В работах С.Л.Франка, И.А.Ильина, И.И.Лапшина и ряда других отечественных исследователей личное достоинство рассматривается как соответствие личности как субъективной реальности некоей сверхличностной (духовной) объективной реальности.

Но и здесь творческий акт личности необходим: необходимо сначала освоить эту духовную объективную реальность; далее ее необходимо перевести в субъективную операциональность; наконец, необходимо ее актуализировать в предметном бытии, т.е. воплотить в деятельности. И здесь проблема совпадения, совместимости различных характеристик личности, ее различных свойств и способностей становится ключевой.

Таким образом, *смысл* понятия *совпадение* (принципов, форм, способов социального действия личности и общества) оказывается неразрывно связан с категорией *достоинства*. Быть социально ответственным означает быть *достойным* членом общества. В категории *достоинства* обращает на себя внимание сама структура термина: *до*-стояние, *до*-стоять. Приставка *до* как раз и указывает на изначально (*априорную*) природу социальной ответственности личности, которую нельзя отождествлять с какой-либо санкцией (наказанием или вознаграждением). В связи с этим уместно предположить ее (социальной ответственности) *альтруистическую* (бескорыстную) природу. Если мы примем такое допущение (как настаивал И.А.Ильин), то сразу становится очевидной социально-онтологическая разница между социальной ответственностью личности, осуществляющей творческий акт, и личностью, руководствующейся при осуществлении творческого акта мотивами корысти и эгоизма. Социальная ответственность личности субъектов деятельности может (и должна) регламентироваться нормами права (административного, гражданского уголовного и т.п.). Но возникает закономерный вопрос о том, каким образом регламентировать социальную ответственность личности, если по своей природе она альтруистична? Вряд ли можно отрицать само указанное допущение (об альтруистической природе *реальной* социальной ответственности личности) только на том основании, что все наши суждения (в том числе и о ценности) имеют некую логическую принудительность, а наш собственный интерес будто бы для нас первичен («своя рубашка ближе к телу»). Но точно также было бы преждевременным выведение этой

альтруистической природы феномена личной социальной ответственности из морали, которая, как известно, является продуктом исторического развития общества и потому, по отношению к личности, выступает как нечто внешнее (опять-таки логически принуждающее).

И здесь мы вновь возвращаемся к понятию *совместимости*. Сам смысл данного понятия указывает на совместный характер регламентации, о которой шла речь выше. Регламентировать социальную ответственность *линейно*, сверху – вниз, объективно бесперспективно, поскольку при таком характере регламентации снимается (а точнее было бы сказать, загоняется вглубь) проблема *совместимости* (интересов и ценностей личности и общества). Такой подход постоянно содержит угрозу конфликта, что и происходит на поверхности социальных отношений. Когда при таких социальных бифуркациях разрушаются доверие, взаимопонимание, сопричастность, то происходит аберрация ценностных ориентаций личности, когда понятия *патриотизма, авторитета власти, дисциплины* перестают быть ценностными понятиями (установками). В одних случаях такая аберрация носит спонтанный характер, в других ситуациях – перманентный. Но здесь следует вспомнить о том, что именно *соответствие целей и способов действий* личности, общества и власти является основополагающим условием для развития *реальной* и *формальной* социально ответственности. Но здесь необходимо постоянно помнить о том, что «духовное не может быть сведено к тривиальным проявлениям сознания во всем диапазоне его функционирования» [5, с. 36]. Иначе говоря, стремление формировать личную социальную ответственность путем придания максимально общественного характера творческого акту (например, правовому творчеству) не является гарантией достижения поставленной цели.

Имеется и другой уровень формирования социальной ответственности личности – межличностное взаимодействие. Здесь также постоянно обнаруживается несовпадение целей и средств их достижения, которые использует каждая из сторон социального взаимодействия. Ведь уже классическими примерами стали ситуации, когда мать пытается успокоить больно ударившегося ребенка, предлагая ему жвачку или леденец или более сложные случаи, когда делегированные сотрудникам права не совпадают с перечнем обязательств (рассматриваемых порой как синоним их персональной ответственности), установленных ранее *за* низ и *до* них. Все это – звенья одной цепи, проявления деформации межличностных коммуникаций. И здесь возникают обоснованные сомнения в правомерности применения известного *закона экономии* к сфере социального взаимодействия. Данный закон, основные версии которого разрабатывали еще Ф.Бэкон, Д.Локк, Д.Юм и др., получил

слишком гипертрофированное значение в отношении формирования основных правил социального взаимодействия между людьми. Требование достигать наибольших результатов при наименьших затратах оказывается лишь количественной характеристикой социальных процессов, ничего не говорящей нам об их качестве. Аристотелевская идея о том, что «смысл жизни состоит в счастье дарения, а не в эгоизме присвоения» в значительной степени девальвируется столь рационализированным подходом к организации межличностного взаимодействия. И здесь мы вновь сталкиваемся с понятием *достоинство*. Социально ответственный характер межличностных отношений неразрывно связан с *достоинством* каждой личности. Собственно говоря, *достоинство* представляет собой тот идеальный рубеж личностной автономности и даже свободы личности, нарушение которого составляет опасность для самой социальной ответственности. Но следует помнить, что бывает *положительная* и *отрицательная* свобода, равно как *формальная* и *неформальная* свобода. «Ошибка некоторых мыслителей станет ясной, если различить понятие формальной свободы и положительной материальной свободы» – указывал Н.О.Лосский. Считая, что люди, обособляющиеся друг от друга посредством эгоизма, обладают «пониженной положительной свободой и ограниченной свободой действий», русский философ справедливо ставил вопрос о мере личной свободы в зависимость от способности личности к раскаянию. А само раскаяние он считал проявлением личной ответственности. Называя раскаяние санкцией высшего нравственного закона, русский философ полагал что «все бедствия, переживаемые нами, суть, таким образом, не внешние наказания, насылаемые на нас, а выражение и следствие нашего нравственного несовершенства».

Важное значение для формирования в себе социальной ответственности для личности имеет взвешенное (адекватное) отношение как к самому себе, так и к объекту (субъекту) своего социального (взаимо) действия. Точно так же, как абсолютизация объективной стороны этих межличностных отношений может привести к нравственным извращениям, к ним же может привести и абсолютизация субъективной стороны. Нравственное значение поступка определяется не только субъективными актами, но и тем, на что они направлены. Чрезмерная забота о самом себе порождает *фарисейство*. «Оно состоит в том, что человек делает «добро ради добра», а не из живой любви к человеку; он сосредотачивает внимание не столько на любимом или вызывающим сострадание существе, сколько на том, чтобы я был «добр», «праведен», «справедлив» [5, с. 127].

Полемизируя с М.Шелером, Н.О.Лосский справедливо полагал, что правило «поступай так, чтобы ты мог уважать себя» отнюдь не тождественно

правилу «относись к другому так же, как ты хотел бы, чтобы он относился к тебе». В первом случае речь идет о самоуважении, т.е. признании своего собственного достоинства, во втором случае – об элементарном расчете (приобретении имиджа, статуса, авторитета).

Однако, *самоуважение* может оказаться в противоречии с уважением - отношением к тебе со стороны окружающих. Оказывается, что поступать таким образом, чтобы иметь возможность *самооправдаться* в своих собственных глазах, вовсе не есть *достоинство* как таковое. Сотворив подлость, человек все равно пытается оправдать свои действия: так уж он устроен. Заявления о том, что его «бес попутал», или что «он не знал чего-то» звучат сплошь и рядом. Желая, чтобы мыслимый нами образ самих себя был для нас всегда хорош, некоторые из нас как раз и впадают в *фарисейство*. Смысл этого явления заключен в тотальном эгоцентризме, доведенном до крайней степени. Не случайно, поэтому Христос изгнал от себя фарисеев. Ибо, даже с позиций христианской морали, Бог должен быть *внутри* человека, а не *вне* него. Можно строить храмы из каррарского мрамора или страстно проповедовать закон божий, но при этом оставаться фарисеем, т.е. социально безответственным человеком. Точно также, можно декларировать цели построения Царства божьего на земле, понимая, что оно есть лишь на небесах: это и есть духовно и социально безответственное отношение.

В связи с этими рассуждениями о *достоинстве* личности (как основе формирования ее социальной ответственной), встает вопрос и о том, что же происходит с личностью в условиях *жертвенности*, когда личность абсолютизирует объект своей социальной связи, когда она полностью отказывается от самой себя ради ближнего?

Прежние представления о забвении своего «Я» как проявлении альтруизма, на наш взгляд, несостоятельны. Альтруизм вовсе не есть *жертвенное* отношение, он совершенно не тождественен фанатизму. Бескорыстие, лежащее в основе альтруистического поведения, означает лишь то, что человек не желает собственного благополучия *в ущерб и за счет других*. Но он, будучи вменяемым существом, существом социально ответственным, не может (и не должен) отказываться от своего собственного «Я» ради» Ты», «Они», «Мы». Социальная ответственность как раз и предполагает желание и умение личности разрешать (устранять) возникающие между «Я» и «Ты», «Мы», «Они» противоречия к общей (а не односторонней) пользе для всех. В таком «обоюдовыгодном» разрешении проблемы и состоит функция социальной ответственности. Прав был Д.И.Менделеев, когда говорил: «У научного изучения предметов две конечные цели: предвидение и польза» [6, с. 449].

Основным предикатом *достоинства* личности является ее *нравственный суверенитет*. Это означает, что личность должна быть в состоянии самостоятельно и ответственно осуществлять свой моральный выбор, выбирать для себя ценностные ориентиры, формулировать их в качестве мотивов собственного поведения. И хотя одной духовной любви и благих пожеланий (намерений) тут явно не достаточно, но именно *духовная любовь*, пожалуй, есть главная и наиболее фундаментальная основа для развития всего: самой личности, ее способности к осуществлению творческого акта и ее социальной ответственности. Духовно любить человека это не только любить ближнего или любить родное существо, желая им добра. Духовно любить – значит уметь отдавать другим часть *себя* и *своего*, уметь быть щедрым, уметь ценить самого человека выше любых артефактов. В связи с этим вспоминается фрагмент из романа В.Гюго «Отверженные», когда Жан Вальжан украл серебряную посуду у епископа Бьенвеню, а священник не только не сдал его жандармам, но, при очной ставке, даже подарил беглому каторжнику еще два серебряных подсвечника, упрекнув несчастного в том, что он *забыл* взять их. «Достоинство поступка монсиньера Бьенвеню состояло в любовном видении чужой души и открытии способа преобразить ее. Здесь прозорливость святого человека, отказ от своих прав, вся совокупность субъективных актов не может быть ни описана, не помышлена без тех объективных содержаний и ценностей, на которые она направлена» – указывал Н.О.Лосский.

Но кроме духовной любви необходима, как отмечалось выше, и *духовная свобода* личности, т.е. личная автономность, основанная и обусловленная ее духовным развитием. «Ответственность человека не только за мотивы своего поведения, но и за объективное содержание поступка, за осуществление его и следствия его можно обосновать еще и следующим образом. Нравственная ответственность возможна лишь в том случае, если существует свобода действия; отвечать можно только за то, что находится в моей власти». Свободу воли и свободу действий Н.О.Лосский правомерно различал: «Свобода воли состоит в том, что «Я» есть творческий *источник* своих хотений и решений, не вынуждаемый необходимо к проявлению их ни внешними условиями, ни даже своим эмпирическим характером. Совсем иной характер имеет свобода действия: она существует там, где возникшее хотение и решение не встречают *препятствия* для своего осуществления. Очень часто эти препятствия обусловлены обстоятельствами, лежащими вне моей власти; в таких случаях я, лишенный свободы действия, не ответственен за неисполнения своего доброго хотения» [5,с.450].

В контексте этих рассуждений возникает вопрос: будет ли человек, руководствующийся добрыми намерениями, но нарушающий закон,

установленный без его участия, *ответственен*: а) за такое нарушение; в) по существу? С правовой точки зрения – *да*, с точки зрения духовно-нравственной и социальной ответ может быть дан в зависимости от того, какой именно закон он нарушил, в какой степени нарушенный им закон соответствует субъективным его ценностям и объективным его интересам, равно как и ценностям и интересам других людей. Дело в том, что предметность закона и его форма – понятия различные. Предметность закона состоит в общественном признании личности, ее интересов и ценностей. Форма же закона может быть не только абстрактной, но и весьма противоречивой, что это признание нивелирует. И как тогда быть личности? Вспоминаются известные слова В.Гете: «Лишь тот достоин жизни и свободы, кто каждый день идет за них на бой».

Эти сова звучат актуально особенно в современных условиях, когда на смену традиционным формам социальных деструкций приходит новая форма - так называемое «цифровое рабство» [7]. В «обществе риска» (У.Бек) такое рабство постепенно становится своеобразной социальной инженерией, с помощью которых человек становится придатком техники, послушным потребителем и исполнителем чужой воли.

Отсюда следует, что, с одной стороны, социальная ответственность личности есть ее способность осуществлять творческий акт по эффективному проецированию своих ценностей и интересов в мир своего бытия, а, с другой стороны, воспринимать и усваивать ценности и интересы внешнего мира личностно, посредством духовного делания, работы со смыслами.

Для этого личность сама должна желать и уметь преодолевать угрозу духовного и социального отчуждения; она должна оставаться активным участником системы социального взаимодействия, самостоятельно создавать со стороны своего «Я» наиболее благоприятные условия для координации и оптимизации различных ценностей и интересов; она должна вовлекать конкретную (другую) личность и вовлекаться (включаться) сама в процессы нормотворчества, осуществлять свой творческий акт, способствовать реализации своих субъектных свойств.

Литература

1.Фролов Д.Е., Сомкин А.А., Сомкина А.Н., Стафеев А.В. Философия как современное системно-рационализированное мировоззрение // Гуманитарий. Актуальные проблемы гуманитарной науки и образования. 2019. Т.19. № 3. С.295-305.

2.Спивак В.А. Корпоративная культура: Теория и практика. – СПб.: Питер, 2001.

3.Стожко К.П., Тарасова О.В., Новожилов А.Е., Маяков Н.Н. Социальная диалектика предпринимательства: Личность. Самоуправление. Культура. Творчество. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та. 2005.

4.Лапшин И.И. Философия изобретения и изобретение в философии. – М.: Республика, 1999.

5.Ветошкин А.П., Стожко К.П. Философия экономики. Екатеринбург: Изд-во Российского государственного профессионально-педагогического университета, 2001.

5.Лосский Н.О. Условия абсолютного добра. М.: Политиздат, 1991.

6.Менделеев Д.И. Границ познания предвидеть невозможно. М., 1991.

7.Пивень П.В. Цифровое рабство или электронный рай // Век глобализации.2018. № 4. С.107-113.

А.П.Ветошкин
доктор философских наук, профессор,
кафедра философии, социологии и муниципального управления,
Российский государственный университет транспорта;
А.В.Шиловцев
кандидат исторических наук, доцент,
кафедра философии,
Уральский государственный аграрный университет.

ПРОБЛЕМА СОЦИАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ ЛИЧНОСТИ И СОВРЕМЕННАЯ ИДЕОЛОГИЯ

Аннотация. В статье рассмотрено влияние идеологии на процесс обеспечения социальной безопасности человека гражданина. Показано несоответствие современного идеологического плюрализма и задач укрепления социальной безопасности в современном российском обществе. Выдвинута идея о необходимости замены прежней либеральной идеологии и стратегии развития российского социума новой стратегией, в основу которой должны быть заложены универсальные ценности патриотизма и социальной безопасности.

Ключевые слова: идеология, индивид, личность, общество, патриотизм, социальная безопасность, социогенез.

В связи с внесением поправок в действующую Конституцию Российской Федерации особую актуальность представляют вопросы редактирования ст. 13

п.2, где сказано, что «никакая идеология не может устанавливаться в качестве государственной или обязательной». Представляется, что данная редакция не отвечает национальным интересам нашей страны, поскольку идеология патриотизма и идеи обеспечения национальной безопасности, в том числе и безопасности каждого конкретного гражданина страны, в такой редакции оказываются «не обязательными», выпадают из рамок правового поля.

Участившиеся случаи нестабильности в различных сферах общественного бытия, вызванные процессами глобализации, актуализируют внимание к явлению безопасности, как основы сохранения и развития любого социального организма. Наличие и появление различного рода новых локальных и региональных опасностей и угроз ставят под сомнение существование не только отдельных государств, обществ и народов, но, подчас, уже и самого человека. В условиях качественных изменений, происходящих на всех уровнях развития цивилизации, эта проблема настоятельно требует обновления теоретико-методологического осмысления категории «социальная безопасность», уточнения принципов научного исследования, понятийно-категориального аппарата и определения философии безопасности в контексте нового геополитического, геосоциального, геокультурного миропонимания. Социокультурный вектор безопасности может включать в себя три основных уровня рассмотрения: концептуальный (онтологический и гносеологический аспекты), практический (выражение жизненных потребностей) и ценностный (философия безопасности, культура безопасности, идеология безопасности) [1]. «Наша цивилизация достигла впечатляющих достижений в области науки, техники, образования, здравоохранения. <…> Но эта цивилизация породила глубочайшие глобальные кризисы, поставившие под сомнение само существование человечества. Преодоление этих кризисов требует смены прежней стратегии цивилизационного развития <…> придется пересматривать прежнюю систему ценностей и мировоззренческих установок, на которой базировался прогресс техногенной цивилизации»[5].

Феномен безопасности, являясь неотъемлемой составляющей всех этапов государственного социогенеза, приобретал различные, адекватные конкретному времени формы реагирования на возникавшие опасности, угрозы и риски. Цели, содержание и значение безопасного существования общества зависели от специфических факторов политической, экономической и культурной жизни государств. Естественно, что переход на каждый последующий качественно-системный уровень требовал обновления системы безопасного развития. Причем, это всегда вызывало особое состояние неопределенности, нестабильности и порождало появление новых опасностей и угроз.

Начало XXI века является новой переходной ситуацией для человечества и настоятельно формирует жизненно важную потребность активного поиска безопасного пути сохранения и дальнейшего развития, как самой цивилизации, так и человека как социального существа. На смену прежним идеологическим парадигмам отдельных государств, нередко провозглашавших нормой конфронтацию в отношениях, приходит осознание необходимости разработки общемировой глобальной системы безопасности на основе гуманизации отношений. Идеи нацизма, расизма и социоцентризма, отождествлявшиеся с некоторыми, якобы исключительными врожденными биосоциальными качествами, уже в XX в. показали свою полную историческую несостоятельность: человечество пережило две мировых войны и многочисленные локальные конфликты, в которых в общей сложности погибло около 100 млн. человек [3]. По словам П.Сорокина: «…война – это могучий фактор изменения поведения, который прививает населению рефлексы убийства, разрушения, обмана, насилия, возводя их в доблесть и заслугу, а исполнителей их квалифицируют как великих воинов. Мирная жизнь развивает продуктивную работу, творчество, а всякая длительная и жестокая война деградирует людей в морально-правовом отношении. Она биологизирует людей и представляет школу преступности и фактор криминализации людей. Любая война безжалостно уничтожает в биологически-расовом отношении самых лучших, оставляя выживать и размножаться второсортный материал»[4].

Проблема сохранения имеющегося полезного, с точки зрения обеспечения и продолжения жизни, потенциала, является важнейшей для человеческой цивилизации в целом. «Все это подтверждает необходимость новой концепции безопасности, изменение философии социума, нового видения расширяющихся возможностей человека» [6].

В теоретической основе категория «социальная безопасность» предполагает защищенность социальной сферы общества и государства от угроз, способных либо разрушить, либо обусловить ее деградацию. В этом случае объектами становятся люди, их законные интересы и потребности, общности и отношения, системы социализации (образование, воспитание, культура, быт) и жизнеобеспечения (здравоохранение, торговля, снабжение) человека. В повседневном понимании безопасность, как правило, отождествляется с представлением об определенном материальном достатке и благополучии, здоровье и защищенности от неблагоприятных природных воздействий и общественно-политического насилия.

Философия социальной безопасности ориентирована на ценностное предпочтение социальной практики и предполагает не только определенный уровень осознания сущностных противоречий бытия, но и конкретное

понимание онтологических основ социальной реальности. Сквозь призму онтологии социальная безопасность реализуется через особые чувства и состояние доверия к постоянству природного и социального мира, с которым люди себя идентифицируют[2].

С точки зрения самой сущности безопасность может рассматриваться как свойство любой живой системной организации (особь, индивид, группа), формирующееся на основе биологической или социальной адаптивной деятельности и выступающее как ее результат по предупреждению и нейтрализации угроз и обеспечению защиты. Следствием такого понимания являются два подхода к осознанию природы безопасности: 1) безопасность как проявление объективной природы живых систем сохранять свою целостность на основе саморегуляции с внешней средой и 2) безопасность как субъективная естественная защитная реакция или деятельность по созданию определенной среды для своего самосохранения.

Любая живая структура состоит из множества субъектов, создающих необходимые способы упорядочения и организации взаимоотношений, обеспечивающих самосохранение системы того или иного вида.

Для своего самосохранения человечество создало культуру (язык, письменность, мораль, право, науку, религию, искусство), социальность (иерархия социума, различные виды и формы взаимоотношений и объединений), политику (государство, власть, силовые структуры, фискальные органы), экономику (производство, торговля, финансы и т.д.).

Доминирующим элементом в социуме до начала процессов глобализации являлось государство, объединявшее в одно целое все элементы и являвшееся основным субъектом самосохранения. Философское осмысление безопасности (в том числе социальной), с одной стороны, ориентировано на выяснение конкретных источников различного рода опасностей, угроз и рисков, с другой – связано с раскрытием значимых структурных элементов системы, которые обеспечивают ее самосохранение и развитие в изменяющихся и нестабильных условиях.

В контексте философской категории отражения сущность безопасности может рассматриваться как социально обусловленное явление, связанное и с уровнем развития общественных отношений, и с уровнем человеческого сознания и самосознания.

Инстинкт самосохранения формирует как безусловные, так и условные рефлексы безопасного существования. Проблема самосохранения связана не только с возможностью защиты при использовании биологических и социальных средств, но и с созданием безопасной внешней и внутренней среды обитания, т.е. жизненно важных условий для развития человека. Как

показывает опыт мировой цивилизации, каждое сообщество формирует собственную систему безопасности, как правило, основанную на видовом генофонде, среде местообитания и характере доминирующих социальных отношений.

Безопасность, как качественное свойство организма и социальной системы реализуется через различные способы конкретной видовой жизнедеятельности. Для человека это, например, создание семьи, профессиональная деятельность, обучение, воспитание. Человек как биосоциальное существо появляется на свет с уже определенными базовыми свойствами безопасного существования, однако в процессе социализации в зависимости от реальности он обретает конкретные свойства своего социокультурного развития. Причем, сам человек будет ориентирован на сохранение общества, только в том случае, если оно в свою очередь будет заботиться о его безопасном существовании.

Идеология безопасности выстраивает безусловные (биологические) и условные (социальные) рефлексы безопасного или опасного существования на основе определенных установок, таких как ценности, интересы и потребности, которые непосредственно связаны с исторической культурной традицией и конкретной социальной действительностью. Помимо этого идеология безопасности должна соотноситься с тремя аксиомами жизни: 1) жизнь является самой высшей ценностью; 2) цель общества и государства – обеспечить безопасное развитие человека (правовые гарантии, достойные условия жизни, возможность продолжения рода); 3) безопасность одного общества не должна строиться за счет других.

Во многих государствах мира и в том числе, в России, доминирует идеология и практика развития, которая базируется на опасных для человека раздражителях: воспроизводство опасной для жизни среды обитания, деятельность СМИ, теракты, криминал и т.п. Весьма актуальной становится проблема формирования в политических и социально-экономических целях бизнес-сознания. В итоге трансформируется характер человеческого развития: если раньше человечество изменяло окружающий мир, то в результате возросшей антропогенной нагрузки на биосферу, приблизившейся к критическому уровню, оно перешло к изменению самого себя.

Различного рода опасности таит переход социума из технократического в информационное состояние. Люди, участвующие в формировании сознания очень быстро становятся элитой информационного общества. В результате возникает глубокое противоречие между такой «элитой» и основной массой населения, в силу специфики своей деятельности, не имеющей доступа к новым технологиям. Проявлением такого состояния является блокирование базовых безусловных рефлексов безопасности и распространение опасных для жизни

форм поведения: агрессивности, преступности, алкоголизма, наркомании, проституции, детской беспризорности, суицидов, а с другой стороны – увеличении затрат на индивидуальную безопасность.

Для безопасного цивилизационного развития социума современное государство должно обеспечить открытую обратную связь со структурами гражданского общества, кардинально изменить систему управления и систему контроля над средствами массовой информации. Вряд ли решение этой задачи состоится в обозримом будущем. Но движение к цели, к ее решению - это единственно верный путь для повышения безопасности современной цивилизации. И хотя история учит тому, что развитие имеет волновую природу и что современное общество находится в фазе рецессии и кризиса, время активного социального взаимодействия непременно наступит.

Эти и другие меры, ориентирование на обновление уровня и качества общественных отношений, смогут вывести развитие человечества на новый виток своего безопасного развития.

Литература

1.Викторов А.Ш. Социально-культурные основы философии безопасности (теоретико-методологические аспекты). // Вестник Московского университета. Серия 18: Социология и политология. 2010. №3. С.145-146.

2.Гидденс Э. Устроение общества. М. 2003. С.499;

3.Капица С.В. и др. Синергетика и прогнозы будущего. М. 2003 С.255.

4.Сорокин П.. Современное состояние России// Социология идеологии. М. 2005. С. 720-724, 754-756.

5.Степин А.С. Наука, религия и современные проблемы диалога культур. // Наука и религия. Междисциплинарный и кросс культурный подход. Научные труды. М. 2006. С.16-17.

6.Яновский Р.Г. Глобальные изменения и социальная безопасность. М. 1999. С.317.

А.П. Ветошкин
доктор философских наук, профессор,
кафедра философии, социологии и муниципального управления,
Российский государственный университет транспорта
С.Н. Некрасов
доктор философских наук, профессор,
кафедра философии,
Уральский государственный аграрный университет;
К.П. Стожко

доктор исторических наук, профессор,
кафедра философии,
Уральский государственный аграрный университет.

СВОЕОБРАЗИЕ СОВРЕМЕННОГО КАПИТАЛИЗМА И ПРОБЛЕМА ДЕГРАДАЦИИ ПРОИЗВОДСТВА

Аннотация: В статье дан развернутый анализ последствий приватизации в России, и ее влияния на социально-экономическую и демографическую ситуацию. Доказывается тезис о радикальном характере приватизации, и ее несоответствии национальным экономическим интересам страны. На фоне развития практики индикативного планирования и государственного регулирования в экономике индустриально развитых стран мира обосновывается необходимость пересмотра практики либеральной рыночной дезорганизации управления и восстановления институтов планирования и программирования. В связи с этим становится необходимым переосмысление содержания и роли принципа социальной справедливости в экономической политике государства и отказа сложившегося в последние десятилетия сценария «догоняющего развития».

Ключевые слова: приватизация, производство, олигархия, рынок, социализм, социальная справедливость.

Модель приватизации государственной собственности по образцу «шведского стола», когда можно было забирать любые предприятия любых отраслей лишь бы уничтожить плановую экономику и социализм, когда брали все, что могли или не могли проглотить – эта модель породила олигархическую систему, которая потом взяла под контроль политическую систему. В результате страны приватизации превратились в «банановые республики» и не была создана корреляционная зависимость между приватизированным экономическим потенциалом и социальным смыслом государства, защищающего права новых собственников от населения. Население в новом несоциальном государстве просто не видели. Оно было брошено на самовыживание: в так называемый бизнес и самозанятость.

Однако, история показывает, что нельзя было допускать ситуацию фрустрации, обреченности и заброшенности масс, да еще и продолжать это десятилетиями. Народ должен был видеть, что, хотя предприятия и принадлежат частным собственникам, часть денег переходит к каждому за счет

роста благосостояния и социальных гарантий – как в странах Персидского залива и Норвегии от продажи и добычи нефти. Поскольку в 90 гг. перед назначенными олигархами нуворишами был накрыт своеобразный «шведский стол» (известная турецкая технология), на котором вместо еды были предприятия, то они, как туристы, по программе «super all inclusive» набросились на все без разбора, доверху нагружая свои тарелки и заставляя ими стол на высоту человеческого роста. В результате получилось, что природные ресурсы оказались у одних, а производственные мощности, которые перерабатывают эти ресурсы, у других. Стихийное и вороватое перераспределение национального богатства произошло быстро, не системно, неэффективно и в ущерб национальным интересам, отбросив экономику страны на десятилетия назад.

Возникшие вопросы отношений между новыми собственниками они пытались решить с помощью олигархических войн и рейдерских атак, совсем как в комедии А. Балабанова «Жмурки». Комедия начинается с современной университетской лекции о способах первоначального накопления капитала, а сам сюжет демонстрирует эти кровавые способы, в которых проигрывает тот, кто зажмурился.

Социалистическая уникальная модель экономики СССР предполагала, что при плановой экономике производительные силы размещались в соответствии с территориально-экономическим районированием. Все, что нужно было сделать, это трансформировать эти территориально-производственные комплексы в целостные территориально-экономические кластеры и перевести их из планово-административной экономики на рельсы планово-рыночной экономики. Иными словами, ввести в экономике страны элементы рыночной саморегуляции (конкуренция) и сочетать их с элементами планирования (стратегическое регулирование). Но, как часто это случается при поспешности и непродуманности действий, «вместе с водой из ванны выплеснули и ребенка» - отказались от накопленного позитивного опыта макроэкономического планирования и регулирования, бросившись в бурное море с надеждой «свободно поплавать». Вот и «поплавали». По признанию П.Бьюкенена «ни одно европейское государство не находится в такой катастрофической ситуации, как Россия. Численность населения в той стране должна снизиться к 2050 г. с нынешних 147 млн. чел. до 117 млн. чел. Русские вымирают, а население Китая вырастет за этот же период на 250 млн. чел. И они не останутся дома…» [1, с. 145].

Начиная с 90-х гг. XX века, с момента «запуска» рыночных реформ Е.Гайдар, Россия вступила в устойчивую фазу депопуляции, которая продолжается уже три десятилетия.

Среднегодовые темпы убыли населения в стране составили 0,35% в 1995-2000 гг., 0,58% в 2000-2010 гг., 0,62% в 2010-2020 гг. По прогнозам ООН, в ближайшие десятилетия они увеличатся до 0,86%. При этом доля нашей страны в 2020 г. в общей численности населения планеты уже упала до 1,7% [2, с.250].

По меткому выражению В.С.Черномырдина (одного из премьер-министров «эпохи Б.Ельцина») «хотели, как лучше, а получилось - как всегда». Хотели построить «народный» капитализм с «человеческим лицом», а построили уродливый государственно-монополистический капитализм (ГМК) эпохи первоначального накопления капиталов и массового грабежа. В общем, оказалось «здесь вам - не тут».

Возникают два сакраментальных вопроса. Кто виноват? И что делать?

С виновниками все более или менее ясно. Очевидно, что «реализация социально-практического знания осуществляется, чем дальше, тем во все большей степени, не в стихийной, а в хорошо организованной, рационализированной форме» [3, с.355].

И хотя сегодня отдельные авторы пытаются «замаскировать» осознанный развал народного хозяйства нашей страны и «запланированный хаос» с помощью новых «методологий» и «теоретических подходов», применяя, например некие «квантово-полевые концепции» для анализа политических и экономических процессов [4, с.117], но истина гласит: «черного кобеля не отмоешь добела». С «организованной преступностью» по развалу народного хозяйства страны история разберется: чему быть - того не миновать.

Гораздо важнее вопрос о том, что делать? Тем более, что во многих отношениях современны российский капитализм даже напоминает капитализм XIX века, описанный в романах Ч. Диккенса, с жестокой эксплуатацией бесправных наемных работников, низкими зарплатами, неработающими профсоюзами и этот мануфактурный капитализм погрузил нашу страну в колоссальные долги в интересах нескольких богатеющих даже в месяцы пандемии олигархических семейств.

И если на Западе, благодаря «новому курсу» Ф.Д. Рузвельта в США, практике индикативного планирования при Ш. де Голле во Франции, активной политике «благосостояния для всех» Л. Эрхарда в Германии и другим усилиям произошла модификация капиталистической системы, то в России на протяжении трех последних десятилетий «воз остается и ныне там».

«Ужас рынка в том, что откровенный эксплуататор и обманщик в нем получает преимущества. А наиболее моральному на рынке труднее всех. В результате эксплуатация становится необходимой даже для предпринимателей этого не желающих. Ведь если ты не будешь максимизировать свою прибыль, то тебя съедят конкуренты. Поэтому волей-неволей приходится. Ведь за счет

чего конкурировать с мастерами эксплуатации? Так что всем предпринимателям приходится недодавать зарплату наемному персоналу» [5, с. 795].

В этом суждении точно подмечена тенденция к тотальному сокращению издержек производства. Но тем самым уничтожается само производство в его наиболее сложных формах. Причем речь идет о сокращении издержек производства по всем направлениям, в том числе в сфере образования и профессиональной подготовки самих будущих наемных работников.

С другой стороны, не все так просто. Неуклонно и высокими темпами растут, прежде всего, трансакционые затраты, издержи обращения и непроизводительные расходы. Если в советское время государство всеми мерами поощряло снижение себестоимости продукции и использовало разные финансовые и нефинансовые инструменты (начиная от присвоения «Знака качества» и заканчивая регулированием цен), то сейчас оно, по сути, перестало этим заниматься. Даже Федеральная антимонопольная служба РФ и все 84 ее территориальных подразделения «не справляется» с возложенными на них функциями в сфере тарифного регулирования (Указ Президента РФЫ № 373 от 21 июля 2015 г.), не говоря же о борьбе с недобросовестной рекламой или контрафактной практикой. Поэтому в стране на протяжении десятилетий растет инфляция издержек, что ведет к постоянному росту цен и, как результат, снижению уровня потребления и качества жизни россиян [6].

Конечно, в такой ситуации хронического социально-экономического отставания и сценария «догоняющего развития» нашей страны нередко появляются иллюзии того, что отсталость может внезапно вывести страну и производителей того или иного сектора экономики вперед. Как это бывает при повороте каравана, когда хромой верблюд становится первым. Или как было у нас в очередях за хлебом в военные годы, когда утром милиционер разворачивал всю очередь и последние становились первыми.

Долгое время, например, отсталость африканских стран рассматривалась как их преимущество. Так, Ф. Фанон говорил о странах третьего мира как передовых в экономическом соревновании, потому, что такое отставание, с одной стороны, сохраняет природные богатства в само стране, а, с другой стороны, позволяет странам периферии уклоняться от антропогенных издержек промышленного производства. С развитием глобализма все изменилось: периферийные, в том числе и африканские страны оказались в самом очаге техногенных и антропогенных экстерналий, а национальные богатства таких стран - истощены. На этом негритянский социализм и иллюзорные представления Ф.Фанона о «позитиве отставания» «завершили» свое существование как сколько-нибудь значимая идея [7].

Ныне «ожидается, что к 2050 году население Африки удвоится, увеличившись с 1 миллиарда до более чем 2 миллиардов человек. И хорошая новость в том, что люди младше 25 лет будут составлять 65% населения» [8]. Африканские государства все чаще отказываются от роли «ученика Запада» и пытаются стать «государствам - хозяином». Интересно, что идею «государства - хозяина» сформулировал еще в начале XX века российский экономист П.Б.Струве, который связывал смысл такого государства с экономическим могуществом и народным характером. В рамках теологического и телеологического подхода к оценке социально-экономической сущности российского государства П.Б.Струве полагал, что и монархия может быть народной, если государство будет рачительным собственником и добрым хозяином [9, с.173-175].

Вот именно такое государство и необходимо воссоздавать, формировать сегодня. Пока что в нем весьма сильны либерально-радикальные силы, которые находятся в мнимой оппозиции с коррупционно-консервативными силами, но, в действительности, находятся на их службе и содержании. Ведь известно же, что чем больше приватизировать, чем больше «отпустить вожжи», дать разных «свобод», тем легче «в мутной воде ловить рыбу». А «рыба» по истине жирная. В одном случае, это Новолипецкий металлургический комбинат, который почти даром достался В.Лисину (состояние - 19,1 млрд. долл.). В другом случае - «Норникель» В.Потанина (состояние - 16,9 млрд. долл.), «Русал» В. Вексельберга (состояние - 14,4 млрд. долл.), «Металинвест» А.Усманова (состояние 12,5 млрд. долл.). И тому подобное.

И ведь что интересно: получив от государства по дешевке свои источники обогащения, российские олигархи не желают делиться с этим государством даже частью своих сверхдоходов. Зато охотно тратят миллионы долларов на покупку вилл, яхта, коллекции и прочее. Так, Р.Абрамович, А.Усманов имеет по три яхты, стоимостью от 210 до 550 млн. долл. каждая [10, с.163-164]. И все это «ожирение» и «пиршество» происходят на фоне пандемии «Covid - 9», политики санкций, применяемых западными странами в отношении нас, финансовых, торговых и таможенных войн, падения уровня жизни россиян.

Если посмотреть на современную политическую систему России, то мы увидим, что коммунисты и «левые» критикуют правительство и власть исключительно «справа». Они требуют справедливого распределения. В том числе, доходов, продовольствия и лекарственных средств. Но эти требования «вялые», малоэффективные.

С другой стороны, «правые» критикуют правительство с еще более ультрарадикальных позиций, называя бедных «нищебродами» и не инициативными людьми, предлагая ввести ограниченное количество

индивидуальных хлебных карточек и продовольственных купонов, тем самым отрывая производство от распределения и рыночного оборота продукции.

При этом, не левые, не правые даже не ставят вопрос об изменении форм собственности и изменении, тем самым, условий, при которых рабочая сила соединяется с орудиями производства. Может, именно поэтому их называют «конструктивной» и «системной» оппозицией?

Все современные политические партии в России опираются на мелкобуржуазные иллюзии общедемократического плана, повторяя их в своих программных документах. О возврате к социализму речь не идет. О нем предпочитают даже не говорить и не думать. Но без социализма нам смерть. Без социализма наш народ погибнет, вымрет. Это уже происходит.

В 30-х гг. прошлого века известный роман американского писателя Д. Стейнбека «Гроздья гнева» отразил «Великую депрессию» и ее последствия. Роман многому научил правящие круги США и способствовал «левому повороту» в управлении американской экономикой.

«Гроздья гнева» актуальны и для нас. Сегодня в мире в изобилии социальные и экономические антиутопии, но нет позитивных глобальных научных проектов. Поэтому рыночная психология переживает время трансформации, когда она сама по себе становится тоталитарной, а рынок - диктатурой, определяющей «правила игры» во всем: начиная с публичной сферы нашей жизни, и заканчивая ее частной сферой [11].

Мы уже обращали внимание на повторяемость исторических процессов, а особенно на то, что реализация многих проектов происходит на «третьем» круге [12]. Строго по законам диалектики: тезис - антитезис - синтез. Будет ли новое общество синтетическим социализмом, окажется ли оно более успешным, чем дикий современный капитализм - вопрос будущего. Но логика исторического развития никогда не меняется. И на любой вызов истории следует адекватный ответ [13, с.97 и др.]. В противном случае, конкретная цивилизация сходит с исторической сцены.

Современная Россия также, хотят это признать «левые» и «правые», оказывается перед необходимостью выбора в пользу социализма: разрушенная до социального основания страна ставит вопрос о том, что нам вновь предстоит строить социализм [14]. И в этой связи кардинально пересмотреть свои представления о социальной справедливости, которая была и должна оставаться основой социально-экономического устройства общества [15].

Литература

1.Бьюкенен П. Смерть Запада. М.: АСТ, 2003. - 444 с.

2.Стожко Д.К. Модернизация российской экономики: история, теория, практика. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2020. - 412 с.

3.Червонная Л.Г. Метаморфозы социальных идей. Екатеринбург: УрО РАН, 2001. - 448 с.

4.Родионов М.А., Волкова Т.А. Когерентность политических элит // Социально-гуманитарные знания. - 2018. - № 1. - С.115-126.

5. Катасонов В.Ю. Капитализм. История и идеология «денежной цивилизации». М.: Институт русской цивилизации. 2013.- 1072 с.

6. Качество жизни: диалектика духовного и социального / под ред. К.П. Стожко. Екатеринбург: Изд-во Урал. института бизнеса , 2007. - 653 с.

7. Уоддис Дж. «Новые» теории революции. Критический анализ взглядов Ф. Фанона, Р. Дебре, Г. Маркузе. М.: Прогресс, 1975. - 521 с.

8. E.I.R. STRATEGIC ALERT WEEKLY NEWSLETTER N°19 / 2020. 12 p.

9. Стожко Д.К. Социально-экономическая мысль России (конец XIX - начало XX в.). Очерки. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2020. - 221 с.

10.Цаголов Г.Н. Олигархат против кремлевского Нострадамуса // Вопросы политической экономии. - 2018. - № 4(16). - С. 159-167.

11.Стожко Д.К. Рыночная экономика и тоталитаризм: к истории вопроса // Экономическая история. 2017. № 3. С.21-27.

12.Некрасов С.Н. История повторяется дважды, но реализуется трижды: можно ли управлять будущим? // Аграрное образование и наука. - № 2. - 2017. - С. 17-18.

12. Тойнби А. Цивилизация перед судом истории. М.: Прогресс; СПб.: Ювента, 1996. - 480 с.

13.Некрасов С.Н. Разрушить Россию ниже основания или нам вновь предстоит строить социализм как переходный период от капитализма к коммунизму // Россия в мировой истории, науке и культуре. Сб. матер. II Международнойнаучно-практической конференции. Челябинск: Антро-Вита, 2017. - С.97-110.

14.Стожко Д.К. Социальная справедливость и хозяйственное развитие общества // Вестник Вятского государственного университета. - 2018. - № 3. - С.40-48.

А.П. Ветошкин
доктор философских наук, профессор,
кафедра философии, социологии и муниципального управления,
Российский государственный университет транспорта;
С.Н. Некрасов

доктор философских наук, профессор,
кафедра философии,
Уральский государственный аграрный университет;
К.П. Стожко
доктор исторических наук, профессор,
кафедра философии,
Уральский государственный аграрный университет.

ТРАНСФОРМАЦИЯ КАПИТАЛИЗМА КАК ПРОБЛЕМА ФИЛОСОФИИ ОБОГАЩЕНИЯ

Аннотация: В статье рассматривается политико-экономическая и социально-философская сущность экономической концепции рентного общества и экономической теории счастья и необоснованность их отождествления. Доказывается положение об аберрации экономического сознания, основанного на представлениях о рентном благополучии как главной цели будущего социально-экономического устройства. Раскрыта ошибочность представлений о возможности построения «экономики счастья» путем отказа от трудовой деятельности и материального производства и исключительно на основе рентных технологий и культе потребления. Аргументируется положение об определяющем значении пневматосферы в формировании духовного кода современного общества и превращении его ценностей в социальные институты.

Ключевые слова: модернизация, общество, рента, рентное общество, экономика счастья, ценности.

В истории бывает так, что ни силы прогресса - восхождения, ни силы и тенденции регресса – нисхождения, не понимают запрос истории, и без проведения научной экспертизы уводят людей в виртуальный мир коллективного воображения и фантазирования. Именно так сегодня создаются химеры общества равных возможностей, общества потребления, постиндустриализма, зеленой экономики, цифрового информационного общества. Ранние буржуазные революционеры с их лозунгом «свобода, равенство, братство» гонялись за химерами, которые возможны только при коммунизме, и когда потребности капитализма столкнулись с достижениями феодализма, произошла реинкарнация старого режима. В «новой» антифеодальной, капиталистической, «демократической» системе в видоизмененной форме были восстановлены все прежние звания и привилегии. Но лексика изменилась. Возник так называемый Оруэловский подход к

социальной реальности. «Оруэловский подход заключается не только в двоемыслии; он также подразумевает создание новояза, т.е. придание словам нового смысла, с целью исключить нелояльное мышление» [1, с.331].

Как заметил К.Маркс в отношении французского народа, совершившего великую революцию, «целый народ, полагавший, что он посредством революции ускорил свое поступательное движение, вдруг оказывается перенесенным назад, в умершую эпоху. А чтобы на этот счет не было никакого сомнения, вновь воскресают старые даты, старое летосчисление, старые имена, старые эдикты, сделавшиеся давно достоянием ученых антикваров, и старорежимные, казалось, давно истлевшие, жандармы. Нация чувствует себя так же, как тот рехнувшийся англичанин в Бедламе, который мнил себя современником древних фараонов и ежедневно горько жаловался на тяжкий труд рудокопа, который он должен выполнять в золотых рудниках Эфиопии, в этой подземной тюрьме, куда он заточен, при свете тусклой лампы, укрепленной на его собственной голове, под надзором надсмотрщика за рабами с длинным бичом в руке и толпящихся у выходов варваров-солдат, не понимающих ни каторжников-рудокопов, ни друг друга, потому что все говорят на разных языках. "И все это приходится выносить мне, свободнорожденному бритту", – вздыхает рехнувшийся англичанин, – "чтобы добывать золото для древних фараонов"» [2, с. 121].

К. Маркс имел в виду, что французы, пока они занимались буржуазной революцией, никак не могли избавиться от воспоминаний о Наполеоне, и в итоге в жизни получили самого Наполеона в карикатурном виде. Возник «племянник» Наполеона, или новый Наполеон в том виде и с теми ожиданиями, как он должен выглядеть в середине XIX века. Англичанин, как и вся британская масса клерков, не мог отделаться от господствующей в головах современников идеи добывания золота и представил ее в фантастической форме древних приисков, на которой он и сошел с ума. Но история запрещает бесконечные ухудшающие ситуацию повторения, коллективные иллюзии из прошлого и в итоге социальный застой. «Вальсы Шуберта и хруст французской булки», царистские и монархические иллюзии, обожание дореволюционной николаевской России, переименование городов и областей, снос памятников революционного прошлого может дорого обойтись нашей экономике, развитию ее индустриального комплекса. Точно так же миражи цифрового общества и представление виртуализированной культуры как «прогрессивных инноваций» является еще одним тупиковым по форме продуктом эволюции высшей стадии капитализма в конце предыстории человечества.

Возникает законный вопрос о том, что же происходит сейчас, когда Россия закончила «социалистический эксперимент» и пытается вновь, уже в который

раз в своей истории, «войти в ту же самую реку», вернуться на «старую дорогу» капитализма? А происходит вот что: «здесь разверзается многомерное конфигурационное пространство», раскручиваются «новые» магические, табуистические и религиозные мантры [3, с.413-414].

Дикость ситуации напоминает «общество дохлого попугая» (П.Кругман), в котором «мирно уживаются» коммунисты и капиталисты, рабы и господа, либералы и консерваторы, радикалы и конформисты, силы добра и зла. Как в известной басне: рыба, рак и щука. Но ведь сказано уже: «А вы, друзья, как не садитесь, все в музыканты не годитесь» (И.А.Крылов).

Все дело в том, что будущее общественное и хозяйственное посткапиталистическое устройство мыслится многими современными авторами лженаучно как «общество изобилия», «экономика счастья». Появились даже исследования по «валовому продукту счастья», «индексу счастья» и т.д. [4; 5; 6] Складывается впечатление, что авторы этих и аналогичных им публикаций не отдают себе отчет в том, о чем пишут. О каком всеобщем изобилии может идти речь, когда концентрация богатств в руках узкого круга лиц зашкаливает, а массовая бедность и нищета народа просто поражает. Сегодня до 96% россиян являются бедными [7, с.269].Тогда как богатства российских олигархов не только сопоставимы, но даже превышают состояния западных миллиардеров [8, с.164].

Характерной чертой современной мировой и российской олигархии является стремление жить на ренту - доход, создаваемый наемным трудом и присваиваемый собственниками средств производства. Особенно это касается природной ренты, получаемой крупными корпорациями от недропользования и эксплуатации земли. Получив средства производства в ходе приватизации в конце XX столетия, российские олигархи в подавляющем своем большинстве оказались до сих пор не в состоянии обеспечить технико-технологический подъем (прорыв) в национальной экономике и по старинке лишь выжимают соки из изношенных предприятий.

Что же касается очередной «модернизации» российской экономики и, тем более, формирования «экономики счастья», - то это явные мифы. Отдельные примеры общей ситуации, к несчастью, не меняют никоим образом. Следует признать, что наша «страна утратила бывшую хорошо организованную систему изучения и использования недр… В настоящее время такая государственная стратегия отсутствует» [9, с.139].

В свое время еще К. Маркс в письме к Л. Кугельману (1871) саркастически замечал: «Ежедневная пресса и телеграф, которые моментально разносят свои открытия по всему земному шару, фабрикуют больше мифов (а буржуазные ослы верят в них и распространяют их) за один день, чем раньше можно было

изготовить за столетие» [10, с. 215]. «Буржуазные ослы» в капиталистическом обществе неизбежно служат «верхам» и готовы рекламировать и «научно» обосновывать любые, даже бредовые идеи. Это не раз повторял В.И. Ленин, утверждавший, что в каждой нации есть две культуры, или культуры двух антагонистических классов находятся в противоборстве. Вот и гуляет по миру наивная побасенка о том, что скоро общество станет изобильным, экономика счастливой, всем хватит места на пиру жизни, все будут жить на ренту, т.е. получать нетрудовой доход, и при этом ничего не делать, не трудиться. За них будто бы работать будут машины, роботы, киборги, искусственный интеллект и т.д.

Авторы – теоретики рентного поворота капитализма пишут: «Рента в таком понимании - социальная и политическая рента правящих классов, которая во многих чертах копирует отношение человека как вида к «природе». По мере развертывания соответствующих социально-экономических процессов одни люди по отношению к другим оказываются такими же дарами природы, как земля, воздух, вода или полезные ископаемые» [11, с. 25].

Говоря о постиндустриальном обществе, такие авторы вводят даже «новое» понятие «империалистической ренты». Хотя, по сути, оно известной со времен древнего мира. Читаем: «В эпоху глобализации и торжества неолиберальной политики она создала в ряде развитых стран видимость *постиндустриального общества*, которое на деле есть общество-рантье, где занятое почти исключительно в сфере сервиса население под видом зарплаты получает долю империалистической ренты. Словом, в ходе истории человечества возникает комплекс тесно переплетенных отношений, в которых одни извлекают и присваивают природную ренту. А другие, на основании природного (или маскируемого под естественное преимущество) превосходства, извлекают ренту социальную» [11, с. 17].

В такой интерпретации поиск ренты оказывается единственной стратегией выживания для большинства «излишнего» населения. Вроде все правильно, но вещи не названы своими именами – капитализм в его высшей фазе ведет к ии уничтожению населения планеты, особенно под «зеленым флагом» экоалармизма и неомальтузианства. Простой пример: все чаще говорят о перенаселении, о бесконтрольном размножении человечества и необходимости сокращения его численности [12; 13]. Забывая, что такое сокращение уже идет полным ходом. И при этом, утверждая, что «наступает стадия капитализма, при которой для большинства населения поиск ренты как альтернативы отчуждению труда или вовсе безработице становится единственно возможной стратегией поведения» [11, с. 68-69].

В авторский текст пропагандистов рентного поворота общества инкрустируется чуть ли не дословно, но буквально по смыслу, одна важнейшая фраза из «Манифеста коммунистической партии» об эксплуатации человека человеком. Но вот вывод авторов из числа сторонников поворота к «рентному обществу» явно противоположен выводу «Манифеста». Они пишут: «Поиск ренты как альтернатива наемному труду и стратегия уходящих классов и лишних людей естествен на протяжении истории всех обществ, основанных на эксплуатации человека человеком» [11, с. 69].

Можно лишь согласиться, что поиск ренты как поиск дворовой собакой на помойке заплесневелого куска колбасы характерен для уходящих классов и возможно удовлетворил бы люмпен-пролетариев, но не созидателей нового общества. Что характерно для восходящих социальных и политических сил? Не стремление ли к освобождению всего человечества от эксплуатации и идеологии денежного и товарного фетишизма?

Однако авторы исследования о рентной перспективе уверены, что именно «глобальный мир демонстрирует отчетливые признаки превращения рыночной модели капитализма в рентную» [11, с. 70]. То есть противником авторов является не капитализм и не частная собственность, а всего-навсего «неолиберальный мейнстрим», который к их сожалению или к критическому удовлетворению, «до сих пор пользуется оптикой идеализированной модели рыночного капитализма» [11, с. 71].

Они пишут: «фактические получатели ренты, как правило, убеждены в том, что они эту ренту заработали исключительно собственными усилиями» [11, с. 72]. А ведь высшее счастье, с экономической точки зрения, - это быть убежденным в том, что ты получаешь не просто высокие, но еще и справедливые доходы. Суггестия как форма внушения и некритического восприятия является философской основой современной рентной (экономической) теории счастья. И здесь справедливо мнение, согласно которому «в разных философских традициях понятие «счастья», с одной стороны, акцентирует внимание на материальном аспекте человеческой деятельности, а с другой - указывает на присутствие высшего начала» [14, с.404].

Получается, что высшим началом должна служить убежденность индивидов в том, что рента - это вполне справедливая форма их доходов. Что не удовлетворенность трудом, а удовлетворенность рентой - основа экономического счастья.

Как тут не вспомнить утверждения Э.Фромма о том, что необходимо создать такие условия труда, которые в корне изменят отношение к труду; когда главным мотивом будет не материальная выгода, а удовлетворенность

работой и душевный подъем. Необходимо создать такие условия, в которых человек будет ощущать радость и счастье и будет избавлен от погони за «наслаждениями» [15, с.263-264].

И как тут не признать, что современная экономическая наука, в лице зарубежных и российских апологетов «рентного общества» и «экономики счастья» беспардонно игнорирует эти призывы и выдумывает наукообразные мертворожденные теоретические конструкты, просто мороча людям голову. Подменяя традиционные ценности общества новомодными «ценностями новой культуры», пытаясь превратить их в социальные нормы (институты), апологеты рентного общества, а лучше было бы сказать - общества иждивенцев, осуществляют мировоззренческую диверсию. Суть ее состоит в подмене абсолютных ценностей конъюнктурными и функциональными ценностями, т.е. ценностями более низкого уровня. Но измерять высшее - низшим, смысл жизни размером счета в банке, счастье - уровнем потребления - это редукция сознание и опошление науки. Роль пневматосферы - сферы духовности - в вопросе формирования будущего общества никоим образом не должна подвергаться девальвации [16, с.290].

Очевидно, что новые социальные и экономические конструкции, подобные «экономической теории счастья» и теории «рентного общества» свидетельствует о борьбе проектов за захват будущего и создание новых смыслов жизни народов планеты путем введения культурных кодов [17].

Литература

1. Кругман П. Великая ложь. М.: АСТ, 2004. - 474 с.
2. Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. М.: Политиздат. 1957 - Т. 8. - 705 с.
3. Лем С. Фантастика и футурология. В 2-х т. - Т.2. М.: АСТ, 2004. - 667 с.
4. Налимская О.О. «Экономика счастья»: особенности определения и перспективы развития в условиях модернизации // РППЭ. - 2014. - № 4(42). - С.6-13.
5. Чиканова Н.В. Экономика счастья: современные исследования и дискуссии // Вестник НГУ. - Серия: Социально-экономические науки. - 2016. - № 1. С. 6 - 11.
6. Воробьев Е.М., Демченко Т.И. Экономика счастья как новая экономическая парадигма // Вестник Харьковского национального университета. - 2013.- № 1086.- С. 74-77.
7. Стожко Д.К. Модернизация российской экономики. История. Теория. Практика. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2020. - 412 с.

8. Цаголов Г.Н. Олигархат против кремлевского Нострадамуса // Вопросы политической экономии. – 2018. – № 4. – С. 154–167.

9. Голева Р.В. Недропользование и проблемы устойчивого развития России // Век глобализации. Исследования современных глобальных процессов. - 2018. - № 4. - С.137-144.

10. Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. М.: Политиздат, 1963. - Т.33. - 788 с.

11. Фишман, Л. Г., Мартьянов, В. С., Давыдов, Д. А. Рентное общество: в тени труда, капитала и демократии М.: ИД ВШЭ, 2019.- 416 с.

12. Акимов А.В. Долгосрочные перспективы роста численности населения мира // Историческая психология и социология истории. - 2010. - № 2. - С.5-24.

13. Гегамян М.А., Горбунова О.Н. Перенаселение земли глобальная социально-экономическая проблема // Социально-экономические явления и процессы. - 2011. - № 9. - С.31-36.

14. Старикова А.А. Философские основания экономической теории счастья // Журнал экономической теории. - 2018. - Т.15. - № 3.- С.403-407.

15. Фромм Э.Иметь или быть? М.: АСТ, 2011. - 314 с.

16. Стожко Д.К. Проблема взаимодействия ценностей и норм в экономической культуре современного общества // Гуманитарий. Актуальные проблемы гуманитарной науки и образования. 2019. Т.19. №3. С.283-295.

17. Некрасов С.Н., Маслова Л.Д. Приоритетные направления развития науки и образования. Пенза: Наука и просвещение, 2018. - 210 с.

А.П. Ветошкин
доктор философских наук, профессор,
кафедра философии, социологии и муниципального управления,
Российский государственный университет транспорта;
С.Н. Некрасов
доктор философских наук, профессор,
кафедра философии,
Уральский государственный аграрный университет;
К.П. Стожко
доктор исторических наук, профессор,
кафедра философии,
Уральский государственный аграрный университет

ДОХОДЫ И ПОТРЕБЛЕНИЕ: ДИЛЕММА МЕЖДУ КАПИТАЛИЗМОМ И СОЦИАЛИЗМОМ

Аннотация: В статье рассматривается природа ренты как своеобразной формы дохода, ее источник, характер образования и роль в общественном развитии. Раскрыта методологическая несостоятельность буржуазной экономической и философской мысли в сведении сущности ренты к месту конкретных социальных субъектов в социальной структуре общества. Показана девальвация понятия «общество» и аберрация его сущности в политико-экономических и теоретико-философских конструкциях современной экономической неоклассики. Обоснована недопустимость отождествления сущности и формы ренты, а также игнорирования роли частной собственности в ее происхождении. Доказывается тезис о достоинствах социализма в эффективной организации общественного производства и превращении ренты в разновидность трудового дохода в условиях всеобщего и непосредственно-общественного труда. Особое внимание обращено на роль общественных фондов потребления совокупного продукта и формального характера товарной организации производственных и распределительных процессов при социализме.

Ключевые слова: рента, труд, производство, общественные фонды потребления, прибыль, товар, социализм.

Известно, что вся буржуазная политэкономия и классический капитализм выступали против понимания ренты как нетрудового и, поэтому, несправедливого дохода. Наоборот, ее толкование связывали с «заслугами» капиталиста (предпринимателя), с особыми условиями его «труда» и природными различиями. Ренте буржуазные экономисты не были рады, как не рады были буржуа дворянам. Поскольку для классической буржуазии рента – это не «овеществленный» труд и не его продукт, то и многие современные авторы полагают, что нынешнее «рентное» общество устраняет роль труда в социальной стратификации и в самой жизни. Например, читаем: «Оценка, данная Ф.Энгельсом эволюционной роли труда несколько завышена» [1, с.37]. Не больше - не меньше.

Таким образом, общество, в котором вокруг расположенного в центре «солнца труда» (термин К. Маркса) не вращаются все прочие элементы, становится уже не политико-экономическим, не классовым образованием. Оно становится уже, как бы, качеством новым феноменом.

Его называют по-разному: «обществом риска» (У.Бек), «технотронным обществом» (З.Бжезинский), «посиндустриальным обществом» (Г.Беккер), «обществом потребления» (Ж.Бодрияр), «одномерным универсумом» (Г. Маркузе) и др. Оно, это «новое» общество, как бы, попадает в новую аксиологическую и онтологическую реальность. Как бы превращается в «информационное общество» (Ю.Хаяши), «информационное общество» [2] и т.д.

Исторически такому искаженному и отвлеченному пониманию общества предшествовали идеи «социального государства (Л. фон Штейн), государства «всеобщего благоденствия» (У.Беверидж, У.Темпл) и т.д.

Некоторые авторы вообще полагают, что наступает новая парадигма в общественном и, соответственно, социально-экономическом развитии, которая связана с исчезновением материального производства, труда как такового, и переходом к качественно новому состоянию, в котором удовлетворение потребностей людей будет осуществляться принципиально иными способами, чем ранее [3; 4]. В этой ситуации общество вообще исчезает, перестает существовать. Как выразилась когда-то М.Тэтчер, «общества как такового не существует. Есть отдельные мужчины и женщины, и есть семьи» [5].

В связи с этим становится понятным, почему капитализм и его интеллектуальные представители возражали и возражают против понимания ренты как паразитического дохода, как специфической формы прибавочной стоимости - неоплаченного труда наемных работников, как грабительского «доходов лендлордов». Тем не менее, в настоящее время, в рамках идущей дискуссии о природе, характере и распределении ренты все-таки сохраняется и получает, вопреки различным домыслам и инсинуациям, свое дальнейшее фактическое подтверждение марксистская трактовка ренты [6; 7; 8].

Еще у А.С. Пушкина рента была описана как доход разорившегося отца Евгения Онегина, спорившего с сыном о судьбе имущества: «Отец понять его не мог, и земли отдавал в залог». В черновом варианте сказано: «Отец с ним спорил полчаса, и продавал свои леса». Результат был один: «Служа отлично, благородно, долгами жил его отец. Давал три бала ежегодно, и промотался, наконец».

Существуют и другие художественные образы ренты как нетрудового дохода, на которые жили люди. Например, в романе О.де Бальзака «Евгения Гранде» рассказывается об отце - скупце, который все деньги отдавал «в рост» и жил на проценты от кредитов, заморив от холода и недоедания собственную жену, но зато оставил дочери многомиллионное «накопленное» таким образом состояние.

Только в массовых театрализованных постановках труд и капитал выступают дружно вместе, в духе слов В.В. Маяковского «труд и капитал актеров напитал». Речь в данном случае идет об уличной инсценировке «Труд и капитал» 1919 г. в Петрограде проведенной, в честь I конгресса Коминтерна.

В реальности же труд и капитал - это антиподы, между ними существует непримиримое противоречие. Капитал, это ресурс, приносящий доход его собственнику. В условиях сложившегося в рамках частной собственности на факторы производства отчуждения труда от капитала, капитал противостоит наемному работнику, а наемный труд - капиталу. Не случайно, К.Маркс усматривал именно в частной собственности на средства производства основу отчужденного труда. Но еще до К.Маркса Гегель выявил причины и характер такого отчуждения и сделал понятие «отчуждение» центральным понятием своей философии» [9, с.103].

Если в жизни нового постиндустриального общества, общества услуг и потребления труд как бы «ускользает» из центрального положения в общественной жизни, как бы перестает быть ее ядром, то, соответственно, и в экономической и общественной науке труд выпадает из поля зрения исследователей. Это и произошло, в частности, с экономической наукой, начиная с конца XIX века, когда А.Маршалл, своих «Принципах экономической науки», попросту «выбросил» труд из перечня объектов и предметов экономического анализа. В четвертой главе под названием «Порядок и цели экономического исследования» он перечислил все вопросы, которыми должна заниматься экономическая наука, но даже не упомянул труд. Более того, в своих представлениях о сущности труда лидер Кембриджской экономической школы и предтеча неоклассической экономической теории свел труд к определению, данному еще У. Джевонсом. В частности, определил его как «всякое умственное или физическое усилие, предпринимаемое частично или целиком с целью достичь какого-либо результата, не считая удовлетворения, получаемого непосредственно самой проделанной работой» [10, с.124].

Но известно, что У.С.Джэвонс (1835-1882) основывался на ложных положениях, сводя понятие «труд» к понятию «работа» [11, с.266-267]. Эту же ошибку допустила и неоклассическая экономическая теория, которую рассматривают сегодня в качестве главного течения в экономической науке.

Для сохранения такой ошибочной точки зрения на труд и его роль в экономической жизни общества имеются определенные основания. В личной жизни для многих людей (дети, иждивенцы, инвалиды, пенсионеры и т.д.) труд как бы перестает быть ядром распределения времени деятельности:

утром люди не едут на смену и со смены, двери в подъездах не хлопают, многие люди работают на удаленном доступе и в социальной самоизоляции. Труд ускользает из сферы, в которой экономика как наука строится по стандартам технических (точных) наук, а сама экономика становится эконометрикой – математической игрой «в цифири» (тематика научных исследований в области экономики за последние десятилетия, которым была присуждена Нобелевская премия, недвусмысленно говорят об этом).

Но все это - лишь результат лицемерия экономистов, лицемерия, которое зашкаливает. Ведь если труд пропадает из их поля зрения, на первом плане остается распределение и потребление. Но это говорит лишь о близорукости самих экономистов, а не об «исчезновении» труда как генерального источника богатства. При этом в Конституцию Российской Федерации (вероятно, не случайно) вносится положение об уважении к труду и даже возникает общественное движение «В защиту человека труда». Декларация хорошая, остается ее реализовать на практике.

Паразитизм рентной экономики в классической дореволюционной экономической науке никого не смущал и не вызывал особых нареканий. Начиная с Д.Риккардо в Англии, первого разработчика теории ренты, и заканчивая российскими марксистами, рента трактовалась именно как нетрудовой доход, как часть трудовой стоимости (прибавочная стоимость, излишек над средней нормой прибыли), которую собственник факторов производства просто присваивает.

Разногласия касались лишь сферы получения ренты: В.И.Ленин, например, вслед за К.Марксом, видел ее источник исключительно в сфере производства. С.Н.Булгаков и М.И.Туган-Барановский видели ее в сфере распределения [12]. Представители теории ультраимпериализма (Р.Гильфердинг, К.Каутский и др.) связывали происхождение ренты с обменом и потреблением, финансовым капиталом. О том, что рента со временем (при социализме) «исчезнет», так как труд станет всеобщим и непосредственно-общественным, также говорилось и писалось много. Но не случилось.

В действительности, водораздел по вопросу о ренте связан с марксизмом и его теорией классовой борьбы и социальной революции. Признавая ренту одним из видов нетрудовых и, следовательно, несправедливых источников обогащения конкретных категорий граждан, К.Маркс выступал за ее перераспределение в пользу общества в целом: «мир хижинам - война дворцам». Впрочем, и о мирных способах он тоже не забывал.

Что касается идеологических сателлитов буржуазии в лице экономистов, то они выступали с критикой идеи классовой борьбы как надуманной. И,

конечно, против социальной революции. Вот и сейчас мы наблюдаем нечто подобное. В российских средствах массовой информации доминирует тезис о том, что революция - это бессмысленный бунт. Ее результат - охлократия, власть толпы, гражданская война и все прочие ужасы. Во многих телепередачах их организаторы твердят о «плохом народе», «смутьянах», «агентах влияния». Как только «не извиваются» они для того, что бы очернить народы тех стран, где происходят такие революции. Называют такие революции и заказными, и гибридными, и цветными и т.д. А народы - «толпой», «криминальными элементами», «неконструктивной оппозицией», «штрейкбрехерами» и пр. Что в Киргизии, что в Беларуси, что в Украине или Молдове - везде наши политические обозреватели усматривают руку «вашингтонского обкома». При этом, нисколько не вспоминая о том, что уровень доходов и его распределение в этих странах на протяжении десятков лет осуществлялся несправедливо, кланово, а народы просто обворовывались. Что уровень их жизни ничтожно низкий, а доходы местной олигархии - заоблачные. С таким тенденциозным и близоруким подходам ни объяснить революционные потрясения, ни тем более противостоять им невозможно. Что и подтверждает вся новейшая история.

К. Маркс, кстати, изучал земельную ренту не просто как сугубо экономическую категорию, а как социальную категорию, как несправедливое и незаконное присвоение чужого труда. Под этим присвоением он подразумевал эксплуатацию как специфическую форму капиталистического анти социального паразитирования.

По мнению некоторых современных исследователей, К. Маркс, отталкиваясь от идей английской классической политической экономии, не создал ничего принципиально нового в экономической науке. Это относится, в первую очередь, к проблематике труда. Учение К.Маркса о двойственном характере труда, об абстрактном и конкретном труде, которое он считал своей самой большой заслугой перед экономической наукой, рассматривается ими как незавершенное и даже теоретически бессмысленное [13].

Так, в своей книге «Физическая экономика» американский экономист Л. Ларуш (1922 - 2019) писал: «Нужно также признать, что, в противоположность известному мнению, экономист Карл Маркс был последователем британской школы практически во всех соответствующих сферах, а не только поклонником того, что он часто объявлял неоспоримым научным достоинством этой смит-рикардовской школы. Весьма примечателен также тот факт, что фактически всю свою взрослую жизнь, вплоть до 1871 г., Маркс был вполне управляемым приобретением двух

главных контролеров службы иностранной разведки лорда Пальмерстона — лондонского резидента Джузеппе Мадзини и шефа-контролера марксова образования в экономике Давида Эркарта из Британского музея». И далее: «В рамках этой работы нас интересует только наиболее узкий аспект пальмерстоновского контроля над Марксом. Хотя его работа в области экономики обычно ассоциируется с понятием «прибавочной стоимости», судя по всем характерным для него способам формальной аргументации, прослеживаемым через три тома его «Капитала», математически он является экономистом «нулевого роста». В этом отношении нет аксиоматических различий между Марксом и теми, кого он постоянно признавал своими учителями, особенно А.Смитом и Д.Рикардо. Мы подчеркиваем, что формальную сторону «Капитала» К.Маркса легко переформулировать как относительно более изощренный вариант нулевого роста фон-неймановского «системного анализа», то есть, как система линейных неравенств» [14, с. 15].

По поводу «управляемости» К.Маркса «со стороны разведки и лорда Г. Пальмерстона» необходимо заметить, что это - пустой вымысел Л.Ларуша, который, подобно многим американским авторам, просто «наводит тень на плетень» с целью дискредитировать своего заочного оппонента, который не может ему возразить. То обстоятельство, что К.Маркс после высылки в 1849 г. из Германии по 1883 г. жил в Англии, не дает никаких оснований для подобных ложных заявлений. Нет даже сведений о том, что К.Маркс хотя бы состоял под надзором английской полиции или был ограничен в своих передвижениях по стране и в своей научной и издательской деятельности.

Более того, если внимательно ознакомиться со статьей К.Маркса «Лорд Пальмерстон», посвященной политической деятельности этого персонажа, то обнаруживается вполне очевидно критическое и даже нелицеприятное отношения автора к нему. К.Маркс насмешливо называет Г.Пальмерстона «невинным» и упрекает его в вероломстве, трусости и обмане, даже на фоне прежних правительств [15, с.61-67]. Во многом, аналогичные оценки встречаются и в других работах К.Маркса, посвященных политике Великобритании (опубликованные в этом же томе).

В действительности, труд и производство следует различать. Труд - это один из способов организации и осуществления производства. Поэтому, в терминологии А.Смита, «труд - отец богатства». Но «природа - его мать». И функционирование природы также может порождать ренту как форму нетрудового дохода. Например, когда ее ресурсы, богатства присваиваются олигархами. Но даже в этом случае природные богатства, созданные не трудом человека, а само природой, все-таки необходимо добыть, обработать, доставить и т.д. Иначе говоря, труд все равно прикладывается, а значит,

производства без труда нет и быть не может. Иное - иллюзия нашего мышления, не находящая реального подтверждения практикой. А известно, что именно «практика - критерий истины».

В основе практики создания ренты, как отмечалось выше, лежит частная собственность. В древности многие страны, например, на Востоке вообще не знали такой собственности. Ее заменяла государственная или общественная собственность, как, например, *савафи* в Арабском халифате. Распространена была и практика аренды земли - *джагираты* в Индии. В России частная собственность «вызревала» достаточно долго. Даже при Петре I ее еще нельзя было называть в полном смысле слова частной, поскольку она ограничивалась массой бюрократических оговорок со стороны государства [16].

С самого своего возникновения частная собственность стала орудием и средством угнетения подпавших под власть собственников масс. Просветитель Ж.-Ж. Руссо писал в «Рассуждении о происхождении и основах неравенства среди людей», что первый, кто огородил клочок земли, осмелился сказать: «эта земля принадлежит мне», и нашёл людей, которые были настолько простодушны, чтобы поверить этому, был истинным основателем гражданского общества. Сколько преступлений, сколько войн, сколько бедствий и ужасов отвратил бы от человеческого рода тот, кто, вырвав столбы или, засыпав рвы, служившие границами, воскликнул бы, обращаясь к людям: «Берегитесь слушать этого обманщика! Вы погибли, если забудете, что плод принадлежит всем, а земля — никому!» [17, с. 68]

Известно, что только в библейском Эдеме не было труда, но, очевидно, что и там было какое-то производство. Если, конечно, под производством подразумевать естественные процессы, происходящие в природе (например, тот же фотосинтез). Но уже при создании Ковчега легендарного Ноя был применен труд, а производство превратилось из естественного природного процесса в социальный процесс. В источниках повествуется о том, что Ной с тремя своими сыновьями «построил ковчег из дерева гофер и осмолил все щели снаружи и изнутри» [18, с.22].

Поэтому не следует буквально воспринимать известные слова из Св. Писания: «Взгляните на птиц небесных: они ни сеют, ни жнут, ни собирают в житницы; и Отец ваш Небесный питает их» (Евангелие от Матфея 6:26).

Человек изначально появился на свете как существо труда, как его субъект и объект. Но у него всегда было желание жить не только трудом. Освобождение от труда - заветная мечта человека, который желал выйти за рамки трудовой обыденности и жить свободно. А осуществление этой мечты возможно только двумя способами: либо за счет присвоения чужого труда,

эксплуатации, грабежа, обворовывания ближнего своего. Либо за счет трудовых накоплений, которые впоследствии (в старости, например) способны приносить их собственнику дополнительный доход. Но такой доход уже не является в буквальном смысле слова рентой, это пенсия, которую человек выплачивает сам себе за счет получения дополнительного дохода от трудовых сбережений. Либо государство выплачивает доход из пенсионных (трудовых) отчислений.

Следует также иметь в виду, что труд – это еще и разделение деятельности людей, и объединение их в кооперации. Процесс всеобщего разделения труда сопутствует всей истории человечества. Между мужчиной и женщиной имеет место первое, естественное, или биологическое разделение труда и, одновременно, трудовая кооперация.

Буржуазная политэкономия любит робинзонады: ее человек - это обособленный индивид со своими эгоистическими интересами. Современное обществознание любит ссылаться на естественные законы строения человеческого общества, в котором есть биологически заданное распределение людей на альфа- и омега- индивидов: господ и слуг. Или, выражаясь современными терминами, «тружеников» и «бойцов» [19, с.309-314]. Первые своим трудом создают общественный продукт, а вторые его перераспределяют. Как тут не вспомнить известный афоризм Д.Рокфеллера о том, что «кто весь день работает, тому некогда зарабатывать деньги».

В «традиционном» докапиталистическом обществе не нужна маскировка. Внеэкономическое принуждение не требовало конспирации эксплуатации. Иное дело, капиталистическое общество. Здесь разные дискурсы оправдания ренты (отложенный доход, плата за риск, оплата предпринимательских способностей и т.д.) стали необходимы в силу приверженности нового общества идеалам демократии. В этом обществе, как указывал К. Маркс, прибавочная стоимость имеет уже три формы: ренту, прибыль и процент. И эти формы подлежат маскировке под покровом согласия, трудового договора и срочного контракта.

Но что именно маскируется? А маскируется сам источник ренты: вместо эксплуатации придумывают другие версии. Так, читаем: «Под рентой мы понимаем материальные и иные блага, которые получают индивиды, социальные группы и даже отдельные общества вследствие занятия выгодной позиции в социально-политической структуре. Эта позиция позволяет обращать другие социальные позиции, а также природные и иные ресурсы в дары природы…» [20, с. 25].

Удачное место в социальной пирамиде конвертируется в такого рода ресурсы, «из эксплуатации которых можно извлечь богатство и вообще

всякого рода излишек, превышающий продукт для удовлетворения обычных, среднестатистических потребностей членов данного общества». Подобным образом место птицы на ветке, львицы на дереве гарантирует успех в выживании.

Отчасти, такой взгляд на природу ренты имеет право на существование. Еще У.Нисканен (1933-2011), автор модели бюрократии и один из разработчиков модели рейганомики, убедительно доказал, что современная бюрократия, пользуясь своим положением в социальной структуре общества и монополией на власть, извлекает из этого так называемую «административную ренту» [21]. Но видимость явления не следует путать с его сущностью. Бюрократия, как и частные капиталисты, присваивает часть совокупного общественного труда наемных работников. Другого источника их доходов просто нет, поскольку бюрократия не является субъектом труда, а лишь обладает монополией на административную власть, ее деятельность - это имитация труда, профанация трудовой деятельности. «Имитация деятельности воспроизводит некоторые внешние свойства деятельности, но фактически оказывается хитроумной подделкой, пародией, видимостью, кажимостью деятельности, фиктивной, фейковой формой активности. Имитация - это намеренное сокрытие подлинной активности, подмена реальных действий видимостью, своеобразный суррогат оригинала» [22, с.190]. Самое убедительное доказательство такой имитации труда со стороны бюрократии - неуклонное абсолютное и относительное ухудшение положения трудящихся.

В этом смысле, феномен «погони за рентой» выступает как едва ли не «универсальный», а точнее «постоянный» лейтмотив в деятельности отдельных социальных групп и индивидов. Напрашивается печальный вывод о непрерывности человеческой истории как погони за рентой, которая (гонка) только модернизируется и ускоряется. И из этого тупика нет выхода?

На наш взгляд, история вносит коррективы: при вторичном капиталистическом строительстве маскировка не помогает, поскольку идет ускоренное усыхание рентного «пирога» и деление «сладких пряников», которых уже «не хватает на всех» алчущих.

И здесь самое время вспомнить о социализме, о «другом настоящем», о той модели социально-экономического устройства, которая сложилась и успешно функционирует в Австрии, Швеции, Дании, Норвегии и т.д. В этих странах нет «классического» капитализма [23; 24; 25]. Разрушается он в условиях пандемии Covid -19 и в некоторых других странах мира (Я.Варуфакис).

В социалистическом обществе источником благосостояния оказываются «общественные фонды потребления» совокупного продукта – некий «котел», из которого могут черпать только те, кто в него вкладывает. При социализме продукт также может производиться в товарной форме (не случайно В.И.Ленин, Н.И.Бухарин, И.В.Сталин и др. со временем пересмотрели свои «революционные» представления о социализме как о безденежном и нетоварном производстве). Но средства производства при социализме распределяются не через рынок, а через систему государственного снабжения. А это, в свою очередь, сводит к минимуму кризисы, связанные с рыночной конъюнктурой.

Что касается непосредственно продуктов потребления (товаров повседневного спроса), то и они могут распределяться и перераспределяться в товарной форме при условии монополии социалистического (народного) государства на эмиссию денег и осуществление денежной политики. Это позволяет более эффективно регулировать сбыт, а также уровень и динамику цен на товары первой необходимости при условии эффективной организации их производства.

Ключевой вопрос в социалистической организации хозяйства заключается именно в эффективной организации производства, для чего используются инструменты планирования и прогнозирования, создаются общественные фонды потребления и система социальной защиты граждан.

Не случайно, и современный капитализм давно ушел от идеи свободной игры рыночных сил (*laser fare - laser pass*), и активно использует практику индикативного планирования и программного подхода к организации национальных экономик. Это лишь подтверждает преимущества социализма как способа общественной организации производства.

Однако следует заметить, что нет, и не может быть универсального образца общественной эффективной организации производства «на все времена». Такое представление об универсальном механизме или «универсальной машине» вряд ли научно. Такие представления предполагают формирование абстрактной «оглупленной личности» [26], которая передоверяет функции управления экономикой некоей «мегамашине», годной для любых ситуаций [27].

И здесь уместно вспомнить следующее суждение Р.Винера: «Любая машина, созданная в целях выработки решений, если она не обладает способностью научения, будет совершенно лишена гибкости мысли – отмечал он. – Горе нам, если мы позволим ей решать вопросы нашего поведения, прежде чем исследуем законы ее действий и не будем полностью уверены, что ее поведение будет осуществляться на приемлемых для нас

принципах. С другой стороны, подобная джину машина, способная к научению, никоим образом не будет вынуждена принимать такие решения, какие приняли бы мы или которые были бы приемлемы для нас. Для человека, который не уверен в этом, переложить проблему своей ответственности на машину независимо от того, будет ли она способна к научению или нет, означает пустить свои обязанности с ветром и видеть, что они возвращаются ему с бурей» [28, с. 215].

Литература

1. Мерцалов В. Логика антропогенеза. Происхождение человека еще не завершено. М.: Алетейя, 2008. - 296 с.

2. Бухт Р., Хикс Р. Определение, концепция и измерение цифровой экономики // Вестник международных организаций. - 2018.- Т.13. - С.143-172.

3. Бодрунов Б.Н. Ноономика: концептуальные основы новой парадигмы развития // Известия Уральского государственного экономического университета. 2019. Т.20.№ 1. С.9-12.

4. Попов Г.Х.О цивилизации в XXI веке // Вопросы экономики.- 2013. - № 2. - С.94-107.

5. Маргарет Тэтчер: жизнь в цитатах [Электронный ресурс]: www.bbc.com>2013/04 >130408_thatcher _quotes

6. Чернявский С.В., Чернявский В.С. Абсолютная рента: // Вестник Томского государственного университета. Серия: Экономика. - 2016. - № 3 (35). — С. 53–60.

7. Гайсин Р.С. Стоимостная основа абсолютной ренты, ее виды и их динамика по этапам развития сельского хозяйства / Р.С. Гайсин // Вопросы политической экономии. - 2017. - № 1. - С. 53–66.

8. Стожко К.П. Проблема земельной ренты в контексте устойчивого развития аграрной экономики // Историко-экономические исследования. - 2020. - Т.21. - № 2. - С.274-303.

9. Хандруев А.А. Гегель.М.: Экономика, 1990. - 127 с.

10. Маршалл А. Принципы экономической науки. В 3-х т. М.: Прогресс, 1993. - Т.1. - 416 с.

11. Стожко К.П. История мировой экономической мысли. Екатеринбург: Ажур, 2017. - 498 с.

12. Аграрно-экономическая мысль России. Екатеринбург: Урал. гос. аграр. ун-т , 2019. - 346 с.

13. Стожко К.П. Труд в экономике информационного общества: институциональный анализ. Екатеринбург: УМЦ-УПИ,2015. - 288 с.

14. Ларуш Л. Физическая экономика. М.: Научная книга, 1997. 125 с.
15. Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. М.: Политиздат, 1958.- Т.11. - С. 61-67.
16. Мантул Г.А. Институт собственности в Российской империи // Философия права. - 2014. - № 4(65). - С.82-86.
17. Руссо Ж.Ж. Рассуждение о происхождении и основания неравенства между людьми // Руссо Ж.Ж. Избранные сочинения: В 3 т. М.: Политиздат. - Т. 1. - 1961- 852 с.
18. Касидовский З. Библейские сказания. М.: Политиздат, 1975. - 455 с.
19. Григорьев А.В. Антропология: от организмов к техносфере. М.: USSR, 2009. - 480 с.
20. Фишман, Л. Г., Мартьянов, В. С., Давыдов, Д. А. Рентное общество: в тени труда, капитала и демократии. М.: ИД ВШЭ, 2019. - 416 с.
21. Нисканен В.А. Особая экономика бюрократии // Вехи экономической мысли. Экономика благосостояния и общественный выбор. - Т.4. - СПб.: Экономическая школа, 2004. - С.477-493.
22. Савкин Н.С. Имитация как вид деятельности и метод исследования // Гуманитарий. Актуальные проблемы гуманитарной науки и образования. - 2020.- Т.20. - № 2- С. 189-202.
23. Эклунд К. Эффективная экономика. Шведская модель. М.: Экогномика, 1991. - 382 с.
24. Ловкова А.Е. Мягкая сила Австрии // Дискурс-Пи. - 2014. - № 2. - 3. - С.184-192.
25. Талагаева Д. Позитивные и негативные черты современной норвежской социально-экономической модели // Право и управление. - 2013.- № 3(28). - С. 70-73.
26. Некрасов С.Н. Проблема возвращения России в историю и возвращение людей в теорию: социально-психологический подход // Молодежь и наука. - № 5. - 2017.
27. Мамфорд Л. Миф машины. М.: Логос, 2004. - 404 с.
28. Винер Н. Творец и будущее. М.: АСТ, 2003. – 732 с.

Б.А.Воронин
доктор юридических наук, профессор,
Научно-исследовательский институт,
Уральский государственный аграрный университет;

И.П.Чупина
доктор экономических наук, профессор,
Научно-исследовательский институт,
Уральский государственный аграрный университет;
Я.В.Воронина
кандидат экономических наук, доцент,
Научно-исследовательский институт,
Уральский государственный аграрный университет.

РЕАЛИЗАЦИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО КАПИТАЛА В ОРГАНИЗАЦИЯХ АГРАРНОГО СЕКТОРА ЭКОНОМИКИ

Аннотация. Развитие аграрной экономики связано с организацией сельскохозяйственной деятельности по направлениям растениеводства, животноводства, аквакультуры, пчеловодства и других, обеспечивающим выполнение показателей продовольственной безопасности и выход на мировой агропродовольственный рынок, а также занятость в аграрном производстве человеческого капитала сельских территорий, что позитивно отражается на его качестве жизни.

Ключевые слова: человеческий капитал, аграрный сектор экономики, сельские территории, сельское население, социально – экономическое развитие.

Задачи социально – экономического развития сельских территорий ориентированы на создание условий для жизнедеятельности человеческого капитала, состоящего из сельских жителей.

Однако, следует учесть, что налицо создается тенденция о реальной убыли сельского населения. Например, в Свердловской области в 2007 году, когда была принята Комплексная программа социально – экономического развития территорий сельских населённых пунктов в Свердловской области на период 2008 – 2015 годов «Уральская деревня» [4], [3] в сельской местности числилось 740,4 тысячи человек, на 01.01. 2020 года сельских жителей стало около 650 тысяч. По иронии судьбы, вместо стабилизации и роста численности после принятия специальной программы сельское население заметно уменьшилось. И в этом есть две причины. Правда, есть около 750 фермерских хозяйств, но большая часть из них с малой численностью работающих, что в совокупности не восполняет общие показатели численности сельского населения, занятого в аграрной экономике. К вышеизложенному необходимо добавить, что в

отдельных регионах не растёт численность выпускников аграрных учебных учреждений, трудоустраивающихся на постоянную работу в сельскохозяйственной организации. Для примера, можно привести Уральский государственный аграрный университет, где за последние годы только в среднем 5 % выпускников трудоустроились на работу непосредственно в сельском хозяйстве.

Если рассматривать человеческий капитал в плане образования для работы в аграрном секторе экономики, то в этом есть новые вызовы, связанные с научно – техническим развитием сельского хозяйства, цифровизацией, роботизацией, информационными технологиями и другими направлениями «умного» сельского хозяйства.

Очевидно, что работающие в настоящее время специалисты в силу возраста и других объективных причин не смогут освоить новые требования при смене технологического уклада в сельском хозяйстве [2].

Человеческий капитал расширяет возможности его реализации. Реализация человеческого капитала в организациях аграрного сектора экономики зависит от многих условий. Для развития человеческого капитала необходима инвестиционная поддержка. И данная поддержка должна идти не только от самого индивида, но и со стороны работодателя. Человеческий капитал должен приносить его владельцу стимул для развития, поэтому должен быть инвестиционно привлекательным.

Инвестиции должны способствовать отдаче эффективной деятельности и иметь положительный эффект от вложенных средств, который будет являться окупаемым. Из положительных моментов нужно выделить расширенную возможность трудоустройства, при условии, что работник обладает современными знаниями применения своего интеллектуального капитала на предприятиях аграрной сферы экономики. Также положительным моментом будет и рост доходов сельского населения от применения человеческого капитала. Рост доходов приведет к мотивации для создания новой интеллектуальной базы и новых возможностей для использования человеческого капитала. И как итог этому – повышение качества жизни в сельской местности. А качество жизни можно обеспечить только достойной заработной платой.

Чтобы решать такие задачи, необходимо в сельскохозяйственных организациях иметь кадры соответствующего уровня квалификаций и компетенций. Такие кадры надо готовить в образовательных учреждениях аграрного профиля и иных, позволяющих получить нужные знания. В связи с этим возникает проблема способности к обучению существующего в сельских территориях человеческого капитала. Эти сомнения связаны с низкой общей

подготовкой сельской молодёжи по причинам школьных преобразований, а точнее сказать, ликвидации в отдельных сельских населённых пунктов школ, а также наличием современной материально - учебной базы, и в отдельных школах низкого уровня обучения, связанного с квалификацией сельских учителей, так как среди них многие работают, не имея педагогического образования и учительствовать приходится людям, имеющим иную подготовку.

Работающие сегодня в существующих сельскохозяйственных организациях аграрные специалисты в массе своей пенсионного возраста, и в скором времени уйдут на заслуженный отдых на пенсии. Значит, необходимо будет восполнять кадровый состав, а для этого нужен специально подготовленный человеческий капитал.

Происходящие процессы урбанизации не могут не повлиять на формирование человеческого капитала аграрного сектора. Урбанизация производств аграрного сектора происходит за счет развития городского сельского хозяйства, разведение аквакультуры, птицеводства и т.д. на территориях крупных населённых пунктов. Благодаря новым архитектурным и инженерным решениям, информационно – коммуникационным технология, обеспечивающим автоматизацию агропромышленного комплекса, уже проектируются и внедряются в ряде развитых стран вертикально сельское хозяйство.

Научно – технологическое развитие аграрного сектора в настоящее время определяется двумя сценариями развития «Локального роста» и «Глобального прорыва». Ожидается перемещение новых технологий, разработок в аграрный сектор, появление вертикального сельского хозяйства и других платформенных технологий. Первый сценарий предполагает стабильный рост аграрного сектора и специализацию на сегментах рынка, где российская продукция конкурентоспособная. Второй сценарий ориентирован на выход на новые рынки за счет ускоренного научно – технологического развития и максимального использования человеческого капитала.

Человеческий капитал аграрной сферы – это совокупность имеющихся у человека запасов здоровья, врождённых способностей и приобретённых компетенции и мотивации, применяемых в процессе трудовой деятельности в данной сфере и позволяющих при определённых условиях развиваться и развивать соответствующие производство, достигать поставленные цели и приносить доходы [1].

Человеческий капитал сельскохозяйственных организаций включает в себя руководящих квалифицированных специалистов – агроном, зоотехник, ветеринарный врач, инженер, механик, энергетик, экономист, бухгалтер, кадровый работник и другие, в зависимости от направления деятельности.

Персонал – весь личный состав работающих по найму постоянных и временных квалифицированных и неквалифицированных работников. Трудовые ресурсы, характеризующие потенциальную рабочую силу (учащиеся школ, обучающихся в учреждениях среднего профессионального и высшего образования, молодые безработные и другие сельские жители не занятые в настоящее время в организованном сельском хозяйстве).

Сельские территории согласно определению, изложенному в Стратегии устойчивого развития сельских территорий Российской Федерации на период до 2030 года [1] – территории сельских поселений и межнаселенные территории. Сельские поселения – один или несколько объединённых общей территории сельских населённых пунктов, в которых местное самоуправление осуществляется населением непосредственно и (или) через выборные и иные органы местного самоуправления.

Развитие аграрной экономики связано с организацией сельскохозяйственной деятельности по направлениям растениеводства, животноводства, аквакультуры, пчеловодства и других, обеспечивающим выполнение показателей продовольственной безопасности и выход на мировой агропродовольственный рынок, а также занятость в аграрном производстве человеческого капитала сельских территорий, что позитивно отражается на его качестве жизни.

Для развития человеческого капитала необходима инвестиционная поддержка. И данная поддержка должна идти не только от самого индивида, но и со стороны работодателя. Человеческий капитал должен приносить его владельцу стимул для развития, поэтому должен быть инвестиционно привлекательным.

Инвестиции должны способствовать отдаче эффективной деятельности и иметь положительный эффект от вложенных средств, который будет являться окупаемым. Рассмотрим плюсы и минусы инвестирования в человеческий капитал в аграрном секторе.

К сильным сторонам можно отнести:

- повышение конкурентоспособности человеческого капитала;
- повышение квалификационных навыков;
- решение проблем по дефициту кадров в сельской местности на сельскохозяйственных предприятиях;
- более эффективная отдача от человеческого капитала по сравнению с отдачей физического капитала.

Слабыми сторонами можно назвать:

- инвестирование человеческого капитала – это затраты, которые не всегда являются оправданными;

- инвестирование в человеческий капитал в аграрном секторе находится на низком уровне в связи с ограниченными финансовыми возможностями сельскохозяйственных предприятий;

- длительный период отдачи от вложений в человеческий капитал;

- низкая мотивация и работников, и работодателей от небольшого инвестирования.

Научно – технологическое развитие аграрного сектора в настоящее время определяется двумя сценариями развития «Локального роста» и «Глобального прорыва». Ожидается перемещение новых технологий, разработок в аграрный сектор, появление вертикального сельского хозяйства и других платформенных технологий. Первый сценарий предполагает стабильный рост аграрного сектора и специализацию на сегментах рынка, где российская продукция конкурентоспособная. Второй сценарий ориентирован на выход на новые рынки за счет ускоренного научно – технологического развития и максимального использования человеческого капитала.

Все перечисленные и другие обстоятельства актуализируют проблему качества жизни человеческого капитала в сельских территориях во взаимосвязи с развитием аграрного производства.

Литература

1.Стратегия устойчивого развития сельских территорий Российской Федерации на период до 2030 года (утв. распоряжением Правительства РФ № 151-р от 02.02.2015 г.).

2. Воронин Б. А., Фатеева Н. Б. Обеспечение квалифицированными специалистами АПК: социально – экономические проблемы (на примере Свердловской области) // Аграрный вестник Урала. 2014. № 11. С.60-62.

3. Государственная программа «Комплексное развитие сельских территорий». Утв. Постановление правительства Российской Федерации № 696 от 31 мая 2019 г.

4. Комплексная программа социально – экономического развития территорий сельских населённых пунктов Свердловской области на период 2008– 2015 годов «Уральская деревня». Утв. Постановлением правительства Свердловской области № 1176-ПП от 28 ноября 2007 г. Областная газета, 2008 г.

Б.А.Воронин
доктор юридических наук, профессор,
Научно-исследовательский институт,

Уральский государственный аграрный университет;
И.П.Чупина
доктор экономических наук, профессор,
Научно-исследовательский институт,
Уральский государственный аграрный университет;
Я.В.Воронина
кандидат экономических наук, доцент,
Научно-исследовательский институт,

ПРАКТИЧЕСКИЙ ПОДХОД К НАУЧНЫМ ИССЛЕДОВАНИЯМ В СЕЛЬСКОМ ХОЗЯЙСТВЕ

Аннотация. В российском аграрном производстве в настоящее время стоят остро проблемы семенного материала в растениеводстве, поскольку используются импортные семена – картофеля до 70 %, сахарной свеклы – до 90 %, овощей открытого и закрытого грунта от 70% до 90 %. С принятием специальной программы быстро решить существующие проблемы не удастся. Но это обуславливает активизацию научных разработок в аграрной сфере, способных обеспечить уход от импортозависимости и внедрять в российское аграрное производство отечественные семена.

Ключевые слова: научные исследования, цифровизация, сельское хозяйство, органическая продукция, модернизация.

Сегодня в Российской Федерации создаются селекционно – семеноводческие и селекционно – генетические центры, на которых ведется научно – практическая разработка отечественных семян, пород и кроссов для внедрения в аграрное производство.

Например, в Свердловской области в Белоярском городском округе функционирует селекционно – семеноводческий центр «Уральский картофель», цель которого состоит в разработке новых сортов картофеля – около 20 сортов. Из всех сортов больше половины представлены собственной селекции, а остальные – сорта российской селекции и часть зарубежной. Предприятие создано в 2017 году. Но когда оно будет работать на полную мощность, то производительность достигнет десяти тысяч тонн элитных семян картофеля за год. Этим будут обеспечены потребности не только Уральского федерального округа, но и других регионов России. Сейчас закупаемый картофель в стране в

основном иностранный. Семеноводческий центр имеет в своей основе технологии размножения с использованием современных роботизированных ДНК – технологий и ПЦР – анализа.

Еще несколько лет назад о таком практическом подходе к научным исследованиям никто и не помышлял, а сегодня есть надежда на получение результатов инновационной селекции.

Модель или уклад развития села и сельской экономики всегда связаны с проводимой государственной политикой в отношении сельских территорий. Поскольку сельские территории не только место жительства человеческого капитала, но и место трудовой и хозяйственной деятельности сельских жителей, которые изначально заняты в сельском хозяйстве, то естественно, огромное влияние на модель или уклад развития села оказывает существующая аграрная политика.

Программа по цифровизации сельского хозяйства откроет широкие перспективы и возможности для использования информационных технологий отечественного приборостроения для повышения рентабельности в сельском хозяйстве.

Также в России планируется создание отраслевой квазикорпоративной электронной образовательной системы «Земля знаний».

Реализация программы «Цифровое сельское хозяйство» предназначена для развития новой аграрной технологической политики и рентабельности в смежных отраслях: ИКТ, производство инновационной сельскохозяйственной техники и оборудования для точного земледелия, биологических препаратов, оптимизации средств защиты растений [4].

Эти направления потребуют модернизированных процессов в аграрном секторе. Необходимо отметить и то, что дальнейшее развитие сельского хозяйства связано не только с цифровизацией, но и с экологизацией – «зеленой экономикой».

«Зеленая экономика» по своей составляющей направлена на ресурсосберегающие технологии и экологически безвредное производство, которые уменьшают риски загрязнения в окружающей среде. Переход в сельском хозяйстве от традиционной формы к «зеленой экономике» является важным процессом в связи с неблагополучной экологической ситуацией. Основной задачей «зеленой экономики» является увеличение объемов производства сельскохозяйственной продукции без нарушений в землепользовании для сохранения плодородия почвы; снижение негативных последствий сельскохозяйственной деятельности на качество продукции, сырья и продовольствия [5].

Здесь предполагается использование БИО и нано – технологий. А значит, и производство сельскохозяйственной продукции должно быть натуральным. Это получило название органической продукции. В своем значении органическая продукция сельского хозяйства представляет собой натуральную продукцию, которая производится в экологических зонах сельскохозяйственного производства из сырья растительного и животного происхождения. Кроме этого это и продукция пчеловодства, рыбоводства, лесного хозяйства. Данную продукцию производят. Перерабатывают, сертифицируют, маркируют и реализуют по правилам органического производства. Данные правила заключаются в том. Что продукция на любом из перечисленных этапов должна сохранять ценные биологические качества.

Органическое производство – это система управления фермой и производством пищевых продуктов, которая наилучшим образом сочетает экологические методы, высокий уровень вариативности, сохранение природных ресурсов, применение высоких стандартов содержания и воспроизводства животных, с преимущественным правом определенных потребителей приобретать продукты. При производстве которых использованы естественные вещества и процессы. (Предписание ЕС № 834/2007 от 28.06.2007 г.) [2].

По данным национального российского органического союза, опубликованным в Российской газете от 04.02.2020 года видно, что РФ находится в низшей части рейтинга среди ведущих стран мира по органическому производству, и здесь предстоит еще много поработать аграрным предпринимателям.

В комплексе с этим находится и организация экспорта сельскохозяйственной продукции, т.к. органические продукты более предпочтительны для выхода на мировой агропродовольственный рынок.

Чтобы решить поставленные задачи, сельское хозяйство и другие субъекты агропромышленного комплекса должны перейти в новое качество аграрного производства, основанное на научно – технических достижениях, и добиться необходимых результатов в растениеводстве, животноводстве и других сферах сельскохозяйственной деятельности. Это позволит поднять продуктивность сельскохозяйственных растений и животных и производительность труда, что в совокупности будет способствовать решению проблемы обеспечения продовольственной безопасности РФ, импортозамещения сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия, сельскохозяйственной техники и оборудования, агрохимикатов, ветеринарных препаратов и иных услуг, необходимых сельскому хозяйству. В новых условиях развития сельского хозяйства стратегически важным будет выход аграрных предприятий на мировой рынок агропродукции [3].

Важное значение в настоящее время придается селекции и семеноводству сельскохозяйственных культур, и племенному делу в животноводстве. Для 4-х природно – климатических зон на Среднем Урале стоят задачи увеличения урожайности районированных зерновых культур с сегодняшних в среднем по области 20-22,5 ц/га до 40-50 ц/га. Опыт достижения такой урожайности зерновых есть в Ирбитском муниципальном районе, в хозяйствах СПК «Килачевский», СПК «Урал» и других. Задачей руководства и специалистов сельскохозяйственных организаций и фермеров Свердловской области внедрить этот опыт в своих хозяйствах.

Важно отметить, что в настоящее время, как никогда раньше, особое внимание уделяется правовому обеспечению развития сельскохозяйственной деятельности и ее научно – технологическому содержанию. Но многие агрохолдинги заинтересованы только в рентабельности и повышении производительности, поэтому вкладывать свои средства в социальную составляющую определенного села не спешат. Теперь они стали хозяевами сел, и главное для них эффективное вложение денежных средств для получения высокой прибыли. Государственных средств на строительство жилья и улучшения жизни сельских жителей не хватает. Выделяется только минимум средств на неотложные нужды.

Сейчас многие сельскохозяйственные предприятия пытаются хотя бы выжить, не говоря уже о цифровизации в аграрном секторе. Например, в молочном животноводстве идет динамика сокращения поголовья дойных коров. Но даже не это главное. Инфляционные процессы и повышение стоимости на материально – кредитные ресурсы привели к снижению индекса физического объема инвестиций в основной капитал отрасли на 17,6 п.п. по сравнению с показателями, предусмотренными Государственной программой [1]. Негативная роль в этом принадлежит и высокой закретитованности сельскохозяйственных организаций, что ведет к снижению возможности привлекать кредитные ресурсы товаропроизводителям.

Основные кредиторы аграрного комплекса страны – это «ПАО Сбербанк и «Россельхозбанк». На их долю представлено 83 % объема предоставляемых кредитных ресурсов для сельского хозяйства.

Необходимо, чтобы мероприятия, проводимые по модернизации сельского хозяйства имели действительный эффект, а не просто постановление регионального или федерального значения, которое может быть и не выполнено, или выполнено не полностью. Для этого необходимо расширить доступность кредитных средств для развития животноводческого комплекса. Уже намечены планы по субсидированию на две трети процентной ставки по кредитам из средств Федерального бюджета. И если кредиты будут по срокам

превышать 3-5 лет, то модернизация производственных комплексов в животноводстве станет вполне реальной.

Необходимо также повышать генетический потенциал животных. Для этого нужно осуществить закупку племенного скота. Но этого недостаточно. Необходимым условием будет и закупка из средств кредита современного оборудования по системе государственного лизинга. Для этого «Росагролизинг» должен ежегодно обеспечивать увеличение уставного капитала.

Следующим направлением должно стать решение Правительства РФ об отмене таможенных пошлин на технологическое оборудование для животноводства, которое не имеет аналогов в стране.

Важным направлением является и развитие малых форм хозяйствования, которые представлены как фермерские хозяйства и хозяйства населения, а также различные виды сельскохозяйственных кооперативов. Именно в малых формах хозяйствования производится почти 92 % картофеля и овощей, которые являются экологически чистыми продуктами. Но проблема состоит в том, что у данных форм хозяйствования нет необходимой инфраструктуры товарного и кредитного обеспечения, поэтому у них ограничен доступ на рынок.

Также необходимо и развитие кредитной кооперации и производства по переработке сельскохозяйственной продукции, которая производится в фермерских хозяйствах и личных подсобных хозяйствах.

Важным мероприятием является и совершенствование земельно – ипотечного кредитования под залог земельных участков и земель, относящихся к сельскохозяйственному назначению.

Литература

1. Вараев У. С. Проблемы развития сельского хозяйства в России в период санкций // Молодой ученый. 2016. №16. С. 147-149.

2. Донник И. М., Воронин Б. А. Производство органической сельскохозяйственной продукции как важное направление «зеленой экономики» // В сборнике «Российские регионы в фокусе перемен». Екатеринбург, 2016. С. 250-251.

3. Рущицкая О. А., Лоретц О. Г., Воронин Б. А. О производстве органической сельскохозяйственной продукции под брендом «Органика» // Вестник Алтайской академии экономики и права. 2018. № 4. С.108 – 109.

4. Chupina I. P. The expansion of educational space due to the development of the digital environment // Материалы международной научно-практической конференции «Education, Law, Business», Spain, Madrid, 26.04. 2019. С. 179-182.

5. Voronin B. A., Chupina I. P., Mokronosov A. G., Kot E. M. Consequences of Economic Sanctions For Food Security of Russia // International journal of Advanced Biotechnology and Research (IJBR) ISSN 0976-2612, Online ISSN 2278-599X, Vol-9, Issue-1, pp1023-1028.

Б.А.Воронин
доктор юридических наук, профессор.
Уральский государственный аграрный университет;
С.С.Фоменко
кандидат философских наук, доцент,
Учебно-производственный центр ОАО «Роснефть».

ФЕНОМЕН ПРАВОСОЗНАНИЯ В РЫНОЧНОЙ ЭКОНОМИКЕ

Аннотация: В статье рассмотрена проблема комплиментации норм права в сфере хозяйственной деятельности людей. Выдвинут тезис о формировании правосознания как особом типе правового сознания и условии успешной комплиментации норм права. Дана типология правового сознания (правосознания) в контексте основных типов мировоззрения.
Ключевые слова: право, правовое сознание, правосознание, институт, комплиментация, норма.

Право как институт – это система норм, определяющих поведение человека. В том числе и его хозяйственную деятельность. Однако в условиях информационного общества мера и характер такого определения существенно девальвированы. И обусловлено это тем обстоятельством, что правовые нормы во многих отношениях перестают быть ценностными ориентирами для людей. На их место приходят новые ориентиры, связанные с неформальными институтами. Тем самым, эффективность права как важного качественного критерия для сознания неуклонно снижается. Формально, эффективность права как института можно рассчитать путем соотношения соблюдаемых личностью норм к не соблюдаемым ею нормам. Но полученный коэффициент будет неполным, поскольку в реальном практике имеют место и частично соблюдаемые нормы права, которые личность «препарирует» под себя. Отсюда берет начало и сама проблема комплиментации правовых норм (их исполнения), вся правоприменительная практика.

Чтобы правовые нормы неукоснительно соблюдались личностью, они должны стать неотъемлемой частью ее правового сознания. Такой процесс представляет собой формирование принципиально нового феномена – правосознания личности. Анализ противоречий между правом как институтом и правовым сознанием неизбежно требует от нас исследования а) правосознания как особого типа правового сознания человека; в) всей морфологии правового сознания и правосознания личности.

Для этого обратимся к основным типам мировоззрения людей. Известно, что существуют следующие типы мировоззрений: антропоцентризм, теоцентризм, социоцентризм и т.д. В состав мировоззрения входят нормы, которые «весьма схожи с ценностями, но в то же время существенно от них отличаются. Если ценностный аспект отношения к тому или иному событию заключается в его квалификации (оценивании), то норма несет в себе установку на регулятивность, предписание: она предписывает, как должно действовать, что следует делать, чтобы достичь определенного результата. Нормы разрешают или запрещают что-либо делать» [1]. Если представить структуру любого мировоззрения в целом, то она сводится к совокупности а) знаний, в) ценностей и с) норм. И от того, каков характер каждого из названных компонентов и какова их взаимосвязь, зависит устойчивость и цельность мировоззрения.

Очевидно, что правосознание также включает в себя определенные компоненты. Ценности и нормы также присутствуют в структуре правосознания. Но, в отличие от сознания, в котором формируются знания как таковые, в правосознании под воздействием личного опыта и через личностное отношение к тому, что знаешь, формируются именно нормы. Иначе говоря, в правосознании происходит процесс превращения ценностей в нормы. Следовательно, сознание, не подкрепленное самосознанием – это не развитое, не зрелое, не устойчивое сознание.

Аналогично, и правовое сознание без правосознания – формальный институт, который может служить и добру, и злу. В самом деле, если ценности постоянно меняются, не становятся нормами, то меняется и мировоззрение в целом. Дело в том, что если ценность не становится нормой, то не формируются убеждения. Человек остается на уровне представлений, которые могут достаточно легко изменяться под влиянием самых разных факторов (эндогенных и экзогенных). Они, эти представления, не обладают необходимой степенью устойчивости, что превращает и сознание в весьма «ветреное», неустойчивое образование. Иное дело, когда правосознание позволяет сформироваться из ценностей нормам. Тогда появляются

убеждения, и само поведение личности становится строго целенаправленным и детерминированным нормами.

Обратимся к юридическим нормам. Очевидно, что они «регулируют отношения в обществе принудительно: им обязаны подчиняться все без исключения граждане, независимо от того, хороши ли нормы права или нет» [2]. Но весь вопрос в том, насколько «хороши» нормы права . «Хороши» для всех, а не для отдельных категорий граждан или социальных групп. Ведь следование «плохим», т.е. не социализированным, юридическим нормам, которые противоречат объективным интересам людей, не просто аморально. Это – очевидное зло, поскольку оно нарушает высшие, абсолютные принципы (ценности) человеческого общества. Именно в этом увидел русский философ – основатель «идеалистической» школы права П.И.Новгородцев причину кризиса правосознания. В работе «Кризис современного правосознания» (1909) он особое внимание обратил на бессилие внешних политических форм и учреждений, на распространение представлений о ненужности права как такового, права без нравственности. На рубеже XIX и XX веков кризис правосознания обнажил дефицит того, что автор назвал «нравственным долженствованием» [3], а еще до него И.Кант – «нравственным законом». Эта же причина лежит в основе и современного кризиса правосознания начала XXI века.

Поэтому вполне актуально звучат слова П.И.Новгородцева о том, что «оберегать нравственную основу права от воздействия мелкой практики и односторонней теории, утверждать его чистое, идеальное значение, его моральную основу – вот цель, которой должны служить современная философия права, вот знамя, под которым она должна идти» [4].

Однако если цель философии права состоит в том, чтобы «оберегать нравственную основу права», то цель социальной философии заключается в том, чтобы раскрыть социальную природу этой нравственной основы. П.И.Новгородцев справедливо видел эту основу в человеческой солидарности. В основе такой солидарности, по его мнению, лежит право на достойное существование [5]. Это право русский философ рассматривает как фундаментальный принцип существования и развития общества. Без соблюдения этого принципа разные социальные силы, руководствующиеся, казалось бы, высокими идеалами, часто сбиваются на насилие, на террор, на осуществление зла. В качестве примера автор приводит деятельность Робеспьера. Кроме того, анализируя в своих «Лекциях по философии права» взгляды многих предшественников на сущность права и правосознания, русский философ приходит к выводу о том, что «не мы одни, весь мир переживает в наши дни кризис правосознания. И самое важное и основное в

этом кризисе есть то, что это – кризис неверия, кризис культуры, кризис государства, отринувшего связь с церковью, кризис закона человеческого, отказавшегося от родства с законом Божеским» [6].

Религиозный характер представлений П.И.Новгородцева о сущности правосознания сегодня многим покажется анахронизмом и диссонансом в отношении к прагматическому мышлению, нигилизму и атеизму. Следует, однако, иметь в виду, что история правосознания – это, прежде всего, история религиозного правосознания. И тут, для ее адекватного понимания, важное место занимают именно религиозные нормы, их генезис.

Понятно, что религиозные нормы распространяются только на людей верующих. При этом, люди, принадлежащие к разным вероисповеданиям, придерживаются разных религиозных норм. Религиозные нормы, также как нормы юридические, находятся в постоянном развитии. Они изменяются не только внешне, с учетом современной ситуации, но и внутренне, с учетом интегрированности личности в современный социум. Налицо ослабление общего влияния религиозных норм на правосознание человека, произошедшее в XX столетии. Это тоже фактор постоянных трансформаций нашего сознания и самосознания.

В этой связи встает вопрос о том, как часто меняются мировоззрение, сознание, самосознание, правовое сознание и правосознание? Что касается мировоззрения, то тут можно сослаться на мнение русского философа Л.Шестова, который считал, что мировоззрение человека может меняться сколько угодно и как угодно часто. Человек может менять свое мировоззрение как ботинки или перчатки [7]. Однако философ не приводил никаких аргументов в пользу своего мнения, ссылаясь исключительно на свободу выбора, на личную свободу человека и т.д. Что же касается тех, кто хотел быть постоянным в своем мировоззренческом выборе, Л.Шестов предлагал «учреждать порядок внутри себя» и «не гордиться этим, а всегда помнить, что в этом сказывается человеческая слабость, ограниченность, тяжесть» [8].

Представляется, что Л.Шестов испытал на себе влияние современных ему западных концепций философии права и правосознания, уже подверженных модернистским веяниям. Он, например, совершенно безосновательно ставит во главу угла вольной смены мировоззрений идею полной свободы. Но личность нигде и никогда не была полностью свободной. Философская наука оперирует с понятием автономия личности. Подмена понятий ведет к неубедительности выводов Л.Шестова. Кроме того, он совершенно безосновательно называет приверженность своим убеждениям и принципам догматизмом. Здесь становится понятным, что русский философ вообще не различает элементы мировоззрения: знания, ценности и нормы. Приверженность знаниям, которые

могут устаревать, действительно, можно называть догматизмом. В переводе с греческого dogma – мнение. Мнение, основное на представлении, вполне может меняться по мере углубления наших знаний. Но это касается сознания. Что же касается ценностей, то здесь вопрос более сложный. Есть абсолютные ценности бытия, одинаково актуальные на любом этапе существования личности (ценности веры, надежды, любви, добра, красоты и т.д.). Есть же ценности производные, функциональные, значение которых может изменяться на разных этапах человеческой жизни. Ценности свободы, равенства, достатка (материальной обеспеченности), информированности, например, существенно меняют свое значение. Точнее то значение, которое им придает человек на разных этапах своего жизненного пути. И если в этом случае такое изменение значимости естественно, что в случае с абсолютными ценностями такое изменение значений, которое личность придает высшим ценностям бытия, свидетельствует только о неполноценности ее бытия и не целостности личности как таковой. Поэтому суждения Л.Шестова вызывают серьезные возражения. Эти возражения еще больше усиливаются, когда мы обращаемся к самосознанию и правосознанию, т.е. тем конструктам личности, в которых формируются ценностные ориентации и нормы. Нормы отражают идеалы и принципы жизнедеятельности личности. Меняя эти принципы, эти правила игры и изменяя своим идеалам, личность само разрушается, а отнюдь не адаптируется, не развивается. Она утрачивает и свою этническую, и свою культурную идентичность. Потому что идеалы и основанные на них принципы – нормы поведения – это фундамент любой национальной родовой культуры.

Вот как описывал эти идеалы культурной идентичности П.И.Новгородцев. Ссылаясь на Ф.М.Достоевского, он писал: «В произведениях Достоевского мы находим отчетливейшее выражение русского мировоззрения, у него мы находим и глубочайшие основы русской философии права. Если попытаться высказать в немногих словах эти основы, то их, по-моему, можно сформулировать следующим образом:

1. Высший идеал общественных отношений есть внутреннее свободное единство всех людей, единство, достигаемое не принуждением и внешним авторитетом, а только Законом Христовым, когда он станет внутренней природой человека.

2. Единственный, подлинный и совершенный путь к идеалу – свободное внутреннее обновление людей и внутреннее осознание их общей друг за друга ответственности и их всепронизывающей солидарности. Поскольку это обновление может быть достигнуто лишь милостью Божией как следствие веры и любви, возникающих в человеке Божией благодатью, - осуществление общественного идеала без Бога невозможно. Обустройство без Бог, без Христа

– это попытка, обреченная на слабость и бесплодность. Всюду и всегда, где является действительный нравственный прогресс, имеется также и осуществление дела Божия, которое может состояться и без воли человека и воззвания его к Богу, силой высшей воли и божественного провидения.
3. В процессе общественного строительства право и государство представляют собою лишь известные вспомогательные ступени этого развития, которые сами по себе слишком слабы для преобразования жизни. Их задача – возможно ближе подняться к действительному идеалу общественной жизни, воплощенному в Церкви в ее идеальном смысле, как месте внутреннего свободного сожития людей…
4.Поскольку закон Божий, закон любви, есть высшая норма для всех жизненных отношений, право и государство должны черпать свой дух из этой высшей заповеди. Не раскол между правом, с одной стороны, и нравственностью, с другой, как то провозгласила новая философия права, а новая, непосредственная связность права и нравственности …»[9].

И далее, следуют еще три пункта «символа веры» в том же духе. Понятно, что этот «символ веры» бесконечно далек от современного состояния российского общества и самого человека. Уповать на религиозность или мистическое основание солидарности представляется бессмысленным. Важнее понять, что для осуществления человеческой солидарности (в форме социального партнерства, социальной кооперации или иной) необходимо укреплять правосознание как инструмент духовно-нравственной «самонастройки» нашего правового сознания, да и сознания вообще, в целом. И эта социальная основа, хоть она и основа, «не стоит» на месте. Она развивается и порождает переходные формы и типы сознания, правового сознания и правосознания. Но важно то, что социально-философский аспект анализа правосознания связан, в первую очередь, с той ролью, которую оно играет в механизмах регуляции социального поведения индивида. «Иначе говоря, это проблема условий и факторов усвоения индивидом содержания моральных, правовых, религиозных, политических и т.д. способов реализации их требований, с одной стороны, с другой – исследование содержания норм с точки зрения учета ими границ и способов самодеятельности человека, сферы его свободы, защищенной от чьего-либо вмешательства» [10].

Рассматривая именно правовое самосознание (правосознание), личность задается вопросом о том, в чем состоит ее право. Этот вопрос влечет за собой другой не менее важный вопрос: каковы способы правовой реализации объективных интересов личности? Чтобы остаться в правовом поле, т.е. в пределах общепринятых норм, личность должна соотнести эти нормы со своими собственными. Она должна выработать способы такого соотнесения.

Здесь требуются: a) самооценка, в) самопознание, c) саморегулирование, d) самоконтроль. Эти четыре компонента самосознания позволяют ему эффективно преобразовать личное сознание, в том числе и правовое сознание, не нарушая социальных (например, правовых) норм и не допуская социальных отклонений (девиаций).

Таким образом, комплиментация норм права, т.е. их соблюдение всегда детерминировано сознанием человека, а точнее особым его типом правосознанием. В свою очередь правосознание человека как субъекта хозяйственной практики детерминировано его культурой, которая является ничем иным, как системой ценностей, которыми руководствуется личность. При этом в основе культуры субъектов хозяйственной практики лежат их объективные экономические интересы. В той степени, в какой нормы права соответствуют этим интересам, они и являются институтами и составными элементами культуры. Следовательно, именно культура играет определяющую роль в соблюдении и применении норм права со стороны личности. Попытки искусственного навязывания ей неких правовых сценариев поведения на основе формального консенсуса чьих-то интересов всегда будут приводить к появлебнию своеобразных институциональных ловушек – противоречий между нормами права и законными (объективными) интересами самой личности. А, значит, будут негативно влиять и на саму экономику.

Литература:

1. Рыбаков Н.С.Мутации мировоззрения? // Мировоззрение и культура. Сб. ст. Екатеринбург: Изд-во «Банк культурной информации». 2002. С.43.
2. Там же. С.43.
3.См.: Новгородцев П.И. Сочинения. М.: Раритет. 1995.С.12.
4. Там же. С.306.
5. Там же. С.321 и др.
6. Там же.
7. Шестов Л.Апофеоз беспочвенности. Опыт догматического мышления. Л. 1991. С.51.
8. Там же. С.51-52.
9. Новгородцев П.И.Указ. соч. С.373-374.
10. Ершов Ю.Г., Истамгалин Р.С. Социально-философские проблемы анализа индивидуального самосознания // С.125.Мировоззрение и культура. Сб. ст. Екатеринбург: Банк культурной информации. 2002.

Л.А. Журавлева
кандидат философских наук, доцент,
кафедра философии,
Уральский государственный аграрный университет;
Е.В. Зарубина
кандидат философских наук, доцент,
кафедра философии,
Уральский государственный аграрный университет.

КУЛЬТУРА ПИТАНИЯ: ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ВОПРОСЫ

Аннотация. В статье предпринят анализ результатов проведенного авторами разведывательного социологического исследования на основе интегративной стратегии с использованием качественных и количественных методов сбора социальной информации, обеспечивающих качество и достоверность полученных данных. Делается вывод о различных моделях пищевого поведения респондентов по доминирующим стереотипам и сложившимся привычкам питания: молодежный, рациональный, непостоянный. Описаны выделенные типы респондентов и намечены перспективы дальнейшего изучения питания как социального феномена.

Ключевые слова: Социология питания, модели пищевого поведения, культура здорового питания, социологическое исследование.

В обществознании одним из многоаспектных и многозначных определений является понятие культуры. Питание как социально-культурное явление стало объектом пристального научного изучения в середине столетия. В это же время стали появляться международные организации, исследующие этнографические, медицинские и организационные аспекты этого глобального феномена. Институциализации данного исследовательского направления способствовало создание в 1945 году при Организации Объединенных наций (ООН) профильной межправительственной организации по вопросам сельского хозяйства - Food and Agriculture Organization, FAO, поставив проблему продовольственной безопасности и неравного доступа различных социальных групп к качественному питанию. Отметим некоторые из них:

- Институт питания и сельского хозяйства при ООН (г. Будапешт, 1995);
- Объединенный Североамериканский Совет по вопросам питания (1997);

- Институт по сохранению и развитию национальной культуры питания (Япония), который работает в связи с ростом числа людей, отказывающихся от национальной кухни в пользу менее полезного фастфуда.
- Университет научной кулинарии (Испания). Создание и деятельность этих институтов актуализирует проблему рационального питания населения, как в отдельных государствах, так и в мире в целом.

Социология питания в последнее время все больше усиливает свои позиции за счет роста публикаций и эмпирических исследований по этой актуальной проблематике. Отметим, что увеличение популярности данного направления исследований предопределяется синергетическим эффектом от межпредметных связей с «родительской» аграрной социологией и рядом специальных социологических теорий: экономической социологией, социологией образования, социологией здоровья, социологией повседневности, социологией потребления, социологией моды и рядом других. Межпредметные связи усиливают познавательные возможности и повышают уровень научности в исследовании феномена питания и его роли в жизни общества.

Сейчас многие ученые проводят рефлексивный анализ последствий для человечества пандемии коронавируса Covid-19. На наш взгляд, одним из уроков «коронакризиса» стало понимание того, что здоровье зависит не только от системы здравоохранения и образования, но и от сформированных моделей поведения по поддержанию хорошего самочувствия. Питание несомненно является одним из факторов, укрепляющих иммунитет и здоровье людей, что и предопределило наш исследовательский интерес к этой теме.

Для изучения самооценок людей относительно своего ежедневного питания, авторами было проведено осенью 2020 года социологическое исследование. Была применена интегративная исследовательская стратегия с использованием качественных и количественных методов сбора социальной информации, обеспечивающая качество и достоверность полученных данных.

Реализуя качественные методы, мы применяли нарративные интервью, включенное наблюдение, фокус-группы и письменные опросы (спровоцированные исследователями эссе по проблемам питания, изложенные респондентами в свободной форме).

Количественный метод был представлен пилотажным смарт-опросом (N= 75). Опишем социально-демографические характеристики респондентов. 73 % опрошенных составили женщины – рассматриваемая нами как экспертная аудитория внутри целевых групп, а 27 % – мужчины. Преобладающее большинство респондентов (95,9%) – жители Российской Федерации, а 4,1% ответивших на вопросы анкеты имеют гражданство ФРГ и Украины.

Распределение по возрасту представлено примерно равными в процентном отношении группами – молодежи и взрослого населения (рис. 1.).

Рис. 1 Распределение респондентов по возрастным группам

По роду занятий респонденты распределились следующим образом: 52% работающие по найму; 39% - учащиеся, студенты; 7% предприниматели; 2 % неработающие пенсионеры и лица, занимающиеся домашним хозяйством и уходом за детьми. Сопоставляя с данными о доходах на одного члена семьи в месяц, можно сделать вывод о принадлежности семей более половины массива (53%) к среднему классу. Ежемесячный доход опрошенных представлен на Рис.2.

Результаты исследования подтвердили нашу гипотезу о различных моделях пищевого поведения респондентов по доминирующим стереотипам и сложившимся привычкам питания.

Первая группа, которую можно условно назвать молодежной моделью, представлена неустойчивыми пищевыми практиками, ориентацией на рестораны быстрого питания как удобного и комфортного, места общения с друзьями, достаточно регулярное употребление фаст-фуда и «пищевого мусора», питание на ходу, использование полуфабрикатов [1, с.107]. Для этой группы характерны противоречивые паттерны относительно употребления здорового питания; разрывы ценностных установок и рутинных пищевых практик [2, с.78].

Рис.2. Доход на одного члена семьи в месяц

Вторая группа, включает респондентов с рациональной моделью питания, опирающихся на принципы здорового питания и минимизацию употребления «вредных» для здоровья продуктов. Представители этой группы, не являясь фанатами здорового питания или перманентных диет, предпочитают домашние завтраки, обеды и ужины в кругу семьи, любят и умеют готовить, имеют опыт выбора экологически чистых продуктов. Для них важны как церемониал и эстетика, так и качество, и польза питания, сочетание гедонизма и эффекта от совместной трапезы. Вторую модель мы назвали «экологической», опираясь на наши предыдущие исследования [3, с.37].

Безусловно, есть группа «непостоянных», сочетающих варианты поведения первых двух моделей, склонных к шараханью от переедания к диетам и голоданию, нерегулярному питанию, пищевому экспериментированию.

Эти модели не зависят от возраста и встречаются в каждой из социально-демографических групп. Среди наших дальнейших планов – более детальное изучение паттернов пищевого поведения различных возрастных когорт, выяснение того, как социальное окружение, мода и средства массовой коммуникации влияют на привычки и пищевые предпочтения респондентов, и, конечно, проектирование рекомендаций по формированию культуры питания в каждой из групп.

Литература

1. Журавлева Л. А., Зарубина Е. В., Ручкин А. В. Культура питания студенческой молодежи как инновационной социальной группы // Агропромышленный комплекс: стратегия развития Материалы Международной научно-практической конференции «От инерции к развитию: научно-инновационное обеспечение сельского хозяйства», посвященной 80-летию Уральского государственного аграрного университета. Екатеринбург, 2020. С. 106-112.

2. Журавлева Л.А., Завьялова Н.В. Молодежь как инновационная социальная общность // Образование и наука. 2013. № 4 (103). С. 77-90.

3. Журавлева Л.А. Экология счастья // В сборнике: Теория и практика управления сельским хозяйством Материалы Всероссийской научно-практической конференции, посвященной 80-летию со дня рождения доктора экономических наук, профессора А. Л. Пустуева. Екатеринбург: УралГАУ, 2019. С. 36-41.

Е. В. Зарубина
кандидат философских наук, доцент,
кафедра философии,
Уральский государственный аграрный университет;
доцент Уральского ГАУ;
Л. А. Журавлева
кандидат философских наук, доцент,
кафедра философии,
Уральский государственный аграрный университет;

ФЕНОМЕН ПРАВА В ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКОМ ИЗМЕРЕНИИ

Аннотация. В статье рассматривается гуманистическое содержание субъективного права, анализируется его роль в становлении личной системы ценностей человека. Авторы раскрывают потенциал гуманитарных дисциплин в вузах, показывают, что обращение на учебных занятиях по гуманитарным дисциплинам к гуманистическому, экзистенциальному смыслу права ведет к постепенному формированию у студентов уважения к праву, их личной системы ценностей и подлинного патриотизма.

Ключевые слова: личность, система ценностей, право, правовой нигилизм, правосознание, естественное право, философия, воспитание, экзистенциальный смысл права.

В системе ценностей индивидуального и общественного сознания российского общества право традиционно занимает одно из последних мест. Правовой нигилизм как состояние сознания российского общества был глубоко и всесторонне проанализирован отечественными философами и теоретиками права на рубеже XIX-XX веков – Н. А. Бердяевым, И. А. Ильиным, Б. Кистяковским, П. И. Новгородцевым, В. С. Соловьевым и другими выдающимися мыслителями.

Блестящую характеристику правового нигилизма находим у И. А. Ильина: «Это состояние правосознания характеризуется следующими чертами; 1. Отрицание духа, духовной личности, духовной культуры, веры, семьи, родины и права как самостоятельных ценностей. 2. Сведение человеческой жизни к материальным процессам, материальным мерилам и материальному благополучию. 3. Неверие в силу личной свободы, инициативы и органического, творческого равновесия личной и общественной жизни. 4. Вера в силу механической покорности, диктаториального приказа и запрета…в силу всеобщей бедности и всеобщего уравнения» [1, с. 250].

Отметим, что причины правового нигилизма как привычного состояния отечественного правосознания сегодня продолжают устойчиво воспроизводиться нашими метальными особенностями и традициями. Важнейшей из таких причин является недостаточное понимание самостоятельной духовной ценности права не только на уровне обыденного сознания, но и на уровне теоретического профессионального сознания многих философов, теоретиков права, специалистов по отраслевому праву. В современной литературе по философии, философии и теории права вопросу о роли права в формировании личной системы ценностей человека, о его значении для духовного и практического самоопределения личности внимания уделяется недостаточно [2, с. 23].

Вместе с тем, положение о том, что формирование личностного начала в культуре опосредуется правом, специалисты сегодня считают доказанным [3, с. 29]. Из этого положения, которое содержится в духовном наследии представителей европейской классической философии права: И. Канта, Г. В. Ф. Гегеля, М. Г. Фихте, следует то, что право и личность связаны в самих своих основах или, говоря философским языком, субстанциально. Поэтому право определяет становление личной системы ценностей (самосознания) человека как практически, так и духовно.

Практическая детерминация правом самосознания личности заключается в том, что именно через право личность получает условия для своей деятельности и своей самореализации в социуме. Именно право ограничивает

субъективный произвол личности, побуждает его к признанию равных прав (формальное равенство) и равного достоинства каждого другого человека, что и формирует нормальное «правовое пространство» в отношениях между людьми. По шутливому замечанию И. Канта, «моя свобода размахивать руками заканчивается там, где начинается кончик носа моего соседа».

Духовная сторона детерминации правом личной системы ценностей заключается в том, что в обществе право в форме осознания личностью своих естественных прав и неотъемлемых от них обязанностей (субъективное право) опосредует становление личного самосознания, что впервые доказал И. Г. Фихте. Логически самосознание возникает как рефлексивное противопоставление «Я» и «не - Я», то есть внешних обстоятельств, других людей, учебы или профессиональной деятельности, в отношении которых необходимо постоянное деятельностное самоопределение личности.

Как нормы объективного права являются способом упорядочения, организации любого общественного отношения, так и осознание комплекса своих естественных прав и обязанностей (субъективное право) выступает способом ограничения, упорядочения и организации личной системы ценностей человека, внутренней «логикой» формирования его мотивации к различным видам деятельности. Субъективное право, таким образом, есть способ организации, структурирования содержания самосознания личности, которое происходит как осознание своих естественных прав и обязанности реализовать свои способности в подходящих видах деятельности.

Рискнем утверждать, что без такого внутреннего правового самоопределения сознание личности не поднимается до уровня самосознания, ее система ценностей оказывается заемной, аморфной и даже бесполой, что в межличностных отношениях такого человека неизбежно ведет смешению социальных ролей, насилию, произволу и агрессии «дурной субъективности» (Гегель).

Отметим также то, что понятия гражданского общества и правового государство часто трактуются формально и объективистски в силу недостаточно полного понимания гуманистического, экзистенциального смысла субъективного права. Преподавание дисциплин гуманитарного цикла в наших вузах пока не способствует раскрытию экзистенциальной ценности права для студентов различных направлений подготовки.

Между тем, каждая из преподаваемых сегодня в российских вузах гуманитарных дисциплин, хоть их и осталось совсем немного, имеет богатый потенциал для раскрытия гуманистической, экзистенциальной ценности права и формированию у студентов уважения к праву, другим людям, своему народу, обществу и государству [4, с. 113].

Решению этой задачи, например, в преподавании учебных дисциплин «Философия», «История и философия науки» будет способствовать введение в учебную программу этих дисциплин блока или отдельной темы по русской философии права. Своеобразие понимания права у отечественных философов, философов права и теоретиков права рубежа XIX-XX веков как раз заключается в раскрытии его гуманистического, экзистенциального содержания и смысла. Особенно значимой в этом отношении является концепция права и правосознания И. А. Ильина. Мыслитель постоянно подчеркивал, что естественное (субъективное) право определяет не только внутреннюю самостоятельность отдельной личности, но и самосознание народа. Поэтому право есть внутренняя форма национальной культуры, которая базируется на любви к своей родине, на понятиях родины и государства. «Государство определяется тем, что оно есть положительно-правовая форма родины, а родина есть его творческое духовное содержание» [5, с. 315].

Отметим, что такие гуманитарные дисциплины, как «История» и «Правоведение» в каждой своей теме имеют завязки для раскрытия гуманистического смысла права.

Таким образом, последовательное раскрытие на учебных занятиях по гуманитарным дисциплинам гуманистического, экзистенциального смысла права, ведет к постепенному формированию у студентов уважение праву, их личной системы ценностей и подлинного патриотизма.

Литература

1. Ильин И. А. Путь к очевидности. М.: Республика, 1993. 431 с.

2. Зарубина Е. В. О путях повышения правовой культуры российского общества // Экономическая, правовая и духовная культура России на рубеже тысячелетий/ ред. Л.А.Закс. Екатеринбург: Гуманитарный университет.1999. С. 23-27.

3. Малинова И. П. Философия права и юридическая герменевтика. М.: Норма, 2016. - 176 с.

4. Зарубина Е. В. Гуманитарный смысл преподавания философии в вузе. // Социально-гуманитарное образование в современном мире: проблемы, поиски, решения. Материалы Всероссийской научно-практической конференции. Екатеринбург: УралГАУ, 2019. С. 111-116.

5. Ильин И. А. Наши задачи. Историческая судьба и будущее России Сб. ст. Москва: Рарог, 1992. 616 с.

Е.В. Зарубина

кандидат философских наук, доцент,
кафедра философии,
Уральский государственный аграрный университет;
Л.А. Журавлева
кандидат философских наук, доцент,
кафедра философии,
Уральский государственный аграрный университет

ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ ЛЮДЕЙ В УСЛОВИЯХ ПАНДЕМИИ

Аннотация. В статье рассмотрены изменения в повседневной жизни людей, которые вызваны пандемией Covid-19. Повседневная жизнь людей в условиях пандемии стала хаосом, в котором зарождаются новые возможности, новые качества и способности тех, кто нашел в себе мужество и силы осознанно переоценить свою жизнь и сумел приспособиться к новым обстоятельствам. Дается краткий анализ этих возможностей - уроков пандемии.

Ключевые слова: повседневность, пандемия Covid-19, уроки пандемии, переоценка ценностей, экологичность, осознанность, критическое мышление, рефлексия, профессиональный и личностный рост.

Скоро исполнится год, как мир живет в условиях пандемии Covid-19, которую Всемирная организация здравоохранения объявила 11 марта 2020 года. Пандемия стала огромным «черным лебедем». Н. Талеб определяет «черных лебедей» как непредсказуемые и нерегулярные события огромного масштаба, которые влекут за собой тяжелые последствия. «Я утверждаю, что в основном историю делают Черные лебеди, мы же стремимся как можно точнее описать обычные события – и развиваем модели, теории и воззрения, которые, по всей видимости, не в состоянии ни отследить Черных лебедей, ни измерить вероятность подобных потрясений» [1, с. 24].

На наших глазах происходят тектонические сдвиги в геополитической ситуации в мире, когда однополярный мир, возглавляемый США, постепенно клонится к своему закату, а транснациональные интересы неуклонно заменяются приоритетом национальных интересов. Один миропорядок постепенно сменяется другим, а наша повседневная жизнь никогда уже не будет прежней.

Какие же тяжелые последствия уже принесла пандемия? Перечислим только некоторые из них, те с которыми мы сталкиваемся в свой повседневной жизни: обнажились проблемы системы здравоохранения и медицины в каждой

стране; малый, средний и крупный бизнес частично или полностью переведен в режим удаленной работы, ряд предприятий закрылся, что привело к сокращению рабочих мест, особенно в сферах туризма, общественного питания, услуг, да и розничной торговли непродовольственными товарами. Растет безработица, сокращаются доходы и, соответственно, падает уровень и качество жизни миллионов людей в разных странах мира. Среднее, среднее специальное и высшее образование теперь осуществляется он-лайн с применением дистанционных технологий. Отметим также, что пандемия Covid-19 вызвала целый ряд психологических и психосоматических проблем у многих людей во всем мире: страх и повышенная тревожность, сильные стрессы, депрессия, бессонница или панические атаки после перенесенного заболевания, повышенная агрессивность и конфликты с членами семьи в условиях постоянного совместного пребывания дома в условиях самоизоляции или дистанционной работы [2, с. 89].

Но, как и любой «черный лебедь», пандемия Covid-19 несет не только тяжелые последствия для всех сфер жизни современного общества. Повседневная жизнь людей в условиях пандемии стала хаосом, в котором зарождаются новые возможности, новые качества и способности тех, кто нашел в себе мужество и силы осознанно переоценить свою жизнь и сумел приспособиться к изменившимся навсегда обстоятельствам. Рассмотрим кратко эти новые возможности, которые назовем уроками пандемии.

1. Переход на удаленные формы работы, режим самоизоляции, который в нашей стране продолжался с конца марта по конец июля 2020 года, закрытие непродовольственных магазинов, индустрии развлечений, предприятий сферы услуг, изменили привычный уклад жизни миллионов россиян. И такое изменение при осознанном к нему подходе привело к «переоценке ценностей» (Ф. Ницше) и приоритетов в повседневной жизни. Оказалось, что в той прежней, «доковидной» жизни было много лишнего потребления: еды, смартфонов и прочих гаджетов, одежды, обуви, развлечений, украшений и т. д., которых, в общем-то, столько и не нужно, приобретение которых отбирает время, силы и средства, и без которых вполне можно обойтись. Отказ от излишнего потребления, экологизацию собственной жизни [3, с. 167] мы считаем первым важнейшим уроком пандемии.

2. В жизни до пандемии много времени тратилось на ненужное общение, как деловое, так и межличностное. Малопродуктивные или вовсе бесполезные совещания, заседания, летучки, конференции, чаепития и кофе-брейки, дежурные корпоративы в иные дни отнимали большую часть рабочего времени в ущерб выполнению прямых профессиональных обязанностей. В межличностном общении также много времени тратилось на формальные и

ненужные контакты с, по сути, посторонними людьми. Режим самоизоляции, дистанционная работа, необходимость соблюдения социальной дистанции и запрет на проведение массовых мероприятий при осознанном отношении к кругу своего общения естественным образом ведут к избирательности в общении, к отказу от неформального общения с чуждыми нам по духу или неинтересными людьми.

Отношения с членами семьи в условиях длительной самоизоляции, дистанционного формата работы, а то и потери работы, проходят испытание на прочность. Пока социологические исследования в этом направлении не проводились, но эмпирически можно наблюдать увеличение количества разводов, распадов гражданских браков, а также родственных и дружеских связей. Вместе с тем, во многих семьях отношения проходят испытание на прочность и становятся более доверительными, искренними и любящими. В период испытаний мы также начали больше ценить своих настоящих и верных друзей.

Пересмотр своих отношений с другими людьми, отказ от ненужного общения и укрепление отношений с близкими мы рассматриваем как второй важный урок пандемии.

3. Пандемия дала толчок для осознания ценности здоровья и здорового образа жизни. В условиях возможного заражения болезнью, последствия которой никем не изучены и противоречивых, часто взаимоисключающих методов лечения ее проявлений, все больше людей начинают ценить свое здоровье и стремиться вести здоровый образ жизни.

Наиболее полно содержание хорошо известного понятия «здоровье» определено в преамбуле Устава (Конституции) ВОЗ, который был принят Международной конференцией здравоохранения в Нью-Йорке в июле, 1946 года, сказано, что «здоровье является состоянием полного физического, душевного и социального благополучия, а не только отсутствием болезней или физических дефектов. Обладание наивысшим достижимым уровнем здоровья является одним из основных прав всякого человека без различия расы, религии, политических убеждений, экономического или социального положения» [4].

Подчеркнем, что в соответствии с определением ВОЗ, здоровье человека складывается из трех составляющих: физическое здоровье, душевное (ментальное) здоровье и социальное здоровье.

С этой точки зрения физическое здоровье представляет собой нормальное состояние и функционирование всех органов и систем организма человека, отсутствие болезней. Понятно, что физиологические нормы, в соответствии с

представлениями современной медицины, не имеют четких границ, они варьируются в зависимости от пола, возраста человека, его физиологической конституции и других факторов. Еще К. Г. Юнг подчеркивал расплывчатость границ между здоровьем и болезнью у современного человека [5, с. 95].

Душевное или ментальное здоровье представляет собой состояние интеллектуального и эмоционального благополучия человека, адекватность его реакций на происходящие события, отсутствие психических заболеваний или расстройств. Поддерживать ментальное здоровье помогают техники «позитивного мышления», с помощью которых человек может постепенно изжить негативные мысли и настроения, быть сосредоточенным на настоящем, сконцентрировано решать стоящие перед ним задачи и получать удовольствие от маленьких и больших радостей жизни. По выражению Махатмы Ганди: «Человек – это продукт его мышления, что он думает, тем он и становится» [6, с.157].

И, наконец, социальное здоровье представляет собой способность человека устанавливать и поддерживать сеть социальных контактов, как со своей семьей, родственниками и друзьями, так и с коллегами, соседями, работниками сферы обслуживания и др.

Здоровый образ жизни нацелен на сохранение и укрепление всех этих граней здоровья человека. Поэтому мы рассматриваем здоровый образ жизни как такое мышление и поведение человека, которое ведет к сохранению и укреплению его физического, душевного и социального здоровья, обеспечивает профилактику серьезных заболеваний и полноценнее выполнение человеком своих обязанностей перед другими людьми, обществом и государством [7, с. 117].

Отметим также, что по современным оценкам специалистов, здоровье современного человека на 50—55 % определяется образом его жизни, на 18 - 20 % — его генетическими особенностями, примерно на 20% здоровье человека зависит от состояния окружающей среды и на 8— 10 % — от системы здравоохранения.

В условиях продолжающейся пандемии все большее количество людей разных возрастов начинают осознавать то, что здоровый образ жизни не ограничивается одномоментной поддержкой своего иммунитета приемом витаминов, иммуномоделирующих препаратов, поеданием цитрусовых, орехов, черноплодной рябины, клюквы, имбиря и прочих «чудо-средств». Здоровый образ жизни начинается с утренней зарядки, энергичной прогулки на свежем воздухе, отказе от бесконечных перекусов и огромных порций еды. В выработке привычки к здоровому образу жизни самым важным являются постоянные усилия человека по ограничениям в питании, тренировкам и

увеличению физической активности. Н. М. Амосову принадлежит парадоксальное высказывание: «Медицина может излечить большинство болезней, но она не в силах подарить человеку здоровье. Она не дает ответа на вопрос – как стать здоровым» [8, с. 67].

Таким образом, увеличение ценности здоровья и здорового образа жизни для многих людей мы считаем третьим и очень важным уроком пандемии.

4. Вокруг ковид-19 поднялась информационная шумиха, в которой полно ложных вбросов, эмоциональных оценок, иной недостоверной информации. Интернет пестрит прогнозами о развитии пандемии, о появлении новых штаммов коронавируса, негативными отзывами о вакцинах, особенно о «Спутнике-V», алгоритмами самостоятельного лечения заболевания, причем производят эти материалы отнюдь не эпидемиологи, вирусологи, инфекционисты, пульмонологи и социологи, но падкие до сенсаций журналисты, полуграмотные блогеры и некомпетентные чиновники.

В этих условиях развитие критического мышления становится необходимым навыком для упорядочивания своей повседневной жизни, надежным средством не поддаться панике и страху, иным негативным эмоциям. Навык критического мышления неотделим от рефлексии - самоанализа, умения слышать себя, свои эмоциональные и физические состояния, потребности и настоящие интересы. Критическое мышление и рефлексия в полной мере присущи философии, поэтому каждый человек, развивший в условиях пандемии и формирования новой повседневности у себя эти бесценные навыки, конечно же, является философом. По известному высказыванию Б. Рассела, «как жить в неопределенности и не быть парализованным нерешительностью – именно этот навык развивает философия» [9, с. 13].

Итак, оттачивание навыков критического мышления и рефлексии мы считаем четвертым важным уроком пандемии.

5. В условиях снижения доходов значительной части населения нашей страны, сокращения рабочих мест, потери работы, а также неуклонного роста безработицы и цен на основные группы товаров, особую ценность приобретает само наличие работы. Работа важна для нас и как источник средств для существования, и как способ самореализации и самоутверждения, и как среда устойчивых социальных коммуникаций. Совершенно очевидно, что жизнь в условиях пандемии привела к серьезным изменениям на рынке труда: появляются новые профессии, исчезают старые. Сегодня нужно работать быстро, на ходу переучиваться, осваивать новые IT технологии, например, технологии дистанционного образования. Сегодня важно не только сохранить свое рабочее место, но и приобрести новые профессиональные компетенции, в

том числе навыки работы в смежных профессиях, в команде, нарастить коммуникативную компетентность, чтобы успеть за стремительными изменениями в профессиональной сфере и остаться востребованным специалистом. Необходимость наращивания профессиональных компетенций и овладения компьютерными технологиями мы считаем пятым важным уроком пандемии.

Таким образом, осознанное и критическое отношение к необратимым изменениям в повседневной жизни, осмысление уроков пандемии, как и любые другие чрезвычайные обстоятельства, открывают дорогу к профессиональному и личностному росту.

Литература

1. Талеб Нассим Николас. Антихрупкость. Как извлечь выгоду из хаоса. М.: КоЛибри, Азбука-Аттикус, 2018. 768 с.

2. Сорокин М.Ю., Касьянов Е.Д., Рукавишников Г.В., Макаревич О.В., Незнанов Н.Г., Лутова Н.Б., Мазо Г.Э. Психологические реакции населения как фактор адаптации к пандемии COVID-19 // Обозрение психиатрии и медицинской психологии имени В.М. Бехтерева. 2020. № 2. С. 87-94.

3. Журавлева Л. А., Зарубина Е. В., Ручкин А. В., Симачкова Н. Н., Чупина И. П. Экологическое поведение современного человека // Образование и право. 2020. № 1. С. 165-171.

4. Устав (Конституция) Всемирной организации здравоохранения. – Электронный ресурс. – Режим доступа: http://docs.cntd.ru/document/901977493 - [Дата обращения 30.01 2021].

5. Юнг К. Г. Аналитическая психология. Прошлое и настоящее. М.: Мартис. 1995. 320 с.

6. Ганди М. К. Моя жизнь. М.: Гл. ред. Восточной литературы изд.-ва Наука. 1969. 278 с.

7. Зарубина Е. В., Журавлева Л. А., Чупина И. П., Симачкова Н. Н. Здоровый образ жизни как тренд современности // Социально-гуманитарное образование и наука: вызовы современности. Материалы Всероссийской национальной научно-практической конференции. 2020. С. 115-120.

8. Амосов Н. М. Краткая энциклопедия Амосова. М.: Аст, Сталкер. 2005. 365 с.

9. Рассел Бертран. История западной философии и ее связи с политическими и социальными условиями от античности до наших дней. Новосибирск: Сибирское университетское издательство, 2001. 541 с.

Е.В. Зарубина
кандидат философских наук, доцент,
кафедра философии,
Уральский государственный аграрный университет;
А. В. Ручкин
кандидат социологических наук, доцент,
кафедра менеджмента и экономической теории,
Уральский государственный аграрный университет

ИЗУЧЕНИЕ ФИЛОСОФИИ КАК ФАКТОР ФОРМИРОВНИЯ КРИТИЧЕСКОГО МЫШЛЕНИЯ

Аннотация. В статье рассматривается роль философии в становлении критического мышления современных студентов. Особое внимание обращается на методику диалогического прочтения и интерпретации философских текстов на практических занятиях по философии как важнейшую технологию формирования самостоятельного мышления

Ключевые слова: высшее образование, гуманитарные дисциплины, философия, критическое мышление, формирование культуры мышления, текст, диалог.

Мы живем сегодня в бурном, быстро меняющемся мире. Пандемия короновируса изменила и продолжает менять экономику и рынок труда, вносит свои коррективы в медицину и образование, повседневную жизнь людей, в расстановку геополитических сил. Происходящие процессы изменений породили огромное количество фейковой информации, которая буквально заполонила Интернет-ресурсы и иные средства массовой информации. Даже вопросы, связанные с начавшейся во многих странах мира массовой вакцинацией от Covid-19 предельно политизированы и содержат изрядную долю недостоверной или откровенно лживой информации.

Как противостоять этому информационному буму, как самостоятельно разобраться в происходящем и понять глубоко скрытый смысл происходящих изменений и их неминуемые и далеко идущие последствия? Только с помощью собственного критического мышления, которое помогает отсеивать рациональные зерна от плевел, постепенно собирать надежные факты, искать серьезные источники информации и постепенно выстраивать свое понимание бурных событий и свою позицию к переменам в различных сферах нашей жизни.

Молодежь с ее небольшим жизненным опытом, высокой социальной мобильностью и эмоциональной незрелостью сегодня оказалась особенно незащищенной от политических манипуляций. Поэтому проблема формирования критического мышления и устойчивой жизненной позиции современной молодежи стоит сегодня особенно остро. По самой своей природе именно философия как учебная дисциплина в российских вузах хорошо приспособлена для решения этих задач.

Акцент на значение формирования критического мышления как способности к самостоятельному и аргументированному суждению о предмете связан с преодолением представления о науке как знании с едиными образцами и нормами, очищенными от всякой примеси субъективности. Такое представление о науке стало преодолеваться уже в XIX веке, например, в философской концепции образования В. Гумбольдта. Основная идея философии образования В. Гумбольдта – становление самосознания обучающегося в процессе приобщения к культуре.

В то же время и сегодня понимание, и воплощение смысла гуманитарного образования как формирование у студентов своего видения и осмысления мира при изучении философии остается проблемой [1, с. 59]. Огромный массив информации, циркулирующей в современных гуманитарных науках, в частности, при изучении философии, затрудняет выявление актуального ценностно-смыслового содержания этой информации не только для студента, но и подчас для преподавателя. Эта ситуация усугубляется доминированием дидактической ориентации на информированность и осведомленность [2, с. 281], для которых вовсе не обязательно наличие собственной точки зрения и аргументированного суждения. Современное гуманитарное знание в целом, и философское знание, в частности, таким образом, часто оказываются обезличенными.

Для возвращения философскому образованию характера личного переживания и личной ценности, для того, чтобы изучение философии, как и истории и других гуманитарных дисциплин стало способом формирования собственного критического мышления студентов необходимо объективировать в преподавании гуманитарных учебных дисциплин в вузах, которых осталось совсем немного, диалогичность. Ведь именно диалог составляет основу бытия культуры и единственный способ формирования культуры мышления [3, с. 113]. Вначале студент задает вопросы вслух, затем постепенно переходит в режим внутреннего диалога. Вне личностного восприятия культура, транслируемая образованием, является не более чем музеем артефактов прежних поколений, сводом правил и готовых истин.

Одним из способов возвращения гуманитарному образованию диалогичности является методика диалогического прочтения и интерпретации исторических, философских, культурологических текстов. Такая методика используется на разных ступенях образования [4, с. 97]. Уже в начальной школе можно услышать такие речевые обороты в ответах учеников, как: «по мнению автора произведения…», «я считаю, что герой…..», «по убеждениям героя…» и т.д. Именно такие высказывания свидетельствуют о попытках определить личностную позицию учеников в мысленно-конструируемом диалоге [5, с. 415]. По выражению П. Рикера: «Он полагает…», «она считает…» - означает, что какая-то личность говорит в своем сердце: «я думаю, что…».

Рассмотрим подробнее формирование культуры мышления на основе прочтения и комментирования философских текстов. Исходной является установка на то, что любая значительная философская система, отечественная или европейская, основывается на самобытном мировоззрении ее создателя. Корни философских идей заложены не только в их рациональной конструкции и логической аргументации, но и в личностном видении мира и человека философом. Во всякой философской системе без исключения выражается настроение и душа ее создателя. И для того, чтобы понять и почувствовать мироотношение, например, Платона или Канта, нужно увидеть особенности стиля их произведений.

Для того, чтобы проникнуть в рефлексивный, смысловой слой сознания автора философской концепции или идеи, нужно также понять содержание социального заказа, на который отвечает философ, понять культуру и ментальность его времени. В условиях небольшого количества учебного времени, которое в вузах отводится на изучение гуманитарных дисциплин, помочь «вжиться» в эпоху создания философского текста может обращение к произведениям художественной литературы, мемуарной литературы, публицистики, произведениям изобразительного искусства и музыки. Такие источники формирования диалогического мышления в преподавании и изучении гуманитарных дисциплин используются сегодня совершенно недостаточно [6, с. 96], что имеет следствием сухость и абстрактность философской картины мира и сильно затрудняет понимание ценностно-смыслового содержания философских идей.

Подчеркнем, что исходным пунктом в формировании личного суждения студента по поводу той или иной философской концепции является его непосредственная эмоциональная реакция на авторскую позицию, которая воплощена в изучаемом фрагменте текста Потом приходит рефлексия в отношении своей реакции, способы ее выражения. Так формируются две стороны подлинной культуры мышления: сопряженность объективированного

знания с личностным смыслом и умение выразить свой субъективный опыт в понятиях, выработанных гуманитарной традицией [7, с. 121].

Интеллектуально и психологически сложный процесс формирования у студентов индивидуальной точки зрения, воплощенной в суждении, часто нейтрализуется неверной расстановкой приоритетов образовательного процесса преподавателем [8, 153]. Так на семинарских и практических занятиях по гуманитарным учебным дисциплинам преподаватель может заглушать выражение собственных мыслей и чувств студентов по обсуждаемым вопросам. Не является верным также доминирование профессиональных интерпретаций преподавателя, которые считаются образцом.

Таким образом, для формирования критического мышления студентов при изучении философии и других гуманитарных дисциплин необходимо такое педагогической взаимодействие, которое характеризуется определенной эмоциональной открытостью, непринужденностью, импровизацией, отношением к учащимся как к партнерам в диалоге.

Литература

1. Журавлева Л. А., Кожеурова Н. С. Гуманитарное образование в условиях кризисного социума. В сборнике: Креативные основы гуманитарного образования. Сборник научных статей по материалам 10-й Всероссийской научно-практической конференции. Российский государственный профессионально-педагогический университет. Редколлегия: С. З. Гончаров (отв. ред.), Ю. П. Андреев, Е. В. Попова (отв. за вып.). 2013. С. 56-64.

2. Симонович Н. Е., Горбунова О. С., Петрякова С. В., Пильникова И. Ф., Радионова С. В. Проблемы внедрения профессиональных стандартов: психологические особенности // Образование и право. 2019. № 5. С. 277-282.

3. Зарубина Е. В. Гуманитарный смысл преподавания философии в вузе. В сборнике: «Социально-гуманитарное образование в современном мире: проблемы, поиски, решения». Материалы Всероссийской научно-практической конференции. 2019. С. 111-116.

4. Чупина И. П. Инновационные процессы в высшем образовании как комплексная деятельность. В сборнике: «Инновационные процессы в образовании: стратегия, теория и практика развития. Материалы VI Всероссийской научно-практической конференции. Научные редакторы: Е. М. Дорожкин, Е. А. Федоров. 2013. С. 95-97.

5. Сорокина Н. И. Диалог – базовая составляющая в развитии личности. В сборнике: Педагогический менеджмент и прогрессивные технологии в образовании. X Международная научно-методическая конференция. Пенза, 2003. С. 414-416.

6. Симонович Н. Е., Баранов О. В., Зарубина Е. В. Влияние настроения на социальное самочувствие студента университета с позиции педагога // Молодежь и наука. 2018. № 8. С. 96.

7. Зарубина Е. В., Симачкова Н. Н., Журавлева Л. А. История и философия науки как учебная дисциплина. В сборнике: «Социально-гуманитарное образование в современном мире: проблемы, поиски, решения». Материалы Всероссийской научно-практической конференции. 2019. С. 117-124.

8. Журавлева Л. А. Сущностные противоречия современного образования. В сборнике: Креативность гуманитарного образования: духовно-ценностные и интеллектуальные аспекты. Сборник статей под редакцией С. З. Гончарова. 2014. С. 142-171.

А. С. Кашапова

студентка III курса,
Институт менеджмента информационных технологий,
Уральский государственный экономический университет;
Д.К.Стожко
(научный руководитель)
кандидат философских наук, доцент,
кафедра истории и философии,
Уральский государственный экономический университет

ПРОБЛЕМА ДИСКРИМИНАЦИИ В СИСТЕМЕ СОЦИАЛЬНО-ТРУДОВЫХ ОТНОШЕНИЙ

Аннотация. В статье предлагается рассмотреть основные виды дискриминации в трудовых отношениях. Как они применяются в отношении различных профессий, таких как медсестра, обслуживающий персонал ресторана. Рассмотрена особенность данной проблемы. Так же приведены методы избегания дискриминации, часто используемые в практике, как для работников, так и для организации.

Ключевые слова: Дискриминация персонала, трудовые отношения, работники, организация, кандидата на вакантную должность.

Дискриминация в переводе с латинского (Discriminatio) — различение, а именно ограничение прав и обязанностей человека по определённому признаку.

Наиболее распространённое толкование термина несёт в себе то, что дискриминация это «ущемление прав и свобод, которые закреплены Конституцией и законами». В России гарантии равенства прав и свобод закреплены в основном законе страны – Конституции РФ (ст. 19), причем равноправие в сфере труда и его оплаты выделено особо (ст. 37), что подчеркивает его социальную значимость. Именно в конституции РФ затрагивается данный термин исходя из оснований запрета фиксирования неравенства по неким признакам.

Феномен дискриминации давно известен в системе социально-экономических отношений. В связи с этим в XX веке получила распространения даже специальная теория экономической дискриминации (Г.Беккер, М.Спенс, К.Эрроу и др.), в рамках которой исследовались разные аспекты проблемы. В том числе и в области социально-трудовых отношений.

Если остановиться на дискриминации в трудовых отношениях, то данное явление можно представить по-разному, например, в виде различий в квалификации, ответственности, доходах, а также в виде дискриминация по гендерной, возрастной, этнической принадлежности и т.п. Собственно, проявления дискриминации есть проявления так называемых «провалов трынка», которые поддаются устранению при соответствующих мерах воздействия [1, с.122].

Так же выделяют два вида дискриминации: прямую и косвенную. Прямая дискриминация в организации может проявляться путём придирчивого и строгого отношения к сотруднику в открытой форме, но такое поведение допустимо только тогда, когда есть обоснованные предпосылки. Ярким примером может служить отбор персонала для ресторанов русской кухни. При отборе персонала предпочтение отдавалось кандидатам славянской внешности, но это только в том случае, если персонал будет напрямую работать с клиентами, например, обслуживать на входе и в обеденном зале. Для работы на кухне, а именно сотрудников, которых клиенты не будут видеть, отбирали кандидатов любой национальности и внешности. Данный пример показывает дискриминацию по расе, национальности и других внешне отличительных признаков.

Что касается косвенного вида дискриминации, то она может возникать и проявлять себя в контексте создания разных условий труда для конкретного сотрудника, которые отличаются от условий других сотрудников. В таком случае условия труда могут носить несправедливый характер, например, во время ночного дежурства одной медсестре было предоставлено оборудованное

место для перекуса, в кабинете медсестры другого отделения такой возможности не было. На данном примере подразумевается дискриминация второй медсестры, но о ней можно лишь догадываться путём анализа ситуации.

По сфере деятельности или по результатам выделяют следующие виды дискриминации.

4. Дискриминация при оплате труда. Она заключается в разнице при оплате труда работников, выполняющих одну и ту же работу в одинаковых условиях.

5. Дискриминация при продвижении по служебной лестнице. Это отсутствие возможности у сотрудников в построении вертикального вида карьеры.

6. Дискриминация при получении образования или профессиональной подготовки - может выражаться или в ограничении доступа к получению образования и профессиональной подготовки, или в предоставлении образовательных услуг более низкого качества. Этот вид дискриминации нельзя в полной мере отнести к дискриминации на рынке труда, так как получение образования обычно предшествует выходу на рынок труда и трудовой деятельности. Но, несмотря на "дотрудовой" характер этого вида дискриминации, ее причины и следствия тесным образом связаны с функционированием профессионального рынка труда [2].

Такое явление как дискриминация проявляется не только в нашей стране, но и в странах ближнего зарубежья. Рассмотрим, как дискриминируют работников в КНР. Дискриминация по возрасту. 35 лет – предельный возраст для женщин; женщинам старше 35 лет уже трудно найти себе нормальную работу. Поэтому в Китае работающие женщины в возрасте 40 лет и мужчины в возрасте 50 лет – это редкое явление. Дискриминация по месту проживания. Например, бюро по подбору кадров г. Гуанчжоу (КНР) выдвинули требование о приеме на работу только выпускников и жителей г. Гуанчжоу. Вот некоторые виды дискриминации при устройстве на работу в Китае. Причина этого заключается в несовершенстве законов о труде и занятости. В настоящее время в Китае нет закона против дискриминации при устройстве на работу и занятости, есть только некоторые статьи в Конституции и в других правовых актах о равноправии граждан.

В главном источнике трудового права Франции, а именно в Трудовом Кодексе прописан запрет на ограничение трудовых прав работников и запрет дискриминации в сфере труда (запрещена Дискриминация по различным признакам: расы, пола, семейного положения, политических и религиозных взглядов, принадлежности к профсоюзам, возрасту, инвалидности, погашенной судимости, личной жизни, сексуальной ориентации).

Что интересно, разрешена «позитивная дискриминация»: специальные гарантии для отдельных категорий работников (например, для инвалидов предусмотрена определенная квота рабочих мест).

Например, в Польше запрещена дискриминация на работе, касающаяся найма, окончания - действия трудового договора, условий трудоустройства (нп. размера заработной платы), карьерного роста, доступа к профессиональным обучениям с целью повышения квалификации. Работодатели ни к кому не могут обращаться хуже по причине пола, возраста, инвалидности, расы, религии, национальности, политических убеждений, союзной принадлежности, сексуальной ориентации, а также по причине трудоустройства на определённый и неопределённый срок, и продолжительности рабочего времени. Каталог причин, по которым недопустима дискриминация, находится в Трудовом Кодексе и носит открытый характер.

Так же дискриминация может проявляться и в косвенном порядке. Сотрудники, которые подвергаются дискриминации, вправе рассчитывать на денежную компенсацию в размере не ниже минимального размера заработной платы, Такой принцип действует в Польше на основании отдельных правил. Дискриминация также может проявляться в поведении, таком как угрозы, оскорбления, побои. Это преступления, и лица, которые испытали их на себе, должны пойти в полицию.

Независимо от вида дискриминации в организации работников или кандидатов на вакантную должность, её присутствие влечёт за собой нездоровую моральную атмосферу в организации. Для преодоления дискриминационных различий в заработной плате в социальной политике применяют систему равной оплаты за работы сравнимой ценности.

В трудовых отношениях существуют методы избегания ущемления прав и несправедливого отношения к работникам. Например, при приёме на работу вам отказывают, объясняя, что вы не соответствуете требованиям. Тогда вы имеете право ознакомиться с документом, например, нормативно правовым актом, устанавливающим такие требования. Но, если вы подверглись дискриминации, то восстановить нарушенные права, вы можете, обратившись в суд, и потребовать возместить компенсацию за причиненный моральный вред.

Избежать неприятной ситуации в процессе трудовых отношений нужно уметь не только работникам, но и организации. Всё чаще объектом трудовых споров в административной и судебной практике являются жалобы работников на соблюдении принципа равной оплаты за труд равной сложности, квалификации, количества и качества. Нередки и жалобы работников на дискриминацию при премировании. Чтобы избежать судебных разбирательств

одним из выходов для организации может быть установка надбавки, поощрения, обусловленные трудовой функцией и деловыми качествами работника. Но в любом случае нужно быть готовым доказать в суде обоснованность предпочтения одного работника другому, суметь обоснованность различий в выплате поощрений. Для этого необходимо закрепить в локальных актах Вашей компании возможность по-разному оценивать результаты работы сотрудников, например, это может быть Положение о премировании, но тогда все работники в обязательном порядке должны быть с ним ознакомлены.

Приведенные примеры основных случаев дискриминации в трудовой сфере весьма разнообразны. Как показывает практика, они довольно часто встречаются в повседневности, и могут касаться любых моментов трудовой деятельности. В связи с этим требуется существенное совершенствование всей системы социально-трудовых отношений. Прежде всего, трудового контроля, который связан с условиями распределения работы между работниками и воспроизводством оптимального трудового порядка [3, с.270]. Устранение дискриминации должно быть важнейшей предпосылкой для того, чтобы избавиться от неравенства на рынке труда и появлению несправедливых преимуществ.

Однако ликвидировать практику трудовой дискриминации можно только снизив степень бюрократизма в системе управления. Дело в том, что бюрократия формирует нормативно-правовую базу для системы социально-трудовых отношений. И, соответственно, степень бюрократизации этой базы и ее исполнения (применения) прямо пропорциональна численности бюрократии. Рост этой численности вызывает и рост объема бюрократических процедур, новые кипы разного рода документов и предписаний. В условиях постоянно растущей бюрократии люди «перестают пробовать что-либо; потребители испаряются; лучшие работники погружаются в апатию или голосуют ногами» [4, с.30-31].

Именно бюрократия является основным источником трудовой дискриминации. Поэтому ее сокращение объективно будет способствовать развитию трудового самоуправления и снижению угрозы трудовой дискриминации на предприятиях и в организациях.

Литература

1. Шиловцев А.В. Личность и бюрократия: проблемы социальной безопасности. Екатеринбург: УрГЭУ, 2013.- 308с.

2. Горелов Н.А. Экономика труда. СПб.: Питер, 2007. - 704 с.

Рощин С.Ю., Разумова Т.О. Экономика труда: экономическая теория труда. М.: ИНФРА, М. 2001. 430с.
3.Радаев В.В. Экономическая социология. М.: ГУ ВШЭ, 2005. - 603с.
4. Уотермен Р. Фактор обновления. Как сохраняют конкурентоспособность лучшие компании: пер. с англ. М.: Прогресс, 1988. - 368с.

Т.И.Кружкова
кандидат исторических наук, доцент,
кафедра экономической теории и менеджмента,
Уральский государственный аграрный университет;
О.А.Рущицкая
доктор экономических наук, доцент,
кафедра экономической теории и менеджмента,
Уральский государственный аграрный университет;
К.П.Стожко
доктор исторических наук, профессор,
кафедра философии,
Уральский государственный аграрный университет.

ПРОБЛЕМА СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ТЕХНИЧЕСКОГО ОБСЛУЖИВАНИЯ В КОНТЕКСТЕ РАЗВИТИЯ АГРАРНОЙ ЭКОНОМИКИ

Аннотация. В условиях макроэкономической нестабильности и растущих рисков существенно возрастает роль технического сервиса в работе предприятий АПК. Наблюдаются качественные изменения в функционировании технического сервиса, обусловленные переходом к новому технологическому укладу и современной цифровой экономикой. Целью исследования является анализ и оценка современного состояния сферы технико-технологического обслуживания предприятий АПК и перспектив его дальнейшего развития. Важнейшим условием совершенствования данного блока воспроизводственного процесса в АПК является наращивание государственного финансирования и его эффективное адресное распределение по конкретным направлениям инновационного развития. Речь идет об индикативном финансовом планировании и гибкой системе адресного

бюджетирования производственных заданий по обслуживанию предприятий АПК.

Ключевые слова: агропромышленный комплекс, воспроизводственный процесс, государственное финансирование, инновационный подход, технический сервис.

Введение

В условиях смены технологических укладов и перехода от модели «бережливого производства» - к модели «быстрореагирующего производства» особое значение приобретает смена технико-технологического обслуживания конкретных сфер и отраслей экономики. Это в полной мере касается и агропромышленного комплекса.

Дело в том, что аграрный сектор экономики сегодня сталкивается с такими явлениями, как ухудшение качества экологической среды, ускоренной амортизацией основных фондов, износ которых в ряде случаев достигает уже 70-80%. В первую очередь, это касается снижения качества земли - основного «средства производства» в сельском хозяйстве, и его машинного парка.

Агропромышленный комплекс (АПК) представляет собой совокупность отраслей народного хозяйства, производящих сельскохозяйственную продукцию, готовую к непосредственному потреблению и последующей переработке, а также отрасли производственного обслуживания сельского хозяйства. Основными задачами агропромышленного комплекса являются повышение продовольственной безопасности страны, социально-экономическое развитие сельских территорий, повышение эффективности сельского хозяйства и рациональное использование сельскохозяйственных земель. Решение этих задач основывается на модернизации отраслей и последовательной интенсификации производства. Как процесс, интенсификация характеризуется дополнительными вложениями труда и средств на единицу земельной площади в целях повышения объема выпуска сельскохозяйственной продукции. Вместе с тем, сведение сущности интенсификации сельскохозяйственного производства к последовательным затратам труда и капитала является односторонним. «Главным, определяющим в ее сущности, является качественное преобразование и, тем самым, «повышение конкурентоспособности, конкретных вещественных элементов и производственных ресурсов» [1]. Такое «качественное преобразование» основных факторов сельскохозяйственного производства обеспечивается эффективной организацией их использования в процессе производства. И здесь важную роль играет сфера обслуживания, связанная с текущим и капитальным ремонтом, реновацией и инновационным подходом.

Реализация данного процесса неразрывно связана с внедрением эффективных, например, энергосберегающих технологий, обеспечивающих всемерную экономию, как материально-технических ресурсов, так и трудовых ресурсов.

Цепочка воспроизводственного процесса в АПК начинается с отраслей, обеспечивающих сельское хозяйство средствами труда. Определяющая роль в этом процессе принадлежит сельскому хозяйству, которое является связующим звеном между отраслями, обеспечивающими его средствами труда и отраслями, перерабатывающими сельскохозяйственное сырье [2]. Эта связь носит многомерный характер и существенно меняется в условиях современной макроэкономической нестабильности и растущих рисков.

Сегодня в арсенале сельскохозяйственных товаропроизводителей современные высокопроизводительные тракторы, зерноуборочные, кормоуборочные и картофелеуборочные комбайны отечественного и импортного производства. Но в гораздо меньшей степени сельскохозяйственные производители обеспечены робототехникой, цифровыми платформами, другими техническими достижениями цифровой экономики.

Тем не менее, несмотря на нестабильную финансово – экономическую ситуацию, сложившуюся в последние годы, сельскохозяйственными организациями и крестьянскими (фермерскими) хозяйствами ежегодно приобретаются десятки тысяч единиц сельскохозяйственных машин и оборудования. Однако, в этой области за последние годы обострился ряд важных проблем , связанных с реорганизацией технического обслуживания, его финансированием, информатизацией и т.д.), от решения которых во многом зависит и эффективность функционирования данной сферы АПК.

Материалы и методы

В исследовании использованы методы структурно-функционального, программно-целевого, компаративного и герменевтического анализа. Предметом исследования является сфера технического обслуживания предприятий АПК в условиях макроэкономической нестабильности, и ее влияние на характер и содержание современного аграрного производства и аграрной политики. Объектом исследования выступает аграрная политика российского государства в условиях современной промышленной революции и перехода к новому технологическому укладу.

Результаты и обсуждение

Формирующаяся в настоящее время стратегия эффективного технического сервиса (и не только машин и оборудования АПК, но и других его

«технико-технологических» составных элементов) должна «включать объединенные в себе разобщенные ремонтно-эксплуатационные подразделения хозяйств, специализированные межхозяйственные ремонтные предприятия, фирменное сервисное обслуживание заводов-изготовителей и региональный бизнес-сервис» [3].

В условиях развития инновационного подхода к организации и управлению АПК в целом, можно выделить несколько направлений развития инноваций в обслуживании: технико-технологические, сервисные, организационно-технологические, управленческие [4].

Очевидно, что в условиях кризиса и растущей макроэкономической нестабильности и неопределенности возможности для развития системы технического обслуживания предприятий АПК существенно меняются. Это связано с изменением сроков выполнения конкретных сельскохозяйственных работ, изменением рыночной конъюнктуры, режима финансирования и т.д. Меняются и условия и характер труда механизаторов. Так, «доля механизаторов в проведении ремонтно-эксплуатационных работ возросла с 25 до 85%, т.е. механизаторы сейчас вынуждены одновременно осуществлять не только технологический процесс сельскохозяйственного производства, но и обслуживание, и ремонт техники» [5, с.75].

Ежегодно на техническую и технологическую модернизацию из средств федерального и региональных бюджетов выделяются значительные финансовые ресурсы. Внедряются новые, эффективные механизмы оказания помощи сельскохозяйственным организациям и крестьянским (фермерским) хозяйствам, в том числе субсидирование приобретения техники по федеральному лизингу.

В целом, объем внутренних затрат на исследования и разработки новой техники и технологий в Свердловской области в 2018 году составил около 30,0 млрд. рублей. Это второе место в Российской Федерации (без учета Москвы, Московской области и Санкт-Петербурга) после Нижегородской области. О динамике роста таких затрат можно судить по данным таблицы 1:

Таблица 1. - Внутренние затраты на НИОКР по видам работ в Свердловской области (2010-2018 гг.)

Показатели (млн. р.)	2010	2014	2017	2018
Всего, в том числе:	12082,5	24375,5	29414,7	27398,4
Прикладные	777,6	1417,7	1743,6	1563,8

исследования				
Опытно-конструкторские разработки	9107,6	19384,5	23948	21850,1

* Составлено авторами по ежегодным отчетам (статистическим сборникам) Управления Федеральной службы государственной статистики по Свердловской области за 2010-2018 гг.

Достаточно активно, хотя и не в том объеме, какой объективно необходим, реализуется программа субсидирования производителей сельскохозяйственной техники, благодаря которой, покупатели приобретают новые машины отечественного производства со скидкой 25%, компенсируется часть процентной ставки по кредитам банков, предоставляемым для приобретения сельскохозяйственной техники отечественного производства. Право на покупку техники со скидкой имеют покупатели, имеющие статус сельскохозяйственного товаропроизводителя в соответствии с Федеральным законом «О развитии сельского хозяйства» от 29.12.2006 № 264 [6]. Для сельскохозяйственных товаропроизводителей особенно актуальными являются те направления государственной аграрной политики, по которым ведется финансирование [7].

Основными направлениями совершенствования инженерно-технического обеспечения сельского хозяйства на текущий момент являются:
а) внедрение в производство энерго- и ресурсосберегающих технологий и машин;
б) модернизация машинно-тракторного парка в направлении повышения его надежности, универсальности, экономичности, комфортности операторов;

в) создание условий применения комбинированных агрегатов для поверхностной обработки почвы и посева зерновых культур;

г) более широкое использование планово-предупредительной системы технического обслуживания и ремонта машинно-тракторного парка;

д)снижение себестоимости механизированных работ;

е) финансовая поддержка сельскохозяйственных товаропроизводителей, занимаю
щихся модернизацией машинно-тракторного парка, за счет средств федерального и регионального бюджетов.

Все, названные выше направления, являются неотъемлемой частью процесса воспроизводства в сельском хозяйстве, без чего нормальное его функционирование оказывается невозможным [8].

Крайне важным в современных условиях являются вопросы оценки потенциальных возможностей производства сельскохозяйственной продукции и выявления резервов его эффективности, что, в свою очередь, определяет объективную необходимость комплексного исследования категории производственного потенциала сельскохозяйственных организаций [9]. Сервисное обслуживание, его организация и качество относятся как раз к такому потенциалу сельскохозяйственных организаций.

Оценка этого потенциала тем более актуальна, если учесть, что в последние годы существенно меняются не только объемы обрабатываемой земли в аграрной сфере экономики, но и структура (профиль) таких земель и, соответственно, выращиваемых культур. Об этом можно судить на примере основных видов зерновых (таблица 2):

Таблица 2. - Динамика изменения посевных площадей по видам сельскохозяйственных культур (в хозяйствах всех категорий; тыс. га) в Российской Федерации
с 2010 г. по 2022 г.

Год	Пшеница, тыс. га	Рожь, тыс. га
2010	12699	1757
2011	11805	1547
2012	11842	1557
2013	12334	1831
2014	12161	1874
2015	13354	1290
2016	14021	1259
2017	14925	1180
2018	14555	1202
2019	14924	1128
2020	15293	1054
2021	15663	980
2022	16032	906

* Рассчитано авторами с использованием программы MS - Excel.

Отдельно стоит упомянуть и подраздел «Техническая и технологическая модернизация, инновационное развитие» в «Государственной программе развития сельского хозяйства и регулирования рынков сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия на 2013 - 2020 годы». В нем были

выделены три главных направления развития технического сервиса в АПК: обновление парка сельскохозяйственной техники; реализация перспективных инновационных проектов в агропромышленном комплексе (в том числе развитие социального питания и продовольственной помощи уязвимым слоям населения); развитие биотехнологии [10].

Материально-техническая база отрасли представляет собой совокупность материально-вещественных элементов производительных сил, технологии и организации производства в их связи и развитии. Это развитие осуществляется на основе технического прогресса, предполагающего комплексную механизацию и автоматизацию производственных процессов, широкое применение химических средств защиты растений, новых видов энергии и материалов, рациональное использование природных ресурсов, органическое соединение науки с производством [11].

Элементами материально-технической базы сельского хозяйства и агропромышленного комплекса в целом являются:

а) машинно-тракторный парк предприятий АПК;

б) ремонтно-технические подразделения предприятий АПК;

в) предприятия производящие сельскохозяйственные машины и оборудование;

г) организации, занимающиеся продажей (чаще на основе лизинга) тракторов, комбайнов, сельскохозяйственных машин, автомобилей и их послепродажным техническим обслуживанием [12].

Важнейший компонент материально-технической базы сельскохозяйственных организаций – их машинно-тракторный парк. Это тракторы, комбайны, сельскохозяйственные машины, самоходные шасси, механизированные транспортные средства, машины для выполнения трудоемких процессов в животноводстве, послеуборочной обработки зерна. Весь машинно-тракторный парк можно подразделить на следующие группы:

а) тракторы, как универсальное энергетическое средство;

б) сельскохозяйственные машины, работающие в агрегате с тракторами (плуги, сеялки, культиваторы, универсальные машины, выполняющие 2-3 операции за один проход трактора);

в) самоходные и стационарные сельскохозяйственные машины (зерноуборочные комбайны, самоходные косилки, зерноочистительные машины, картофелесортировальные пункты и т.п.);

г) специальные машины и оборудование для механизации трудоемких процессов.

В структуре машинно-тракторного парка происходят постоянные изменения, ведущие к ее оптимизации, повышению удельного веса сельскохозяйственных

машин и снижению доли тракторов (по их стоимости). Это создает условия для лучшего использования парка машин, повышения показателей его выработки. Если тракторный парк представляет собой совокупность энергетических средств то, рабочие машины позволяют непосредственно осуществлять технологические процессы. Соответственно, уровень развития материально-технической базы определяется оснащением предприятий не только тракторами и иными энергетическими средствами, но и рабочими машинами, а также их технико-экономическими показателями.

Важным моментом совершенствования технического сервиса предприятий АПК является не только обновление их технико-технологического обеспечения, но и использование современных форм применения сельскохозяйственной техники. Можно выделить два основных направления в совершенствовании практики использования техники предприятиями АПК: а) формы и способы; б) условия (таблица 3):

Таблица 3. - Рационализация организации использования техники в АПК

Формы, способы и условия рациональной организации использования техники на предприятиях АПК		
	Формы и способы	Условия
1.	Постоянные механизированные бригады (звенья) с закрепленным фронтом работ (например, севооборотом)	Рациональный размер объема работ (пашни и набора культур); в подразделении до 15 механизаторов
2.	Постоянные механизированные отряды	Отряды плодородия, тракторно-транспортные
3.	Временные организационно-технологические подразделения	Уборочно-транспортные, пахотные, посевные
4.	Групповой способ организации использования техники	Оптимальный размер группы МТА в одной загонке (1-3), выделение резервных машин

Еще одной проблемой развития сервисного обслуживания предприятий АПК является значительная дисперсия цен на обслуживание сельскохозяйственной и городской техники, городского офисного и сельскохозяйственного оборудования. Доплаты за выезд (разъездное

обслуживание), за полевые условия и т.д. способствуют росту издержек обслуживания и трансакционных затрат сельхозпроизводителей.

Отсутствие паритета цен на продукцию сельского хозяйства и материально-технические ресурсы для него, также является сдерживающим фактором развития сельского хозяйства. В этих условиях важнейшим источником укрепления материально-технической базы сельского хозяйства являются средства государственной финансовой поддержки. Основным направлением технической политики органов управления агропромышленным комплексом и органов власти является перевод отраслей сельского хозяйства на новые технологии, обеспечивающие экономию энергоресурсов, повышение производительности труда, снижение себестоимости единицы продукции.

Научно-технический прогресс представляет собой единый процесс развития науки и техники, постоянное внедрение результатов изобретений и усовершенствований непосредственно в процесс производства, обеспечивающий непрерывное повышение производительности труда и эффективности производства. В агропромышленном комплексе научно-технический прогресс проявляется своеобразно в каждой из его отраслей и тесно связан с интенсификацией сельскохозяйственного производства, которая предполагает направление дополнительных капитальных вложений на единицу площади сельскохозяйственных угодий, голову скота в целях повышения эффективности производства. Важнейшими факторами интенсификации являются комплексная механизация, автоматизация производства, химизация, мелиорация земель, выведение новых сортов растений, повышение продуктивности животных и птицы, специализация и концентрация производства. Опыт использования техники с учетом выявленных недостатков служит основой для выработки требований к новым машинам. Это позволяет избежать недостатков, присущих машинам прошлого поколения и сохранить все лучшее, прогрессивное, что было выявлено в период их эксплуатации.

Суть технического прогресса выражается в технических преимуществах новых машин, их экономической эффективности и благоприятных социальных последствиях их использования. Можно назвать три основных аспекта технического прогресса: собственно технический, организационно-экономический и социальный.

К техническому аспекту относятся следующие направления прогресса:
а) рост мощности тракторов, комбайнов, автомобилей, сельскохозяйственных машин и агрегатов;

б) увеличение рабочих скоростей движения машинно-тракторных агрегатов;

в) увеличение ширины захвата, пропускной способности машин;

г) повышение надежности, долговечности, ремонтопригодности техники.

К организационно-экономическому аспекту относятся:
а) внедрение новых технологий, передовых приемов использования и ремонта техники;

б) автоматизация технологических процессов и производства в целом;

г) снижение трудоемкости изготовления, обслуживания, ремонта и утилизации машин;

д) повышение качества ремонтных работ и производимой продукции;
е) снижение себестоимости выполняемых операций и производимой продукции;

К социальному аспекту относятся:

а) создание благоприятных санитарно-гигиенических условий на рабочем месте;

б) повышение квалификации кадров;

в) облегчение труда, повышение его содержательности;

г) экологическая безопасность машин.

Таким образом, сфера технического сервиса в АПК развивается на основе свободной структуризации рынка материально – технических ресурсов и агросервиса. Материально технические услуги в сфере технического сервиса оказываются потребителям на основе цен и тарифов, формируемым в соответствии с рыночной конъюнктурой. Меры государственного регулирования в этой области должны стимулировать инициативу и предприимчивость коммерческих структур, способствовать становлению конкурентоспособных предприятий, защите отечественных производителей промышленной и сельскохозяйственной продукции [13].

Однако до сих пор остается острой проблема проектирования и эксплуатации предприятий технического сервиса в АПК [14]. Это связано с необходимостью реконструкции и технического перевооружения сервисных предприятий, а также приведения их в соответствие с требованиями современной цифровой экономики. Помимо обслуживания машинного парка современный технический сервис касается и обслуживания робототехники, компьютерных и информационных сетей агропроизводителей. В условиях применения фотоники и робототехники становятся необходимыми новые, интеллектуальные форматы технического сервиса [15]. Например, такие, как информационно-аналитические системы в управлении сельскохозяйственным производством [16].

Среди прочего, острота названной проблемы обусловлена масштабами и характером государственной поддержки отечественных сельскохозяйственных производителей. Известно, что после вступления России в ВТО, она приняла на

себя обязательства сократить объем господдержки аграриям с 9 млрд. долл. до 4,4 млрд. долл. в 2018 г. [17, с.8]. Даже в Японии, не говоря уже о развитых странах Евросоюза или США, государственная поддержка сельскохозяйственных производителей выше в 9 раз [18, с.4].

Это является одной из причин того, что сумма задолженности сельскохозяйственных товаропроизводителей в Российской Федерации последние десять лет неуклонно растет. К 2015 г. она выросла по сравнению с 2000 г. на 36,%% и превысила 44 млрд. руб., что в 1,4. раза больше стоимости реализуемой аграриями продукции и в 7,5 раза больше получаемой ими чистой прибыли [19].

Вопреки обязательствам, взятым РФ перед ВТО, объемы государственной финансовой поддержки остаются достаточно высокими. Например, на субсидии аграрникам в 2017 г. было затрачено 248 млрд. руб., кассовое исполнение программы составило 234 млрд. руб. Но при этом показатель эффективности такой поддержки государства остается на уровне ниже среднего (-0,12) [20].

Это можно объяснить, в частности, тем, что до сих пор в финансовых программных документах по поддержке сельскохозяйственных производителей нет четкой росписи затрат на техническое обслуживание АПК. И хотя многие авторы часто рассуждают о поддержке инновационного сектора АПК, но техническое обслуживание сюда не относят. Об этом можно судить хотя бы по тому, что среди таких направлений поддержки инновационного развития АПК и механизмов его развития не упоминается сфера технического обслуживания [21, с.238 - 258].

Выводы

В условиях современного экономического кризиса предприятия АПК не в состоянии самостоятельно, своевременно и эффективно осуществлять техническое обслуживание собственной техники и технологии производства. Это объясняется как высокой степенью физического износа основных фондов, так и ускоренной амортизацией машинного парка, а также общей неблагоприятной ситуацией, сложившейся в условиях разного рода международных экономических «санкций», пандемии Covid-19 и других негативных факторов.

В условиях форс-мажорной ситуации государство может и должно оказать необходимую финансовую поддержку предприятиям АПК, используя систему БОР (бюджетирование, ориентированное на результат) и предоставляя им финансовые средства адресным образом в форме субсидий и субвенций на техническую реновацию. В первую очередь, на рекультивацию земли и обновление технического парка, проведение капитального и текущего ремонта техники и оборудования, разработку и внедрение новой технологии.

В этой связи представляется целесообразным отойти от практики минимальных коэффициентов бюджетного обеспечения в решении вопросов технической модернизации предприятий АПК и «разрабатывать средневзвешенные бюджетные коэффициенты, которые необходимо скорректировать с учетом регионального, природно-климатического, демографического и ряда других факторов» [22, с.63]. Эта идея, сформулированная более пятнадцати лет тому назад, до сих пор не реализована, а финансовая помощь предприятиям АПК на техническое обслуживание факторов производства осуществляется все еще «на глазок», без должного экономического обоснования. Отсюда - запаздывающий характер финансовой помощи, недостаточность финансовых средств и их неэффективное освоение.

Для решения данной проблемы предприятиям АПК целесообразно разработать собственные комплексные технико-технологические карты, которые включали бы степень и алгоритм физического, морального и экологического износа основных факторов производства (земли, зданий, сооружений, техники оборудования) и на основе которых региональные отраслевые органы власти подтверждали бы и инициировали заявки на получение государственных финансовых средств. Пока же «проводимая финансово-кредитная политика в нашей стране отрицательно сказывается на результатах деятельности сельхозпроизводителей и свидетельствует о наличии острой потребности в оборотных средствах, поскольку собственные средства сегодня не покрывают даже стоимости минимальных запасов» [13, с.10]

Литература

1.Буздалов И.Н. Об интенсификации сельского хозяйства // http://www.viapi.ru/download/2013/126838.pdf

2.Норин И. А. Методические и практические подходы к оценке эффективности использования ресурсного потенциала и обоснованию механизма по обеспечению устойчивости экономического развития предприятия. Екатеринбург: Изд-во. УрГСХА, 2013. – 70 с.

3.Чеботарев М.И., Савин И.Г. Проблемы и перспективы развития технического сервиса АПК // Научный журнал Кубанского ГАУ, 2014. № 97. С.

4.Соколова О.Л., Соколова Л.В. Обзор зарубежного опыта внедрения инноваций в сфере услуг индустрии питания //Индустрия питания. 2019. Т.4. № 1. С.72 - 80.

5.Соломкин А.П., Максименко В.В. Условия формирования технического сервиса сельскохозяйственной техники в АПК Западной Сибири // Вестник Омского ГАУ, 2011. № 1. С.75 - 80.

6.Федеральный закон «О развитии сельского хозяйства» [Электрон.

ресурс]: https://fzrf.su/zakon/o-razvitii-selskogo-hozyajstva-264-fz/

7.Воронин Б.А. Федеральный закон «О развитии сельского хозяйства» // Аграрный вестник Урала. 2007. № 2. С. 35 - 39.

8.Барышников Н.Г. Воспроизводство в сельском хозяйстве: приоритеты и перспективы. Пенза: Изд-во Пензенской ГСХА, 2012. - 160 с.

9. Бондина Н.Н., Бондин И.А., Баширова Н.С. Эффективность использования производственного потенциала в сельскохозяйственных организациях. Пенза: Изд-во Пензенской ГСХА, 2012. - 206 с.

10. О Государственной программе развития сельского хозяйства и регулирования рынков сельскохозяйственной продукции. Постановление Правительства Российской Федерации [Электронный ресурс]: eurasiancommission.org/ru/act/prom_i_agroprom/dep_agroprom/sensitive_products

11. Экономика организации (предприятия): учебное пособие для бакалавров/И.В. Сергеев, И.И.Веретенникова. М.: «Юрайт», 2012.-668 с.

12. Экономика технического сервиса на предприятиях АПК / Авт. колл.: Ю.А.Конкин, К.З.Бисултанов, М.Ю.Конкин [и др.] / Под ред. Ю.А.Конкина. М.: «Колос», 2006. – 368 с.

13.Самойлов В.Н. Организация сельскохозяйственного производства. Курс лекций. Екатеринбург: УрГАУ, 2011- с. 112с. [Электрон. ресурс].

14.Кравченко И.Н., Чепурин А.В., Коломойченко А.А. Проектирование предприятий технического сервиса. М.: Лань, 2015. -352 с.

15.Егорова О.Д., Костусяк Р.А., Рыбакова Р.А. Информационно-аналитическая система для управления сельскохозяйственным производством // Инновации в сельском хозяйстве. 2016. № 6(21). С.4 - 8.

16. Стребков Д.С., Башилов А.М. Применение фотоники и робототехники - приоритетная перспектива развития аграрного производства // Инновации в сельском хозяйстве. 2016. № 6 (21). С.9 - 17.

17. Система государственной поддержки сельского хозяйства в условиях членства России в ВТО / под ред. С.В.Киселева. М.: Изд-во МГУ, 2016. - 176 с.

18.Семенова Н.Н. Увеличение государственной финансовой поддержки сельского хозяйства - реальная необходимость // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2015. № 17 (302). С.

19. Ильин И.В. Финансовые инструменты государственной поддержки сельскохозяйственных предприятий // Вестник сельского развития социальной политики. 2016. № 1(9).

20. Обзор рынка сельского хозяйства. Москва, ИЦ Делойт, 2018 [Электронный ресурс]: https://www2.deloitte.com/content/dam/Deloitte/ru/Documents/research-center/obzor-rynka-selskogo-hozyajstva.pdf

21.Россия в ВТО: год после вступления. В 2-х т. / под ред. В. А.Черешнева, А.И.Татаркина, М.В.Федорова. М.: Экономика, 2014. Т.2. Ч.2. - 600 с.

22. Стожко К.П., Пыхова И.А. Бюджетное регулирование в России. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2006. - 492 с.

23. Голубина Ж.И. Бюджетные расходы на финансирование агропромышленного комплекса // Вестник экспертного совета. 2015. № 3(3). С. 10 - 14.

Т.И.Кружкова
кандидат исторических наук, доцент,
кафедра экономической теории и менеджмента,
Уральский государственный аграрный университет;
О.А.Рущицкая
доктор экономических наук, доцент,
кафедра экономической теории и менеджмента,
Уральский государственный аграрный университет

ГУМАНИСТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ОБРАЗОВАНИЯ И ВОСПИТАНИЯ СТУДЕНТОВ В АГРАРНОМ ВУЗЕ

Аннотация. В современных условиях, в связи с переходом на новые федеральные образовательные стандарты высших учебных заведений нашей страны от решения проблем гуманизации, преемственности всех уровней современного образования во многом зависит формирование личности. Авторы отмечают, что информированность и инновационность являются приоритетами всех форм, видов и уровней образования в вузе. Следует обратить внимание на гуманизацию системы высшего образования в целях воспитания духовности, нравственности, патриотизма студенческой молодежи. Анализируются проблемы, имеющие место в духовном воспитании молодежи и предлагаются пути решения этих проблем.

Ключевые слова. Гуманизация, инновационность, духовность, нравственность, патриотизм, интеллигентность.

Проблема гуманизации системы высшего образования в нашей стране и формирования социально значимых ценностных ориентаций студентов широко отражена в научных трудах. Теоретико-методологическая база аспекта духовных и социальных ценностей создана такими учеными как Б.Ананьев,И.Бех, Е.Бондаревская, Л. Божонич, М. Васильева, О. Леонтьев, В. Сухомлинский, В.Тугаринов и другие. Они ввели в теорию ценностей основные категориальные понятия, классифицировали их, обосновали необходимость

реализации системно-ценностного подхода в преподавании гуманитарных дисциплин.

От решения проблем гуманизации, преемственности всех уровней современного образования в Российской Федерации во многом зависит формирование личности. При этом информированность и инновационность являются приоритетами всех форм, видов и уровней образования.

В современных условиях процесс гуманизации является практически неуправляемым. Государство уделяет недостаточное внимание воспроизводству интеллектуального потенциала нации, отодвинув эту проблему на периферию общественной жизни

В настоящее время в высших учебных заведениях страны в связи с переходом на новые федеральные образовательные стандарты ФГОС-3++ также недооцениваются гуманистические аспекты в обучении и воспитании молодежи. Гуманизацию нельзя сводить только к освоению знаний, полученных в результате изучения гуманитарных дисциплин, так как ее целью является обращение к внутреннему миру человека, к активизации личностного духовного потенциала, к воспитанию у студентов подлинной интеллигентности. В основе интеллигентности лежит постоянное стремление человека к самосовершенствованию, способность критически анализировать свои поступки. Именно в этой связи и необходимо обратить внимание на гуманизации системы высшего образования в целях воспитания духовности, нравственности, патриотизма студенческой молодежи.

В последние годы высшие учебные заведения страны столкнулись с проблемами в духовно-нравственном и патриотическом воспитании молодежи:

-непонимание значительной частью студентов духовных основ русской культуры, что негативно отражается на преемственности национальных традиций в общественной жизни;

-незнание основных положений религиозной морали;

-неуважительное отношение к старшему поколению;

-равнодушное отношение к общественным мероприятиям и др. [2]

В целях совершенствованию духовно-нравственного воспитания студенческой молодежи необходимо в учебных планах, составляемых на основе новых федеральных образовательных стандартов особое внимание обратить на гуманитарные дисциплины: «Философия», «История», «Право» и др.

Гуманитарные дисциплины в учебном процессе вузов на протяжении всей истории развития высшего образования в нашей стране имели большое значение. Они формировали ценностные ориентации личности, способствовали развитию духовного потенциала учащейся молодежи, развитию интеллекта и творческого мышления.

Разрабатывая учебные планы нового поколения необходимо сохранить имеющиеся академические часы гуманитарных дисциплин и по возможности их увеличить. Это будет способствовать широкому использованию инновационного подхода в преподавании гуманитарных дисциплин и соответственно воспитанию нравственности, духовности и патриотизма студентов [5].

Гуманизация высшего образования способствует не только воспитанию духовности, но и социальному воспитанию, способствующему развитию у студенческой молодежи общественного сознания, уважения к старшему поколению, формированию активной жизненной позиции.

Гуманизация системы высшего образования также во многом зависит от анализа воспитательныхпроцессов, имевших место в конце XX века и возродившихся в нашей стране в современных сложных эпидемиологических условиях, вызванных COVID-19. Также широкое использование лучших методов и форм воспитательной работы из прошлого опыта.

Процесс формирования позитивных моральных ценностей студентов будет происходить более успешно при условии активного их участия в проектировании своего будущего. В условиях пандемии одним из таких действенных способов является волонтерская деятельность студенческой молодежи, заключающаяся в оказании помощи медицинским работникам и пожилым людям, находящимся в изоляции. Волонтерская деятельность – это благотворительная деятельность, осуществляемая физическими лицами без получения материального вознаграждения, какой-либо прибыли и направленная на повышения благосостояния общества.

Крайне важно разработать систему ценностей для реализации личностно-ориентированного, деятельностного подхода к воспитанию на основе принципов системности.

В целях дальнейшего совершенствования системы гражданско-патриотического воспитания в институте экономики, финансов и менеджмента Уральского государственного аграрного университета предлагается разработать в 2021-2022 учебном году следующие проекты:

-«Книга памяти», к дню победы в Великой Отечественной войне, в рамках которого разработать сайт, посвященный преподавателям и сотрудникам Свердловского института сельского хозяйства 1941-1945 гг.

-Деловая игра – «Выборы в молодежную думу».

Таким образом, разработка и реализации предложенных проектов будет способствовать развитию у студентов активного, творческого начала.

Литература

1. Долганова, Н. В. Актуальные аспекты гуманизации образования в высшем учебном заведении // Молодой ученый. 2020. № 7. Т. 297. С. 239-241.

2. Кружкова Т.И., Рущицкая О.А., Рущицкая О.Е. Формирование духовно-нравственных компетенций студентов вузов // Материалы Всероссийской научно-практической конференции. Екатеринбург, 2019.С. 140-144.

3. Рабазанов С. И. Формирование гуманистических ценностей у студентов в условиях реформирования системы высшего образования в России // Novainfo.ru. 2017. № 58. Т.6. С.389-393.

4. Мальчукова Н. Н. Духовно-нравственное воспитание студентов аграрного вуза // Молодой учёный. 2016. №24. Т. 128. С. 480-482.

5. Батракова С.И., Волкова С.А., Заикина Н.И. Роль патриотического воспитания студентов как элемент образования в вузе // Материалы Всероссийской национальной научно-практической конференции «Тенденции развития гуманитарного и социально-экономического образования в высшей школе». Екатеринбург, 2018. С. 6-9.

Т.И.Кружкова
кандидат исторических наук, доцент,
кафедра экономической теории и менеджмента,
Уральский государственный аграрный университет;
О.А.Рущицкая
доктор экономических наук, доцент,
кафедра экономической теории и менеджмента,
Уральский государственный аграрный университет

ФОРМИРОВАНИЕ У СТУДЕНТОВ АГРАРНОГО ВУЗА ЦЕЛОСТНОГО МЫШЛЕНИЯ

Аннотация. В связи с переходом высших учебных заведений на новые образовательные стандарты ФГОС – 3++, разработанные в тесной связи с профессиональными стандартами важнейшей задач подготовки студентов аграрных вузов является формирование и развитие целостного мышления.

Выпускники вуза должны быть не только высококвалифицированными специалистами, но и уметь творчески мыслить, разбираться в вопросах философии, политологии, социологии, то есть обладать широким кругозором.

Авторы статьи предлагают использовать различные методологические подходы, позволяющие формировать у студентов целостное мировоззрение. Наряду с традиционными методами необходимо более широко использовать в преподавании гуманитарных дисциплин современные активные средства обучения.

Ключевые слова. Целостное мировоззрение, системный метод, самоорганизация, творческое мышление, экономика.

Новые ФГОС -3++ поставили одной из важнейших задач экономико-управленческой подготовки студентов в аграрном вузе формирование и дальнейшее развитие целостного современного мышления обучающихся.

Еще Рене Декарт выдвинул идею о том, что на основе рационального способа мышления происходит развитие естественных наук. Данная научная идея потеряла свою актуальность в связи с развитием научно-технического прогресса. В настоящее время ученые уделяют главное внимание проблеме целостного познания окружающего мира.

Для решения задачи формирования и дальнейшего развития у студентов аграрного вуза разных направлений целостного мышления на кафедре менеджмента и экономической теории была разработана рабочая программа по дисциплине «Экономика». В этой программе рассматривается хозяйственная деятельность предприятия как субъекта рыночной экономики и объекта управления. В качестве базового методологического подхода, позволяющего целостно изучить вопросы экономики и управления был выбран системный метод. Этот метод традиционно используется в практике управления производственно-экономическими системами, в том числе на предприятиях АПК и с переходом на новые образовательные стандарты может активно использоваться в процессе обучения студентов.

Основой системного подхода в методологии является исследование объектов, представляющих собой сложную систему, имеющую большое количество внутренних и внешних связей. С позиции системного подхода производство является важнейшей сферой деятельности человека, представляющей собой специфическую систему. В нее входят: отрасли промышленности, сельское хозяйство, предприятие, отдельное подразделение (участок, цех, бригада и т.д.). Таким образом, в методологии исследования системный подход характеризуется динамичностью, целостностью, взаимозависимостью и взаимосвязью его элементов. Экономико-технологическая система производственного процесса на предприятиях АПК представляет собой механизм сложного преобразования выбора исходных

ресурсов и конечный результат, то есть готовую продукцию, предназначенную для реализации. То есть она относится к особому классу систем, состоящих из трудовых ресурсов, оборудования и других элементов, необходимых для функционирования данной системы. Экономико-технологические системы имеют некоторые особенностей:

- постоянное изменение отдельных элементов;
- зависимость от имеющихся ресурсов дальнейшего развития системы;
- способность разрабатывать тактику и стратегию в изменяющихся условиях внутренней и внешней среды;
- способность предотвращать и минимизировать риски и др.

Знание методов проведения системного анализа производственно-экономической деятельности будут способствовать формированию у студентов современного целостного подхода как в изучении экономики предприятия, так и в анализе финансово-хозяйственных проблем. В целях повышения творческой активности студентов аграрного вуза, развития навыков анализа финансово-хозяйственной и управленческой деятельности, творческого поиска способов решения задач, преподавателями кафедры менеджмента и экономической теории, кроме традиционных форм учебных занятий, таких как лекции, решение задач, проведение семинаров, используются современные активные формы обучения [1]. В условиях пандемии, преподаватели освоили проведение учебных занятий в режиме Он-лайн, используя доступную информационную среду. Интернет-ресурсы способствовали более широкому применению в учебном процессе деловых игр интеллектуально-смысловой ориентации. Например, «Назначение и функции сельско-хозяйственного предприятия в условиях современной кризисной ситуации», «Роль руководителя в организации производства и управления сельхозпредприятием» и др. В условиях рыночной экономики изменились функции работников предприятий в соответствии с новой стратификацией, то есть делением субъектов рыночного хозяйства на собственников, предпринимателей, менеджеров, наемных работников, составляющих трудовые коллективы. В связи с этим студенты должны четко осознавать свои интересы и функции, как будущих менеджеров. На рисунке 1 представлена схема управления предприятием в современных экономических условиях, позволяющая студентов четко представлять систему управления предприятием АПК.

Опыт формирования и развития целостного мышления у студентов показывает, что большинство стремятся к аналитическому мышлению, формирующееся современной системой обучения в вузе. Причинами, сдерживающими формирование творческого мышления у студентов являются:

- ставят перед собой определенные мыслительные барьеры;

- считают, что существует только одно правильное решение;

-отдают предпочтение следующим мыслительным операциям – анализ, синтез, обобщение, сравнение, конкретизация;

- привыкание к роли исполнителя и др.;

В отличие от аналитического мышления, основанного на анализе, синтезе, обобщении, сравнении и т.д., для творческого мышления эти операции не являются основными «на краю» сознания. Подсознательно появляется результат решения, обусловленный тем не менее напряженной работой мысли, накопленными знаниями, умениями и навыками.

Согласно многим исследованиям ученых, эффективность интуитивных решений зависит от ряда факторов, в том числе и от психологического состояния человека. Использование в учебном процессе деловых игр интеллектуально-смысловой ориентации создают благоприятные условия для реализации таких принципов, как сотрудничество, доброжелательность, самоорганизация и т.п., способствующим достижению поставленных целей (1). Также важной задачей, решаемой в ходе проведения на занятиях деловых игр является формирование у студентов коммуникативных качеств, необходимых для деятельности менеджеров, руководителей предприятий АПК.

В целом для формирования и развития целостного мышления у студентов аграрного вуза и оценки итогов освоения знаний большое значение имеют имеют рефераты и проектные разработки по проблемам экономики и управления предприятием АПК, доклады на семинарских занятиях, защита выпускных квалификационных работ, а также выступления на ежегодных научных конференциях института экономики, финансов и менеджмента.

Литература

1. Кружкова Т.И., Рущицкая О.А., Рущицкая О.Е. Формирование духовно-нравственных компетенций студентов вузов // Материалы Всероссийской научно-практической конференции. Екатеринбург, 2019.С. 140-144.

2. Красильникова Е.В., Кольцова А.А., Тюлина А.В., Шевлякова С.А. О формировании культуры мышления аграрного вуза // Современные проблемы науки и образования. 2017. №2. URL: http://science-education.ru/ru/article/view?id=26331 (дата обращения: 09.01.2021)

3. Кашапов М.М. Психология творческого мышления профессионала. Москва, Саратов, 2019. 688 с.

4. Сайфуллаева Н.З. Инновационное экономическое мышление как важная составляющая экономической культуры студентов вуза // Образование и проблемы развития общества. 2020. №1. С. 151-159

5.Ташланова Н.Д. Развитие критического мышления студентов в вузах // Проблемы современной науки и образования. 2019. № 11-2. С.63-64.

В.Н.Лавров
доктор экономических наук, профессор,
кафедра экономической теории и менеджмента,
Уральский государственный аграрный университет;
М.А.Соболевский
студент II курса, ТМО,
Уральский государственный аграрный университет;
К.П.Стожко
(научный руководитель)
доктор исторических наук, профессор,
кафедра экономической теогрии и менеджмента,

ПРИЧИНЫ И ПОСЛЕДСТВИЯ СОВРЕМЕННОЙ БЕЗРАБОТИЦЫ

Аннотация. В статье дан подробный анализ причин и последствий современной безработицы. Раскрыты ее особенности и различные трактовки, существующие в экономической науке. Безработица представлена как следствие деформации рыночной экономики, в отличие от либеральных ее трактовок как необходимого фактора экономического развития.

Ключевые слова: бедность, безработица, занятость, рыночная экономика, труд,

В западной экономической литературе причины безработицы исследуются преимущественно на основе экономического подхода [7]. При этом безработица рассматривается как экономическая проблема недостаточно полного использования рабочей силы.

Часто причины безработицы объясняются несбалансированностью рынка труда или неблагоприятными изменениями на этом рынке [2; 6]. Наиболее известной теорией, объясняющей причины безработицы, является теория Дж. Кейнса [9].

Заслуга Дж.Кейнса в разработке теории безработицы в том, что он представил логическую модель механизма, раскручивающего экономическую

нестабильность и ее составляющую - безработицу. Дж.Кейнс заметил, что по мере роста национального хозяйства в развитом рыночном хозяйстве у большинства населения не весь доход потребляется, определенная его часть превращается в сбережения. Чтобы они превратились в инвестиции необходимо иметь определенный уровень так называемого эффективного спроса, потребительского и инвестиционного. Падение потребительского спроса гасит интерес вкладывать капитал, и, как следствие, падает спрос на инвестиции. При падении стимулов к инвестированию производство не растет и даже может свертываться, что приводит к безработице. Довольно тщательно исследовал безработицу К. Маркс в "Капитале" (вторая половина XIX века). Он отметил, что с техническим прогрессом растет масса и стоимость средств производства, приходящихся на одного работника. Это приводит к относительному отставанию спроса на труд от темпов накопления капитала, и в этом кроется причина безработицы. Такая трактовка математически не вполне корректна, т. к. если спрос на рабочую силу растет, то безработица исчезает, или хотя бы рассасывается, несмотря на то, что рост капитала происходит еще более высокими темпами. Маркс допускал и другие причины, в частности, цикличность развития рыночного хозяйства. Интересна трактовка безработицы видного английского экономиста А. Пигу, который в своей известной книге "Теория безработицы" (1923 г.) обосновал тезис о том, что на рынке труда действует несовершенная конкуренция. Она ведет к завышению цены труда. Поэтому многие экономисты указывали, что предпринимателю выгоднее заплатить высокую заработную плату квалифицированному специалисту, способному увеличить стоимость выпуска продукции. В своей книге Пигу детально и всесторонне обосновывал мнение, что всеобщее сокращение денежной заработной платы способно стимулировать занятость. Но эта теория не может дать полного объяснения источников безработицы.

Таким образом, можно выделить несколько основных причин безработицы:

1. Внедрение новых технологий, оборудования приводит к сокращению излишней рабочей силы

2. Политика правительства в области оплаты труда

3. Экономический спад или депрессия

4. Изменения в структуре населения, в частности рост численности населения

Безработица является следствием деформации рынка труда. Безработные и свободные места всегда существуют, но требуется время, чтобы между ними установилось соответствие. Следствием этого будет наличие безработицы. Таким образом, можно сделать вывод, что на уровень безработицы влияет

множество различных факторов, и, в тоже время, безработица является естественным сопровождением экономического развития в условиях конкуренции. В рамках либеральной экономической теории считается, что наличие безработицы является неизбежным, и даже необходимым для эффективного развития экономики государства [1].

Безработица влечет за собой серьезные социальные и экономические последствия. Социальные последствия: хочется отметить, что социальные последствия безработицы - это очень животрепещущая проблема.

Результаты научных исследований, проведенных в последнее время, документально подтверждают существование ряда эмоциональных, социальных, финансовых, семейных, медицинских и политических последствий безработицы [4; 5; 8].

Среди эмоциональных последствий безработицы называют низкую самооценку, депрессию, самоубийство и необходимость психиатрического лечения в стационаре. Так же безработные люди начинают ощущать себя лишними и ненужными в обществе.

Среди медицинских проблем - нарушение здоровья, вызванное стрессами (в частности, болезни сердца и почек, алкоголизм). У работников, которые до объявления об увольнении имели нормальное артериальное давление, сразу же после известия об увольнении она повышалось и оставалось высоким до тех пор, пока они вновь не находили работу. Стрессы, вызванные безработицей, могут сократить продолжительность жизни и, следовательно, повысить уровень смертности.

Существует связь между ухудшением отношений в семье и детской смертностью, жестким обращением с детьми, разводом, конфликтами между родителями и детьми, необходимостью передачи детей на опекунство. У детей в семьях безработных чаще, чем в семьях работающих, встречаются отклонения в поведении.

По всей вероятности, безработица оказывает отрицательное воздействие на всех, кого она как-либо затрагивает. По мнению некоторых специалистов, потеря работы способна нанести психическую травму, выше которой по уровню стресса лишь смерть близких родственников или заключение в тюрьму. Поэтому не случайно в любом государстве безработица считается центральной проблемой современного общества. Повышение уровня безработицы приводит к снижению доходов населения, обостряет отношения в семьях, может вызвать социальную напряженность в обществе.

Экономические последствия: экономические последствия безработицы весьма многообразны и неоднозначны. Достаточно сложна и их структура. Рост безработицы увеличивает и расходы государства. Их основная масса

осуществляется за счет фонда занятости. Источниками же его пополнения являются, как известно, не только обязательные страховые взносы работодателей из заработков работающих. К числу таких источников следует отнести и выплаты из федерального бюджета, бюджетов субъектов Российской Федерации, местных бюджетов, добровольных взносов юридических и физических лиц.

Так же превышение нормы безработицы сверх ее естественного уровня ведет к отставанию роста реального объема производства, что подрывает экономику государства.

Важным социальным последствием безработицы для человека является потеря постоянного и регулярно получаемого источника средств существования. В условиях, когда доходы человека находятся на низком уровне, и он не имеет возможности создать какие-либо денежные и другие накопления, такая потеря является особенно большой бедой, из-за этого сокращается экономический потенциал.

Если экономика не в состоянии удовлетворить потребности в рабочих местах для всех, кто хочет и может работать, кто ищет работу и готов приступить к ней, кто хочет и может работать, кто ищет работу и готов приступить к ней, то теряется потенциальная возможность производства товаров и услуг. Следовательно, безработица мешает обществу развиваться и двигаться вперед с учетом своих потенциальных возможностей. В конечном итоге это рассматривается как снижение темпов экономического роста, отставание объемов увеличения валового национального продукта.

Таким образом, можно выделить основные последствия безработицы:

1. Снижение доходов
2. Проблемы с психическим здоровьем
3. Потеря квалификации
4. Экономические последствия

Следовательно, безработица - это тормоз в развитии общества и недоиспользования производственных возможностей. В итоге в стране происходит снижение экономического роста, отставание объемов увеличения валового национального продукта. Подобные явления поддаются регулированию и прогнозированию [3].

Наконец, история убедительно показывает, что массовая безработица приводит к быстрым, иногда очень бурным социальным и политическим переменам. Именно поэтому государство не должно полагаться на саморегулирующуюся роль рынка в вопросах занятости, а активно вмешиваться в этот процесс.

Безработица является характерной чертой рыночной экономики. Причины данного явления разнообразны.

Во-первых, структурные сдвиги в экономике, выражающиеся в том, что внедрение новых технологий, оборудования приводит к сокращению излишней рабочей силы.

Во-вторых, экономический спад или депрессия, которые вынуждают работодателей снижать потребность во всех ресурсах, в том числе и трудовых.

В-третьих, политика правительства в области оплаты труда: повышение минимального размера заработной платы увеличивает издержки производства и тем самым снижает спрос на рабочую силу, что иллюстрирует классическая модель рынка труда.

В-четвертых, сезонные изменения в уровне производства в отдельных отраслях экономики.

Наконец, в-пятых, изменения в демографической структуре населения, в частности рост численности населения в трудоспособном возрасте увеличивает спрос на труд и, следовательно, возрастает вероятность безработицы.

Массовая бедность и социальная незащищенность широких слоев населения - наша действительность. Поэтому неудивительно, что проблема безработицы часто является предметом политических дискуссий. Изучение безработицы необходимо для определения ее причин, а так же для совершенствования мер государственной политики, влияющих на занятость.

Таким образом, безработица - это объективно существующий спутник наемного труда независимо от того, признается экономика рыночной или нет и, соответственно, производятся либо нет официальная оценка численности и регистрация безработных.

Литература

1. Николаева И.П., Казнахмедова И.П.Экономическая теория. М: Юнити, 2005. - 543с.

2. Булатов А.С.Экономика. М: Экономист, 2005. - 896с.

3. Закон РФ «О занятости населения в Российской Федерации» N 1032-1 от 19 апреля 1991 г.

4.Токсанбаева М.С. Социальные интересы работников и использование трудового потенциала. М: Наука, 2006. - 258с.

5 Елкин Е.С. Экономические и социальные последствия безработицы // Экономический вестник. М., 1997.

6. Генкин Б.М. Экономика и социология труда. М.: Мысль, 1998.

7. Линвуд Т. Гайгер Макроэкономическая теория и переходная экономика: пер. с англ.М.: Прогресс, 1996.

8. Чершина Н.В. Социальные проблемы безработицы // Социологические исследования. 2006. № 1. С.15-18.
9.Кейнс Дж. М. Общая теория занятости, процента и денег. М.: Эксмо, 2011.

А. И. Мартыненко
студент (магистрант) II курса,
К.П.Стожко
(научный руководитель),
доктор исторических наук, профессор,
кафедра философии,
Уральский государственный аграрный университет

НОВЫЕ ТЕХНОЛОГИИ ТРУДОВОЙ АДАПТАЦИИ В ОРГАНИЗАЦИИ

Аннотация. В статье представлен сравнительно новый метод адаптации в организации - «KINO», основанный на применении современных информационных технологий. Дано собственное определение понятия адаптации и метода KINO, приведены основные положения по рассматриваемому методу, предложена схема и принципы реализации метода на практике, а также сформирован прогноз «полезности» метода в течение полного цикла его применения. В заключение определена роль KINO и круг организаций, в которых возможно наиболее эффективное его применение.

Ключевые слова: управление человеческими ресурсами, информационные технологии, адаптация, методы адаптации, психологический портрет.

Информационные технологии (ИТ) в современном мире не перестают развиваться и продолжают занимать все большее место во всех сферах жизни общества и охватывают все большее число операций, технологий и процессов жизнедеятельности, протекающих внутри них. Сами по себе, ИТ дают уникальные возможности по обработке, хранению и передачи информации на значительные расстояние, что находит широкое применение во всех отраслях производства и предоставления услуг.

Еще несколько лет назад автоматизация затрагивала только расчет зарплаты и кадровое делопроизводство. Сегодня же программные продукты для служб персонала вышли на новый качественный уровень. Они включают не только средства сбора и учета данных по персоналу, но и функции современного HR-менеджмента: управление результативностью, компетенциями, обучением и

развитием, подбором сотрудников, льготами и компенсациями, лояльностью, организационными изменениями, а также работу с резервом и планирование карьеры, ведение архивов [2].

Несмотря на то, что для выполнения функций менеджмента существует множество программных продуктов, как зарубежного, так и отечественного производства, большая часть из них основана на вводе и сборе цифровых данных, а также последующей манипуляции ими – анализе, прогнозировании, планировании и выводе. Таким образом, область применения подобных информационных технологий ограничена, и при ее расширении требуется всё большее вмешательство человека в процесс выполнения функций менеджмента, что вызывает увеличение связанных с их выполнением рисков и всевозможных затрат.

В данной статье выставлена на рассмотрение технология к применению в области управления человеческими ресурсами, а именно – их адаптации в организации. Адаптацию мы будем определять как поэтапный процесс активного или пассивного вхождения и приспособления работника к среде организации и многочисленным факторам, составляющим ее, а также к условиям труда, отличным не только для каждой организации, но и для каждого рабочего места.

Роль адаптации в повседневной жизни сложно переоценить. О значимости ее говорил и писал Ганс Селье еще в 80-х годах XX века и ранее: «В течение своей жизни я был свидетелем многих технических нововведений и социальных изменений в структуре семьи, правах мужчин и женщин, в характере работы, на которую есть спрос в условиях роста городов. Все это ставит перед обществом беспримерную задачу постоянной адаптации. Те из нас, кто испытал на себе все эти перемены, не могут сидеть, сложа руки и наблюдать, как у молодежи целеустремленность постепенно вытесняется чувством отчаяния» [5].

Для решения встающих перед обществом в целом, и организациями в частности, проблем адаптации к изменениям, следует разрабатывать и внедрять новые методы, которые будут включать в себя применение современных информационных технологий. Далее рассмотрим непосредственно предлагаемую нами технологию, получившую название «KINO».

«KINO» – это вспомогательный метод адаптации персонала в организации, суть которого заключается в ведении новичком рабочего видеодневника для отображения хода процесса адаптации, посредством применения современных информационных технологий.

Приведенное определение можно условно разделить на три составляющие части или положения. Раскроем основные положения по данной технологии.

В первой части определения говорится о том, что KINO вспомогательный метод, так что следует отметить, почему данный метод так обозначается и что под этим подразумевается. Общепринято деление видов адаптаций посредством наиболее устоявшейся классификации, предложенной А.Я.Кибановым, различающей производственную и внепроизводственную адаптацию [4, с. 357]. На практике же, организация процесса адаптации подразумевает, зачастую условное, деление применяемых методов адаптации на основные, второстепенные, а также вспомогательные.

В условиях ограниченности финансовых, временных и иных ресурсов, в адаптации новичка одни методы играют ведущую роль и именно на них возлагаются надежды и ответственность за конечный результат, а другие второстепенную или даже вспомогательную, что может быть осмыслено и обоснованно научным управлением в организации, либо может быть сложено стихийно. К основным методам можно отнести Secondment, Shadowing, а также уже ставший классическим метод наставничества и прочие. Роль второстепенных методов адаптаций могут играть инструктажи, разнообразные «наборы новичка», методы неформализованного сопровождения, проведения совместных мероприятий и другие.

Ведение же рабочего видео-дневника подразумевает сопровождение процесса адаптации новичка и отображение с его помощью хода всех значимых для новичка видов адаптаций – профессиональной, психофизиологической, санитарно-гигиенической и прочих. Таким образом «KINO» выступает как вспомогательный метод, который необходимо использовать в связке с каким-либо основным методом адаптации, принятым к применению в организации.

Во второй части определения метода KINO говорится об видео-дневнике. Под ведением рабочего видео-дневника мы понимаем самостоятельное, добровольное и отчасти спонтанное, т.е. без жесткой привязки к периодичности, отображение адаптантом собственного видения хода процесса протекающей адаптации. Это осуществляется посредством записи короткого (~3-5 мин.) видео самим адаптантом, который располагается напротив объектива записывающего устройства и, таким образом, находится в центре кадра. Содержание этих записей может быть изначально определено лишь отчасти. На них адаптанту предлагается в свободной форме коротко описывать свой первый и последующий опыт работы на новом месте, оценивать деятельность компании, и ее структурных частей, разного рода отношения внутри коллектива и условия труда, применяемые программы и технологии, определять свое место и роль в организации, а также ее миссию и значимость. В общем и целом, посредством видео-дневника может отображаться все то, с чем новичок сталкивается в ходе своей работы и адаптации, и что он желает

отметить и считает наиболее значимым для себя, например какие-либо успехи или проблемы, с которыми он имеет дело. В свою очередь организация, в лице работодателя или уполномоченных лиц, получает материал для анализа эффективности основного процесса адаптации и его хода, а также общей пригодности и возможности формирования лояльности у адаптанта в будущем и, если это необходимо, аккуратно направлять его в нужное русло. Наиболее полезным будет мнение самого адаптанта касательно тех вещей, которые в первую очередь именно ему видятся значимыми, и лишь после – кажущиеся значимыми для работодателя и диктуемые им к озвучиванию.

Подобные записи ведутся на протяжении всего срока адаптации, который может совпадать с испытательным сроком, что в среднем составляет 6 месяцев. В течение первых двух недель адаптант делает записи раз в несколько дней после окончания рабочего дня, в следующие шесть недель – раз в неделю, а в последующее время – раз в две или четыре недели, в зависимости от общей длительности периода адаптации. И хотя приведенный режим ведения записей лишь примерный и не должен подвергаться серьезной регулировке со стороны работодателя, однако по окончании процесса адаптации он поможет сформировать полноценный видеодневник адаптанта. Сформированный и удачный видеодневник адаптанта может быть продолжен им и, при добавлении записей в последующие время с периодичности раз в один-три года и увеличением их длительности (~7-10 минут), с годами превратиться в своеобразную «историю успеха» работника или его «карьерный путь».

В заключительной части определения метода KINO говорится о применении информационных технологий. Поскольку основную часть данного метода занимает запись видео-дневника, то и у возможных для применения ИТ имеется своя определенная область и направленность. Наименее затратным может быть ведение записей при помощи мобильного телефона, смартфона или видеокамеры, однако с их применением связаны определенные трудности и неудобства. Следующим по сложности может быть ведение видео-дневника посредством веб-камеры на ноутбуке или персональном компьютере, который может быть закреплен за адаптантом его рабочим местом. Наконец наиболее затратным, серьезным и эффективным может стать выделение под запись видео-дневников сотрудников определенного помещения – технически оборудованной комнаты, в которой адаптант может в ходе или после рабочего дня в уединении, чувствуя себя более свободно, защищенно и раскованно, осуществлять запись видео-дневника и редактировать ее на месте. Наиболее значимыми деталями подобной комнату можно считать: обустройство комфортной и более непринужденной обстановки в помещении, его отделенность от прочих кабинетов, наличие необходимого оборудования –

переносного осветителя, переносной камеры со штативом, а также персонального компьютера для редактирования и корректировки записей.

Говоря о выделение целого помещения для реализации метода «KINO», вспоминается не менее необычная технология – японская «комната гнева», ныне уже встречающаяся во многих других развитых странах [6]. И это неспроста, так как у них есть свои определенные схожие черты, а именно – создаваемое чувство уединенности, безопасности и относительной свободы. Однако не менее важными являются их отличия: если «комната гнева» рассчитана на разрядку и высвобождение негативных эмоций, скрытой злобы и мыслей, то задача KINO дать адаптанту возможность высказывать свое мнение, в идеале, в положительном или нейтральном ключе, либо же при помощи адекватной критики и без последующего осуждения за сказанное.

Значительно повысить эффективность от применения представленного метода адаптации можно посредством современных интернет-технологий. Наилучшим станет добавление возможности выкладывать только что отснятые записи в онлайн-доступ заинтересованным и уполномоченным на контроль хода адаптации лицам, а также самому новичку. При этом возможность редактирования записи перед ее отправкой в сеть или сайт организации может быть предусмотрена или отсутствовать, в зависимости от пожеланий работодателя, специалистов и самого адаптанта.

В общих чертах, реализация данного метода как полноценной управленческой технологии может иметь следующий вид:

– после прохождения всех необходимых отборочных этапов, новичок прибывает в организацию и проходит процедуру оформления трудовых отношений;

– вскоре после выхода на работу, к новичку начинают применять определенные методы адаптации, вовлекая его, таким образом, непосредственно в процесс адаптации;

– новоиспеченному адаптанту предлагается ведение рабочего видео-дневника и, в случае согласия, устанавливается примерный график и период, в течение которого его следует вести, а также разъясняется способ, цель и сущность ведения рабочего видео-дневника. Однако главным остается необходимость наличия собственного желания у адаптанта, отсутствие контроля и жесткой привязанности к периодичности в ведении дневника;

– при использовании метода KINO и моментальной выкладке видео-дневника в сеть, что является наиболее действенным, его отслеживают уполномоченные лица и дают свою оценку ходу процесса адаптации, а также соответствию адаптанта занимаемому рабочему месту и организации в целом;

– по окончанию и в случае удачного прохождения испытательного и адаптационного периода, после того как окончательно оформлены и завершены документы по основным приемам адаптации (например отзыв руководителя) уже бывшему адаптанту сообщаются результаты испытательного срока и предлагается в будущем использовать рабочий видео-дневник, но с намного большей периодичностью – записывать своеобразную «карьерную историю».

Реализация технологии KINO осложнена не только необходимостью технической оснастки и финансовых затрат, но и тем, что применение данного метода не может стать общепринятой нормой в организации за один день и требует подготовки коллектива и формирования определенной корпоративной культуры. Так как применение метода также подразумевает добровольность, необходимо формировать интерес к этой технологии у персонала, но не за счет материального вознаграждения или какого-либо поощрения и одобрения со стороны руководства, а при помощи разъяснения и доказательства полезности от подобных процедур.

Являясь буквенной аббревиатурой с английского языка, расшифровка «KINO» имеет следующий вид – kindred instance, natural observation, что переводится как «родственный случай, естественное наблюдение» и отображает две значимые стороны этого метода.

Говоря «родственный случай» мы подразумеваем возможность более широкого применения данного метода. По окончанию срока адаптации возможно продолжение видео-дневника и превращение его в «историю карьеры» сотрудника и при наличии в организации собственного сайта и возможности оперативно выкладывать в сеть подготовленные записи область применения метода KINO расширяется. Находящиеся в открытом доступе видео-дневники адаптантов могут выступать «рекламой» организации и положения дел в ней. Таким образом, партнеры, соискатели и люди извне на основании записей могут составлять своё мнение об организации. Если соискатель претендует на место человека, который уже прошел адаптацию на данной позиции, его видео-дневник может выступать тем самым «родственным случаем», что может способствовать формированию желания работать в данной организации, а также подготовится к уже известным из записей трудностям на конкретном рабочем месте.

Употребляя в отношении KINO словосочетание «естественное наблюдение», мы проводим определенное сравнение его с одноименным методом исследования, применяемом в социологических, психологических и иных науках, заключающемся в наблюдении за субъектами в их естественной среде [7]. Несмотря на то, что в управленческой сфере весьма сложно добиться «естественности» окружающей сотрудников среды, перед методом KINO,

ставится схожая по сложности и направленности задача – добиться того, чтобы ведение видео-дневника стало для адаптанта естественной частью рабочей жизни, его инициативой и независимостью (наблюдатель не пытается манипулировать каким-либо аспектом ситуации, мнением адаптанта).

Видео-дневник может стать богатым материалом для работодателя не только о ходе процесса адаптации, существующих проблемах в организации, но и о самом работнике. Анализируя записи из дневника, специалисты-психологии могут делать выводы об адаптанте, его искренности и честности, его недостатках и потенциальных возможностях, реальных желаниях, в общем и целом – составлять психологический потрет новичка с большей эффективностью, чем когда эту роль возлагают лишь на множество разнообразных тестов.

Таким образом, практическая полезность от видео-дневника адаптанта со временем лишь увеличивается, так как растет объем заключенной в нем информации и область возможного применения – от анализа адаптанта до привлечения внимания соискателей к организации.

В первые недели работы новичок пребывает в состоянии растерянности и низкой производительности, что отображается на малой полезности видео-дневника, однако в последующие несколько недель, обычной является ситуация ускорения вхождения в коллектив и рабочий процесс, что также приведет к пониманию роли данного метода, укреплению новичка в организации, росту его производительности. В последующие месяцы новичок окончательно закрепляется на работе, формирует собственное видение организации и своего места в ней, выходит на показатели средней по коллективу производительности и способен отобразить весь полученный опыт на запись наиболее эффективно и качественно. Однако, как уже говорилось ранее, на этом роль метода KINO в жизни сотрудника и организации не заканчивается, и в последующие годы он помогает формировать карьерную историю сотрудника и, отчасти, организации. Через три-пять лет после трудоустройства новичка, закономерным является его дальнейшее продвижение по карьерной лестнице и, соответственно, освобождение предыдущего рабочего места, что дает возможность привлечения к нему внимания и передачу части опыта будущему адаптанту при помощи готовых записей. Таким образом, благодаря подготовленному за прошедшие годы видео-дневнику, полный цикл применения которого заканчивается через несколько лет работы в организации, можно говорить о максимальной (100%) «полезности» от применения метода KINO.

Исходя из всего вышесказанного, можно выделить следующие функции метода KINO:

– добровольности и инициативности – способствует развитию инициативности у сотрудников и осуществляется исключительно на добровольной основе;

– творчества и спонтанности – подразумевает озвучивание адаптантом собственных мыслей без жесткой привязки к периодичности, без подготовки, в свободной удобной форме и манере, включая творческие порывы и идеи;

– открытости – несмотря на то, что ведение записей происходит преимущество в одиночестве, возникающее в связи с этим чувство защищенности у адаптанта способствует более честным высказываниям, а также вызывает рост доверия и открытости по отношению к организации и его руководству, посредством утверждения у новичка идеи значимости его мнения;

– информационная – позволяет получить материал (записи) для анализа правильности хода процесса адаптации, составления психологического портрета адаптанта и оценки его соответствия требованиям организации;

– индикатора проблем – является средством контроля хода, правильности и наличия проблем, как в процессе адаптации, так и системе управления организацией в целом посредством обратной связи;

– разрядки – служит способом высказывания новичком своего мнения, эмоциональной и интеллектуальной разрядки;

– личного примера – может применяться для передачи новичкам опыта адаптации предыдущего сотрудника, а также в качестве вдохновляющего примера и для рекламы организации на рынке труда.

В заключение хочется отметить, что положение дел информационных технологий в области управления персоналом и организацией характеризуется ростом их числа и значимости, пусть и двояким: с одной стороны, большая часть ИТ представляет из себя разного рода программное обеспечение с весьма ограниченным функционалом, а с другой стороны, имеющееся стремление расширить возможную область применения ИТ сдерживается необходимостью увеличения затрат, отсутствием надежных и валидных технологий.

Введение практики применения метода KINO в любой организации будет иметь ряд проблем и препятствия, которые могут быть обнаружены лишь на практике, однако уже сейчас, рассматривая метод в теории, становится очевидным трудность его правильной и эффективной реализации. Так, например, крайне сложной является задача подготовки коллектива к использованию KINO и создание достаточно серьезного, официального и в то же время простого и свободного отношения сотрудников к данному методу как к чему-то естественному.

Несмотря на все сложности, грамотное применение метода KINO может сыграть значимую роль не только в сопровождении процесса адаптации, но и в дальнейшей перспективе привлечения людей к работе, как в ведущих компаниях многих отраслей, так и в менее привлекательных и связанных с определенным риском. Примером последнего могут выступать организации в сфере агропромышленной комплекса, которые нередко расположены в непривлекательных регионах для специалистов, получивших образование в крупных развитых городах. В таком случае переезд в менее развитый и населенный город ради работы в хозяйстве или на предприятии связан у соискателя с большими рисками – не знанием местности, условий труда, быта и досуга, возможностей и ограничений развития на работе, а также с обычным отсутствием опыта. Снизить риски могут помочь готовые видеодневники, на которых соискатель видит не работодателя, желающего привлечь специалиста, а рядового сотрудника-новичка, который столкнулся с теми же рисками и опасениями относительно новой работы, и описал их в удобном виде, высказывая своё собственное мнение и результаты наблюдения, что может помочь соискателю сделать выбор.

Таким образом, при правильном устройстве системы управления, качественных условиях труда и досуга, позитивном психологическом климате в коллективе, полученные методом KINO записи могут стать для будущих соискателей подтверждением хорошего положения дел в рассматриваемой организации и сыграть также роль рекламы рабочего места.

Литература

1. Александрова Н. А., Воронин Б. А., Набоков В. И., Петрова Л. Н., Фатеева Н. Б. Управление персоналом организации. Учебник для бакалавров / под ред. Н. А. Александровой – Екатеринбург: Уральский гос. аграрный университет, 2017. – 225 с.

2. Булатова Г. А. Использование информационных технологий в управлении персоналом [Электронный ресурс] – Заглавие с экрана. – Режим доступа: http://econ.asu.ru/assets/files/edu-materials/menedzhment-konf/bulatova.statya.pdf, 2018.

3. Зарубина Е. В., Петрова Л. Н. Технологии и методы адаптации человеческих ресурсов // Аграрное образование и наука. 2016. № 4. – с. 33.

4. Кибанов А. Я. Управление персоналом организации: учебник // Под ред. Кибанова А. Я. Издание четвертое, дополненное и переработанное. - Москва, ИНФРА – М, 2014. – 536 с.

5. Селье Ганс. Стресс без дистресса [Электронный ресурс] – Заглавие с экрана. – Режим доступа: https://www.rulit.me/books/stress-bez-distressa-read-15443-1.html, 1982.

6. Элисон Беррейн Need to smash a printer with a baseball bat? Now you can // статья в онлайн-журнале BBC Capital, 2016. Режим доступа: http://www.bbc.com/capital/story/20160913-need-to-smash-a-printer-with-a-baseball-bat-now-you-can.

7. Большая психологическая энциклопедия. Естественное наблюдение. [Электронный ресурс] – Заглавие с экрана. – Режим доступа: https://psychology.academic.ru/7536/Естественное_наблюдение.

А.Н.Митин
доктор экономических наук, профессор,
кафедра теории и практики управления,
Уральский государственный юридический университет

К ВОПРОСУ О ПРОБЛЕМЕ КОРРУПЦИИ В ИСТОРИИ МИРОВОЙ ФИЛОСОФСКОЙ МЫСЛИ

Аннотация. В статье рассматривается феномен коррупции, анализируется эволюция представлений мыслителей древности и эпохи средневековья о ее свщности, формах, содержании и последствиях. Дается сравнительный анализ коррупции, и ее связи с современностью.

Ключевые слова: власть, государство, коррупция, общество, политика, право, закон.

Одно из многочисленных определений коррупции – это сложное социально-правовое явление и понятие, которое имеет комплексный и системный характер. Ее справедливо связывают со всеми социальными процессами, происходящими в обществе. Коррупция признается и общественно опасным социально-правовым феноменом, что является следствием негативных тенденций, которые присущи общественно-политической и экономической жизни многих современных государств. Ее опасность для общества усугубляется тем, что коррупционные преступления зачастую сопряжены с иными видами преступной деятельности.

Проявления коррупции разнообразны, а потому ее классифицируют с использованием различных признаков, критериев и особенностей. В частности,

выделяют коррупцию административную и бытовую, деловую, политическую и др.

Анализ генезиса (гр. «происхождение, возникновение, зарождение») коррупции приводит к гипотезе о том, что понимание коррупции должно быть более углубленным и объективным при условии рассмотрения этого общественного явления и процесса в связи с прошлым, настоящим и будущим. При таком подходе более понятными становятся государственная политика и механизмы формирования антикоррупционного поведения.

История возникновения коррупции берет начало в родоплеменных взаимоотношениях. Изначально она проявляется в инстинктивной и ситуационной формах. Первая, инстинктивная, форма, проявлялась в чувстве самосохранения первобытного человека, стремящегося выжить под покровительством более сильного вожака племени, которому подносили дары, лучшую пищу и одежду. Вторая, ситуационная, форма свидетельствовала о лучшем отношении вожака к льстившим, дающим, поскольку они повышали его власть и авторитет. Так зарождались норма поведения, взаимная выгода «дающих» и «берущих», а вместе с тем самое разрушительное и негативное явление в развивающейся человеческой цивилизации. Задабривались не только люди, но и божества или духи, которым было принято совершать жертвоприношения ради получения от них сакральной помощи. Древнегреческий философ Эврипид якобы утверждал, что от подношений и боги становятся сговорчивыми [1].

Позднее латинский термин «corruption», произошедший от греческого слова «грязь», имел более десятка значений: повреждать желудок плохой пищей, истощать источник, портить воду в закрытой таре, расстраивать дела, приводить в упадок нравы и т. д.

В последующем в процессе формирования римского права термин «corrumpere» получил более широкое толкование и стал означать действия: «разламывать, портить, повреждать; фальсифицировать показания; обесчестить девственницу», но в то же время и «подкупить судью (претора)». Предусматривались в качестве отдельных важных исков action de albo corrupto – иск против того, кто повредил или изменил текст преторского эдикта, выставленный на белой доске (album) для публичных объявлений, написанных черными и красными буквами. Или, например, actio de servo corrupto – иск, который подавался любому управомоченному по роду дела против того, кто нравственно развратил чужого раба (подговорил его совершить преступление). Таким образом, можно с некоторой степенью уверенности говорить о том, что происхождение термина «коррупция» в его современном восприятии совпадает с периодом возникновения и развития римского права.

Позже император Рима, известный государственный политический деятель и полководец Гай Юлий Цезарь, выступая против коррупции, внедрил достаточно суровое наказание за подкуп и взятки должностным лицам. Тем не менее последствия влияния коррупционных деяний должностных лиц и полководцев были разрушительными в такой мере, что позволяет их отнести к предпосылкам распада Римской империи [2].

В практике применения норм римского права употреблялось и другое понятие – «repetunde» (pecunia repetunde), что означало «деньги, подлежащие обратному взысканию с административных лиц как полученные ими в виде взяток или путем вымогательства». Однако именно термин «corrumpere» впоследствии получил наибольшее распространение и использовался не только в качестве характеристики определенного вида деятельности, но и в качестве правового принципа. Во многом этому способствовало чрезвычайно широкое распространение данного явления в древнеримской политической практике. Объектом коррупции являлись практически все установленные и охраняемые законом общественные и хозяйственные отношения, в том числе такие, как подкуп избирателей и покупка должностей. Развитию коррупции в системе государственного управления способствовал и тот факт, что государственные служащие не получали денежного вознаграждения. Это означало, что только состоятельные слои населения имели доступ к государственной службе.

Сегодня под коррупцией обычно понимается продажность государственных и муниципальных служащих, должностных лиц, политических и общественных деятелей в целях собственного обогащения [3].

В архивных документах Древней Греции II–V вв. до н. э. к явлениям коррупции относили аморальные поступки (распущенность молодежи), а также отдельные правонарушения, которые карались в судебном порядке [4].

Использование термина «коррупция» в отношении политики приписывается древнегреческому ученому, мыслителю Аристотелю, который в своей работе «Политика» [5] выделял коррупцию как важнейший фактор, способный привести государство если не к гибели, то к вырождению. Борьбу с коррупцией Аристотель рассматривал как основу обеспечения государственной стабильности. «А для этого, – писал Аристотель, – самое главное посредством законов и остального распорядка устроить дело так, чтобы должностным лицам невозможно было наживаться». В то время упоминается и термин «катализ» (от гр. *Katalysis* – разрушение, разложение, уничтожение), означавший «приведение в упадок нравов, подкуп отдельного человека или народа в целом».

В качестве противодействия данному явлению Аристотель предлагал меру, которая могла бы быть эффективной и сегодня – запрет одному человеку в

государстве занимать одновременно несколько должностей. Некоторые из рекомендаций Аристотеля были реализованы в практике древних Афин. Это было отмечено позже Гегелем, по мнению которого, «в Афинах существовал закон, предписывающий каждому гражданину отчитываться, на какие средства он живет». Тем не менее, кризис правовых и морально-этических устоев, усиленный проявлениями коррупции, сыграл решающую роль в дальнейшем развитии древнегреческой цивилизации, оказавшейся неспособной противостоять угрозам как внешнего, так и внутреннего характера. Наиболее отчетливо это проявлялось в период македонского завоевания древнегреческих городов-государств. Так, по словам отца Александра Македонского Филиппа II, «не существует таких высоких крепостных стен, через которые бы невозможно было перебраться ослу, навьюченному золотом». Этот свой принцип Филипп II достаточно эффективно использовал в завоевании городов Эллады. В результате лишь немногие из древнегреческих городов-государств оказали вооруженное сопротивление македонской военной экспансии. Большая же их часть в состав Македонии вошла фактически без какого-либо сопротивления, окончательно утратив свой суверенитет. Таким образом, уже тогда была отмечена закономерность взаимосвязи коррупции с системным кризисом политико-правовых отношений государственно организованных обществ.

Аналогичным образом коррупция проявляла себя и в политической системе Древнего Рима. Здесь также на этапе общесистемного кризиса Римской империи коррупция стала важнейшим фактором разрушения ее государственности. Но первые проявления коррупции были отмечены уже в период становления древнеримской государственности. Так, уже в V в. до н. э. в величайшем древнеримском памятнике – 12 таблицах (законодательном своде Республики) – термин «corrumpere» привычно используется в значениях «менять за деньги показания в суде» и «подкупать судью» [6].

Именно тогда была заложена система, которая в российской практике получила название «кормление».

На излете своего могущества (III–V вв. н. э.) римляне систематически подкупали готов и вандалов, получая от них согласие не нападать на Рим. Однако денег не хватило на варваров, которые в короткие сроки завоевали мощнейшее государство древности.

Понимание коррупции в Древнем Китае и Японии во многом было связано с конфуцианством, в котором государство определялось как «большая семья», а подарки старшим были нормой поведения. Система неформальных клановых связей «гуаньси» (связи, отношения) поддерживала древнекитайские традиции подношений.

Быстрое развитие торгово-денежных отношений в раннем Средневековье, сращивание чиновников с представителями торговли повлияли на противодействие коррупции со стороны церковного института. Коррупция в этот период рассматривается как первооснова любого отступления от закона и обретает во многом каноническое значение – как проявление греховной сущности общества. Этой позиции, в частности, придерживался один из наиболее авторитетных теологов того времени Ф. Аквинский. Однако двойственность в понимании коррупции в политике церкви помогала ей обогащаться за счет торговли индульгенциями, покупки церковных санов, скупки земель и т. д.

В трудах Н. Макиавелли понятие «коррупция» тоже имеет политический смысл. Он называл коррупцию болезнью и писал о ней: «Если своевременно обнаружить зарождающийся недуг, что дано лишь мудрым правителям, то избавиться от него нетрудно, если же он запущен так, что всякому виден, то никакое снадобье уже не поможет» [7].

Английский государственный деятель и философ Т. Гоббс видел в коррупции корень, из которого «прорастает пренебрежение ко всем законам» [8].

По существу, мыслители не только предложили социальную характеристику коррупции, но и выявили ее политическую составляющую в виде деструктивного влияния на состояние государственной власти.

Новое понимание коррупции пришло с появлением в Европе централизованных государств и повышением значения властных решений. Политическая власть все более становилась товаром, а государственные должности чаще всего покупались. В трудах Ж.-Ж. Руссо и Ш. Монтескье коррупция рассматривается как дисфункциональный процесс, социальная болезнь. Получение чиновником личного дохода, помимо служебного жалования, предполагалось рассматривать как вопиющее нарушение общественной морали и норм закона.

С расширением форм государственного регулирования на рубеже XIX и XX вв. все чаще стали упоминать о появлении в коррупции системных свойств: эпизодический подкуп чиновников стал превращаться в последовательную «скупку государства». Этому способствовала и партийная коррупция при лоббировании интересов партий и движений. В США и Великобритании в связи с этим власти вынуждены были принять правовые акты, фактически легализующие формы лоббизма.

Современность придала коррупции уже качество глобальной проблемы современности, когда в коррупционные схемы стали вовлекаться не только отдельные стороны, но и их региональные группы.

Причин для существования коррупции сегодня существует много, но самые характерные для любого общества следующие:

личная жадность – черта характера, проявляющаяся в активном стремлении к накоплению, в желании иметь больше, она сродни честолюбию, эгоизму и тщеславию;

отсутствие этической ответственности – природное «отвращение» к этике;

низкий уровень заработной платы, который становится «искушением коррупции» при недостаточном контроле за выполнением работ;

низкие возможности самореализации как повод зарабатывать на коррупционных схемах;

отсутствие строгих и быстрых наказаний за участие в коррупционных сделках;

отсутствие прозрачности получения доходов и расходования средств на личные нужды;

сбои в системе контроля, учета и отчетности.

Возникнув в доисторические времена, коррупция совершенствовалась по мере возникновения и укрепления государств. Но история хранит и отдельные примеры противодействия этому социальному злу. Урукагина, шумерский правитель-реформатор города Лагаша, ликвидировал большинство сборщиков податей и незаконные поборы, чем существенно облегчил жизнь бедняков и попытался восстановить социальную справедливость [9].

В кодексе первого вавилонского царя Хаммурапи (1792–1750 гг. до н. э.), состоявшего из 282 статей, проблема борьбы с коррупцией также заняла важное место в сфере правового регулирования деятельности чиновников. Хаммурапи запретил судьям менять свое решение после того, как они его вынесли и изготовили документ с печатью. Царь опасался, что подобное изменение решения связано с деньгами, которые судья может получить от заинтересованной в этом изменении стороны. За получение взятки при решении дела судья должен был выплатить казне сумму в двенадцатикратном размере от имевшейся в деле исковой суммы и навсегда лишался своего судейского кресла.

Царь был готов решительно бороться и с хищением государственной собственности, о чем говорилось в ст. 6 Свода законов: «Если человек украл имущество бога или дворца, то этот человек должен быть убит; а также тот, кто принял из его рук краденное, должен быть убит» [10]. Хаммурапи продолжил дело Урукагины в борьбе с коррупцией. Его заслугой является то, что он косвенно обозначил одну из детерминант антикоррупционного поведения, заключающуюся в ценностной ориентации на суровое наказание за коррупцию.

Таким образом, важнейшим стимулом антикоррупционного поведения явился страх наказания.

В Европе символом коррупции, нравственного разложения и поклонения золоту стал золотой телец. Удивительно точно это отражено в картине французского живописца Н. Пуссена «Поколение золотому тельцу» (ок. 1664 г.). В религиозном толковании золотой телец – это идол быка, установленный братом Моисея первосвященником Аароном по просьбе еврейского народа для поклонения ему в качестве божества, в то время как сам Моисей внимал наказам Яхве на Синайской горе. Вернувшись к своему народу, Моисей низверг культ золотого тельца как форму язычества, которым был разгневан Яхве. В новоевропейской культуре золотой телец стал символом наживы, власти денег, богатства, алчности.

Моисей, живший в XIII в. до н. э., записал слова Всевышнего в форме Пятикнижия – Торы. Именно в Торе, священной книге иудеев, коррупция стала признаваться злом (Шмот 23:8, Дварим 16:19) [11]. Поэтому судьи предостерегались от «лицеприятия», т. е. предпочтения одного лица другому из-за личной выгоды. Они должны были соблюдать нейтралитет по отношению к подсудимым, а взятки запрещались, так как «дары ослепляют глаза мудрых и искажают речи правых».

Брахман Каутилья, живший в IV–III в. до н. э. в Древней Индии, пишет труд «Архашастра» («Наука политики»), в котором выделяет более 40 видов хищений государственных средств, предлагая за присвоение имущества царя карать жестоко, вплоть до смертной казни [12].

Порой в истории наказания за коррупцию носили не просто жестокий, но и назидательный характер. Так, царь Персии Камбис узнал, что царский судья Сисамн брал взятки, решая судебные дела. Камбис казнил судью, повелев содрать с него кожу и нарезать из нее ремней, чтоб обтянуть ими трон, на котором Сисамн принимал судебные решения. Камбис назначил новым судьей Отана, сына Сисамна, посоветовав ему не забывать об особенностях того трона, на котором Отану придется сидеть и выполнять свои должностные функции [13].

Резко осуждая коррупционные деяния, древнегреческий философ Плутарх в своем трактате «Наставления о государственных делах» считал корыстных людей вероломными, готовыми нарушить присягу в суде, а при исполнении должностных полномочий заниматься лихоимством [14].

Общественное мнение в эпоху упадка Античности таково: «Он приехал бедным в богатую провинцию, а уехал богатым из бедной провинции». Примерно в то же время в латинском языке появилась пословица «Manus

manum lavat» («Рука руку моет»), подразумевающая круговую поруку, мошенничество, предоставление услуги за услугу [15].

Философ и политик Марк Туллий Цицерон выступал против взяточничества в своем философском произведении «О законах», где рекомендовал чиновникам не принимать подарков при исполнении служебных обязанностей и после их выполнения [16].

Цицерон отмечал, что взяточники, будучи повязанными круговой порукой друг с другом, должны делиться наворованным, чтобы им ничего не угрожало. Нет ничего святого, что нельзя было бы осквернить деньгами [17].

К сожалению, не увенчалась успехом многовековая борьба с коррупцией в культуре арабского Востока, где остались традиции давать бакшиш (чаевые, взятка в малых размерах) и выплачивать калым за невесту.

Марк Твен, описывая свое путешествие по Турции, сравнил требующих бакшиш с языческим хором, который обрушивается бурей на свою жертву [18].

Принято считать, что посланник Аллаха Мухаммед утверждал: самым лучшим является необременительный калым. Были случаи, когда Пророк давал одобрение на брак, если в качестве калыма дарились железное кольцо, сандалии, мука, финки. Вместе с тем в самом Коране (2:188) коррупция осуждается.

Литература

1.Власть над людьми и люди у власти / сост. Э. А. Борохов. М., 2013. С. 22.

2.Бартошек М. Римское право: понятие, термины, определения. М., 1989. С. 93.

3.Антонян Ю. М., Эминов В. Е. Личность преступника. Криминолого-психологическое исследование. М., 2010.

4.Kaufmann D. Research on corruption: critical empirical issues // Economics of corruption / ed. by A. K. Jain. Mass., 1998. P. 129.

5.Аристотель. Соч.: в 4 т. М., 1984. Т. 4. С. 547.

6.Феномен коррупции как явления мировой политической реальности // URL: http://www.finexg.ru/fenomen-korrupcii-kak-yavleniya-mirovoj-politicheskoj-realnosti.

7.Пятнадцать цитат из трактата Никколо Макиавелли «Государь» // URL: http:// www.politikus.ru.

8.Гоббс Т. Человеческая природа // Гоббс Т. Избранные произведения: в 2 т. М., 1964. Т. 1. С. 442.

9.Гордон Ч. Расцвет и падение древних цивилизаций. М., 2012.

10.Сулакшин С. С., Максимов С. В., Ахметзянова И. Р. и др. Государственная политика противодействия коррупции и теневой экономике в России: моногр.: в 2 т. М., 2008. Т. 1. С. 29.

11.Живая Тора. Пятикнижие Моисея: новый перевод на англ. язык, основанный на традиционных еврейских источниках, с примечаниями, вступлением, картами, таблицами, чертежами и библиографией раби Арье Каплана / пер. на рус. яз. Г. Спинаделя. Нью-Йорк; Иерусалим, 1998.

12.Артхашастра, или Наука политики / пер. с санскр.; подгот. В. И. Кальянов. М.; Л., 1959. С. 64.

13.Геродот. История в девяти книгах / пер. и прим. Г. А. Стратановского; под общ. ред. С. Л. Утченко; ред. пер. Н. А. Мещерского. СПб., 1972.

14.Плутарх. Соч. / пер. с др.-гр.; сост. С. Аверинцева; вступ. ст. А. Лосева; коммент.
А. Столярова. М., 1983. С. 617.

15.Коррупция в человеческой истории // URL: https://www.newsru.com/background.crrpt.html.

16.Цицерон. Диалоги: О государстве. О законах / пер. В. О. Горенштейна М., 1966. С. 139.

17.Цицерон. Мысли и высказывания / под ред. В. П. Бутромеева. М., 2011. С. 121.

18.Твен М. Простаки за границей, или Путь новых паломников. М., 2012. С. 441.

А.Н.Митин
доктор экономических наук, профессор,
кафедра теории и практики управления,
Уральский государственный юридический университет

ПРОБЛЕМА КОРРУПЦИИ В СОВРЕМЕННОЙ НАУКЕ И ПРАКТИКЕ

Аннотация. В статье рассмотрен феномен коррупции, и ее особенности в истории и практике общественных отношений российского общества. Исследованы различные подходы к борьбе с коррупцией, отмечен циклический характер антикоррупционной политики и ее низкая эффективность, обусловленная слабой политической волей.

Ключевые слова: власть, государство, коррупция, общество, политика, право, закон.

В России история мздоимства берет начало еще в XIII веке. Во времена татаро-монгольского ига ярлык на великое княжение выкупался, а хана обычно задаривали. Возникали ситуации, в которых на княжеский титул претендовали сразу два человека. В таком случае побеждал тот, кто приносил в Орду больше дани [1]. Появилась и система подношений: почесть – взятка, предложенная заранее для успешного продвижения дела; поминки – взятка для ускорения работы; посул – взятка за решение в пользу дающего с нарушением закона со стороны берущего.

По мнению исследователей истории российского законодательства, понятие обещания в смысле взятки начинает употребляться в Псковской судной грамоте. Преступлением взяточничество было признано только со времени царствования Ивана IV, о чем свидетельствуют положения «Судебника» 1550 г. С принятием данного правового акта коррупционное поведение лиц, состоявших на государственной службе, стало именоваться взяточничеством [2], была введена казнь как наказание за избыточность во взятках.

В России возникновение коррупции спровоцировала заимствованная от Древнего Рима система «кормлений», предусматривающая обязательный принцип для населения: содержать сборщиков виры (штрафа) при Ярославе Мудром. Затем сложилось правило, по которому города и селения должны были содержать княжеских посадников, волостей и тиунов, которые устанавливали собственные поборы на содержание себя и своей челяди. Так постепенно сложилась система, при которой государственная должность рассматривалась в первую очередь как источник дохода, причем постоянные должности закреплялись, как правило, за наиболее родовитыми боярскими семьями. Официально система «кормлений» была отменена только в 1555–1556 гг., после введения специального налога в государственную казну. В результате чиновников стали содержать за счет государственного бюджета, но многовековая традиция разрешения различных вопросов за подношения и подарки никуда не делась и стала бичом отечественного государственного аппарата.

В исследованиях В. А. Коновалова [3] присутствует высказывание, что до XVI в. в пределах правового пространства России универсальной трактовки коррупции не существовало, следовательно, не было и понимания ее как противоправного деяния.

Анализ антикоррупционных мероприятий в государственной политике России XVI–XVIII вв. свидетельствует о значимости реформ Петра I, который в декабре 1714 г. издал указ «О запрещении взяток и обещаний» [4], все более понимая, что коррупционные проявления становятся серьезной общественной проблемой.

Реформы, проведенные Петром I, привели к формированию в России абсолютной монархии, при которой царю принадлежала вся полнота законодательной, исполнительной и судебной власти, ему подчинялась армия.

В 1711 г. были учреждены Сенат и институт фискалов для тайного выявления нарушений, а через семь лет – Тайная канцелярия. В 1722 г. был создан такой контрольный орган, как прокуратура. Однако даже после повешения сибирского губернатора М. П. Гагарина, ссылки петербургского вице-губернатора Я. Н. Корсакова, наказания других высокопоставленных вельмож в излишне централизованной государственной системе управления коррупция не исчезла.

В период правления Екатерины II и после него коррупция квалифицировалась как преступление, но рост бюрократического аппарата и достаточно небольшое фиксированное жалованье все же возобновили интерес к взяткам.

В коллективной монографии исследователей Уральского федерального университета [5] предложена подробная характеристика нескольких этапов противодействия коррупции, начиная с первых периодов формирования России как государства и до наших дней.

Анализируя время с 1801 до 1901 г., авторы указывают, что различные виды коррупции в этот период выявлялись повсеместно, не только в крупных городах, но и в губерниях, в судебной системе, что требовало изменения законодательства. Однако в период правления Александра I этого не произошло.

Вступивший на престол после подавления восстания 14 декабря 1825 г. в Петербурге Николай I потребовал создать Свод показаний декабристов о внутреннем состоянии России. Этот документ отразил всю степень беззакония в государственном управлении, суде, финансах. Причины крылись в бесконтрольном механизме государственного управления и сопутствующей ему коррупции практически во всех эшелонах власти [6].

По решению Николая I был составлен Свод законов Российской империи в целях наведения порядка в стране без изменения ее политического строя. Однако это не помогло, а задача борьбы с коррупцией была возложена на особый Комитет при Общем собрании петербургских департаментов Сената. В 1826 г. он учредил Третье отделение Собственной Его Императорского Величества канцелярии для борьбы с должностными преступлениями чиновников, отмечая в качестве особо важной задачи борьбу со злейшими проявлениями лихоимства в России. Однако эта борьба и контроль за деятельностью чиновников были непоследовательными и выборочными. К иным лихоимцам отношение правительства было снисходительным [7].

Именно поэтому, несмотря на отрицательное отношение в обществе и государстве к данным проявлениям коррупции, борьба эта ничего не дала [8].
По мнению авторов монографии [9], огромное значение в борьбе с воровством имела созданная во времена правления Александра II система публикации имущественного положения чиновников. Раз в год выходили книги, которые назывались «Список гражданским чинам» такого-то ведомства. В них указывались поощрения, награды, размер жалования, наличие наследуемого и приобретенного имущества, включая имущество жены, детей и ближайших родственников [10].

Также значительную роль в борьбе с коррупцией, как отмечал В. С. Соловьев, выполнили редакции «Уложения о наказаниях» 1845, 1866 и 1885 гг. [11]. Уложение о наказаниях не только предусматривало наказания за получение взятки через жену, детей, родственников и знакомых чиновника, но и признавало преступление оконченным, хотя деньги и вещи были еще не отданы, но обещаны по изъявленному им желанию или согласию. Очень важным был тот факт, что предусматривались некоторые завуалированные формы и способы получения взятки: под предлогом проигрыша, мены, продажи или другой мнимой законной и благовидной сделки. Чиновникам запрещались сделки с лицами, вступившими в отношения подряда или поставки по тому или иному ведомству. Считалось, что подряд или договор в таком случае лишь прикрывают взятку, данную чиновнику за незаконное благоприятствование подрядчику при сдаче работ или вещей в ущерб казне. За совершение таких сделок обе стороны подвергались наказанию, равному ущербу от совершенной сделки, чиновник же увольнялся (исключался) со службы согласно ст. 485 отделения VI гл. XI Уложения о наказаниях [12].

Меры эти хотя и ограничивали злоупотребления, но были явно недостаточны в период развития в стране капиталистических отношений. Для ограничения взяточничества и вымогательства при Александре III запрещалось совмещение государственных должностей с должностями в акционерных обществах и банках. Однако чиновники нашли выход и стали «проталкивать» в эти организации своих родственников.

Таким образом, в XIX в. коррупция фактически превратилась в существенную черту механизма государственного управления.
В период правления Николая II было введено Уголовное уложение, которое было более проработано, чем Уложение о наказаниях. Оно юридически разделило понятия «лихоимство» и «взятка». Взятка рассматривалась как самостоятельное преступление, нарушающее принцип безвозмездности службы. Предполагалась обязательность наказания за взятку независимо от места будущей службы лиц, совершающих данные действия. Лихоимство

(лиходательство) предлагалось считать преступлением лишь при неисполнении служебных обязанностей или злоупотреблении властью.

Коррупция существовала и после 1917 г., особенно когда новый управленческий аппарат стал заниматься распределением ресурсов. В условиях тотального дефицита расхищение государственных средств стало повсеместным. Лица, выполняющие государственные функции, часто склонялись к коррупционным правонарушениям: в отсутствие строгих форм контроля, по причине переоценки ценностей они неправомерно присваивали общественные блага, не принимая участия в их производстве. Тем не менее государственно-служебные отношения при создании нового управленческого аппарата устанавливались в организационно-правовом порядке и регулировались механизмом пресечения правонарушений коррупционного характера.

Одним из первых документов противодействия коррупции был декрет Совета Народных Комиссаров от 8 мая 1918 г. «О взяточничестве», который закреплял положение о равной уголовной ответственности всех участников таких сделок и противоправных коррупционных отношений. Равному наказанию подвергались лица, состоящие на государственной или общественной службе в РСФСР. Виновными в принятии взятки признавались как служащие, взяткодатели, так и подстрекатели, пособники и все имеющие отношение к подкупу. Меры наказания усиливались особенно по отношению к служащим взяткополучателям, работающим в органах государственной власти и управления, которые, обладая особыми властными полномочиями, злоупотребляли в корыстных целях своими служебными обязанностями, занимались вымогательством взятки и др. [13].

Несмотря на принимаемые меры, к 1922 г. масштабы коррупции приняли угрожающий характер, что потребовало дополнительных мер. Появился циркуляр Министерства юстиции от 9 октября 1922 г. № 97 «Об объеме понятия взятки», в котором содержалось требование привлекать виновных к уголовной ответственности по обвинению в соучастии наравне с посредниками. Наркомат рабоче-крестьянской инспекции в тот период конкретизировал запреты и ограничения, направленные на противодействие взяточничеству среди государственных служащих инспекции. Это наблюдалось во всех государственных учреждениях.

За нарушение государственными служащими названных административных запретов к ним применялась дисциплинарная, гражданская и уголовная ответственность.

В 1920-е гг. основными средствами, формами и методами борьбы государства с коррупционными явлениями были:

сотрудничество граждан с правоохранительными органами в выявлении фактов взяточничества (коррупции) среди должностных лиц;
неотвратимость уголовной ответственности виновных в коррупционных правонарушениях лиц;
установление равного наказания для всех субъектов коррупционного правонарушения;
опубликование информации о фактах злоупотреблений (коррупции).

Для реализации этих целей был учрежден специальный орган – Центральная комиссия по борьбе со взяточничеством [14].

Позднее были приняты постановления Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета (ВЦИК) РСФСР от 7 июля 1923 г. «Положение о дисциплинарных судах» и ВЦИК и СНК РСФСР от 20 марта 1932 г. «О дисциплинарной ответственности в порядке подчиненности». В этих документах главной целью была определена борьба со служебными упущениями, бюрократизмом, проступками и неправильными действиями должностных лиц советского государственного аппарата. В результате предпринятых руководством страны мер к 1925 г. сложилась устойчивая тенденция к снижению корыстных коррупционных злоупотреблений.
Если в первой половине 1924 г. на каждых 100 осужденных за должностные преступления приходилось 40,6 % осужденных за взяточничество вообще, то в первой половине 1926 г. их было всего 10,8 %, или 5000 чел.

Дела о контрреволюции в 1926 г. были редким явлением в судах, но зато имели место процессы работников крупных хозяйственных органов, в которых обнаруживались взяточничество и незаконные сделки с представителями частного капитала [15].

Накануне десятой годовщины Октябрьской революции постановлением ВЦИК и СНК СССР от 31 октября 1927 г. расстрел как чрезвычайная мера наказания за взятку был отменен.

В период Великой Отечественной войны коррупция в системе государственного управления была «незаметной», да и объемы ее были невелики.

К началу изменений в системе государственной власти и управления в 1960–1965 гг. проблемы противодействия коррупции вновь стали объектом обсуждения. Президиум Верховного Совета СССР принял 20 февраля 1962 г. указ «Об усилении уголовной ответственности за взяточничество». В нем определялось, что получение должностным лицом лично или через посредников в каком бы то ни было виде взятки за выполнение или невыполнение в интересах дающего взятку какого-либо действия, которое должностное лицо должно было или могло совершить с использованием своего

служебного положения, наказывается лишением свободы на срок до десяти лет с конфискацией имущества.

Те же действия, совершенные по предварительному сговору группой лиц, или неоднократно, или сопряженные с вымогательством взятки, либо получение взятки в крупном размере, наказывались лишением свободы на срок от пяти до пятнадцати лет с конфискацией имущества.

Действия, совершенные должностным лицом, занимающим ответственное положение, либо получившим взятку в особо крупном размере, наказывались лишением свободы на срок от восьми до пятнадцати лет с конфискацией имущества и со ссылкой на срок от двух до пяти лет или без ссылки, а при особо отягчающих обстоятельствах – смертной казнью с конфискацией имущества.

Выступая на ноябрьском Пленуме ЦК КПСС 1962 г., Н. С. Хрущев отмечал, что необходимо создать такую общественную атмосферу, при которой жуликам, ворам и взяточникам невозможно было бы совершать свои преступные махинации. Взяточничество трактовалось как пережиток прошлого. Указывалось, что у государства имеются все возможности для полного искоренения этого уродливого явления.

Жесткие меры уголовно-правовой, советско-партийной ответственности за нарушение запретов и ограничений в определенной степени способствовали предупреждению и уменьшению количества злоупотреблений коррупционного характера при прохождении государственной службы в органах государственного управления производством и советско-партийного аппарата.

Различные формы коррупционных правонарушений и злоупотреблений, которые проявляли себя в советском государственном аппарате в 1960–80-е гг., во времена брежневского правления замалчивались, что негативно отразилось на уровне законности и дисциплины, а также на уровне правопорядка в системе государственной службы и управления. Такое положение было обусловлено правовыми и организационными проблемами в функционировании институтов государственного управления и служебных отношений. Отдел административных органов ЦК КПСС 21 мая 1981 г. отмечал, что в 1980 г. было выявлено более 6000 случаев служебного взяточничества, что в два раза больше, чем в 1975 г.

В целях усиления борьбы с правонарушениями коррупционной направленности Президиум Верховного Совета СССР издал указ от 23 мая 1986 г. № 4719-XI «Об усилении борьбы с извлечением нетрудовых доходов», в котором устанавливалась ответственность государственных служащих за правонарушения с возмещением имущественного ущерба [16].

Во второй половине 1980-х гг., перед распадом СССР, системной работы по противодействию коррупции не наблюдалось, а советский государственный аппарат погряз в коррупционных правонарушениях. Идеологические приоритеты поменялись в пользу идей западной социал-демократии и либерализма. За несколько недель до прекращения деятельности СССР, 24 июля 1991 г., Верховный Совет СССР принял постановление «О введении в действие Основ уголовного законодательства Союза ССР и республик», которое отменяло смертную казнь за получение взятки при отягчающих обстоятельствах и открывало дорогу злоупотреблению властными полномочиями на волне рыночных отношений.

Таким образом, борьба с коррупцией велась в стране циклически, но при отсутствии политической воли и комплексной программы, поэтому особого успеха не имела. Начало нового периода противодействия коррупции датируется 2005 г., когда Россия присоединилась к ряду международных правовых актов, регулирующих борьбу с коррупцией. Так, в конце 2005 г. В. В. Путин внес в Государственную Думу Российской Федерации предложение о рассмотрении и принятии закона о ратификации Конвенции ООН о борьбе с коррупцией от 31 октября 2003 г. [17].

В марте 2006 г. Конвенция ООН о коррупции была ратифицирована, а в июле 2006 г. Президент подписал Федеральный закон о ратификации Конвенции Совета Европы об уголовной ответственности за коррупцию.

В декабре 2008 г. был принят пакет антикоррупционных нормативных актов, в том числе Федеральный закон от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ «О противодействии коррупции». С этого времени в Российской Федерации внедряются прогрессивные мероприятия, которые вместе с Национальными планами противодействия коррупции начинают приобретать системный характер.

С момента ведения в действие отечественного Федерального закона «О противодействии коррупции» в исследованиях стали применять термины «преступления коррупционной направленности», «коррупционные преступления», «коррупционное поведение». Они, как правило, толкуются по-разному. В настоящем исследовании применяется термин «преступления коррупционной направленности», который более весомо характеризует современные коррупционные проявления.

К преступлениям коррупционной направленности относятся противоправные деяния, имеющие все перечисленные ниже признаки:

наличие надлежащих субъектов уголовно наказуемого деяния, к которым относятся должностные лица, указанные в примечаниях к ст. 285 УК РФ, лица, выполняющие управленческие функции в коммерческой или иной организации,

действующие от имени юридического лица, а также в некоммерческой организации, не являющейся государственным органом, органом местного самоуправления, государственным или муниципальным учреждением, указанные в примечаниях к ст. 201 УК РФ;
связь деяния со служебным положением субъекта, отступлением от его прямых прав и обязанностей;
обязательное наличие у субъекта корыстного мотива (деяние связано с получением им имущественных прав и выгод для себя или для третьих лиц);
совершение преступления только с прямым умыслом.
Исключениями являются преступления, хотя и не отвечающие указанным требованиям, но относящиеся к коррупционным в соответствии с ратифицированными Российской Федерацией международно-правовыми актами и национальным законодательством, а также связанные с подготовкой условий для получения должностным лицом, государственным служащим и муниципальным служащим, а также лицом, выполняющим управленческие функции в коммерческой или иной организации, выгоды в виде денег, ценностей, иного имущества или услуги имущественного характера, иных имущественных прав либо незаконного предоставления такой выгоды.
В правоприменительной [18] и судебной [19] практике статистический учет преступлений коррупционной направленности ведется с использованием уже сформировавшейся классификации.

1. Преступления, относящиеся к перечню без дополнительных условий: ст. 141.1, 184, п. «б» ч. 3 ст. 188, ст. 204, 204.1, 204.2, п. «а» ч. 2 ст. 226.1, п. «б» ч. 2 ст. 229.1, ст. 289, 290, 291, 291.1, 291.2 УК РФ.

2. Преступления, относящиеся к перечню при наличии определенных условий:

преступления, относящиеся к перечню при наличии в статистической карточке основного преступления отметки о его коррупционной направленности: ст. 174, 174.1, 175, ч. 3 ст. 210 УК РФ;

преступления, относящиеся к перечню в соответствии с международными актами при наличии в статистической карточке основного преступления отметки о его коррупционной направленности: ст. 294, 295, 296, 302, 307, 309 УК РФ;

преступления, относящиеся к перечню при наличии в статистической карточке отметки о совершении преступления с корыстным мотивом: пп. «а», «б» ч. 2 ст. 141, ч. 2 ст. 142, ст. 170, 201, 202, ч. 2 ст. 258.1, ст. 285, 285.1, 285.2, чч. 1 и 2, п. «в» ч. 3 ст. 286, ст. 292, ч. 3 ст. 299, чч. 2 и 4 ст. 303, ст. 305 УК РФ;

преступления, относящиеся к перечню при наличии в статистической карточке отметки о совершении преступления должностным лицом,

государственным служащим и муниципальным служащим, а также лицом, выполняющим управленческие функции в коммерческой или иной организации: ч. 4 ст. 188, п. «в» ч. 3 ст. 226, ч. 3 ст. 226.1, ч. 2 ст. 228.2, п. «в» ч. 2 ст. 229, чч. 3 и 4 ст. 229.1 УК РФ;

преступления, относящиеся к перечню при наличии в статистической карточке отметки о совершении преступления должностным лицом, государственным служащим и муниципальным служащим, а также лицом, выполняющим управленческие функции в коммерческой или иной организации, и с корыстным мотивом: чч. 3 и 4 ст. 183, п. «б» ч. 4 ст. 228.1, п. «б» ч. 2 ст. 228.4, ч. 3 ст. 256, ч. 2 ст. 258, ч. 3 ст. 258.1, п. «в» ч. 2 и ч. 3 ст. 260, чч. 1 и 3 ст. 303, ст. 322.1, 322.2, 322.3 УК РФ. В их число входят преступления, отнесение которых к перечню зависит от даты возбуждения уголовного дела при наличии в статистической карточке отметки о совершении преступления должностным лицом, государственным служащим и муниципальным служащим, а также лицом, выполняющим управленческие функции в коммерческой или иной организации, и с корыстным мотивом: п. «б» ч. 3 ст. 228.1 УК РФ;

преступления, относящиеся к перечню при наличии в статистической карточке отметок о коррупционной направленности преступления, о совершении преступления должностным лицом, государственным служащим и муниципальным служащим, а также лицом, выполняющим управленческие функции в коммерческой или иной организации, с использованием своего служебного положения: чч. 3, 4, 5, 6 и 7 ст. 159, чч. 3 и 4 ст. 159.1, чч. 3 и 4 ст. 159.2, чч. 3 и 4 ст. 159.3, ст. 159.4, чч. 3 и 4 ст. 159.5, чч. 3 и 4 ст. 160, чч. 3 и 4 ст. 229 УК РФ;

преступления, относящиеся к перечню при наличии в статистической карточке отметки о совершении преступления должностным лицом, государственным служащим и муниципальным служащим, а также лицом, выполняющим управленческие функции в коммерческой или иной организации, с использованием своего служебного положения и с корыстным мотивом: ч. 5 ст. 228.1 УК РФ.

3. Преступления, которые могут способствовать совершению преступлений коррупционной направленности и относятся к перечню при наличии в статистической карточке сведений о совершении преступления, связанного с подготовкой, в том числе мнимой, условий для получения должностным лицом, государственным служащим и муниципальным служащим, а также лицом, выполняющим управленческие функции в коммерческой или иной организации, выгоды в виде денег, ценностей, иного имущества либо незаконного представления такой выгоды: ст. 159, 159.1, 159.2,

159.3, 159.4, 159.5, 159.6 (за исключением случаев, указанных в п. 2.6), ст. 169, 178, 179 УК РФ.

Таким образом, система нормативно-правовой регламентации противодействия коррупции включает в себя федеральные законы, указы Президента Российской Федерации, постановления Правительства Российской Федерации и иные нормативные акты.

Литература

1.Соловьев С. М. Труды по истории России. М., 2003.

2.Карамзин Н. М. История государства Российского. М., 1994.

3.Коновалов В. А. Генезис феномена «коррупция» в административно-правовой доктрине Российской Федерации // Вопр. рос. и междунар. права. 2012. № 7-8. С. 46.

4.Ключевский В. О. Русская история: полный курс лекций: в 2 кн. Минск; М., 2000. Кн. 2.

5.Коррупция в Российской Федерации: генезис, формы, технологии, противодействие: моногр. / под общ. ред. Н. Н. Меньшениной. Екатеринбург, 2014.

6.Соловьев В. С. Империя коррупции // URL: http://www.victoriaxu.

7.Соловьев *В. С.* Империя коррупции.

8.Там же.

9.См.: Коррупция в Российской Федерации: генезис, формы, технологии, противодействие. С. 20.

10.См. подробнее: Соловьев В. С. Империя коррупции.

11.Там же.

12.Соловьев В. С. Империя коррупции.

13.Волженкин Б. В. Взяточничество в истории советского уголовного законодательства (1918–1927 гг.) // Правоведение. 1993. № 2.

14.Касьянов В. С. Коррупция и борьба с ней в советской России // Государственное и муниципальное управление: учен. зап. 2014. № 4. С. 20.

15.Курский Д. И. Избранные статьи и речи. М., 1948. С. 192.

16.Касьянов В. С. Коррупция и борьба с ней в советской России. С. 21.

17.Конвенция ООН против коррупции (принята резолюцией Генеральной Ассамблеи 58/4 от 31 октября 2003 г.) // URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/ corruption.shtml.

18.См., например: указание Генпрокуратуры России № 870/11, МВД России № 1 от 27 декабря 2017 г. «О введении в действие перечней статей Уголовного

кодекса Российской Федерации, используемых при формировании статистической отчетности».

19.См.: Форма отчета по работе судов общей юрисдикции по рассмотрению уголовных дел по отдельным статьям Уголовного кодекса Российской Федерации по первой инстанции (приложение к оперативной отчетности формы № 01). Форма № 01.1 (ежеквартальная): утв. приказом Судебного департамента при Верховном Суде РФ от 11 апреля 2017 г. № 65 (в ред. от 8 мая 2018 г.).

С.Н. Некрасов
доктор философских наук, профессор,
кафедра философии,
Уральский государственный аграрный университет

УПРАВЛЕНИЕ СМЫСЛАМИ В ЭПОХУ ГЛОБАЛИЗАЦИИ И ВЗЛЕТ РУССКОГО СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА

Аннотация. Третья мировая гибридная война глобальными планировщиками намечена в сферах нано-био-инфо-когни-моделирования, то есть столкновение перемещается в сферу войны смыслов и борьбы за управление смыслами. В конечном счете, сталкиваются социалистическая утопия благодати - для всех за счет упорного труда и науки - и реакционная антиутопия конца истории. Беда России в том, что помимо национальных проектов, она не имеет и не реализует свой глобальный проект. Таким проектом станет проект изобилия органических продуктов сельского хозяйства для единой планеты и новых смыслов будущего, возникающих в сельской глубинке традиционной России. Захват будущего через создание новых жизненных смыслов предполагает освобождение личности от информационной зависимости и обеспечит превращение России в промышленную инновационную державу. Это значит, что в мире информационного потопа необходима информационная смысловая контрреформация.

Ключевые слова: нано-био-инфо-когни-моделирование, война смыслов, утопия благодати, антиутопия благополучия, глобальный проект, захват будущего, инновационная держава, смысловая контрреформация.

Объявленная Западом третья мировая гибридная война будет идти в сферах нано-био-инфо-когни-моделирования. Нано- предполагает

миниатюризацию элементной базы вычислительной техники, здесь лидируют США и КНР. Био- предполагает создание искусственных вирусов как боевого поражающего генокод оружия различных этносов и наводящих панику и разрушение экономической жизни масс и континентов. Инфо- предполагает конкуренцию в области «big data», «интернета вещей» между «Хуавэй» и «Майкрософт» с элементной базой «Интел». Когни- предполагает конкуренцию смыслов и глобальных проектов: китайский проект будущего планеты как «содружества общей судьбы человечества» и американский проект трансгуманизма, создания управляемого искусственного человека и сокращения населения планеты. Сказанное означает, что война цивилизаций и классов, красного Китая и синего либерального Запада (на штабных картах до сих пор, Красные это наши, Синие – противник) перемещается в сферу войны смыслов и борьбы за управление смыслами. Эти два государства обращаются к своим народам и к народам планеты с донесением своего смыслового послания будущему. Фактически, здесь сталкиваются социалистическая прогрессивная утопия благосостояния - для всех за счет упорного труда и науки - и буржуазная реакционная антиутопия конца истории.

Какова роль буржуазной России, РФ в этом раскладе сил в начале столкновения дракона и орла, какое место отводится медведю? Как сделать так, чтобы медведь выступил как «витязь в тигровой шкуре», а не козел в шкуре медведя, с рогами назад как это можно прочитать на эмблемах некоторых политических сил страны? Сегодня РФ планирует свою роль в качестве охранника, блюстителя порядка на просторах Евразии, защищающего тыл Китая. Китая, понимаемого как единое общество, живущее по принципу «одна страна – две системы»: красный Китай или КНР и белый Китай, республика Китай на Тайване. До конца этого года мы увидим на сессиях ШОС и БРИКС прояснение позиции РФ в холодной войне США, объявленной КНР. Либо Россия остается «часовым Евразии» как и Советский Союз, а значит надежный тыл китайской экспансии в мир, либо она станет передовым ударным отрядом американских глобальных монополий. Беда России в том, что помимо национальных проектов, она не имеет и не реализует свой глобальный проект. Возможно, таким проектом, исходящим из глубин русской истории, станет проект изобилия органических продуктов сельского хозяйства для единой планеты? Такой проект предполагает превращение России в промышленную инновационную державу.

Очевидно, что буровую и кладовую планеты легко захватят более сильные хищники, и потому, как пишет М. Калашников, «будущей России необходимо стать не «кладовой и буровой планеты, а, прежде всего, промышленно-инновационной державой» [1, с. 292].

Полковник внешней разведки, или классической «орденской разведки», китаевед А.П. Девятов продолжает линию исторического материализма в парадоксальной форме «небополитики», именно как продукта орденской политической разведки. Он пишет: «В доиндустриальном обществе натурального хозяйства основным богатством была земля — сельскохозяйственные, лесные и охотничьи угодья. Энергия природы поступала от Солнца. Основным мотивом тратить энергию жизни людей (делать работу) был урожай, приплод скота и увеличение земельного надела, на котором и прирастала эта натура. Учет богатства велся в единицах площади (акр, десятина, му); объемах зерна (бушель, ведро, шэн) и поголовья скота. А народ подсчитывали душами.

В индустриальном обществе производства товаров и услуг основным богатством стал капитал — заглавная величина *наличной стоимости энергии* в форме денег, сырья и топлива. А уже во вторую очередь стоимость натуры в виде сооружений, машин и оборудования как опоры производства вещей для обмена на рынке. Основным мотивом трудиться стали сами деньги как учетная единица обмена наличных стоимостей.

А главное, *прирост* денег для *расширенного* потребления благ жизни. И тогда исток энергии жизни людей — их желание делать работу — перешел из души народа в желудки работников.

Промышленная революция была сменой источников природной энергии, которой для расширенного производства требовалось все больше и больше. На смену дровам и кизяку (возобновляемые источники) пришли ископаемые источники. Уголь, а с ним и технологический уклад с опорой на паровую машину. Затем нефть с двигателем внутреннего сгорания. Затем природный газ, перерабатываемый в тепло и электричество. Затем уран с реакторами». В этих условиях власть превращается в управление культурными кодами и здесь следует подчеркнуть принцип военного искусства: «удерживающий (делающий ставку на укрытие в нишах и щелях безопасности) в конечном итоге теряет. Тогда как приобретает лишь тот, кто маневрирует, захватывает или перехватывает управление процессами обмена веществ, энергии и информации. Разведка же, все равно — тотальная или объектовая высокоточная, занята вскрытием / защитой лишь государственной и военной тайны. Все внимание отдает добыванию / охране технологий старого богатства, а внутри страны — социальным сетям (выявлению и противодействию терроризму, сепаратизму и экстремизму). Суть — удерживает. Тогда как трех верхних — *инфо, когно, холо* — уровней управления процессами бытия вообще не видит» [2, с. 12].

Управление смыслами предполагает, что люди не просто живут и трудятся, ведут животное существование. Они ведут человеческую жизнь и

осмысляют свои действия – строят собой, а не зарабатывают деньги или таскают камни. Если государство не объясняет, зачем людям следует выращивать и собирать урожай, разводить домашних животных, то будет объяснять другое государство и другая власть. Такова ситуация в условиях глобализации, где индивиды для прикрепления к земле и ее освоения должны получить высшие смыслы своего существования. А.П. Девятов пишет: «Характерной чертой глобализации выступает конвергенция — сведение разного в одно. Первым этапом глобализации (1971–1991) была конвергенция капитализма и социализма, их систем управления хозяйством и обществом. «Сведение в одно» началось с отмены золотого обеспечения USD. И после этого состоялась безграничная капитализация будущего мерой пустых денег во фьючерсах на сырье и топливо всего мира. Затем установление контроля англосаксов над ценами на ресурсных рынках. И наконец, обрушение цен на нефть, крах государственности СССР и их контроль над самими ресурсами.

Вторым этапом в 2002 году была объявлена конвергенция в части сознания. А именно схождение неживой и живой природы на молекулярном уровне с подложкой инфраструктуры информационных технологий по модели работы человеческого мозга — nano–bio–info–cogno — (NBIC) конвергенция.

Таким образом, эпоха индустриального общества заканчивается волнами финансового кризиса, связанного с пределами роста по сырью и исчерпанием потенциала системы управления обществом на основе накачки потребления деньгами. Что сопровождается сменой технологического уклада, несущего высокую технологию управления уже не обществом, а сознанием людей.

В постиндустриальном обществе экономики знаний основным богатством станет понимание смыслов бытия в форме способности людей выстраивать ряды (цепочки) последовательных шагов из любого исходного положения к желаемому результату. Согласно лозунгу «Кто владеет информацией, тот владеет миром». Ибо через смыслы можно управлять всем процессом бытия.

В информационном обществе экономики знаний основной мотив тратить энергию жизни как в монастыре перейдет из сферы натурального, а затем рационального в сферу иррационального — в сферу смыслов самой жизни» [2, с. 19]. Крестьянин на русской земле тут получает преимущества истории – он знает сакральный смысл своей работы, но не использует его, поскольку чуждое государство в лице чиновников-функционеров не идет навстречу и не владеет этим смыслом. Но как только от государства послышится негромкое «братья и сестры», энергия русского народа и российского крестьянства придет в бурлящее творческое движение.

Поскольку захват будущего через создание новых жизненных смыслов предполагает освобождение личности от информационной зависимости в

культуре мира информационного потопа, необходима информационная контрреформация [3]. Такая историческая процедура не представляет собой информационную контрреволюцию. Напротив, она позволяет прошедшим ее горнило, пройти на новый Ноев ковчег, которым имеет все шансы стать Россия. Следующим этапом взаимодействия новых людей ковчега станет конфронтация социальных и этических систем [4]. Преодоление конфронтации ценностных систем возможно в цивилизационном неоиндустриализме, который позволит уйти от язв капиталистического развития. Развитие жизненных смыслов не может быть спонтанным и требует тщательного управления, поскольку возможно направления развития в сторону фашистских корпоративных смыслов, неолиберальной идеологии потребительства и иных вариантов теологической, то есть светской государственной идеологии [5]. То есть нужна научная культурологическая экспертиза смыслообразования. Свой вариант экспертизы мы уже предложили на культурологических конгрессах России. К сожалению, культурологическая ассоциация страны приказала долго жить и конгрессы более не проводятся. Однако актуальность культурологической экспертизы только возросла в связи с отсутствием глобального проекта страны, государственной идеологии, что ставит вопрос особо остро – это суверенная страна или торговая компания предлагающая нефть и газ на экспорт?

Литература

1.Калашников М. Россия на дне. Есть ли у нас будущее? М.: Яуза-пресс, 2009. - 348 с.

2.Девятов А.В. Путь правды – разведка. Теория и практика «мягкой силы». М.: Волант. 2013. - 87 с.

3.Некрасов С.Н. Для восстановления культуры личности нужна информационная контрреформация в культуре эпохи информационного потопа // Мировоззренческие основания культуры современной России: Материалы XI Международной научной конференции. Магнитогорск: Изд-во МГТУ, 2020. С. 92-97.

4. Некрасов С.Н. Конфронтация социальных и этических систем и ее преодоление в цивилизационном неоиндустриализме // V Валеевские чтения. Материалы Всероссийской научной конференции. Уфа: РИЦ БашГУ, 2020. С.70 -75.

5.Некрасов С.Н. Культурологическая экспертиза и диалог культур в мире постглобализации // Электронный сетевой политематический журнал Научные труды КубГТУ, № 3. 2020 г. С. 676 – 685.

С.Н. Некрасов
доктор философских наук, профессор,
кафедра философии,
Уральский государственный аграрный университет.

ЧЕМ ГРОЗИТ ЧЕЛОВЕЧЕСТВУ ПОБЕДА ГОРОДА НАД ДЕРЕВНЕЙ В КОНЦЕ ИСТОРИИ: РОЖДЕНИЕ НОВЫХ СМЫСЛОВ БУДУЩЕГО И БЛАГОДАТИ

Аннотация: Победа цивилизации над культурой, города над деревней в футурологических проектах знаменует конец истории. Необходимо поставить вопрос об изменении формы существования социального капитала. И самих людей в феодальном, капиталистическом и посткапиталистическом информационном обществах. На самом деле завершается не история, а предыстория человечества, и мутацию проходит человеческое богатство. Следует перейти от восприятия богатства как предметов, затем денег и получаемых благ к пониманию нематериальных форм жизнеобеспечения смыслами будущего как благодати. В индустриальном обществе сокровища фигурируют в виде денег, соответствующих товарам и дающих благополучие. В информационном обществе деньги выпускаются под проекты будущего как криптовалюта, отражающая вклад каждого в общее дело. И тут важна не воля, а доля в кооперации усилий. Город не побеждает деревню и сельское население, в постиндустриальном обществе деревня становится источником нового человеческого материала, создает новые смыслы и тем самым формирует новое богатство. В глобальном либеральном проекте важен человеческий капитал, то есть товарное измерение человека как потребляемого богатства и новой нефти. Отсюда призывы к сбережению и сохранению капитала, к безопасности в условиях пандемии. В красном проекте Большая Евразия, реализуемом Китаем, к реализации которого неизбежно присоединится своим богатым смысловым содержанием захвата образа будущего новая Россия, на первый план выходят человеческие ценности преобразования мира социальной несправедливости и эксплуатации. Единственный предлагаемый Западом вариант выхода из исторического тупика и пересборка капитализма в виде его трансформации в глобальное рентное общество не выдерживает критики ни разумных народных масс, ни практической критики самой историей. Крот истории роет в сторону социализма.

Ключевые слова: город, воля, деревня, селяне, деньги, криптовалюта, информационное общество, новые смыслы, благополучие, благодать, кооперация, доля, коды.

«Я пришел дать вам волю»

В качестве эпиграфа мы вынесли название романа В.М. Шукшина о крестьянском восстании под предводительством «могучего заступника крестьянства» Степана Разина. В.М. Шукшин всей своей жизнью буквально выносил этот роман и подготовил сценарий фильма, при этом он предпринимал самостоятельные разыскания, поездки, консультировался с историками. Историки не только «смутного времени» утверждают, что крестьяне не просто искали Беловодье как свободный край или бежали на Дон (а «с Дона выдачи нет»), но нуждались в могучем заступнике, которым не мог быть царь, даже и фиктивный крестьянский царь, вроде Е. Пугачева. Победа цивилизации над культурой в основных культурологических проектах знаменует собой конец истории в целом или региональной истории, в частности истории Европы или коллективного Запада. Такова концепция О. Шпенглера и такова же модель А. Тойнби. Важнейшим признаком завершения истории является гибель деревни, ее трансформация в город, переселение селян в города. Однако авторы, принадлежащие к традиции зарубежной буржуазной общественной науки, не поясняют, в чем заключается главная угроза цивилизации культуры и какова причина завершения истории в результате исчезновения населения традиционных деревень.

Для коррекции этого положения о завершении истории критиков западного индустриального общества, необходимо поставить вопрос об изменении формы существования социального капитала в феодальном, капиталистическом и посткапиталистическом обществах. В результате может получиться, что завершается не история, а предыстория человечества, и мутацию проходит накопленное человеческое богатство, то есть сама культура в разных обществах.

Человеческий капитал сельских территорий

Мы привыкли считать вслед за специалистами в области хозяйства, что капитал – это в первую очередь материальное богатство. Но уже в Библии сказано – не накапливайте сокровищ. Продолжая излагать свои поучения в Нагорной проповеди, Иисус Христос сказал: «Не собирайте себе сокровищ на земле, где моль и ржа истребляют и где воры подкапывают и крадут, но собирайте себе сокровища на небе, где ни моль, ни ржа не истребляют и где воры не подкапывают и не крадут» [1]. Для лучшего понимания этих слов нужно знать, что среди древних евреев одним из величайших пороков в их жизни была алчность и непреодолимое стремление к деньгам и богатству.

Евреи так сильно стремились к роскоши, земным благам и сокровищам, что часто забывали о сокровищах небесных. Богатства так привлекали к себе древних евреев, что погоня за наживой заглушала в их сердцах даже религиозные чувства. Подтверждением этого служит факт того, что еврейский народ допустил грехопадение в виде поклонения золотому тельцу.

Вслед за специалистами в области экономики нам следует перейти от грубо-фетишистского восприятия богатства как совокупности удовлетворяющих потребности человека предметов, к иным нематериальным формам жизнеобеспечения. Робинзон, обнаружив золото и деньги, долго колебался, прежде чем завернуть их в парусину и отправить на берег – он многое бы отдал за то, чтобы эти сокровища в бочонке с разбитого корабля превратились в хороший железный нож. Тем не менее во имя отложенных на будущее потребностей он сберег то, что ему в тот момент было совсем не нужно. Все повествование Д. Дефо свидетельствует о скрупулезном накоплении и подсчете богатства Робинзоном до его попадания на остров и после его освобождения из вынужденного заточения.

Аллегорическое повествование жизни Робинзона на острове свидетельствует о том, как он за первые два года прошел все стадии развития производства человечеством: вначале он охотился на коз, понимая, что они не могут смотреть вверх, а потом, сберегая порох, перешел к скотоводству и одомашниванию животных, и затем к земледелию. В сущности, на тот момент – на момент написания книги Д. Дефо - эти три фазы общественного производства входили в первую ступень человеческой цивилизации: доиндустриальное или аграрное общество. В этом обществе богаты были те, кто работал с землей, животными, выращивал растительную и животную биомассу. Богаты были и те, кто продавал «живой шоколад» - африканских рабов, откладывал деньги в банки от доходов приобретенных латифундий, торговал людьми (а Робинзон преспокойно продал своего друга Ксури в рабство, да и в само кораблекрушение он попал, поскольку отправился за рабами туда, где они продавались из рук негров-рабовладельцев и были по сносной цене). На этой стадии развития общества сокровища фигурируют уже не в натуральной предметной форме, а в инверсированном виде превращенными в деньги, причем деньги соответствуют уже физическим товарам и выпускаются под их производство. В наше время в наступающем постиндустриальном будущем деньги начинают выпускаться под проекты будущего не как фиатные деньги, но как криптовалюта, отражающая вклад каждого в общее дело. И тут важна не воля, как это было на стадии индустриального общества, а доля. Сформулируем это в виде афоризма-лозунга: важна не воля, а доля. Важна благодать – каждый дает благо, которое

имеет и получает от всех того, чего сам лишен. В индустриальном обществе важно благополучие – получение благ для себя от других и за счет других. В нем важна безопасность и сбережение себя, в постиндустриальном информационном обществе в борьбе смыслов важна атака и опасность. Информация в данном случае предполагает извлечение и овладение новым богатством – кодами, которые «зашиты» в форму, в формацию («ин», то есть внутрь).

Чем грозит победа города над деревней

В индустриальном обществе богатство пошло потоком в руки владельцев средств производства из ископаемых материалов, руды, источников энергии – угля, нефти, газа, урана. Это общество описано К. Марксом в первом томе «Капитала», опубликовав который, гениальный мыслитель скончался. Его великий друг Ф. Энгельс – «талант, рядом с гением», чей 200-летний юбилей мы отмечаем в этом году, сумел довести до печати два других тома и благодарное человечество получило диалектическую обобщенную картину движения и обращения капитала. Поползновения современных левых и буржуазных авторов создать особую динамику некоего нового капитала в XXI веке несостоятельны, поскольку динамика капитала исчерпывающе описана и может быть изменена, и исторически прекращена только в результате гибели капитализма как общественного строя. Однако социальный капитал в условиях краха капитализма и перехода к посткапиталистическому обществу также трансформируется – на первый план выходят смыслы, их производство, цивилизационное планирование в соответствии с ритмами исторического развития цивилизаций.

Казалось бы, деревенское население остается в глубоком прошлом уже на второй индустриальной стадии развития общества, когда производство продовольствия ставится на фабричную основу, а селяне превращаются в фермеров или индивидуальных предпринимателей. Что уже говорить о третьей стадии, где человечество еще сохраняет привычку кушать, но нуждается в сельских поселениях не иначе как в форме экзотического аграрного и экологического туризма. А вот как раз на этой стадии преимущества деревни перед городом становятся во весь рост своего исторического призвания. Деревня выступает здесь как носитель альтернативной традиционной этики – этики дружбы и сотрудничества. Деревня становится резервом нового человеческого материала и его неисчерпаемым источником – в отличие от города с его идеологией метросексуалов и чайлд фри, деревня дает столько детей, сколько нужно для счастья родителей и рода.

Деревня и создает тот самый загадочный «глубинный народ», о котором говорят властные политологи и политтехнологи крупнейших стран мира: в США это реднеки, в РФ те, кто внезапно выступает против беззакония властей и ведет себя совсем не так, как от него ждут. А ждут от него то, что он бессознательно ощущает причастность к власти, и власть должна властвовать над народом, который и существует, потому что изначально разделяет бессознательно принципы этой власти. Глубинный народ внезапно в соответствии с неведомыми космическими циклами восстает и говорит власти, что ему надоела жадность, трусость и мельтешение власти. Появляются небополитики, которые пытаются уловить связь активности глубинного народа, крестьянства и задачами исторического развития. Однако на самом деле только материалистическое понимание истории способно объяснить развитие общества, в котором массы выступают не за, а против обстоятельств жизни. Мир не удовлетворяет человека и человек своим действием решает его изменить – вот простой тезис марксизма, говорящий о том, что философы до сих пор лишь объясняли мир, но дело заключается в том, чтобы изменить его. Русский крестьянин ждал заступника, Н.А. Некрасов в «Размышлениях у парадного подъезда», написанных и преобразованных с натуры в час хандры, писал:

Родная земля! Назови мне такую обитель,
Я такого угла не видал,
Где бы сеятель твой и хранитель,
Где бы русский мужик не стонал?
Стонет он по полям, по дорогам,
Стонет он по тюрьмам, по острогам,
В рудниках, на железной цепи;
Стонет он под овином, под стогом,
Под телегой, ночуя в степи;
Стонет в собственном бедном домишке,
Свету божьего солнца не рад;
Стонет в каждом глухом городишке,
У подъезда судов и палат.
Выдь на Волгу: чей стон раздается
Над великою русской рекой?
Этот стон у нас песней зовется —
То бурлаки идут бечевой!..
Волга! Волга!.. Весной многоводной
Ты не так заливаешь поля,

Как великою скорбью народной
Переполнилась наша земля, —
Где народ, там и стон... Эх, сердечный!
Что же значит твой стон бесконечный?
Ты проснешься ль, исполненный сил,
Иль, судеб повинуясь закону,
Всё, что мог, ты уже совершил, —
Создал песню, подобную стону,
И духовно навеки почил?.. [2, с. 31]

И поскольку Пугачев признал на допросе графу Панину, что он не ворон, а вороненок: «Я не ворон, я вороненок, а ворон еще летает» он сказал это в том смысле, что еще придет великий заступник за народ. У В.В. Маяковского в поэме «Владимир Ильич Ленин» уже сам Ильич – «заступник и расплатчик». Здесь «засеченный негр» среди золотистых плантаций вымычал: «выплыви, заступник солнцелицый» [3, с. 343]. В другом месте в стихотворении «Нашему юношеству» он советует вострить уши на Москву – «на Москву, на русский вострите уши» и утверждает: «Да будь я и негром преклонных годов, и то, без унынья и лени, я русский бы выучил только за то, что им разговаривал Ленин». Победа города над деревней окончательно разрывает связь власти и народа, поскольку в городе народ исчезает, становясь населением, а деревня превращается в поселение и трущобный пригород города.

Человеческий капитал необходим в глобальной экономике либерального проекта – в «Новом Вавилоне». В проекте «Большая Евразия», или «Третья Орда», важен коллективный человеческий потенциал, поскольку новые сообщества Китая, России и стран ШОС идут по пути создания общей судьбы человечества. Важнейшим условием этого становится ноономика и преодоление старой спекулятивной экономики и ее нефтедоллара [4]. Прорыв в будущее и захват будущего новыми смыслами, формирование нового богатства – культурных и программных кодов – позволит отказаться от капиталистического использования и эксплуатации человеческих возможностей, сформирует для людей труда условие их всестороннего развития.

Литература

1. Евангелие от Матфея. 6:19–20.
2. Некрасов Н.А. Размышления у парадного подъезда. М.: Азбука, 2012.-224 с.
3. Маяковский В.В. Собрание сочинений в двенадцати томах. Москва: Правда, 1978. Т.3. - 414 с.

4. Некрасов С.Н. Миссия гуманитарного образования и гуманитарных наук в переходе к ноономике: русский прорыв в будущее // Аналитика на службе Отечеству. Материалы научно-практической конференции М.: ООО «РИТМ», 2019. С. 204-210.

С.Н. Некрасов
доктор философских наук, профессор,
кафедра философии,
Уральский государственный аграрный университет.

СИНЕРГЕТИКА И КЛАСТЕРНЫЕ СЕТИ В ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Аннотация: Автор предлагает различать глобализацию и глобализм. Глобализация как тенденция становления единой истории человечества, когда прогресс осуществляется для человечества. Доктрина глобализма связывает прогресс лишь с частью человечества. Эффективные кластеры позволяют занять странам их базирования уникальные ниши на рынке и оказаться вне конкуренции. Для самоорганизации кластеров, работающих в режиме с обострением, необходимо использовать синергетический подход к их развитию. Так может быть создана мобилизационная экономика на рельсах неоиндустриализма. Синергетический подход к развитию агропромышленных кластеров возможен только с учетом ноосферных принципов развития. Концепт «ноосферная парадигма устойчивого развития» позволяет разработать ноосферную модель развития агропромышленных кластеров. Возвращение России в историю, а людей в социологическую теорию совпадают и требуют формирования традиционной системы управления Россией – советской системы, где чиновники получают жалованье от народа не более партмаксимума.

Ключевые слова: синергетика, агропромышленные кластеры, глобализация, глобализм, ноосферная парадигма, устойчивое развитие, традиционная система управления, партмаксимум.

Синергетика дает ключ к пониманию сложных систем: к развитию кластеров, предотвращению глобальных катастроф и иных кризисов. Элементарной единицей исследования кластерного подхода, синергетики, теории сложных сетей, систем и других наук, являются «сети». Они вездесущи. Кластеры – сети, природные экосистемы любого уровня - все это сети. В мире все взаимосвязано и в нем не существует даже элементарных независимых

единиц и сущностей. Любая единица находится в контексте взаимосвязей и взаимовлияния сети. Она должна оцениваться именно в контексте взаимосвязей.

Опираясь на некоторые идеи, содержащиеся в работах А.С. Панарина, Ю.Д. Гранина и А.А. Хамидова и доводя их до концептуально оформленных положений, считаем правомерным в этой связи различение глобализации и глобализма. Глобализация - это отмеченная во второй половине XIX в. К. Марксом тенденция превращения локальных историй человеческих общностей во всемирную историю. В свете такого понимания основным содержанием исторического процесса является становление единой истории человечества. Здесь прогресс осуществляется во имя и для всего человечества. Принципиально иным является феномен глобализма. Доктрина глобализма связывает прогресс не со всем человечеством, а лишь с некоторой его частью, которую эта часть сама же и определила. Эту доктрину и следует именовать доктриной глобализма. Подлинная глобализация ничего общего не имеет не только с глобализмом, но и с антиглобализмом.

Соответственно, кластеры, в том числе агропромышленные кластеры развиваются в так называемом «режиме с обострением». На сайте Российской кластерной обсерватории ВШЭ размещен министерский прогноз развития агпропромышленного комплекса РФ до 2030 г., но там нет ни слова об агропромышленных кластерах [1].

Исследователи аграрной динамики Хухрин А.С., Чирков Е.П., Бундина О.И. определяют кластер следующим образом с точки зрения синергетики: «Агропромышленный кластер представляет собой географически сконцентрированную сеть — систему взаимодополняющих друг друга субъектов рынка (сельхозорганизаций, личных подсобных хозяйств, крестьянских фермерских хозяйств, перерабатывающих предприятий, НИИ и образовательных учреждений, банков, органов власти и др.), ориентированных на производство, переработку и реализацию продуктов питания, решение задач социально-экономического развития сельских территорий, защиты окружающей среды, локальное решение глобальных проблем и т.д. и обладающих уникальными конкурентными преимуществами местоположения, использования достижений науки, инновационных технологий, ноу-хау, стратегии «быть уникальным». Ключевыми признаками кластера является географическая концентрация, самоорганизация, сетевая организация, системность, межотраслевой характер, уникальность, наукоемкость, инновационность» [2, с. 81].

Наиболее отличительными признаками кластеров, по нашему мнению, является их самоорганизация и уникальность. Мировой опыт показывает, что

самые эффективные кластеры самоорганизуются (например, Силиконовая долина и Калифорнийский винодельческий кластер в США) в течение длительного времени (10-40 лет). Попытки воспроизвести эффективные кластеры в других странах и даже в других регионах одной и той же страны чаще всего не приносили успеха. Поскольку эффективные кластеры всегда возникали в уникальных условиях и всегда обладали уникальными конкурентными преимуществами. В современном демобилизованном состоянии рыночной экономики либеральная Россия получает шанс выйти на опережение и создать мобилизационную экономику в самых критических ее пунктах.

Учитывая складывающуюся в условиях мировой пандемии и антироссийских санкций ситуацию, России необходимо создавать эффективные кластеры за короткое время (1 год – 5 лет в зависимости от вида кластеров), обладающие уникальными конкурентными преимуществами. Обладание последними позволяет занять кластерам и странам их базирования свои уникальные ниши на мировом и внутреннем рынке и оказаться как бы вне конкуренции. По сути, речь идет о мобилизационной экономике на рельсах неоиндустриализма. Для целесообразной самоорганизации кластеров необходимо использовать синергетический подход к их развитию.

Синергетический подход к развитию агропромышленных кластеров возможен только с учетом ноосферных принципов развития. Концепт «ноосферная парадигма устойчивого развития» позволяет разработать ноосферную модель развития агропромышленных кластеров и обозначить ряд ее ключевых принципов. Дело в том, что без ноосферизма синергетическое понимание кластеров просто пугает, поскольку выступает как стихийный процесс, вписанный в катастрофизм обострения внушних и внутренних противоречий сложных систем с обострением и форс-мажором. Напротив, ноосферный подход позволяет развивать концептуальные площадки ноосферного развития кластеризации в АПК регионов, поскольку сознательно организуемые обществом кластеры выступают качественной основой развития и обеспечения продовольственной безопасности, являющейся важным государственным приоритетом [3].

Ноосферная модель развития агропромышленных кластеров

Стихийное развитие агропромышленных кластеров опасно для общества, оно обладает разрушительной силой и раскачивает неустойчивую социальную систему. Результатом оказывается кризис перепроизводства и недопроизводства, социальное неравенство, нищета и голод, засилье

наднациональной бюрократии. Для преодоления стихийности необходимо формирование крупных надгосударственных образований по примеру ЕС и ЕАС на просторах большой Евразии. Однако, основным вопросом развития остается тип производственных отношений и характеристика той общественно-экономической формации, при которой реализуется аграрное производство. Если это не учитывать, то возможны социальные и экологические катастрофы и обострения.

Экономист Н.Н. Рябчикова пишет: «результатом необходимого активного научно-технического развития во второй половине 20-го века стало исчерпание природных ресурсов и проявление всевозможных антиэкологических последствий. Поэтому общество пришло к необходимости поиска разумного решения накопившихся проблем, с предложением конкретных мер. Ответом на обозначенные вызовы можно считать ноосферную концепцию развития, набирающую все большую популярность в научных кругах и отвечающую требованиям новой парадигмы развития агропромышленного комплекса, обусловленной повышенным спросом на продовольствие, ограниченностью ресурсов, изменениями климата, технологическим отставанием, отсутствием достаточных инвестиций в науку и т.д.» [3, с. 254].

Кластер – это не кооператив и кооперация. Это «воспроизводственная цепочка географически сконцентрированных предприятий и организаций, формально и неформально взаимодействующих друг с другом. Пересечение технологической, территориальной и социальной близости в агропромышленном кластере создает синергетический эффект интеграции, ускоряет распространение инноваций на начальных стадиях развития и создает таким образом дополнительные конкурентные преимущества как в снижении транзакционных затрат, так и в создании уникальных новых продуктов и технологий» [3, с. 256].

В капиталистическом обществе как обычно приходится надеяться на разум участников производственного и обменного процесса. «Разумные цены» - недавно слышали мы в рекламе. «Солидный господь для солидных господ» - иронизировал В. Пелевин. «Царство разума» - формулировка молодой буржуазии, идущей к власти, описанная основателями политэкономии, классиками марксизма. Через два столетия вполне буржуазный экономист Н.Н. Рябчикова пишет: «Сформировать более высокий уровень доверия между участниками агропромышленного кластера, возможно сделав упор на развитие интеллекта, творческого подхода, эффективное использование человеческого потенциала и развитие «экономики знаний». Только разум способен скоординировать взаимодействие всех участников агропромышленного кластера и упорядочить всю его систему. Благодаря усилению роли разума в

формировании кластерной структуры, у ее участников появляется больше ответственности и преданности к общей цели, поэтому сложнее ставятся задачи и эффективнее решаются. Каждый участник кластерной системы четко осознает последствия своих действий» [3, с. 259]. Из тезиса автора вытекает старая еще перестроечная идея «нового экономического мышления» и некой «кластерной культуры».

Новая структура общества часто не видна за сеткой кластеров и новых коммуникаций. Тем не менее, возникает вопрос, а можно ли управлять будущим и захватывать смыслы и образы, которые сформируют это нужное будущее [4]? Пока понятно, что модернизация капитализма возможна, но она не спасет народы мира от гибели и упадка, где будущего не будет [5]. Возвращение России в историю, а людей в социологическую теорию совпадают и требуют формирования традиционной системы управления Россией после крушения «третьего царства разума».

Век назад, а точнее, 6 октября 1920 г. на встрече в Кремле В.И. Ленина и Г.Д. Уэллса уже было понятно, как фабианский утопист и революционный социалист оценивали связь революции и культуры социального управления. Особенно как громом поразило фантаста Уэллса знаменитое утверждение Ильича о том, что у нас после победы революции каждая кухарка должна научиться управлять государством. Он это воспринял как невероятный блеф что кухарка управляет государством и будет им управлять [6].

Однако Ленин говорил о том, что для трудящихся вскоре будет созданы все условия для обучения искусству государственного управления после выполнения 6 трудового дня и 2 часа пойдут на это обучение с тем, чтобы чиновники не были заинтересованы долго занимать свои посты и с тем, чтобы они получали не заработную плату в отличие от рабочих, а жалованье от народа. И сколько народ им пожалует и будет партмаксимумом, то есть чиновники получат не больше партмаксимума профессиональных партийных работников!

Литература

1. Прогноз научно-технологического развития агропромышленного комплекса Российской Федерации на период до 2030 года / Минсельхоз России; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». – М.: НИУ ВШЭ, 2017. https://issek.hse.ru/data/2017/05/03/1171421726/Prognoz_APK_2030.pdf
2. Субетто А.И. Ноосферизм как стратегия спасения человечества от экологической гибели и основа гуманитарного диалога цивилизаций на

пути к Миру без Войн и Насилия Марксовские чтения. Институт философии РАН. СПб.: Астерион, 2019. - 10 с.
3. Костенко О.В. Агропромышленные кластеры – идея или реальность? // Экономика: вчера, сегодня, завтра. № 4, 2016. С. 35-46.
4. Некрасов С.Н. Формирование нового научного понимания исторического процесса, или можно ли в XXI веке управлять будущим? // Диалектика и проблемы развития науки. Монография. В 2 частях. Часть 1. Усть-Каменогорск: Казахстанско-американский свободный университет, 2017. с. 181-233.
5. Некрасов С.Н. Модернизация капитализма, или, «фетишизм и идеология: семиологическая редукция» // Диалектика и проблемы развития науки. Монография. В 2 частях. Часть 1. Усть-Каменогорск: Казахстанско-американский свободный университет, 2017. с. 233-241.
6. Некрасов С.Н. Встреча В.И. Ленина и Г.Д. Уэллса: как фабианский утопист и революционный социалист оценивали связь революции и культуры Человек в мире культуры. Региональные культурологические исследования. Электронный научный журнал. № 2/3 (21) 2017. Екатеринбург: УрГПУ, с. 121-123.

В.Н. Синько
старший преподаватель,
кафедра философии
Уральский государственный аграрный университет

МУЗЕЙ ИСТОРИИ УРАЛЬСКОГО ГАУ В УСЛОВИЯХ ДИСТАНЦИОННОГО ОБРАЗОВАНИЯ: ВЫЗОВЫ, ОПЫТ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Аннотация. В статье рассмотрены особенности деятельности музея Уральского ГАУ в условиях перехода на дистанционный режим работы в период пандемии. Сотрудниками музея была определена стратегия деятельности музея в онлайн - режиме и составлена программа по актуальным направлениям воспитательной работы.

При написании статьи были использованы следующие научные методы: изучение и анализ психолого-педагогической и научной литературы; обобщение педагогического опыта.

Сделан вывод о том, что переход на полноценное использование возможностей информационного пространства привел к тому, что именно

социальные сети стали для музея одним из самых полезных и эффективных каналов коммуникации с аудиторией.

Ключевые слова: музей, история, архив, воспитание, университет, онлайн-проект, социальные сети, экскурсия.

Всемирная пандемия COVID-19 внесла свои коррективы в режим работы образовательных учреждений: в марте 2020 года российские вузы перешли на удаленный режим работы. Все занятия со студентами были перенесены в дистанционный формат, а сотрудникам университетов было предписано соблюдать режим самоизоляции, предполагающий осуществление всего объема профессиональной деятельности в домашних условиях с использованием цифровых технологий.

В таких непростых условиях оказался и музей истории Уральского ГАУ. Несмотря на отсутствие посетителей в экспозиционном зале, необходимо было проводить запланированные мероприятия, не терять связь с аудиторией. Сотрудниками музея была определена стратегия деятельности музея в дистанционном режиме и составлена программа по актуальным направлениям работы музея со своей аудиторией.

Переход на полноценное использование возможностей информационного пространства привел к тому, что именно социальные сети стали одним из самых полезных и эффективных каналов коммуникации с аудиторией.

«В современном мире музей перестал восприниматься исключительно как храм вещественных ценностей, как учреждение, специализирующееся на хранении и экспонировании культурных ценностей» [1].

Музей истории Уральского ГАУ обладает мощным воспитательным потенциалом: содействует воспитанию у студентов патриотизма, гражданственности, бережного отношения к традициям и истории Университета и родного края, формированию чувства принадлежности к сообществу ученых и специалистов агропромышленного комплекса [2, с. 259].

Воспитательная работа на базе музея истории вуза многогранна. Формы работы музея в виртуальном пространстве с каждым днем динамично развиваются.

Как и многие другие музеи учебных учреждений, наш музей также стал актуализировать опыт прошлого в контексте современности с помощью различных форм виртуального взаимодействия с посетителями.

Неотъемлемой составляющей музейного пространства становятся видеоэкскурсии, интервью, онлайн - мероприятия, челленджи, флешмобы, игры, квесты, авторские проекты, лектории и многое другое.

Благодаря группе музея в социальной сети «Вконтакте» и аккаунту в Инстаграм мы ведем активный диалог с заинтересованными в жизни музея посетителями, в основном, студентами. Учитывая складывающиеся в нашем обществе современные тенденции, такая форма коммуникации очень удобна и востребована.

Прошедший год для нашего музея стал толчком для виртуального диалога с посетителями.

Рассмотрим актуальные направления культурно-образовательной деятельности музея.

1. Видеоконтент. Сотрудники музея с помощью студентов создали видеоролики по истории УрГАУ, транслирующиеся на канале YouTube: «Легенды и тайны Вознесенской горки», «Тайны старинных корпусов УрГАУ», «Сад Вайнера: в поисках утраченного наследия», «Предшественники УрГАУ», «Первый ректор Свердловского СХИ Ольга Аркадьевна Иванова», «Они не вернулись с войны», «Вклад эвакуированных вузов в развитие ССХИ», «Трудовой подвиг коллектива ССХИ в годы Великой Отечественной войны», «История УрГАУ живет в его музее».

Визуальный контент все больше привлекает внимание аудитории, делает музей ближе к посетителям, поэтому видеоэкскурсии по экспозиции с хранителем музея истории, объединенные в циклы, создают эффект присутствия в музее, позволяют прикоснуться к атмосфере музея.

Также организуются видеоэкскурсии в архив университета с целью ознакомления с работой архивохранилищ. Архивные документы активно используются студентами и преподавателями при написании научных статей по истории вуза.

2.Флешмобы. Музеи подхватывает новые веяния из социальных сетей. Наш музей присоединился к акциям: #MusMeme (22 августа музеи со всего мира целый день публиковали в своих социальных сетях мемы с произведениями искусства, которые находятся в их коллекциях); *#СловоНаЭкспонате* (акция, инициированная Коломенским краеведческим музеем, получила широкий резонанс). По условиям акции музеи представляют на сайтах и страницах в социальных сетях свои раритеты с интересными надписями под хештегом #СловоНаЭкспонате, сопроводив их подробным рассказом; «День музейного селфи»; #ColorOurCollections (музеи, библиотеки, архивы и другие культурные учреждения по всему миру делятся бесплатными раскрасками на основе материалов из своих коллекций).

Участие в флешмобах развивает сетевое взаимодействие между музеями, позволяет обеспечить обмен идеями, мнениями, опытом, технологиями.

3. «Музейное закулисье». Каждый день в музее истории УрГАУ идёт кропотливая работа. Сотрудники музея проверяют наличие и состояние музейных предметов, регистрируют поступление новых экспонатов, следят за соблюдением правил консервации и хранения предметов и др.; разрабатывают сценарии экскурсий, квестов, викторин и других мероприятий; участвуют в научных исследованиях, а также конференциях, семинарах, постоянно повышают свою квалификацию, осуществляют руководство научными работами студентов. В онлайн - режиме сотрудники музея показывают, к примеру, как проходит исследование архивных источников, обсуждение нюансов работы хранителя музея, экскурсовода и т.д.

4. Квесты, викторины, квизы, мастер-классы. «Музейная педагогика дает неограниченные возможности для творческой самореализации педагогов и студентов» [3, с. 343]. Музеем были проведены следующие мероприятия: квест «Музей - это интересно», викторины: «Мой университет - моя история»», «С днем рождения, университет», «Татьянин день». Квиз «Мой Екатеринбург» был посвящен истории и культуры нашего города. Мастер-класс «Пишем историю УрГАУ» проводился с целью знакомства с первоначальными навыками работы с историческими источниками при написании исследований по истории вуза. В режиме видеоконференции студентов знакомили с методикой сбора и фиксации материалов в фондах музея, архиве университета и библиотеках, рассказали об основных этапах выполнения исследовательской работы и возможностях презентации ее результатов на научных конференциях и конкурсах.

5 «Музей и психология». В декабре стартовал совместный проект психологического клуба УрГАУ и музея, состоящий из цикла встреч «Музей - путь к себе». Проект предполагает освещение проблем восприятия, особенностей процесса мышления в специфических условиях нашего музея, а также проблем психологического воздействия предметов музея на современного человека.

Эффективность деятельности музея определяется вовлеченностью студентов в научно - исследовательскую деятельность, использованием музейных материалов в учебном процессе. Благодаря освещению в социальных сетях результатов научных исследований студентов в рамках проекта «Живая история УрГАУ», все больше учащихся изъявляют желание изучать историю университета.

Социальные сети становятся одним из тех дополнительных информационных ресурсов, которые позволяют нашему музею решать многие практические задачи: информирование о новых событиях; просвещение, укрепление имиджа, выход на новую целевую аудиторию и коммуникация с ней (в числе

подписчиков есть жители города, интересующиеся историей нашего вуза); исследование аудитории музея и др.

Вынужденный уход в онлайн - режим открыл для музея новые возможности. Музей приобрел положительный опыт реализации онлайн - проектов. Сотрудникам музея пришлось повышать свою квалификацию: осваивать новые цифровые технологии, инновационные методы работы с посетителями, стратегии продвижения музея в социальных сетях.

Думается, что после окончания дистанционного режима работы вуза музей будет также активно использовать онлайн - инструменты в своей просветительской и коммуникационной деятельности.

Литература

1. Закиров В.В., Синько В.Н. История Уральского ГАУ живет в его музее // Инновационные идеи молодых исследователей для агропромышленного комплекса России: сборник статей Международной научно-практической конференции молодых ученых. Том I / Пензенский ГАУ. Пенза: РИО ПГАУ, 2020. С. 258-260.

2. Симбирцева Н.А., Биттер М.В. Современный музей как пространство реализации проектной деятельности // Педагогическое образование в России. 2018. №7. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/sovremennyy-muzey-kak-prostranstvo-realizatsii-proektnoy-deyatelnosti (дата обращения: 31.01.2021).

3. Журавлева Л.А., Емельянова С.И., Зарубина Е.В., Синько В.Н. Опыт реализации квест – технологий в образовательном пространстве музея истории Уральского ГАУ // Социально-гуманитарное образование и наука: вызовы современности. Материалы Всероссийской национальной научно-практической конференции / под общ. ред. Л.А. Журавлевой. Екатеринбург: Уральский государственный аграрный университет, 5 октября 2020 года. С 340 - 345.

В.Н. Синько
старший преподаватель,
кафедра философии,
Уральский государственный аграрный университет

ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ НАУЧНО - ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СТУДЕНТОВ В МУЗЕЕ ИСТОРИИ УРАЛЬСКОГО ГАУ

Аннотация. В статье на примере проекта «Мой университет – моя история» рассмотрены основные направления научно - исследовательской деятельности студентов в музее истории Уральского государственного аграрного университета. При написании статьи были использованы следующие научные методы: изучение и анализ психолого - педагогической и научной литературы; наблюдение, обобщение педагогического опыта.
Сделан вывод о том, что музейная педагогика является частью воспитательной системы вуза. Научно - исследовательская работа студентов в музее является одним из важнейших средств воспитания творчески мыслящего специалиста, способного самостоятельно решать стоящие перед ним задачи.
Ключевые слова: музей, история, музейная педагогика, квест, архив, воспитание, университет, студент, наука, научно - исследовательская деятельность.

Музеи давно перестали быть просто хранилищами артефактов: на современном этапе они выполняют множество функций посредством внедрения инновационных методов музейной педагогики, которая, включаясь в образовательное пространство вуза, становится частью воспитательной системы.

«Видимо, главное, что может и должен сделать музей, - это предложить студентам достаточно широкий спектр возможностей непосредственного участия в поисковой, исследовательской, фондовой, культурно - образовательной работе» [1, с. 94].

На примере музея истории Уральского ГАУ рассмотрим основные направления научно - исследовательской деятельности студентов.

Музей, посвященный истории нашего вуза, хранит память о людях, которые стояли у истоков образования университета, учились, работали, защищали Родину, совершали научные открытия. Благодаря этому студенты узнают, что представляет собой студенческая корпорация, что значит быть частью университетского сообщества. Музей истории вуза позволяет сохранять преемственность, связь времен, дает возможность студенту переживать историю, проводить параллели и ощущать причастность своей судьбы к судьбе университета.

В 2019 году, в преддверии 80-летнего юбилея УрГАУ, стартовал проект «Живая история Уральского ГАУ», имеющий в данный момент название «Мой университет - моя история». Цель проекта - обобщить исторический опыт Уральского ГАУ, показать его вклад в развитие аграрной науки и историю отечественного образования.

Рассмотрим методику организации одного из направлений проекта - научно-исследовательской работы студентов в музее.

В ходе первоначального знакомства с музеем истории УрГАУ (экскурсии, квесты, викторины, музейные уроки) потенциальным исследователям презентуются способы получения музейного материала. Педагогами акцентируется внимание на поисковой деятельности студентов, результаты исследований которых уже используются в создании выставок, экскурсий, различных мероприятий.

В рамках проекта осуществляется непосредственное участие студентов в поисково - исследовательской деятельности, следовательно, в ходе работы происходит ознакомление их с методикой сбора и фиксации материалов, привитие навыков исследований в фондах музеев, архивах и библиотеках. С помощью студентов происходит оцифровка фото- и документального материала из фондов музея истории университета, рукописей преподавателей.

Выбирая тему исследовательской работы по истории вуза, необходимо исходить из еѐ актуальности и заинтересованности авторов. Студентам предлагается самостоятельно выбрать тему по направлениям исследований:

- «*История одного музейного предмета»;*
- «*Здания УрГАУ в контексте историко - культурного своеобразия Екатеринбурга»*. В рамках данного направления опубликованы следующие статьи: «Особенности формирования архитектурного облика комплекса зданий УрГАУ», «Комплекс исторических зданий Уральского ГАУ: прошлое и настоящее», «Школа на горке: история одного здания», «Сад Вайнера: в поисках утраченного наследия», «Екатеринбургский период творчества Степана Эрьзи». В данных исследованиях акцентируется внимание на необходимости сохранения культурного наследия;
- «*Имя в истории университета».* Серия статей посвящена талантливым ученым, педагогам, руководителям нашего вуза в разное время: «Первый ректор Свердловского сельскохозяйственного института Ольга Аркадьевна Иванова», «Тулин Александр Степанович – ректор Свердловского сельскохозяйственного института (1945-1948 гг.)», «Слово о ректоре», «Вклад ректора Дормидонтова Михаила Петровича в развитие Свердловского сельскохозяйственного института (1963-1983 гг.)», «Траектория жизни Ивана Флегонтовича Кабакова», «Она прошла дорогами войны (памяти профессора Свердловского сельскохозяйственного института Андреевой Зинаиды Петровны)», «Жизнь, опаленная войной» и др.;
- *«Основные вехи становления вуза».* Студентами были опубликованы статьи: «Предшественники Свердловского сельскохозяйственного института»,

«Вклад эвакуированных вузов в развитие Свердловского сельскохозяйственного института», «Вклад Уральского Добровольческого танкового корпуса в победу в Великой Отечественной войны», «Развитие Свердловского сельскохозяйственного института во второй половине 40-х - 60-х гг.», «Наука в Свердловском сельскохозяйственном институте в послевоенный период: достижения и проблемы», «Физкультура и спорт в Свердловском сельскохозяйственном институте в послевоенные годы», «Свердловский сельскохозяйственный институт в годы перестройки»;

- *«Знаем. Помним. Гордимся».* Целью статей «Они защищали Родину» и «Свердловский сельскохозяйственный институт в годы Великой Отечественной войны: воспоминания очевидцев» является сохранение исторической памяти о Победе в Великой Отечественной войне. Статьи «Остался навечно молодым: памяти студента Свердловского сельскохозяйственного института А. Дубовского - героя Афганской войны» и «Студент Свердловского сельскохозяйственного института Пасынков А.В. – герой войны в Афганистане» посвящены погибшим в Афганистане при исполнении интернационального долга студентам ССХИ;
- *«История общественных объединений и движений УрГАУ»;*
- «*Музееведение»*. В статьях «Игра «80 славных лет» как средство развития познавательного интереса студентов к изучению истории Уральского ГАУ» и «История Уральского ГАУ живет в его музее» рассматривается роль музея истории университета в воспитании патриотизма, гражданственности, бережного отношения к традициям и истории университета, формирования чувства принадлежности к сообществу ученых и специалистов агропромышленного комплекса.

Источниковой базой научных исследований, посвященных различным аспектам университетской истории, являются материалы музея истории УрГАУ, музея архитектуры и дизайна УрГАХУ, музея истории Екатеринбурга, периодическая печать, мемуары, краеведческая и справочная литература. С целью ознакомления с работой архивохранилищ и приобретения практических навыков использования архивных источников в научно-исследовательской работе для студентов организуются экскурсии в архив УрГАУ, государственный архив Свердловской области, государственный архив административных органов Свердловской области.

В воспитательном арсенале нашего музея недавно появилась инновационная технология - квесты. «Осваивая игровое пространство и пребывая в свободном поиске, студенты находят источники информации, осмысливают и перерабатывают её, накапливая знания, учатся применять их в нестандартных ситуациях» [2, с. 65].

К примеру, в ходе квеста «Музей – это интересно» все задания выполняются с помощью взаимодействия с экспонатами музея, содержащими информацию, помогающей найти решение. Данная методика дает возможность студентам выступать в роли исследователей, развивать свои коммуникативные способности, навыки командной работы, расширять знания об истории университета. На этапе «История одного предмета» предполагается работа студентов с историческими источниками. В ходе выполнения данного задания активизируется процесс мышления, отрабатываются навыки самостоятельной работы: определять вид источника, анализировать и извлекать информацию, рассуждать и т.д. [3, с. 344]. Кроме того, здесь присутствует воспитательный момент - студенты видят в музейных экспонатах память об ушедших поколениях, воплощенную в вещах, образах, символах, текстах. Через воспитание бережного отношения к музейным экспонатам прививается уважение к нашему прошлому, формируется интерес к истории как науке [4, с. 57].

Полученные результаты исследований по истории университета используются при создании научных трудов по истории УрГАУ, в подготовке специальных лекционных курсов и семинаров по истории вуза, а также при разработке экскурсионных маршрутов по территории университета. Также в рамках проекта на основе опубликованных научных исследований были созданы и опубликованы на канале YouTube видеоэкскурсии по университету.

Студенты презентуют материалы своей научно-исследовательской деятельности на конкурсах различного уровня (внутривузовский, региональный, всероссийский и т.д.). На ежегодной научно-практической конференции студентов, аспирантов и молодых ученых «Молодежь и наука» исследователи истории вуза получают возможность выступить со своим проектом перед широкой аудиторией. Это заставляет студентов более тщательно прорабатывать будущее выступление, оттачивать свои ораторские способности.

Публикация статей в основном осуществляется в международном аграрном научном журнале «Молодежь и наука», а также в международном научном журнале «Аграрное образование и наука», сборниках материалов научно - практических конференций УрГАУ и других вузов.

Наши студенты принимают участие в областном конкурсе исследовательских и творческих работ «Род Демидовых: документальные свидетельства» (конкурс направлен на возрождение и развитие традиций исторических исследований и сохранение исторических сведений по истории Свердловской области; привлечение обучающихся к исследовательской и творческой работе с

использованием архивных документов), региональном историческом квесте «Что таит город Е?» и др.

Научно - исследовательская работа студентов служит общей цели – формированию высококвалифицированного, творчески мыслящего специалиста, способного самостоятельно решать стоящие перед ним задачи.

Литература

1. Я поведу тебя в музей: Учеб. пособие по музейной педагогике / М.Ю. Юхневич; М - во культуры Рос. Федерации. Рос. ин-т культурологии. - М.: Рос. ин-т культурологии, 2001. 223 с.

2. Санковская О.М. Музей глазами студента: опыт реализации музейной педагогики в вузе// Актуальные вопросы образования и науки. – 2016. N 5–6 (57–58). С. 61-66.

3. Журавлева Л.А., Емельянова С.И., Зарубина Е.В., Синько В.Н. Опыт реализации квест – технологий в образовательном пространстве музея истории Уральского ГАУ // Социально-гуманитарное образование и наука: вызовы современности. Материалы Всероссийской национальной научно-практической конференции / под общ. ред. Л.А. Журавлевой. - Екатеринбург: Уральский государственный аграрный университет, 5 октября 2020 года. С. 340 - 345.

4. Арсланова М.А., Синько В.Н. Работа с историческими источниками как средство активизации познавательной деятельности студентов // Проблемы гуманизации и гуманитаризации образования в России: Материалы I Всероссийской (национальной) научно-практической конференции (26 января 2018 г.). Курган: Изд-во Курганской ГСХА, 2018. С 53 - 58.

Н.И.Сорокина
кандидат пед. наук,
доцент,
кафедра иностранных языков,
Уральский государственный аграрный университет

ДИАЛОГ КУЛЬТУР КАК СРЕДСТВО ФОРМИРОВАНИЯ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОМПЕТЕНЦИИ СТУДЕНОВ

Аннотация. В статье рассматривается значение диалога культур для формирования межкультурной компетенции студентов на основе исследований М.М.Бахтина, В.С.Библера, Ю.М.Лотмана. Определено, что успешному

формированию межкультурной компетенции студентов способствуют единство и взаимосвязь языка и культуры.

Ключевые слова: Язык, культура, диалог культур, межкультурное общение, межкультурная компетенция.

В эпоху культурного обмена и интеграции стран в мировое сообщество возрастает роль межкультурной компетенции, предполагающей межкультурную коммуникацию, осуществляемую на всех уровнях и вовлекающую в процесс общения все большее количество коммуникантов (студентов).

Межкультурная коммуникация – это совокупность различных форм общения и отношений между различными группами, представителями различных культур. Любой культуре для развития необходимо общение, взаимодействие и диалог.

Диалог культур предполагает открытость культур друг другу при равенстве всех культур, признании прав всех культур, признании права каждой культуры отличаться от других, уважение чужой культуры.

Понятие «диалог культур» приобрело важное культурологическое значение в работах М.М. Бахтина и В.С. Библера. По мнению М.М.Бахтина только в диалоге, глядя на себя глазами иной культуры и преодолевая тем самым свою ограниченность и односторонность, любая культура приближается к пониманию себя самой. Культура не может существовать изолированно: глубже и полнее раскрывает себя одна культура в глазах другой культуры, один смысл раскрывает свои глубины, встретившись и соприкоснувшись с другим, чужим смыслом. При таком диалоге культур не происходит смешивания или слияния, а наблюдается сохранение единства и целостности, взаимное обогащение [1, с.134].

Последователь М.М.Бахтина, В.С.Библер, развивая идеи диалога культур, отождествляет понятия «культура» и «диалог культур». По мнению философа, в культуре, как едином организме происходит непрерывное общение в контексте целых исторических эпох. «Такая культура способна жить и развиваться как культура только на грани культур, в одновременности, в диалоге с другими культурами, также ориентированными на выход за свои пределы» [2, с. 67].

Известный литературовед и культуролог Ю.М.Лотман о взаимной заинтересованности участников диалога культур и самих культур писал: «….для выработки общего языка каждый из участников ситуации стремится перейти на «чужой» язык….»[3,с.194]. В контексте семиотического подхода он рассматривал явление культуры как текст, т.е. как совокупность знаковых

систем, которые обладают определенным значением. Познание этого текста, по мнению Ю.М.Лотмана, ведет к познанию и расшифровке культуры.

В своих работах Ю.М.Лотман рассматривает развитие любой культуры не только в ситуации диалога с другими культурами, в «постоянном притекании текстов извне», но и результаты диалога видит в «не тождественных, но пересекающихся множествах». Разработанные Ю.М.Лотманом стадии диалога можно соотнести со стадиями культурного шока, которые проходит человек, столкнувшись с другой культурой. Поступающие извне тексты в начале акта коммуникации имеют облик «чужих», затем, в процессе взаимовлияния культур, они усваиваются, после чего происходит обмен ролями: «культура-приемник, в пространство которой переместился общий центр семиосферы, переходит в позицию культуры-передатчика и сама становится источником потока текстов, направляемых в другие, с ее позиции периферийные, районы семиосферы [4, с. 83].

Ученые, рассматривая проблему диалога культур и межкультурной коммуникации, часто обращались к вопросам изучения роли иностранного языка в этих процессах.Этот интерес вполне оправдан, так как роль языка в процессе общения являлась предметом научного анализа с начала Нового времени. Такие ученые как Д.Вико, И.Гердер, В. Гумбольдт, изучая языковую составляющую межкультурного общения, заложили основы лингвистики.

Изучение связи языка и межкультурного общения позволило ученым двадцатого века установить прочную взаимосвязь между культурой и языком. Язык, являясь одной из важных составляющих любой культуры, выполняет различные функции. Прежде всего, он является кладовой культуры: знания и умения, духовные и материальные ценности накоплены и сохранены в языковой системе как в устной, так и письменной речи. Язык сам выступает носителем культуры, так как из поколения в поколение культура передается с помощью языка. Через язык, который служит инструментом культуры и формирует личность, человек воспринимает культурный образ мира, менталитет, традиции и обычаи своего и чужого народа [5, с. 414].

Таким образом, знание иностранного языка способствует более глубокому познанию народа и культуры другой страны, тем самым создавая предпосылки для развития межкультурного общения [6, с. 9].

Кроме владения иностранным языком, необходимым условием формирования межкультурной коммуникации, является знание культуры родной страны, страны изучаемого языка, а также способность к межкультурному диалоговому общению. Осуществление межкультурного общения, включение студентов в социальную среду, способствующую освоению социального опыта, активное воспроизведение системы социальных

связей ведет к сформированности межкультурной компетенции, а наличие ее ведет к успешной социализации студентов в новой культурной среде.

Литература

1.Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества.М.: Художественная литература, 1979.

2.Библер В.С. От наукоучения –к логике культуры: два философских введения в двадцатый век.М.: Политиздат,1990.

3.Лотман Ю.М. Межкультурная коммуникация: теория и практика: сб.науч. ст. М.:ГУУВШЭ,2000

4.Сорокина Н.И. Межкультурная коммуникация: от обучения к учению. Вестник Уральского государственного университета путей сообщения. 2011 ,№3, с.83.

5. Сорокина Н. И. Диалог – базовая составляющая в развитии личности. В сборнике: Педагогический менеджмент и прогрессивные технологии в образовании. X Международная научно-методическая конференция. Пенза, 2003. С. 414-416.

6. Сорокина Н. И. Английский язык для профессионального общения. Учебно-практическое издание для самостоятельной работы студентов специальности 071800 «Мехатроника» по дисциплине «Английский язык для профессионального общения». Екатеринбург, 2007.

Стахеева Л. М., кандидат экономических наук, доцент,
кафедра бухгалтерского учета и аудита
Уральский государственный аграрный университет;
Горбунова О. С. кандидат экономических наук, доцент,
кафедра бухгалтерского учета и аудита
Уральский государственный аграрный университет;
Пильникова И. Ф. старший преподаватель
кафедра бухгалтерского учета и аудита
Уральский государственный аграрный университет;

ОРГАНИЗАЦИОННО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ И ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Аннотация. Рассмотрены фундаментальные основы предпринимательской деятельности, выделены основные проблемы, которые возникают в ходе её реализации. Проведен сравнительный анализ основных

характеристик организационно-правовых форм, принятых в малом предпринимательстве.

Ключевые слова: предпринимательская деятельность, юридические лица, индивидуальные предприниматели, организационно-правовая форма.

Анализируя фундаментальные основы предпринимательской деятельности необходимо выделить основные проблемы, которые возникают в ходе её реализации. Прежде всего, предпринимательская деятельность строится на организационных, экономических и правовых основах, которые в значительной степени влияют на развитие бизнеса, его функционал, связанный с субъективными правами и юридическими обязанностями. Так же, в эту категорию входит ответственность лиц, входящих в круг управления настоящей организацией. Таким образом, возможно, определить, что основной категорией, которая характеризует организационно-экономические и правовые основы предпринимательской деятельности является организационно-правовая форма, которая используется при регистрации новой организации. От настоящей формы будет зависеть, как и каким образом будет организованно внутреннее и внешнее взаимодействие в организации.

Под внешним взаимодействием необходимо понимать действия организации, связанные с регистрационными, налоговыми моментами, по которым управлению организации необходимо осуществлять взаимодействие с государственными органами.[1] Так же, в настоящую категорию входит взаимодействие с потребителем услуги или товара, которые предоставляет организация. В связи с этим организационно-правовая форма будет влиять на круг лиц, с которыми организация будет осуществлять свою профессиональную деятельность.

Из совокупности настоящих категорий образуется ещё одна особенность, которая будет значительно влиять, на внешнее взаимодействие. Настоящая особенность заключается в цели создания и функционирования организации, которая существенным образом будет характеризовать организационно-экономические и правовые особенности организации.[2]

Анализируя внутренние проявления, необходимо отметить, что ключевым для организации, является круг субъектов, входящих в организацию, а так же способы их взаимодействия. В данном случае, в зависимости от организационно-правовой формы будет, зависеть круг субъектов, которые могут участвовать в управлении организацией. Так же настоящий порядок будет влиять на ответственность лиц, осуществляющих управление. В связи с настоящим, возможно, отметить, что существует значительное различие между

организационно-правовыми формами юридического лица, в особенности, если проводить сравнение между обществом с ограниченной ответственностью и индивидуальными предпринимателями.

Сравнительный анализ основных характеристик организационно-правовых форм, принятых в малом предпринимательстве

Форма	Общество с ограниченной ответственностью (ООО)	Индивидуальный предприниматель (ИП
Участники	Граждане и любые юридические. лица	Гражданин
Ответственность	Участники не отвечают по обязательствам ООО своим имуществом и несут риск в размере внесенных ими вкладов [3]	ИП отвечает всем принадлежащим ему имуществом (кроме того имущества, на которое по закону не может быть обращено взыскание)[3]
Учредительные документы	Учредительный договор, Устав. Если один участник, то только Устав	Нет
Количество участников	1 участник или несколько участников, но не более 100 человек	1 участник или несколько ИП могут объединяться на основании договора простого товарищества (ст.1041 ГК РФ), объединяя вклады и действуя совместно без образования юр. лица
Капитал, имущество	Каждый участник вносит свой вклад в уставный капитал. Уставной капитал разделен на доли. Уставный капитал не может быть меньше 100 МРОТ, т.е. 10 тыс. рублей	Вправе не иметь
Примечания	Высшим органом управления является Общее собрание участников, текущее руководство осуществляет исполнительный орган (единоличный или коллегиальный), подотчетный общему собранию участников. Участник общества вправе продать или уступить свою долю в уставном капитале одному или нескольким участникам общества, а так же третьим лицам, если это не	ИП вправе иметь наемных работников, их количество не ограничено законом

	запрещено Уставом. Участник общества вправе в любое время выйти из общества независимо от согласия других его участников.	
Бухгалтерский учет и отчетность	п. 5 ст. 6 Федерального закона от 06.12.11 № 402-ФЗ о бухучете - могут вести упрощенный бухучет и сдавать упрощенную бухгалтерскую отчетность	подп. 1 п. 2 ст. 6 Федерального закона от 06.12.11 № 402-ФЗ о бухучете - не обязаны вести бухгалтерский учет и составлять бухгалтерскую отчетность.

Резюмируется, что каждая организационно-правовая форма обладает своей совокупностью прав и обязанностей, обусловленных юридической ответственностью, возникающей перед государством и потребителем в силу закона.

Акцентируем внимание ещё на одном принципиальном моменте, которые необходимо осветить при анализе организационно-экономической и правовой основе предпринимательской деятельности. Этим моментом является, способ регулирования вышеизложенной деятельности. В данном случае необходимо использовать термин мульти-правовое регулирование, которое выражается в том, что сфера предпринимательской деятельности как института права не обладает своим кодифицированным источником, который бы мог отражать потребности управленческого сегмента бизнеса. Деятельность каждой организации, в сущности, регулируется обширным количеством нормативно-правовых актов, которые можно разделить на общее и специальное регулирование.[4] Таким образом, в область специального регулирования входят Гражданский кодекс РФ, Конституция РФ и иные законодательные акты РФ, закрепляющие общие положения для организаций. В противовес им существуют налоговый кодекс РФ, уголовный кодекс РФ, кодекс об административных правонарушениях РФ, а так же Федеральные законы РФ, которые регулируют каждую организационно-правовую форму в отдельности.

В связи с подобными факторами возникает значительное количество коллизионных правоотношений, которые в своей сущности затрудняют функционирование предпринимательской деятельности, в особенности, когда организация обладает в своём функционале несколькими видами притока денежных средств.[5] В связи с настоящим охарактеризуем один пример, который продемонстрирует проблематичность использования мульти-правового регулирования. Норма, предусмотренная ст.123.21 ГК РФ устанавливает, что учредитель несёт субсидиарную ответственность по обязательствам автономного учреждения, однако нормы специального

законодательства, а так же нормы ГК РФ по п.6 ст.123.22 определяют отсутствие ответственности учредителя по обязательствам учреждения. Настоящая коллизия носит характер противоречия, и решается в пользу специального законодательства, однако возникает необходимость её устранения, для исключения создания двойственного восприятия законодательства. Разрешить настоящий вопрос возможно следующим образом: убрать из ст.123.21 ГК РФ субсидиарную ответственность учредителя автономного учреждения и учреждения. [3]

Таким образом, резюмируя положения, изложенные выше, можно утверждать, что проблема организационно-экономической и правовой основы предпринимательской деятельности заключается в мульти-правовом регулировании, которое создаёт ряд противоречий. Для упрощения настоящей проблемы необходимо, наиболее детально структурировать законодательство с целью исключения проблем подобного рода.

Литература.

1. Алексеев В.М., Халяпин А.А. Управление закупками для государственных и муниципальных нужд как точная нормативная дисциплина // Экономика и менеджмент инновационных технологий. 2016. № 7 (58). С. 79-81.

2. Горбунова О.С., Шарапова В.М. Меры стимулирования малого бизнеса на территории Свердловской области / Аграрное образование и наука // 2018. - № 3. - С. 7.

3. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ.

4. Шарапова В.М., Кот Е.М., Горбунова О.С., Пильникова И.Ф. Конкурентные стратегии аграрных предприятий // В сборнике: Теория и практика управления сельским хозяйством. Материалы Всероссийской научно-практической конференции, посвященной 80-летию со дня рождения доктора экономических наук, профессора А. Л. Пустуева. – 2019. – С. 369-373.

5. Великанов А. Анализ споров об обжаловании решений о включении хозяйствующих субъектов в реестр недобросовестных поставщиков // Административное право. 2015. № 3. С. 45 - 49.

Д.К.Стожко
кандидат философских наук, доцент,
кафедра истории и философии,
Уральский государственный экономический университет.

ТЕХНОЛОГИЯ БЛОКЧЕЙН И ПРОБЛЕМА ПОВЫШЕНИЯ КАЧЕСТВА УПРАВАЛЕНИЯ ПЕРСОНАЛОМ

Аннотация: В статье рассмотрены вопросы использования технологии бокчейн в системе управления кадрами предприятий АПК. Раскрыты сильные и слабые стороны технологии, возможности ее практического применения с учетом специфики аграрной экономики. Отмечено, что внедрение технологии блокчейн существенно меняет характер системы управления трудовыми ресурсами на предприятиях. Выявлены основные направления для использования данной технологии.
Ключевые слова: блокчейн, неопределенность, предприятие, технология, управление.

Развитие аграрного производства в условиях современной макроэкономической нестабильности и высоких рисков требует разработки и использования инновационных технологий управления. Одной из таких технологий является *блокчейн*.

Ее разработка и использование в целом соответствует задаче повышения устойчивости макроэкономической ситуации и концепции устойчивого социально-экономического развития.

Однако необходимо заметить, что в условиях растущей макроэкономической нестабильности и неопределенности, сложившейся в мире, происходит постепенный переход от прежней модели «бережливого производства» к относительно новой модели «быстрореагирующего производства» (Р. Сури). А это, в свою очередь, ведет к обострению противоречия между необходимостью обеспечения устойчивого положения предприятий, с одной стороны, и необходимостью их ускоренного инновационного развития, с другой стороны. Поэтому любые технологии (а технология блокчейн как раз относится к их числу), направленные на достижение стабильности в работе предприятия (в вопросах управления человеческими ресурсами), одновременно оказываются и определенной преградой для развития новой модели «бизнеса со скоростью мыли» (термин Б. Гейтса).

Данная технология представляет собой непрерывную систему фиксирования данных, которые не удаляются по мере изменения системы, а только дополняются (*blockcain* – в пер. с англ. – *цепочка блоков*). В основе данной технологии лежат три главных принципа: открытость, системность (распределенность) и защищенность. Об этой технологии начали говорить в начале 90-х гг. XX века, но активное ее обсуждение получило развитие только с

2008 г., с появлением биткоина (криптовалюты). Все сделки (трансакции) с этой валютой изначально обозначали термином блокчейн. Позднее этим термином стали обозначать любые трансакции (в том числе и в сфере социально-трудовых отношений), которые основывались на ведении постоянного параметрического банка данных.

По существу, блокчейн – это непрерывное электронное досье, фиксирующее все параметры объекта и сделки с ним. Оно в определенном смысле может быть рассмотрено как клиентская база с тем лишь дополнением, что на каждого потенциального кандидата (клиента) заведено досье, в котором постоянно накапливается (и не уничтожается) информация. Формируется специальная CRM-система – компьютерная программа, цель которой – упорядочить информацию о работниках и клиентах для более эффективного взаимодействия с ними [4, с. 159].

Для эффективного использования данной технологии необходимы определенные условия. Среди них интернет, система защиты, заинтересованность различных сторон в использовании блокчейн, необходимость в техническом обеспечении вычислительной мощности, потребность в едином универсальном подходе к реализации блокчейн, кросс-функциональный характер использования, большие масштабы решаемых проблем, развитие профессиональных сообществ, наличие разных видов блокчейна [3, с. 489].

Развитие технологии блокчейн неизбежно меняет характер системы управления трудовыми ресурсами. И не только персонала предприятия, т. е. функционирующих работников, но и управление потенциальной рабочей силой, сведения о которой уже содержатся в блокчейне. По сути, это определенный электронный банк данных, использование которого может не только существенно ускорить подбор и расстановку кадров, поиск необходимых специалистов, но и, шире, сформировать принципиально новые модели бизнеса.

Применение технологии блокчейн ведет к изменениям в организационной структуре предприятий, а именно:

- минимизируются потребности в содержании части управленческого аппарата, так как отпадает потребность в оформлении документов;
- пропадает потребность в посредниках на рынке (банки, агенты, перевозчики, риелторы, представители и т. д.);
- возрастает уровень доверия при личном участии в трансакции (без посредников), который будет подтверждаться и в дальнейшем;
- появляется возможность использования смарт-контракта, для осуществления единичной (разовой) трансакции.

Наконец, технология блокчейн может использоваться по следующим направлениям:

- проверка и поддержка уровня образования и эффективности работника;
- повышение производительности труда за счет его автоматизации и компьютеризации;
- повышение мобильности персонала и управления им;
- поиск кандидатов на вакантные должности и переговоры с ними;
- противодействие мошенничеству в области организации труда со стороны работников и работодателей [3, с. 491].

Конкретным инструментом при реализации технологии блокчейн становится не обычный трудовой договор, к которому все привыкли, а так называемый «умный контракт» – компьютерный протокол, используемый для оформления трансакции (сделки по трудоустройству) [2].

Подобно «умному дому», в котором все процессы жизнеобеспечения полностью автоматизированы, такой «умный контракт» автоматически предполагает сохранение баланса интересов между работодателем и работником.

Однако использование технологии блокчейн в сфере управления трудовыми ресурсами имеет и определенные недостатки. Во-первых, это потенциальный доступ третьих лиц к личным данным. Хакерские технологии давно сделали такие цепочки блоков слабо защищенными от взлома и проникновения. Соответственно, опубликование каких-либо сведений о том или ином работнике или кандидате на должность может нанести ущерб как самому человеку, так и предприятию. Например, обнародование информации о судимости, пускай даже и погашенной, или о скандальном разводе и т. д. могут обрушить имидж как самого работника, так и предприятия или рейтинг компании.

Во-вторых, накопление устаревшей информации ведет к увеличению ее массива (объема) и усложняет ее обработку. В такой ситуации может возникнуть неопределенность. Принято считать, что неопределенность есть результат недостаточной или несвоевременной информации либо дезинформации. Но точно также неопределенность может возникнуть в силу переизбытка информации и невозможности ее своевременной и качественной обработки (например, при необходимости длительной проверки). Соответственно, меняется и динамика управления трудовыми ресурсами. Затраты времени со стороны менеджмента на проверку и перепроверку большого числа параметров могут привести к потере ценных кадров, либо к их непреднамеренной дискредитации. Появление сомнений или подозрений точно

такой же вирус в системе управления трудовыми ресурсами предприятия, как и открытое недоверие или даже служебное злоупотребление.

Точное определение неопределенности приводят М. Мескон, М. Альберт и Ф. Хедоури, когда утверждают, что «неопределенность внешней среды является функцией количества информации, которой располагает организация (или лицо) по поводу конкретного фактора, а также функцией уверенности в этой информации» [5, с. 118].В условиях растущего объема информации оказывается уже невозможным ее полное освоение и обработка. Пределы информационного бума в рамках цифровой экономики приводят к информационным срывам, когда накопление информации оказывается балластом, который необходимо «сбрасывать». В практике технологии блокчейн такое «информационное сбрасывание» оказывается невозможным, поскольку она нацелена на накопление и не предусматривает уничтожение «устаревающих» информационных блоков. Подобно тому, как в наших жилищах накапливаются ненужные вещи, от которых с трудом приходится затем избавляться, перед технологией блокчейн рано или поздно также возникает проблема очищения от ненужной информации. Способы и методы решения данной проблемы все еще слабо исследованы и разработаны в современной теории и практике управления.

В-третьих, рост масштабов и объемов информации ставит перед системой управления трудовыми ресурсами предприятия острую проблему правильной ее интерпретации. Руководитель должен уметь правильно интерпретировать ситуацию. Необходимо правильно определить, какие факторы являются наиболее важными в данной ситуации и какой вероятный эффект может повлечь за собой изменение одной или нескольких переменных.

Таким образом, накопление информации в случае использования технологии блокчейн создает информационную перегрузку, когда волны информации «захлестывают восприятие», что, естественно, создает новые риски и во внутренней среде предприятия. Эта нагрузка касается:

- состава и количественных показателей трудовых ресурсов предприятия;
- взаимосвязи между формированием и эффективностью использования работников;
- инструментария управления трудовыми ресурсами предприятия;
- условий управления трудовыми ресурсами предприятий;
- критериев принятия управленческих решений;
- соотношения экономических и гуманистических целей предприятия;
- набора, расстановки и аттестации кадров на предприятии;
- сегментации трудовых ресурсов и планирования их использования.

При этом влияние, оказываемое информационной перегрузкой на управление трудовыми ресурсами предприятия, ведет к росту бумажной работы, формализации управления, волоките, а в конечном счете, к диффузии требований, которые администрация предприятия предъявляет своим работникам. Так называемые экстрафункциональные требования, куда входят ожидания, связанные с поведением, не касающихся выполнения конкретных трудовых задач, являются крайне сложными для их развернутого определения [1, с. 886]. Это оставляет широкое поле для волюнтаризма и злоупотреблений со стороны администрации предприятия.

В такой ситуации еще больше возрастают риски и неопределенность. Но и тогда, когда «действие сопряжено с риском, сбор дополнительной информации служит оправданием для бездействия» [7, с. 81]. Тогда видимость работы подменяет саму работу, показательная активность заменяет реальную инициативу, а вместо обновления и развития система управления деградирует и разлагается. Наблюдается феномен симуляции работы. Создается система тотального контроля, основанная на всеобъемлющем учете и сборе максимально полной информации. Ее называют контроллингом, который приобретает все большее значение в связи со следующими обстоятельствами:

- неустойчивостью условий и характеристик внешней среды;
- ростом объема информации и повышением значимости обеспечения оперативных, тактических и стратегических управленческих решений;
- усложнением систем управления;
- повышением интернационализации рыночных отношений и предпринимательской деятельности;
- потребностью практики в комплексной методической и инструментальной базах для поддержки основных функций менеджмента;
- усилением функции координации в процессе подготовки и реализации предпринимательской деятельности [6, с. 108].

На практике сложились три основных подхода к организации контроллинга:

- создание специального структурного подразделения на самом предприятии;
- аутсорсинг, передача функций учета и контроля (полностью или частично) внешним институтам (специалистам, экспертам, специализированным фирмам);
- косорсинг или смешанный вариант.

В связи с этим можно отметить, что динамика развития управления трудовыми ресурсами на предприятиях в современных условиях носит характер единства и борьбы двух противоположных тенденций. С одной стороны, это

тенденция к централизации управления, усилению учета и контроля. С другой стороны, тенденция к развитию трудового и, шире, социального самоуправления, расширению автономии работника. Преобладание той или иной тенденции обусловлено характером и динамикой макроэкономической нестабильности и рисков.

Литература

1. Беа Ф. Экономика предприятия / Ф. Беа, Э. Дихтл, М. Швайцер. – Москва: ИНФРА-М, 1999. – 928 с.
2. Генкин А. С. Блокчейн плюс «умные» контракты: преимущества применения и возникающие проблемы / А. С. Генкин, А. А. Михеев // Экономика. Бизнес. Банки. – 2017. – № 2 (19). – С. 136–149.
3. Долженко Р. А. Перспективы и возможности использования технологии блокчейн в системе трудовых отношений / Р. А. Долженко // Журнал экономической теории. – 2018. – Т. 15. – № 3. – С. 488–495.
4. Ли К. Создание клиентской базы: пошаговое руководство по превращению контрактов в деньги / К. Ли. – Москва: Вершина, 2008. – 360 с.
5. Мескон М. Основы менеджмента / М. Мескон, М. Альберт, Ф. Хедоури. – Москва: Вильямс, 2017. – 672 с.
6. Нечеухина Н. С. Актуальные вопросы моделирования учета в системе контроллинга / Н. С. Нечеухина, В. Н. Шеметов // Известия Уральского государственного экономического университета. – 2012. – № 3 (41). – С. 108–116.
7. Уотермен Р. Фактор обновления. Как сохраняют конкурентоспособность лучшие компании / Р. Уотермен. – Москва: Прогресс, 1988. – 368 с.

Д.К.Стожко
кандидат философских наук, доцент,
кафедра истории и философии,
Уральский государственный экономический университет

ПРОБЛЕМА ВЗАИМОСВЯЗИ ЧЕЛОВЕКА И ТЕХНИКИ В УСЛОВИЯХ ПОСТИНДУСТРИАЛИЗМА

Аннотация: Целью исследования является философская реконструкция и оценка многомерного характера взаимосвязей между социальным творчеством и новой технико-технологической реальностью. На примере диалектики науки

и техники, ноосферы и техносферы в работе раскрывается характер и особенности таких взаимосвязей в условиях современного глобализма, новой научно-технической революции и перехода общества к новому технологическому укладу. Дается анализ понятий «трансгуманизм», «постчеловек» и ряда других терминов, а также результатов современных дискуссий по исследуемой проблематике.

Ключевые слова: наука, техника, технология, технологический детерминизм, техносфера, техноструктура, человек.

Мир стремительно меняется. И в этих изменениях обнаруживаются определенные мегатренды (термин Э.Тоффлера). Одним из таких трендов является растущая роль техники и ее влияния на человека, на все стороны его жизнедеятельности.

Современный человек дано перестал быть естественным. Он является в настоящее время результатом не только и не столько природных, сколько технико-технологических процессов.

Тем самым, роль разного рода технологий (биогенной инженерии, фармацевтики, например) и техник (автоматизированные системы управления, компьютерные сети и др.) оказывает все боле растущую роль на человеческий организм, его сознание и образ жизни.

Проблема взаимосвязи социального творчества (во всех его формах: науки, искусства, культуры, экономики, политики и т. д.) и техники (разного рода технических средств и технологий) давно является одной из наиболее обсуждаемых проблем для многих отраслей философии. Эта проблема рассматривается в социальной философии, философской антропологии, философии культуры, философии техники и др. Связано это с разнонаправленным влиянием техники, техносферы и так называемой «технической реальности» на социальное творчество человека, на всю его деятельность.

Данная проблема восходит своими корнями к временам античности, когда греческий философ Платон высказал мысль о том, что править обществом должны ученые (философы), обладающие «истинным» знанием. С той поры данная проблема прошла разные этапы в своем развитии. Это отражало, в первую очередь, развитие самой науки как важнейшего вида социального творчества: от мифологии, метафизики, алхимии и натурфилософии до современного ее состояния.

В настоящее время наука переживает очередную парадигму в своем развитии, связанную с накоплением огромного массива научных знаний и необходимостью их осмысления и переосмысления. Не случайно, что еще на

рубеже XI – X веков до н. э. легендарный царь Соломон утверждал: «От многой мудрости много скорби, и умножающий знание умножает печаль».

Одним из результатов обсуждения рассматриваемой проблемы в научной литературе стала концепция «технологического детерминизма», смысл которой состоит в том, что именно техника и технология во многом, если не в решающей степени, обусловливают развитие самого социального творчества человека. И хотя собственно термин «технологический детерминизм» появился впервые в работах американского социолога и экономиста Т. Веблена (1857 – 1929), а затем получил свое распространение в работах американских авторов, экономиста К. Айреса (1891 – 1972) и философа Дж. Дьюи (1859 – 1952) и др., но некоторые исследователи связывают его даже с более ранними авторами. Например, с работами К. Маркса (1818 – 1883), который, в частности, указывал, что со временем наука сама превратится в непосредственную производительную силу общества, т. е., по существу, превратится в своеобразную технику и технологию, с помощью которой общество будет решать многие свои хозяйственные (и не только хозяйственные) проблемы.

Как бы там ни было, мотив техники и ее роли в жизни общества прослеживается постоянно в большинстве социальных утопий и научных сочинениях, начиная с выхода в свет знаменитого романа Ф. Бэкона «Новая Атлантида» (1626).

О взаимосвязи творчества (науки, искусства, культуры) и техники (техносферы, технологии, техноструктур) в настоящее время также ведется много обсуждений и дискуссий. Одним из ярких примеров этому стала работа «круглого стола» «Наука. Технологии. Человек», материалы которой опубликованы в журнале «Философия науки и техники» [1, с. 5–49].

В процессе обсуждения появились или были конкретизированы новые идеи и термины о взаимосвязи творчества и техники. В частности, такие понятия, как «постчеловек», «трансгуманизм», «трансдисциплинарность», «полифуркация», «сингулярность», «сайентификация» и др., с помощью которых отдельные участники названного «круглого стола» попытались примирить, казалось бы, непримиримое или, как выражаются философы, «снять» противоречие между влиянием человека на технику и обратное влияние техники на человека. В частности, В. А. Лекторский подчеркнул, что трансформация человека, вызванная влиянием современной техники и технологии, может происходить по-разному. «Можно пытаться трансформировать его с помощью НБИК – технологий (*нано-био-информационно-когнитивных – авт.*), превращая в «постчеловека», т. е., по сути дела, убивая его как человека. А можно осознать тот факт, что развитие культуры, философии, искусства, литературы, науки и было реальным трансформированием человека. То есть развитием его

ценностных представлений, созданием нового «мира человека». И это развитие шло именно по пути гуманизации самого человека и его отношений, а не по пути его расчеловечивания, реальная опасность которого сегодня появляется» [1, с. 9].

Однако это вызвало определенные попытки со стороны других участников дискуссии нивелировать проблему, уйти в область обсуждения более частной проблемы характера и соотношения фундаментальной и прикладной науки, в область функционализма конкретных отраслей науки, понимания физикализма, полезности научных знаний, их экспертизы и т. д.

Так, Д. И. Дубровский попытался «оправдать» идею «трансгуманизма» и формирования «постчеловека» в условиях современной техносферы. Он, в частности, заявил, что, во-первых, надо уточнить ту систему ценностей, которая связывается с понятием гуманизма. На его взгляд, далеко не все ценности гуманизма бесспорны. Кроме того, отнюдь не все ценности конгруэнтны (согласуются) между собой, и уж тем, более соблюдаются.

И, во-вторых, что прежние ценности вполне можно обогатить новыми экзистенциальными смыслами [1, с. 13]. Это будто бы диктуется изменением самой реальности, в которой живет современный человек. Получается, что уже и не человек – творец своего счастья, а та среда (имеется в виду техносфера), которую он создал.

Вопрос об «обогащении» ценностей гуманизма новыми смыслами на том лишь основании, что такие ценности оказываются, по факту, часто прямо противоположными (от десяти заповедей – до «стандартов» однополых браков) вряд ли уместен. Дело в том, что ценности, как известно, бывают разными. Различают абсолютные, функциональные, условные, даже отрицательные ценности. Учение о ценностях (аксиология) имеет давнюю историю. Когда-то Н. О. Лосский, разрабатывая свою онтологическую теорию ценности, отмечал, что ценность – это то, что приближает нас к абсолютной полноте бытия. Он писал: «Полярность ценностей необходимо связана с полярностью симптоматического выражения их в чувстве, прежде всего в чувстве удовольствия и страдания. Точно также полярна и реакция воли на ценности, выражающиеся во влечении или отвращении» [2, с. 287].

При этом не следует смешивать разные типы и виды ценностей при объяснении гуманизма и, тем более, взаимоотношений между наукой и техникой. Сравнивать необходимо только те ценности, которые имеют равный статус. Например, абсолютные ценности (между собой), но никак не с функциональными или еще какими-то иными ценностями.

Сравнение ценностей - вещь вполне естественная, поскольку система ценностей иерархична. В этом отношении заявление о том, что «абсолютизация

ценности какой-либо одной ветви человеческой деятельности неизбежно приводит к деформации в других» [1, с. 17] вызывает серьезное возражение. Несмотря на свою иерархичность, абсолютные ценности для всех «других ветвей» человеческой деятельности (в том числе и технических), сохраняют свой высший ценностный ранг во всей его полноте. Абсолютные ценности потому и являются абсолютными, что они имеют универсальное значение и высший (абсолютный) ранг во *всех* видах человеческой деятельности.

Как видно из материалов дискуссии, основным вопросом в ней стал все-таки вопрос не о соотношении науки и техники, а вопрос о власти, которой обладают наука и техника. Сожаления по поводу несбывшейся платоновской идеи о том, что «править должны философы» или бэконовской мысли о том, что «наука – это сила» привели участников дискуссии к вопросам о том, «как управлять» и «чем можно управлять» в сфере социального творчества.

Была высказана мысль о том, что управлять наукой нельзя, что она сама должна управляться (самоуправляться) на основе своих собственных импульсов и законов саморазвития. Отсюда взаимоотношения между наукой и техникой в плоскости «ученый – политик» иллюстрируют тот простой факт, что «ученый и политик мыслят абсолютно по-разному. Поэтому ученый или эксперт не могут заменить политика. И поэтому политик часто не может понять ученого» [1, с. 46].

Литература

1. Наука. Технологии. Человек. Материалы «круглого стола» // Философия науки и техники. 2015. Т. 20. № 2. С. 5–49.
2. Лосский Н. О. Ценность и бытие // Лосский Н. О. Бог и мировое зло. М.: Республика, 1994. – 432 с.

Д.К.Стожко
кандидат философских наук, доцент,
кафедра истории и философии,
Уральский государственный экономический университет;

КИЗИС ЛИЧНОСТИ В УСЛОВИЯХ СОВРЕМЕННОГО ПОСТИНДУСТРИАЛЬНОГО ОБЩЕСТВА

Аннотация: в статье дан социально-философский и антропологический анализ современной техносферы и ее влияния на личность. реконструкция и оценка многомерного характера взаимосвязей между социальным творчеством

и новой технико-технологической реальностью. Особое внимание обращено на изменение характера и динамки развития науки и ее влияния на общество. В частности, в области биотехнологий.

Ключевые слова: наука, техника, технология, технологический детерминизм, техносфера, техноструктура, человек.

Современная научная и техническая революция ознаменовали переход общества к новому технологическому укладу. Суть его состоит в вытеснении человека не только из сферы экономики, но и из сферы управления и замена его машиной. Пусть и высокотехнологичной, но все-таки машиной.

Тем самым, личность оказывается один на один с современной техносферой. У нее остается все меньше союзников и друзей в «противостоянии с машинами». Она уже не мыслит себя без смартфона, планшета, Интернета, навигатора, часто попадая в самую тривиальную зависимость от них. Здесь любой сбой в функционировании техники может оказаться фатальным для индивида.

Кроме того, все больше растет социальное одиночество, начинает распадаться само общество как таковое, которое уже вроде бы даже и «не существует» (М.Тэтчер). Этот сценарий, достойный триллеров А.Хичкока - не отвлеченная метафора, он все чаще наблюдается в условиях нынешнего, уже «цифрового общества». И тут нечему удивляться, поскольку цифровизация - это результат развития самой техносферы и конкретного состояния общества. Это своеобразный вызов техники - человеку, подобный тем, о которых писал Дж.Тойнби, возводивший такую взаисмосвязь конкретных реальностей в закон исторического развития [1, с.89-148].

Но наивно думать, что только масштаб техносферы и исключительно усложнение функционирующих техноструктур побудили человека пойти по пути оцифровки информации. Или, что человек сам, свободно, полностью осознанно и независимо, пошел на такую цифровизацию всей практики социального творчества. В конце концов, можно было бы отказаться от многих достижений техники и технологии. Ограничить свои потребности, остаться в рамках модели «бережливого общества», соблюдать принцип умеренности и т.д. Жить, опять же, строго по А.Тойнби, в рамках парадигмы «Уход - Возврат» [1, с.240]. Например, отказаться полностью от экологически «грязных» технологий, от практики использования ГМО, от клонирования самого человека. Но ведь не отказались же. Продолжаем идти по гибельному сценарию накопления богатства, которое называется «естественным капитализмом» и отождествляется с «инвестициями, фабриками и оборудованием» [2, с.25] А это тотальное «накопительство» да еще с помощью

техносферы вполне может привести к так называемому «надлому цивилизации» [1, с.240-274].

Поэтому, «восхитившись триумфом природы и человека, задумаемся над смыслом таких словосочетаний, как «машинное производство», «механическое движение», «механическое поведение», «машина». Здесь явно просматривается не идея триумфа жизни над материей, но, напротив, господства материи над жизнью» [21, с.249].

Возникает такое впечатление, что техника как бы «загипнотизировала» и увлекла в свой мир самого человека, точно так же как это иногда делает наука, когда ученый осуществляет поиск нового и «истинного» знания. Не важно, будь то «элексир долголетия» - волшебное средство Макропулоса, или «философский камень» средневековых алхимиков, или даже «perpetuum mobile» - «вечный двигатель» - поиск «истинного знания» постоянно присутствует не только в истории науки, но и в истории техники. Вспомним хотя бы историю с гиперболоидом инженера Гарина (А.Н.Толстой). Или историю про подводную лодку «Наутилус» легендарного капитана Немо (Ж.Верн). Есть и вполне реальные примеры: Н.Тесла и его поиск мифического эфира.

Но разница в этих влечениях все-таки есть. В одном случае мы видим культ материальных факторов (и не только денег, богатства, но и техники, технологии). В другом случае - это культ знания, истины, духа, абсолютных ценностей человеческого бытия. И хотя культ сам по себе это крайность, но все-таки культ культу - рознь. В связи с этим крайне актуально звучат в XXI веке суждения русского экономиста и философа Н.С.Булгакова, сформулированные им еще в 1910 г. в отношении культивирования материальных благ: «Та особая и неотразимая жизненная правда, что приоткрылась и интимно почувствовалась с такой серьезной и горькой искренностью нашей современностью, делает экономический материализм в известном смысле неопровержимым. Он не может быть просто отвергнут или опровергнут, как любая научная теория. Он должен быть понят и истолкован - не только в своих явных заблуждениям и слабых сторонах, но и в том вещем содержании, которое через него просвечивает. Он должен быть *внутренне превзойден* как философское «отвлеченное начало» [3, с.7].

Современное общество еще крайне далеко от такого «внутреннего преодоления» материального фетишизма, культа науки, техники, технологии. Оно все еще «очаровано» тем «вещим» смыслом, который рисует ему этот культ: обретение полной власти над природой, бессмертия, абсолютной свободы… Но это - все-таки мифология, «песнь сирен», подобная тем, с

помощью которых когда-то завлекали Одиссея в западню певицы заколдованного острова.

Поэтому необходимо помнить о том, что, сколько бы человек не передоверял технике функции производства, управления, стимулирования, мотивации, распределения и контроля, цифровизация науки и техники, сама по себе, не дает человеку никаких гарантий его безопасности и благополучия. Уже около полувека прошло с момента появления так называемых «экспертных систем управления» информацией, знаниями и различными технологическими процессами («DENDAL», «Mycin», «PROSPECTOL»). За это время появились десятки новых «экспертных систем» управления информацией, ее накопления, оцифровки, использования: «CIRUS», «MEDIATOR», «CHEF», «PERSUADER», «CASEY», «JULIA» и др. Но все они оказываются мало эффективными. «Эксперты» все чаще принимают управленческие решения не на основе рекомендаций таких систем, а интуитивно [4, с.14].

Это говорит только о том, что техносфера даже в своей наиболее совершенной - оцифрованной - форме не создает и не задает таких ценностей, которые бесспорны для человека. Наоборот, она нацелена, прежде всего, на математический расчет рациональности. На оценку соотношения затрат - результата, коммерческой полезности (прибыли, рентабельности) таких ценностей. В частности, знаний, информации, техники, технологии. Сам человек часто оказывается за рамками таких расчетов, рассматривается как «погрешность», «допустимые потери» в применении (использовании) техники или технологии. Неслучайно говорят, «гибель одного человека - трагедия, гибель миллионов - статистика».

И что тревожит больше всего, так это то, что «чем более рациональным, продуктивным, технически оснащенным и тотальным становится управление обществом, тем труднее представить себе те средства и способы, посредством которых индивиды могли бы сокрушить свое рабство и достичь собственного освобождения» [5, с.9].

Здесь-то и проявляется во всей своей остроте вопрос о том, какое знание истинное? Либо то знание, которое формируется независимо от его полезности и соответствует только объективной реальности? Или, это - то знание, которое обладает полезностью и соответствует субъективной реальности? И как «привить» машине (технике) способность к самонаучению? Иначе говоря, способность к сочетанию истинного знания и полезного знания, способности к блокировке производства на основе «вредного» (опасного, несвоевременного, неполного и т.д.) знания в рамках сложившейся технической реальности?

Иначе говоря, что нужно сделать для того, чтобы даже современное оружие, направленное на человека, блокировалось бы и не могло его убивать даже

тогда, когда оно кем-то на человека наведено? Какие микросхемы, чипы или иные «стабилизаторы» для этого необходимы? Ключевым условием для развития наиболее благоприятного сценария функционирования техносферы для человека пока остается сам человек, его культура, нравственность, мораль, совесть. Их не переложишь на денежный эквивалент, не сделаешь предметом финансовой калькуляции. Это - «нематериальные активы», как модно сегодня выражаться. Вот они и должны оставаться *активами*, в строгом смысле этого слова.

На этот счет Н. Виннер когда-то писал: «Любая машина, созданная в целях выработки решений, если она не обладает способностью научения, будет совершенно лишена гибкости мысли. Горе нам, если мы позволим ей решать вопросы нашего поведения… Для человека переложить проблему своей ответственности на машину независимо от того, будет ли она способна к научению или нет, означает пустить свои обязанности с ветром и видеть, что они возвращаются ему бурей» [6, с. 215].

Сценарий известного американского фильма «На крючке» прекрасно проиллюстрировал возможность такой «бури», когда взбунтовавшийся компьютер попытался устранить всю «политическую верхушку» в США и захватить власть в стране для того, чтобы уничтожить все человечество.

К несчастью, главный тренд в развитии современного искусственного интеллекта состоит как раз в том, чтобы машина не имела нравственных критериев в своей работе, не обладала способностью к научению, а только реализовывала уже заданные компьютерные программы и основывалась на предоставленной ей базе данных. Выяснить подлинные интересы человека, его потребности и чаяния и, соответственно, действовать в согласии с ними никакой робот или компьютер даже «не обязаны».

А, соответственно, оказывается необязательным и для профессиональных работников, обслуживающих техноструктуры (назовем их «технитами») думать и заботиться о потребностях и чаяниях людей. Работала бы техника. Тот же печатный денежный станок или промышленный конвейер.

Если говорить о необходимости разрешения диалектического противоречия, складывающегося между наукой и техникой и проявляющегося в вопросе о том, кто является главным в контексте их взаимосвязей (человек или машина), то данное противоречие предполагает несколько сценариев собственного разрешения. Оно может быть снято радикально. Например, захватом власти над человеком машинами. Этот сценарий широко представлен в голливудских блокбастерах. Либо отказом от достижений техногенной цивилизации, подобно луддизму. Эту дилемму можно, по аналогии с историей про юного Аладдина, назвать «дилеммой лампы». Смысл ее состоит в том, что бы ответить на

вопрос: кто должен ради исполнения своих желаний стать «рабом лампы»: добрый человек (сам Аладдин), злой человек (Джафар) или джин? В этой истории происходит чудесное разрешение сложнейшего вопроса: никто, в конечном счете, не становится «рабом лампы». Аладдин получает свою Жасмин, джин – свободу, а Джафар изгоняется из города.

«Изгнание» из сферы социального творчества «джина техники» – идеологии технологического детерминизма, на который возлагается слишком много необоснованных надежд (например, по созданию «общества всеобщего изобилия», «экономики всеобщего благосостояния», «экономики счастья» и др.) – это объективная необходимость. Абсолютизация или идеализация информационных технологий, «экспертной власти» или инновационной экономики – это из области такой «идеологии». Такая «идеология» сродни «информационной бомбе», которая взрывается в самой гуще людей, осыпая нас шрапнелью образов и в корне меняя и восприятие нашего внутреннего мира, и наше поведение» [7, с.267].

Эта «проктопия» или «утопическая идеология» должна быть заменена другой идеологией, более адекватной реальности, а именно идеей соблюдения динамического равновесия между наукой и техникой, социальным творчеством и техносферой. Смысл такого динамического равновесия состоит в постоянном воспроизводстве самого человека, общества, повышении их социальной безопасности, а, следовательно, и социальной ответственности по отношению к самим себе и к будущим поколениям. Отсюда следует, что любые виды техники и технологии, которые не могут быть использованы ради такого воспроизводства, которые несут в себе угрозу уничтожения их творца, должны быть запрещены, а их разработка остановлена. Здесь не может быть места для рассуждений о любви к «истинному» научному знанию, знанию «самому по себе». Подобный «перфекционизм» всегда лишь умозрителен и представляет собой одну сплошную иллюзию.

Известная платоновская формула «ты мне друг, но истина дороже» требует в современных условиях более адекватной формулировки: «истина мне дорога, но друг дороже». «Друг» как человек, как соратник. В этом, в оценке человека и его жизни как высшей ценности, собственно, и заключается ключевая идея гуманизма. Без всяких поправок на «транс», «гипер» или «супер».

Противопоставляя человека и технику, человека и науку, науку и технику, можно оказаться в «капкане веры». История, случившаяся с кардиналом Монтанелли, служит яркой иллюстрацией губительности такого противопоставления. В романе «Овод» (Э.Войнич) отец предает своего сына ради веры в Бога, а затем сходит с ума от горя и прозрения. Современный

человек, ради веры в технику, предает, порой, сам себя. Где он окажется после этого? Что с ним будет? И будет ли он после этого вообще?...

В этой связи, вспоминаются известные слова: «Какой смысл в том, что ты обретешь весь мир, но потеряешь свою бессмертную душу?» (Евангелие от Матфея, 16:26).

Наука и техника представляют собой ценность не сами по себе, а исключительно в их приложении к безопасному существованию и благосостоянию людей. Для осознания этого и для отказа от технологического детерминизма, культа техники, равно как и так называемой «чистой» науки следует еще сделать очень многое.

Литература

1.Тойнби А. Постижение истории: пер. с англ.М.: Прогресс, 1996. - 608 с.

2.Хокен П., Ловис Э., Ловис Х. Естественный капитализм. Грядущая промышленная революция: пер. с англ.М.: Наука, 2002. - 459 с.

3.Булгаков С.Н. Философия хозяйства. М.: Наука, 1990. - 412 с.

4.Авдеенко Т.В., Алетдинова А.А. Цифровизация экономики на основе совершенствования экспертных систем управления знаниями // Научно-технические ведомости Санкт-Петербургского государственного политехнического университета. 2017. № 1. С.7-18.

5.Маркузе Г.Одномерный человек. Исследование Идеологии Развитого Индустриального Общества: пер. с англ. М.:REFL-book, 1994. - 368 с.

6.Виннер Н.. Творец и будущее: пер. с англ. М.: АСТ,2003. – 732 с.

7.Тоффлер Э. Третья волна: пер. с англ. М.: АСТ, 1999. - 784 с.

К.П.Стожко
доктор исторических наук, профессор,
кафедра философии,
Уральский государственный аграрный университет;
В.М.Князев
доктор философских наук, профессор,
кафедра философии, культурологи и акмеологии,
Уральский государственный медицинский университет

КУЛЬТУРА И ЭТНИЧЕСКАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ

Аннотация. В статье дается комплексный анализ проблемы сохранения этнической идентичности и ее связи с национальной культурой. На основе известной теории этногенеза Л.Н.Гумилева раскрыта связь между состоянием этнической идентичности народа и уровнем его культурного развития. Показан вред попыток замещения национальных фундаментальных ценностей в культуре народа импортными чуждыми этносу ценностями.

Ключевые слова: аксиология, бинарность, идентичность, комплиментарность, культура, пассионапрность, социум, этногенез, этнос.

Проблема этнической идентичности в настоящее время становится все более актуальной в свете разворачивающихся межнациональных конфликтов (Нагорный Карабах, Украина, курдский вопрос в Турции и т.д.).

В структуре этнической идентичности обычно выделяют два основных компонента: – когнитивный (знание, представление об особенностях собственной группы и осознание себя ее членом на основе этнодифференцирующих признаков, «Я знаю, что я ханты»); – аффективный (оценка качества собственной группы, отношение к членству в ней, значимость этого членства). Так, например, совершенно очевидно, что принадлежать к русскому этносу в России престижнее, чем быть мари, представителем мордовского народа или ханты, но не только. Быть ханты или манси не престижно, но выгодно из-за определенных социальных льгот. Не секрет, что именно по этой причине численность коренных малочисленных народов из года в год по статистике значительно возрастает [1, с.8].

События на Украине как никакие иные свидетельствуют о важности этнической идентичности, ее связи с культурой личности и общества, в том числе и с хозяйственной культурой. «Упразднение» киевской «хунтой» русского языка, преследование русских людей в этой стране говорят сами за себя. В современном лексиконе украинцев появились новые и реанимированы, казалось бы, ушедшие в прошлое, термины: «колорады», «бандерлоги», «москали», «кацапы» и т.д. Политические «лидеры» новой Украины предлагают «поливать» русских из ядерного оружия, вешать. Кровавые события в Одессе, Мариуполе, Волновахе, Славянске, Краматорске, Донецке, Луганске и других городах лишь подтверждают мысль о том, что этническая принадлежность десятков миллионов украинских граждан к русскому миру, русскому этносу, русскому народу не устраивает украинских националистов, пошедших ради создания «унитарной этнической идентичности» на геноцид против собственного народа.

А что же Россия? Как она защищает эту самую этническую идентичность русских людей в Украине? Призывами к странам Евросоюза и США помочь

прекратить «антитеррористическую», а по сути – карательную операцию? Ввела собственные войска для защиты русских людей в Новороссию? Закрыла воздушное пространство для военной авиации? Нет, она торгуется с бендеровцами о цене на газ, а ее олигархи продолжают делать деньги на крови русских в Украине. И то правда: свояк своякa видит издалека. Что российским олигархам сотни и тысячи убитых русских людей! И хотя их «коллеги» в Украине мошенничают, платят с опозданием, не в полной мере, но российский газ ведь для них – *халявный*, «*прихватизированный*», *даровой.* Среди нашего российского бомонда столько тех самых акционеров, которым дивиденды застилают глаза, что вопрос об этнической идентичности, о судьбах русского мира, о которых так красиво высказался по случаю вхождения Крыма в состав России ее Президент, даже не стоит. Воистину, выражаясь словами В.Шекспира, «чума на оба ваши дома»!

Тем не менее, проблема есть. И проблема эта – актуальна не только для нас. Она актуальна для всех людей, которые хотят быть свободными и хотят жить на своей родине, а не быть вынужденными эмигрантами. Этническая идентичность отвечает на вопрос о национальной принадлежности самой личности. В условиях глобализации современного мира и взаимодействия национальных культур этот вопрос приобретает особое значение.

Понятие *этноса* ввел в научный лексикон Л.Н.Гумилев. До него большинство исследователей оперировало терминами государство, классы, нация, племя, народ, коллектив, социальная группа. Л.Н.Гумилев обратил внимание на то, что «термин «этнос» очень пригоден для того, чтобы им обозначать сообщества, на которые распадается человечество» [2, с.38]. Этнос, по мнению Л.Н.Гумилева, – это единица измерения исторического времени, своеобразная историческая секунда, которая определяет направление и ход естественного исторического процесса. Этнос – это «форма существования вида *Homo sapiens* и его особей, которая отличается как от социальных образований, так и от чисто биологических характеристик, какими являются расы» [2, с.42]. Раса различает людей по анатомическим, биологическим признакам: цвет кожи, разрез глаз, форма черепа и т.д. Каждый этнос, по Л.Н.Гумилеву, «состоит из двух и более расовых типов». Он писал: «Многорасовых этносов я не знаю ни одного. Если же они составляют единый расовый тип, то это в результате довольно длительного отрицательного отбора, а вначале они всегда состоят из двух и более компонентов» [2, с.45]. Этнос не совпадает с популяцией. В этносе всегда есть брачные ограничения, которых нет у популяции, например, мух или мышей. Этнос не является ни биологическим, ни социальным явлением. Этнос – это понятие географическое, связанное с определенным ландшафтом, который кормит адаптированный к

нему этнос. Для Л.Н.Гумилева история – это процесс происхождения и исчезновения этносов (этногенез), а этнос – это «замкнутая система дискретного типа – корпускулярная система. Она получает единый заряд энергии и, растратив его, переходит либо к равновесному состоянию со средой, либо распадается на части» [2, с.60]. По его мнению, именно такие системы существуют в биосфере. Это «природные коллективы людей с общим стереотипом поведения и своеобразной внутренней структурой, противопоставляющие себя («мы») всем другим коллективам («не мы»). Это как раз тот механизм, при помощи которого человек влияет на природу, воспринимает ее составляющие и кристаллизует их в свою культуру» [2, с.60].

По мнению автора, люди объединяются по принципу *комплиментарности.* Под нею Л.Н.Гумилев понимал неосознанную симпатию к одним людям и антипатию к другим. Первоначальный этнос, по его мнению, создавался именно так. Как только принцип *комплиментарности* заменялся принципом *всеобщности*, система (этнос) испытывала удар и деформировалась.

Л.Н.Гумилев считал, что патриотизм и комплиментарность – явления одного порядка, ибо внутри этническая комплиментарность является мощной охранительной силой. Но при этом он предупреждал, что в этом явлении необходимо знать меру, ибо, увлекшись патриотизмом, можно ненавидеть и отрицать все чужое. А это может привести к шовинизму.

На человека, как и на все живые организмы, оказывают влияние физические и биохимические силы биосферы. Опираясь на учение В.И.Вернадского о биохимической энергии живого, Л.Н.Гумилев пришел к выводу о том, что энергия в ходе исторического развития распределялась в разных регионах и в разные эпохи далеко не равномерно. Это сказалось на формировании характера, на поведении, на менталитете тех или иных людей, народов, этносов. Эффект, производимый вариациями энергии на них, автор назвал *пассионарностью.* «Пассионарность, – писал Л.Н.Гумилев, – это характерологическая доминанта, необоримое внутреннее стремление (осознанное или, чаще, неосознанное) к деятельности, направленной на осуществление какой-либо цели (часто иллюзорной). Заметим, что цель эта представляется пассионарной особи иногда ценнее собственной жизни, а тем более жизни и счастья современников и соплеменников» [2, с.71].

Из приведенных суждений Л.Н.Гумилева следует, что происхождение этноса связано по существу с определенным ценностным выбором, который осуществляет тот или иной народ, проживающий на той или иной территории. Этот ценностный выбор затем закрепляется в виде системы и иерархии ценностей, которые составляют определенный духовно-нравственный код этноса.

В истории философской мысли были ученые, которые отвергали эту идею и стремились сформировать концепцию «единого человека», «универсального человека». В основу своих теоретических конструкций они закладывали идеи дезидентификации личности. Эвристическую основу конструирования такого «абстрактного» человека составляли положения: почвы нет, народа нет, национальность – это только известная система податей, душа – *tabula rasa* [3].

Ярким представителем этого направления был Ф.Ницше, для которого человек был «самое больное и уродливое среди животных существо» [4].

Однако, этническая идентичность от таких попыток конструирования «сверхчеловека» ничуть не становится менее актуальной. Дело в том, что личность существует в определенной социальной среде, в которой она вынуждена делать выбор. И этот выбор носит ценностный характер. Это выбор между культурой и дикостью, между цивилизацией и варварством. При этом для личности, как и этноса, постоянно присуща бинарность мышления, некая антитеза «мы – они», «свои – чужие». Идентификация как раз и есть соотнесение внутреннего «я» личности с одним из полюсов этих бинарных оппозиций и восприятие собственной сопричастности, соучастия, принадлежности к нему. Этнос – это «только та культурная общность людей, которая осознает себя как таковую, отличая себя от других аналогичных общностей» [5]. Подчеркнем в этом определении слово «*культурная*», поскольку находились исследователи, которые пытались объяснять этнос другими сущностными признаками. Например, еще в XIX веке М.Тэн главным фактором считал окружающую среду (ландшафт) [6]. Конечно, этническая самоидентификация личности связана с тем, что ее сознание обращено к определенному месту в пространстве, где она рождается и проживает разные фазы своей жизни. Но этим не исчерпывается этническая самоидентификация. Больше того, она и не замыкается на этом сугубо пространственном факторе. Потому что самосознание как способ восприятия себя в этом пространстве вовсе не ограничивается физическим пребыванием индивида в строго определенном месте. Так, люди, находясь за тысячи километров от своей исторической родины, отождествляют себя с нею ментально, физически же они находятся вне нее. Поэтому представления М.Тэна и его сторонников – это географический детерминизм. К правосознанию такой детерминизм имеет самое прямое отношение, поскольку ментальное восприятие своей этнической принадлежности трансформируется в переживания и беспокойство о своей исторической родине, о малой родине. Из этих переживаний вырастает собственное представление о том мироустройстве, которое личность желала бы видеть для своей родины. И здесь, конечно, особое место занимает уже не географический момент, а культура. Что же касается первого, то «хотят того

сторонники географического детерминизма или нет, но природа под их пером превращается в своего рода «козла отпущения» и на нее возлагается вина за культурную и экономическую отсталость, за недостатки политического и общественного устройства страны» [7].

Этническая самоидентификация, как отмечал еще Н.Я.Данилевский, осуществляется самосознанием личности по четырем направлениям: в области религиозной деятельности; в области культурной деятельности; в области политической деятельности; в сфере общественно-экономической деятельности. На основании совокупности указанных направлений Н.Я.Данилевский различал и разные типы цивилизаций: одно-, двух-, трех- и четырех- основные. Славянскую цивилизацию он относил к трех- основной, полагая, что в ней особую роль играет именно личное правосознание, с которым государственное право не просто должно, а обязано считаться [8]. Отсюда следует, что именно личное правосознание было и остается той последней инстанцией, которая определяет реальность государственного права и правового сознания людей. Именно личное правосознание, проходящее через горнило этнической самоидентификации, обретает *нравственное* основание быть тем камертоном, который отличает фальшивые правовые нормы, навязанные народу бюрократией, от подлинного государственного права, который человек выбирает сердцем и душой. Иного просто не дано. И именно на этой основе появляется то, что Л.Н.Гумилев называл *пассионарным* напряжением.

Этногенез, по мнению Л.Н.Гумилева, представляет собой «весь процесс становления этноса от момента его возникновения до исчезновения или перехода в состояние гомеостаза» [2, с.91-92]. Он начинается с толчка, чаще всего с микромутации или мутации. Но мутируют только отдельные особи. Чтобы возник этнос необходима пассионарность членов всей консорции. Пока мы можем говорить только «о тенденции к подъему или спаду, о большей или меньшей степени пассионарного напряжения» [2, с.92]. По его наблюдениям, инкубационный период, т.е. период от начала и до конца пассионарного толчка, составляет около 150 лет. Но эти рамки касаются этноса в целом. Пассионарная личность может формироваться гораздо быстрее, поскольку импульсы к росту ее социальной активности определяются рамками этнической самоидентификации. А они могут быть гораздо меньше.

Это связано с конкретными фазами (этапами) этногенеза. Л.Н.Гумилев, например, выделял следующие фазы этногенеза: исходную, подъема, акматическую, надлома, инерционную, обскурации, мемориальную и вырождения.

На процесс этнической самоидентификации индивида влияет *пространство* и *время.* Пространство – это этническое и ландшафтное окружение, уклад жизни, формы хозяйства, связи с соседями, что влияет на характер культуры данного этноса. Время в данном случае – фаза этногенеза и этнического окружения. Кроме времени и пространства, этнос имеет и третий компонент – *энергию*. В ходе пассионарного развития энергия, ее сила определяет ход и направление этногенеза. Она идет на создание всех культурных ценностей (книг, скульптур, идеологических концепций и т.д.) и политическую деятельность (управление государством, создание территориальных структур, городов и т.д.). Но, как и везде, пассионарная энергия имеет два полюса (биполярность). При этом поведенческая доминанта этноса может пойти в сторону усложнения или упрощения систем. Определителями направления доминанты являются философские и социально-политические учения, которые позволяют отличить положительную систему от отрицательной, найти смысл жизни в той или исторической ситуации.

Акматическая фаза этногенеза, по версии Л.Н.Гумилева, кратковременная. «Перегревы в акматической фазе, - писал Л.Н.Гумилев, сменяются временными спадами, когда правительствам удается навести кое-какой порядок. Но следующая вспышка пассионарности ломает установившиеся нормы, и регион событий опять становится ареной соперничества страстных и отчаянных персон» [2, с.237]. Внешне этот спад пассионарного напряжения малозаметен. Он может показаться даже прогрессом, так как ему сопутствуют успехи в хозяйственной и культурной деятельности. При наличии способностей люди могут самовыражаться в науке, искусстве, технике, тем более, что спад пассионарности идет медленно. Наступает период «посредственности», а процесс умиротворения становится долгим и мучительным. Появляются мученики и жертвы. Этическая система начинает постепенно меняться. После *акматической* фазы наступает пассионарный *надлом*, при котором все развитие этногенного процесса видоизменяется. Иногда система распадается на две-три, и их различия все более усиливаются, а сходство отступает на второй план. В процессе снижения пассионарности к руководству системами приходят люди, которые не всегда чувствуют, что система уже дает сбои. Их эгоистическая этика создает новый стереотип поведения родовым членам этноса, которые упрощают и ослабляют этническую систему.

В упрощенной системе происходит выброс свободной пассионарной энергии. Она может проявиться во всплеске интеллекта, реформаторской или творческой деятельности. Но так как не все люди имеют свособности к творчеству, а «пассионарность – феномен популяционный», то там, где обнаружились слабые места, люди могли браться и за оружие. В такой период

вызревают «реформации» и они являются как бы «индикаторами надлома». Так было во многих европейских, азиатских и других странах. В такие времена происходят революции, перестройки, гражданские войны, реформы. Л.Н.Гумилев квалифицировал фазу надлома как возрастную болезнь этноса, «которую необходимо преодолеть, чтобы иметь иммунитет. Этнические коллизии в предшествующей – акматической и последующей – инерционной фазах не влекут столь тяжелых последствий, ибо не сопровождаются столь резкими изменениями уровня пассионарности, как при надломе» [2, с.265].

После фазы *надлома* наступает *инерционный* период, который Л.Н.Гумилев квалифицирует как расцвет той или иной культуры и хозяйства. В этой фазе формируется новый идеал, «отвлеченный идеал человека, на которого следует равняться и которому следует подражать (…) В Англии общезначимым стал идеал джентльмена; в Византии – идеал святого; в Центральной Азии – идеал богатыря; в Китае – просвещенного крестьянина, грамотного и читающего философские книги» [2, с.305]. Эту фазу этногенеза он называет *золотой*, так как в этот период люди собирают плоды, наслаждаются покоем, расширяются территории государств, появляются выдающиеся мыслители, писатели, деятели искусства. Но Л.Н.Гумилев подчеркивает, что в этот период незаметно, постепенно в обществе начинает убывать пассионарность. Инерционный период, таким образом, имел как достоинства, так и недостатки. В это время появляется у европейцев страсть к колониальным захватам, так как фазу надлома не всем удается благополучно пережить. Это «возрастная болезнь этноса», эпоха торжества обывательского цинизма. В это время обыватель, понимая, что война – дело рискованное, направляет свои усилия на преобразование природы. Лозунг «человек – царь природы» приводит к тому, что с нее, как пишет Л.Н.Гумилев, стали брать дань «спокойно и планомерно». Особенно в этом преуспели европейцы в Северной и Южной Америке, где они уничтожили не только природу, но и коренное население – индейцев.

Л.Н.Гумилев пишет, что «то, что европейские эволюционисты называют «цивилизацией», а мы «инерционной фазой этногенеза», не так уж безобидно и прогрессивно. Оказывается, что за все надо платить. И везде, где проходила инерционная фаза, цивилизация пилила сук, на котором сидела» [2, с.335]. И за этим появляется новая фаза, происходит смена фазовых императивов.

Новый этап развития этноса называется фазой *обскурации.*В этот период люди субпассионарного уклада постепенно создают прослойку в этносе, которая подвергает сомнению трудолюбие, интеллектуальные успехи. Наблюдается снижение качества самой деятельности людей и ее результата в науке, искусстве. Появляются коррупция, невежество, беспринципность. Некоторые этносы даже не доживают до этой стадии, поскольку гибнут он

указанных недостатков еще в процессе перехода к ней. Субпассионарии вытесняют гармоничных особей, которые были провозглашены лидерами и определяли общественный идеал в предыдущей инерционной фазе. Но сами субпассионарии не способны к сосредоточению, четкой организации и дисциплине. Они способны только к развалу и дезорганизации. Эту фазу *обскурации* могут усилить еще и природные катастрофы: засуха, град, мороз, недород и т.д. Некоторые этносы при этом становятся реликтовыми, попадают в состояние этнического гомеостаза. Л.Н.Гумилев не соглашался с мнением, что гомеостатические этносы – отсталые племена. Просто они адаптировались к другим историческим и географическим условиям. Реликтовые народы – это не начальные, а конечные фазы этногенеза» [2, с.360], когда народ теряет способность к саморазвитию. Фаза *обскурации* – последняя фаза в этнической истории. За ней идет новый этнический процесс, который называется *регенерацией.* В рамках этого нового этнического процесса формируется новый этнос и осуществляется новое этническое самосознание. Например, вместо прежнего русского народа формируется новый многонациональный российский народ, а этническое самосознание охватывает уже не только рамки русской, но и многонациональной российской культуры. Это означает, что правосознание личности воспринимает как свои (а не как чужие, как это было ранее) ценности разных наций, составляющих многонациональный российский народ. Соответственно и национальное право как ценность, несет в этом восприятии свою смысловую нагрузку. Оно включается в общие представления о праве и в общую правовую культуру российского народа.

Этнос – это определенное число людей, имеющих черты сходства во внешнем виде, языке и образе жизни. Предпосылками сходства можно считать природу внутреннюю (соматические черты, передаваемые по наследству) и природу внешнюю (ландшафт, территорию, климат). Но именно культурное сходство окончательно оформляет этнос, выступает основой этнической самоидентификации. «Следовательно, этнос – это природно-культурное образование» [9, с.132].

Этническая самоидентификация как основа правосознания личности, осуществляется не сразу, а поэтапно. Первой ее фазой является эмоционально-чувственное восприятие своего «я» как сопричастного конкретному этническому «мы». На этом этапе формируется *ассоциативный ряд*, некие образы, через которые личность сопоставляет свое «я» с другими «я». Через такое сопоставление она ищет и находит среди других «я» близкие (идентичные) своему «я». Далее, начинается фаза ценностной редукции, т.е. отбора из всех наличных ценностных ориентаций тех ценностных предпочтений, которые в большей степени свойственны аутентичным «я». Эти

ценности рассматриваются личностью как близкие ее собственным ценностным представлениям. Третья фаза этнической самоидентификации заключается в самоопределении личности, которая делает выбор в пользу тех ценностных установок, которые она приняла как «свои». Этот выбор представляет собой процесс перехода прежних представлений в убеждения. Наконец, четвертый этап этнической самоидентификации личности связан с выработкой *нормативной* основы ее отношения к «своим» и «чужим» ценностям. Это означает выбор способов и средств защиты тех или иных ценностей, мер по отсеиванию чуждых для нее ценностей.

Самоидентификация необходима для того, чтобы человек мог самостоятельно ориентироваться в жизненном пространстве, разумно судить о действительности. Но для этого самоидентификация должна опираться не на произвольные желания и устремления индивида, а на нормы права. Именно поэтому нормы права являются ценностью. Но правовое самосознание должно быть когерентным, т.е. отражаемые в нем нормы права соизмеримы. Только при этом условии правосознание может быть конструктивным, системным и нравственным.

Каждому из указанных этапов этнической самоидентификации соответствует и определенный тип мышления индивида. Первый этап связан с ассоциативным мышлением, когда индивид соотносит себя с другими через метафоры и образы. «Метафоры, включая ассоциативное мышление, дают огромную экономию интеллектуальных усилий. Именно здесь и скрыта ловушка, которую ставят манипуляторы сознанием» [10, с.126].

Поэтому процесс этнической самоидентификации не может останавливаться на метафорическом восприятии своей принадлежности, а должен развиваться дальше в сторону логического мышления. С помощью логического мышления индивид осуществляет ценностный отбор, который далее служит основанием для его окончательных выводов и суждений. Но и здесь нельзя останавливаться, поскольку «логическое мышление прозрачно, его структура прекрасно изучена. Значит, в него можно вторгнуться и исказить программу, лишив человека возможности делать правильные умозаключения» [10, с.113]. Поэтому на третьей стадии этнической самоидентификации наступает очередь диалектического мышления. Диалектика есть логика познания. Но диалектическое мышление - это уже не формально логическое мышление, а особый его тип, который берет объект во всех его противоречиях и взаимозависимостях и оперирует с таким объектом как с целым. Наконец, на четвертой фазе этнической самоидентификации в дело включается нормативное мышление, которое представляет собой продукт развития

диалектического мышления, но отличается от последнего тем, что формализует объект познания, каковым является на этом этапе уже само право.

Таким образом, правосознание является прямым следствием этнической самоидентификации. При сохранении органичной связи между этнически идентифицированным субъектом и государством правосознание становится важным ресурсом развития и совершенствования всей системы права. И такая система права, безусловно, ставит право народа на самоопределение выше идеи сохранения территориальной целостности государств. Потому что государства призваны защищать и осуществлять интересы народа, а не наоборот. Всякое государство, которое, преследуя цель сохранить свою территориальную целостность, бомбит города и расстреливает мирных жителей – это фашистское государство. Потому что как только государству предоставляется исключительное право самому определять, на какой территории должен жить народ, то появляются концентрационные лагеря, гетто, резервации, колонии, Гулаг. Потому что, в конечном счете, любое государство – это корпорация конкретных людей. Эта корпорация может быть закрытой или в некоторой мере открытой. Степень его открытости свидетельствует только о том, как именно оно формируется, но никак не об уровне демократии в стране. Поскольку демократия – это народовластие, то ее никогда в «чистом» виде не было в истории человечества. И причина этого – государство, которое всегда ограничивало права народа в свою пользу.

Еще в начале XX века великий русский писатель Л.Н.Толстой писал: «Главная недодуманность … состоит в предположении о том, что … правительство представляет народ. Правительство не представляет народ, а есть те же частные люди, имеющие власть, несколько отличные от капиталистов, отчасти совпадающие с ними. Что правительство представляет народ – это фикция» [11, с.103-104].

Представлять народ для государства, в первую очередь, означает защищать право народа на свою родовую территорию и право на жизнь. Ни одно современное государство в начале XXI в полной мере не только не справляется с решением этих вопросов, но даже и не преследует этих целей. Одной из причин этого является «засилье» в самом государстве бюрократии, представители которой часто просто даже не относятся к тому народу, которым берутся управлять. Российская монархия – классический тому пример. Мало кто вспоминает о том, что русские князья были потомками скандинавских Рюриковичей, а российские монархи – выходцами из «неметчины». То же касается и советского «комсостава». Аналогичная ситуация и с руководящим наднациональным «комсоставом» Евросоюза.

Другой причиной неэффективного «представления» интересов народа со стороны государства – это бюрократизм. Бюрократия появляется там, где аппарат не связан, не зависит прямо от результатов экономического функционирования системы и где демократические методы формирования и контроля над ним – отсутствуют. Бесконтрольность бюрократии чаще всего обусловлена отсутствием этнической принадлежности ее представителей к народу, которым они управляют. Это как своеобразный феномен «красных латышей», охранявших советский Кремль.

Поэтому критерий этнической принадлежности и его государственной реализации в своей политике – это ключевой критерий в отношениях народа – к государству, и наоборот.

Этническая принадлежность, таким образом, является основой сохранения за народом как источником государственной власти (суверенитета), высшего и абсолютного права определять свою территорию, свою форму правления, свою культуру.

И в этой связи русский (а шире, согласно Конституции РФ, весь многонациональный российский) народ может и, видимо, еще скажет свое веское слово по поводу исторической принадлежности Юга и Востока Украины к русскому миру, русской культуре и цивилизации. Как бы современная российская бюрократия не играла в пацифизм, как бы она не заигрывала с реанимированным фашизмом.

Литература:

1. Айварова Н.Г. Формирование этнической идентичности в процессе образования // Вестник Югорского государственного университета. 2015. № 1(36). С.9 - 16.

2.Гумилев Л.Н. Конец и вновь начало. М.: Танаис, 1994. С.38.

3.Достоевский Ф.М. Собрание сочинений. В 10 т. М.: Изд-во худож. лит-ры. 1956. Т.4.С.79.

4. Ницше Ф. Воля к власти: Опыт переоценки всех ценностей: Пер. с нем. М. 1994.С.149, 229, 247.

5. Ерасов Б.С. Социальная культурология. М.: Аспект-Пресс. 1996.С.262.

6.Тэн М. Философия искусства. М.: Изобразительное искусство. 1995.

7. Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи. XVIII – начало XX в.: В 2-х т. Т.1. СПб.: ИД «Дмитрий Буланин». 1999. С.58.

8. Данилевский Н.Я. Россия и Европа. М.: Книга. 1991.

9. Фадеичева М.А. Национальные и этнические предубеждения в структуре мировоззрения // Мировоззрение и культура. Сб. ст. / Под ред. В.В.Кима. Екатеринбург: Банк культурной информации».2002. С.132.

10. Кара-Мурза С.Г. Манипуляция сознанием. М.: Эксмо. 2005.С.126.
11.Толстой Л.Н. Собрание сочинений: в 20 т. М. 1964. Т.20. С.103-104.

Д.К.Стожко
кандидат философских наук, доцент,
кафедра истории и философии,
Уральский государственный экономический университет;

ИННОВАЦИОННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ В УПРАВЛЕНИИ АПК

Аннотация: В статье рассматривается проблематика развития инновационных технологий управления предприятиями АПК на современном этапе. Раскрыты внешние и внутренние факторы, опосредующие процесс модернизации системы управления. Дана оценка сложившемуся уровню инновационного развития сельского хозяйства и новых технологий управления персоналом предприятий АПК. Выявлены содержательные характеристики изменения представлений о типе работника в условиях макроэкономической нестабильности и неопределенности.

Ключевые слова: инновации, технологии, управление, экономика.

В настоящее время мировая экономика переживает новую парадигму в своем развитии. Суть ее заключается в переосмыслении содержания прежней идеи «устойчивого развития» хозяйства и возрастающей ориентации субъектов хозяйственной деятельности на принципиально новые условия, суть которых состоит в быстрых изменениях [6, с. 183].

Экономика, по определению, представляет собой многофакторную и высоко рисковую модель развития, в которой разные факторы по-разному влияют на ее состояние. Состояние системы управления является одним из факторов.

Среди инновационных технологий управления в АПК в качестве наиболее перспективных можно отметить практику социально-экономического картографирования территорий средствами географических информационных систем (ГИС), внедрение цифровых технологий на предприятиях АПК (AgroGIS и др.), метод аэрологической оценки земель, методы адаптивно-ландшафтного земледелия, инновационные технологии в кадровом менеджменте и т. д.

Уже около полувека прошло с момента появления и так называемых «экспертных систем управления» информацией, знаниями и различными

технологическими процессами («DENDAL», «Mycin», «PROSPECTOL»). За последнее время появились десятки новых «экспертных систем» управления информацией, ее накопления, оцифровки, использования: «CIRUS», «MEDIATOR», «CHEF», «PERSUADER», «CASEY», «JULIA» и др. Но все они оказываются мало эффективными. Управленческие решения все чаще принимаются именно на базе функционирования названных систем без учета макроэкономической нестабильности.

В целом, современный уровень инновационного развития сельского хозяйства России соответствует характеристикам шестого технологического уклада. Иначе говоря, в сфере АПК на текущий момент достаточно активно используются современные нано-, био- и информационные технологии. Тем не менее, инновационная активность АПК все еще остается низкой, что обусловлено, в первую очередь, неэффективностью сложившегося в стране организационно-экономического механизма освоения инноваций.

Кроме того, следует отметить, что в сельском хозяйстве инновационная деятельность связана с рядом особенностей, которые характерны для аграрного производства:

- видовое разнообразие сельскохозяйственной продукции;
- тесная вязь технологических и естественно-природных процессов;
-высокие естественные (природные) риски;
-сезонный характер производства;
-территориальная обособленность аграрного производства;
- слабая взаимосвязь между предприятиями АПК и организациями, создающими инновационный продукт;
-относительно низкий уровень жизни на селе;
-длительные сроки разработки инноваций (в связи с необходимыми затратами времени на селекционную и племенную работу).

Естественно, в связи с этими особенностями встает вопрос о соотношении риско-ориентированного менеджмента как новой его модели и уже активно формирующихся и действующих инновационных моделей партисипативного и креативного управления. Ряд исследователей полагает, что ориентация на работу с рисками является сущностной чертой креативного менеджмента [3], [5]. Другие авторы считают, что креативный менеджмент может функционировать исключительно в условиях стабильной экономики, устойчивого ее состояния [7], [8]. В связи с этим они особое внимание уделяется таким креативным технологиям, как синектика, асфатроника, бриколаж [2], [4]. Особым вниманием пользуется и проблематика развития социального самоуправления [1], [9]. Начиная с 2006

г. десятитысячным тиражом регулярно выходит специальный журнал «Самоуправление».

Инновационные технологии в сфере управления появляются не только под воздействием эндогенных факторов, но и в связи с изменением наших представлений о самом работнике. Эти изменения представлены ниже.

Таблица 1. – Трансформация представлений о работнике

критерий	Человек экономический «homo economicus»	Человек социальный «homo socium»	Человек ответственный «homo responsibility»	Человек творческий «homo creativity»
Тип общества	«индустриальное общество»	«постиндустриальное общество»	«технотронное» общество	«общество риска»
Главная ценность предприятия	техника, технология	социальная инженерия, система управления	производ-ственная дисциплина	творческий потенциал личности, профессионализм
Основной вид труда	физический труд	коллективный труд	персональный труд	интеллекту-альный труд
Главное в системе мотивации	денежное вознагражде-ние	общественное признание	исполнение долга	самореализация личности
Главная цель предприятия	экономическая эффективность	социальная эффективность	организационная эффективность	личностное развитие
Механизм регулирования действий персонала	НОТ	корпоративная культура	КСО	трудовое самоуправление
Научные концепции (авторы)	Ф. Тейлор, Г. Файоль, Л. Урвик	Э. Мейо, М. Фоллет, У. Браун	Э. Фриман, М. Клерксон, Дж. Элкингтон	Ф. Герцберг, А. Ансофф, Д. Норт

К числу экзогенных факторов относятся:

- сохранение кризисной ситуации в мировой и отечественной экономике;

- нарастание общей макроэкономической нестабильности, неопределенности и турбулентности;

- глобальное изменение климата и возрастающее ухудшение экологической ситуации;

- сокращение территорий, пригодных для эффективного ведения сельского хозяйства и быстрое истощение природных ресурсов;

- рост разрыва между развитыми странами и странами с догоняющим сценарием развития и сырьевой экономикой;

- демографические изменения (старение населения планеты, сокращение рождаемости, падение численности трудоспособного населения и т. д.).

Среди специальных факторов можно отметить:

- произошедшую еще в середине XX века «революцию управляющих», в результате которой произошло отделение капитала-собственности от капитала-функции. К текущему моменту она исчерпала свой потенциал и привела к колоссальной бюрократизации управления производством;

- низкое качество современной системы управления национальной экономикой, которое не соответствует вызовам времени. Непрофессионализм в системе управления стал причиной того, что из 144 государств, входящих в ОСРЭ (Организация сотрудничества и развития) Российская Федерация занимает 53 место по уровню конкурентоспособности национальной экономики [6, с. 181].

- несоответствие уровня оплаты труда менеджмента (особенно топ-менеджмента) качеству самого управления. Последний пример - разрыв сделки между «Роснефтью» и ОПЕК в 2020 г. В результате непродуманных действий руководства компании, ее выручка в 1 квартале 2020 г. упала на 20,6%. Это потребовало сокращения заработной платы сотрудникам компании на 25%. Но, при этом, компания выплатила рекордные дивиденды своим топ-менеджерам (членам правления и совета директоров);

- имитация инновационных технологий управления персоналом, их отрыв от реальных условий организации и осуществления труда;

- высокий уровень коррупции в системе управления и ее хабитуализация. В 2019 г. индекс восприятия коррупции (ИВК) в России составил всего 28 баллов, а по уровню коррупции страна поднялась только на

одну позицию, заняв 137 место из 180 стран мира. До группы наименее коррумпированных стран ей еще очень далеко;

Для более эффективного управления предприятиями АПК в условиях макроэкономической нестабильности, неопределенности и рисков в настоящее время используются ряд сравнительно новых технологий управления трудовыми ресурсами:

- *Краутстафинг* представляет собой наем лояльной администрации предприятий рабочей силы, привлечение внешних работников к осуществлению определенных управленческих функций. Например, в качестве экспертов, инспекторов, арбитров, потребителей и т. д. Такая технология призвана дать администрации независимую оценку тех или иных результатов ее деятельности. Но поскольку она основана на использовании только лояльных работников, непредвзятая и объективная оценка оказывается проблематичной.

- *Краутсорсинг* представляет собой практику передачи администрацией предприятия или учреждения отдельных функций работы с кадрами сторонним структурам (организациям, учреждениям, конкретным менеджерам). Результатом такой практики может служить, например, передача функции подбора персонала рекрутинговым компаниям, работающим с конкретными предприятиями (как на основе официального договора, так и на основе публичной оферты – неформального соглашения).

Краутфандинг представляет собой практику привлечения собственных сотрудников в качестве соинвесторов при финансировании и реализации тех или иных управленческих решений. В качестве таковых могут выступать, например, администрация и персонал предприятий АПК. Примером краутфандинга является закупка оргтехники «вскладчину» или осуществление текущего ремонта совместными силами (усилиями) администрации и работников.

Достаточно эффективным инструментом управления персоналом предприятий АПК являются так называемые программы проверки надежности персонала (ППНП). Такие программы впервые появились в военном ведомстве США еще в 80-х гг. XX века, но свое распространение они получили на рубеже столетий, когда специалисты компании «Smart Business Solution» создали свою собственную программу определения благонадежности персонала и соответствующие инструменты регулирования и оценки его лояльности.

Эта система представляет собой тестовую программу, составленную на основе учета десяти ключевых факторов: следования традициям компании; соблюдение корпоративных правил и стандартов; ориентация работников на

успех; стрессовая устойчивость; склонность к риску; отношение к девиантному поведению, к азартным играм, агрессии и т. д. Различные модификации этой программы активно тиражируются в современных условиях макроэкономической нестабильности, неопределенности и рисков в качестве инструмента повышения устойчивости предприятий и выработки необходимых сценариев поведения.

Литература

1. Гамидуллаев Б. Н. Самоуправление: потенциал личности / Б. Н. Гамидуллаев. – Москва: Феникс, 2006. – 592 с.

2. Елсуков А. Н. Бриколаж в структурах социального конструирования / А. Н. Елсуков // Социология. – 2012. – № 2. – С. 53–61.

3. Киселица, Е. П. Повышение эффективности деятельности предприятий за счет управления неопределенностью, рисками и надежностью / Е. П. Киселица, Ю. А. Шумилова. – Тюмень: Издательство Тюменского государственного университета, 2005. – 196 с.

4. Кокшарова Н. М. Синектика как инструмент компетентностного подхода / Н. М. Кокшарова // Известия ВГПУ. – 2017. – № 4. – С. 50–55.

5. Малашихина Н. Н. Риск-менеджмент / Н. Н. Малашихина, О. С. Белокрылова. – Ростов н/Д: Феникс, 2004. – 320 с.

6. Марков Д. А. Быстрореагирующее производство как концепция повышения конкурентоспособности предприятия / Д. А. Марков, Н. А. Маркова // Социально-экономические науки. – 2016. – № 2. – С. 181–192.

7. Мороз В. В. Обзор зарубежных теорий креативности / В. В. Мороз // Вестник Оренбургского государственного университета. – 2011. – № 12 (20). – С. 35–40.

8. Нельке М. Техники креативности / М. Нельке. – Москва: Омега-Л, 2006. – 702 с.

Стожко К. П. Социальная диалектика предпринимательства: личность, самоуправление, культура, творчество / К. П. Стожко, О. В. Тарасова, А. Е. Новожилов, Н. Н. Маяков. – Екатеринбург: Издательство Уральского университета, 2005.

Д.К.Стожко
кандидат философских наук, доцент,
кафедра истории и философии,
Уральский государственный экономический университет;
О.Т.Ергунова
кандидат экономических наук, доцент,

кафедра индустрии туризма и гостеприимства,
Уральский государственный экономический университет

ПРОБЛЕМА ФОРМИРОВАНИЯ КУЛЬТУРЫ БИО-ВЛАСТИ В УСЛОВИЯХ МАКРОЭКОНОМИЧЕСКОЙ НЕОПРЕДЕЛЕННОСТИ

Аннотация. В статье рассматриваются сущность, формы проявления и проблема трансформации био-власти в условиях современной макроэкономической нестабильности и неопределенности. В контексте глобального экологического кризиса особое внимание уделено складывающимся противоречиям между требованиями законодательства и правоприменительной практикой как одного из важнейших условий снижения эффективности сельскохозяйственного производства. Дается компаративный анализ аграрной (в том числе продовольственной) политики государства и ее соотношения с феноменом био-власти. Раскрываются причины и последствия трансформации био-власти для продовольственной и экологической безопасности общества и обеспечения устойчивого развития экономики. В контексте решения проблем воспроизводства рабочей силы и повышения качества жизни людей ставятся вопросы формировании стратегических запасов продовольствия, улучшении его качества и дальнейшего развития био-интеллектосферы.

Ключевые слова. Био-власть, биоинтеллектосфера, медицина, нестабильность, сельское хозяйство, техносфера, экология, экономика.

Введение.

Современная антропогенная, экономическая и экологическая ситуация, сложившаяся в мире за последние десятилетия, свидетельствует о неуклонно ухудшающемся качестве жизни людей. Ухудшение природно-климатических условий и сокращение территорий, пригодных для эффективной сельскохозяйственной деятельности требуют от государств, в качестве одного из способов обеспечения своей безопасности решения проблемы био-власти и, как одного из средств такого решения, формирования стратегических запасов продуктов питания. Уже сейчас наблюдается ограничение поставок на мировые рынки риса из стран Азии, зерна из России, Канады и т.д. Об угрозе голода как глобальной проблеме недавно официально заявил в ООН Д. Бизли, директор Всемирной продовольственной программы.

Проблема усугубляется еще и тем, что территории, действительно пригодные для сельскохозяйственной деятельности, в нашей стране составляют

всего 5,5 млн. кв.км. Иначе говоря, менее трети от общей территории страны. Более 11,5 млн.кв.км. площади России – это северные и приравненные к ним территории выше 65 параллели, где сельское хозяйство практически отсутствует, либо носит эпизодический характер. В других регионах климатические условия несколько лучше, но и там есть большие проблемы. В современной научной литературе даже существует специальный термин – «зона рискованного земледелия».

Площадь вечной мерзлоты в России составляет более 10 млн. кв. км. Эффективных территорий, которые лежат вне пределов пространств с экстремальными условиями, в других странах существенно больше, чем в России. Например, в Бразилии такие площади составляют 8,05 млн. кв. км. В США – 7,89 млн. кв. км. В Австралии – 7,68 млн. кв. км. В Китае – 5,95 млн. кв. км. [1]. Общий объем земельного фонда страны равен 1709,8 млн. га, но сельскохозяйственные угодья составляют только 400 млн. га. Их структура выглядит следующим образом: пашня – 115,3 млн. га; залежь – 4,2 млн. га; многолетние насаждения (сады, виноградники и др.) – 1,2 млн. га; сенокосы – 18,6 млн. га, пастбища – 56,8 млн. га [2].

Ограниченность пригодных для сельскохозяйственной деятельности территорий и постоянное ухудшение их качества (загрязнения, эрозия и т. д.) ведут к снижению продуктивности сельского хозяйства. Соответственно, наиболее очевидным образом ухудшение качества жизни проявляется в неуклонном росте цен на пищевые продукты и лекарственные средства, в ухудшении их качества (связанных с использованием ГМО и других современных технологий удешевления производства).

В настоящее время Министерство сельского хозяйства РФ ведет работу по созданию хотя бы двухмесячного стратегического запаса продовольствия в стране. К этому подтолкнула пандемия коронавируса и связанные с нею факторы: падение производства продовольствия в ряде стран, ухудшение логистики и т. д. Поэтому создание стратегического запаса – хранилища продовольствия в РФ, наподобие известного семенохранилища на Шпицбергене – важнейшая задача. Стандарты хранения био-продукции давно известны [3].

Цель исследования заключается в проведении компаративного анализа феномена био-власти и его влияния на современную аграрную (в первую очередь, продовольственную) политику.

Материалы и методы.

В исследовании использованы методы структурно-функционального, программно-целевого, компаративного и герменевтического анализа.

Предметом исследования является феномен био-власти, и его влияние на характер и содержание современной аграрной политики. Объектом исследования выступает аграрная политика российского государства в условиях современной промышленной революции и перехода к новому технологическому укладу.

Результаты и обсуждение.

Сравнительный анализ различных моделей аграрной политики современных государств позволяет выявить совершенно разнородные векторы ее развития. Начиная от ресурсосберегающей модели, связанной с распространением режима экономии ресурсов и их глубокой (безотходной) переработки и использования, до алармистской модели, которая состоит в постепенном отказе от использования природных ресурсов и переходе на искусственное производство необходимых факторов производства. Встречаются также страны, которые все еще проводят экспансионистскую и экстенсивную аграрную политику, превращаясь (или превращая других) в сырьевые придатки современных промышленно развитых держав. В принципе наличие разных моделей аграрной политики отражает переход тех или иных стран к разным моделям производства. В одних случаях наблюдается переход от модели «затратного производства» к модели «бережливого производства», в других случаях от модели «быстро реагирующего производства» к модели «активного производства» и т. д.

В Российской Федерации имеется достаточно основательная правовая база для осуществления эффективной аграрной политики. Приоритеты и цели государственной политики в сфере функционирования и развития сельского хозяйства сформулированы в таких документах, как: Федеральные законы «О развитии сельского хозяйства», «О государственной поддержке в сфере сельскохозяйственного страхования и о внесении изменений в Федеральный закон «О развитии сельского хозяйства», «О сельскохозяйственной кооперации», «О крестьянском (фермерском) хозяйстве», «О личном подсобном хозяйстве», «О племенном животноводстве», «О семеноводстве».

Сюда же следует отнести и Доктрину продовольственной безопасности Российской Федерации, утвержденную Указом Президента Российской Федерации от 30 января 2010 г. № 120; «Стратегию развития пищевой и перерабатывающей промышленности Российской Федерации на период до 2020 года», утвержденную распоряжением Правительства Российской Федерации от 17 апреля 2012 г. № 559-р; Концепцию долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 г., утвержденную распоряжением Правительства Российской Федерации от 17

ноября 2008 г. № 1662-р; Концепцию развития государственного мониторинга земель сельскохозяйственного назначения и земель, используемых или предоставленных для ведения сельского хозяйства в составе земель иных категорий, и формирования государственных информационных ресурсов об этих землях на период до 2020 года, утвержденную распоряжением Правительства Российской Федерации от 30 июля 2010 г. № 1292-р; Концепцию устойчивого развития сельских территорий Российской Федерации на период до 2020 года, утвержденную распоряжением Правительства Российской Федерации от 30 ноября 2010 г. № 2136-р. А также ряд федеральных и ведомственных целевых программ, направленных на развитие агропромышленного комплекса Российской Федерации.

Правительство Российской Федерации постановлением от 31 марта 2017 г. № 396 утвердило новую редакцию Государственной программы развития сельского хозяйства и регулирования рынков сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия на 2013–2020 годы.

Однако конкретная правоприменительная практика свидетельствует о том, что существующая правовая основа эффективной аграрной политики реализуется не в полной мере. Очевидным является все более активное негативное влияние крупных корпораций на аграрную, промышленную, продовольственную и экологическую политику государства, использование ими разных схем доступа к бюджетным средствам и функционирование в «серой зоне». Об этом, в частности, заявил в августе 2020 г. глава Счетной палаты РФ А. Кудрин. Именно в этом, на наш взгляд, состоит одна из важнейших причин кризисной ситуации в сельском хозяйстве.

Условно, по характеру аграрной политики все страны можно разделить на три большие группы. К первой группе относятся страны, в которых уже достигнуты агрономические и биологические максимумы и главной движущей силой является рост производительности труда, его автоматизация и компьютеризация. Ко второй группе относятся страны, в которых доля ручного труда составляет около половины всех издержек, а модернизация избирательна и частична. К третьей группе относят страны с большой долей ручного труда и крайне малой долей его технико-технологической оснащенности. Аграрную экономику таких стран связывают со сценарием «догоняющего развития». Считается, что России присущи определенные характеристики экстенсивной модели, связанной именно со сценарием «догоняющего развития» [4].

Если охарактеризовать аграрную политику российского государства, то она носит ярко выраженный разнонаправленный и несбалансированный характер. Иллюстрацией такого подхода является приоритетное отношение к вопросам

промышленного развития в ущерб сельскохозяйственному производству. Примеров такого подхода достаточно много.

Приведем один из них. Ради разработки нового месторождения меди «Песчанка» на Чукотке на мысе Наглейнын ныне строится новый морской порт и соответствующая промышленная зона, которые отрежут многочисленным стадам оленей летний выход на прибрежные пастбища. Выжить в материковой тундре летом олени не могут из-за гнуса, который способен уничтожить животных буквально за день-другой. На прибрежных пастбищах его отгоняет морской ветер, давая оленям спокойно пастись, набираться сил на долгую зиму. Это исторически сложившийся биогеоценоз.

Но ради экспорта меди в Китай, потребляющего сегодня до 60% всего ее мирового производства, под угрозу ставится оленеводство, являющееся важнейшей отраслью аграрной экономики региона. При этом, бенефициаром в данной ситуации оказывается даже не Российская Федерация, а международная (формально, казахская) корпорация «KAZ Minerals» (зарегистрирована в Великобритании), которая контролирует российскую горно-добывающую компанию «Баимская». За всем этим стоят бывший губернатор Чукотки, а ныне – совладелец «KAZ Minerals» Р. Абрамович и некоторые другие олигархи.

Понятно, что ни о каком реальном исполнении Национального проекта по развитию сельского хозяйства на Чукотке в такой ситуации уже речь не идет. Ее превращают в сырьевой придаток мирового рынка меди.

Что касается финансового обеспечения аграрной политики, то здесь тоже есть вопросы. Хотя в 2019 г. объемы финансирования сельского хозяйства немного увеличились, но в абсолютных значениях они остаются относительно небольшими. В процентном отношении государственное финансирование сельского хозяйства в 2019 г. составило 56 % от общего объема финансирования российских аграриев (соответственно, из других источников – 44 %). Это свидетельствует, помимо всего прочего, еще и об убыточности и дотационном характере многих отраслей сельского хозяйства.

Государственная программа комплексного развития сельских территорий на период 2020–2025 гг. предполагает выделение 2,3 трлн. руб., из них из средств бюджета – 1 трлн. руб. [5]. При этом, на развитие АПК запланировано выделить в 2020 г. – 290,134 млрд. руб., в 2021 г. – 292,863 млрд. руб., в 2022 г. – 328,883 млрд. руб. Тогда, как объем расходования бюджетных средств в 2020 г. должен составить 19,5 трлн. руб. Иными словами на развитие сельского хозяйства Российской Федерации из бюджета выделяется менее 4,67 % от общих бюджетных расходов за указанный период.

Помимо явно недостаточных объемов финансирования сельского хозяйства со стороны государства, правомерно констатировать и определенные

особенности российской аграрной политики, среди которых отмечаются нарастающее противоречие с промышленной политикой, высокая монополизация земельной собственности и недр страны и т. д. [6]. Важная проблема – неравномерность и неэффективность получаемых доходов в аграрном и добывающем секторах российской экономики [7]. Поэтому выглядит несколько спорным утверждение о том, что «Россия активно защищает свои национальные интересы» в аграрной сфере [8]. Отметим, что ключевая проблема, связанная с био-властью, состоит в воспроизводстве качественной рабочей силы – ключевого фактора производства. Обострение данной проблемы проявляется в массовой миграции сельского населения в мегаполисы, ухудшении окружающей среды, неразвитости социальной сферы села и неэффективной борьбы с последствиями техногенных катастроф.

Бороться можно по-разному. Есть реальные угрозы, но есть и химеры. Например, когда клеточная инженерия прокладывает путь к качественно новым способам производства пищи (биотехнологии), возникает вопрос о соответствии таких технологий качеству жизни человека. Насытиться – не значит быть здоровым. Известно, что, в отличие от агротехнологий, биотехнологии не зависят от погоды, от качества управления, от организации производства. Результатом таких биотехнологий часто оказывается гибрид, консервант, канцероген, псевдо-натуральный продукт (соевое мясо, гибридная колбаса, сырный или молочный «микс» и т. д.). Кстати, гибритизация давно уже завоевала прочные позиции в производстве важных видов продуктов, например, картофеля [9].

Тем самым, можно констатировать, что био-власть меняется. Она, в определенном смысле, даже девальвирует политическую власть в силу неэффективной правоприменительной практики (неисполнения законов). Яркое тому подтверждение – вторая волна коронавируса, которая накрыла ряд стран только потому, что население и политическая власть не соблюдали меры элементарной гигиены (обязательное ношение масок и соблюдение социальной дистанции в общественных местах).

Происходит также и качественная метаморфоза био-власти, которая как бы заменяет собой естественное воздействие аграрной власти: человек становится «продуктом» лекарств и ГМО – технологий, т. е. «гомункулосом» в инженерно – биологическом измерении. От его естественно-природной основы мало что остается: меняется генотип, а, соответственно, падает иммунитет, деградирует гендерная определенность, стрессовая устойчивость и т. д. Изменение генотипа – прямая дорога к росту зависимости человека от биологической среды. С той лишь поправкой, что эта биологическая среда трансформируется, и таким

образом, который предупредить и тем более исправить уже становится невозможным.

Так, еще в начале 80-х гг. прошлого столетия ученые Висконсинского университета (США) в ходе своих исследований смогли передать подсолнечнику ген фасоли, который теперь контролирует в нем синтез одного из белков. Полученная таким способом растительная химера была названа sunbean (солнечная фасоль). Это обстоятельство способствовало в дальнейшем развитию практики использования ГМО, в том числе и путем создания культур, оказывающих на человеческий организм скрытое и долгосрочное негативное воздействие. Традиционно считалось, что селекция позволяет скрещивать только родственные растения. Но реальность ушла очень далеко от прежних традиционных представлений. Сегодня известно, например, что обычная почвенная бактерия agrobacterium tumefaciens умеет вводить чужеродные гены в растения. Поэтому «груши на вербе», гибридная «редисвекла» или морковь из лаборатории уже становятся тривиальным делом. И это – свидетельство роста био-власти и, одновременно, человеческой слабости, его неспособности оставаться человеком, а не пытаться подменить собой природу.

Все это постепенно сопровождается растущим пониманием возрастающей роли био-власти как усиливающегося, причем негативного, влияния биологической среды на человека. И это влияние становится ключевым условием его существования. Прежние идеи автотрофности (автономности) человека как его способности к независимому существованию от природы и естественного биологического окружения оказались слишком явной романтикой, не находящей своего подтверждения на практике. В условиях сложившегося «общества риска» (У. Бек), сменившего «технотоpонное общество» (З. Бжезинский), био-власть оказывается даже еще более влиятельной, чем на этапах ранней и зрелой индустриализации. В контексте аграрной экономики это обусловлено износом основного фактора производства в сельском хозяйстве – самой земли, а также накопленным потенциалом различных техногенных экстерналий, создавших отложенный эффект деградации среды обитания. Поэтому нет ничего удивительного в том, что даже крупные финансовые вложения в экологическую и аграрную политику государств не дают должного эффекта. Точка сингулярности в ряде аграрных и экологических проблем, похоже, уже пройдена. Итог очевиден. В США, например, ежегодно тратят 9 трлн. долл. на защиту окружающей среды, но из них 2 трлн. долл. тратятся впустую [10]. При этом, высокими остаются и масштабы государственной поддержки сельского хозяйства в США [11].

Понятие «био-власть» впервые употребил в научном лексиконе еще французский философ М. Фуко [12]. На текущий момент сложилось несколько

трактовок данного термина [13, 14, 15]. Но, не смотря на отдельные расхождения, под био-властью почему-то широко понимается влияние технико-технологических факторов на биологическую жизнь человека, что представляется не совсем адекватным. Технико-технологическое влияние свидетельствует о превращении человека в элемент техносферы.

Био-инженерные технологии, конечно, отражают влияние биологической среды на организм людей, но био-власть не сводится к воздействию биотехнологий. Она предполагает и более общее воздействие биологических факторов на человека, не поддающихся технологическому регулированию. В этой связи характерно, что сама медицина в XX столетии постепенно превратилась в биомедицину [16], что вполне может рассматриваться как свидетельство растущей био-власти [17].

Можно согласиться с аргументами ряда зарубежных авторов о том, что развитие медицины и новых технологий ведет к появлению нового типа био-власти – зависимости человека от медикаментозных технологий лечения. Растет зависимость человека от конкретных лекарств, распространяется пластическая хирургия, практика использования различных чипов, протезов и иных технико-технологических новаций, вживляемых в человеческий организм. В связи с этим возникает проблема доверия человека к медицине, как частный случай проблемы доверия в целом.

Наша безопасность, безусловно, связана с проблемой доверия. Садясь в такси, покупая продукты в супермаркете, или билет на авиалайнер мы доверяем свою жизнь и свое здоровье техносфере (технике, технологии, специалистам). Современное общество начинает осознавать, что многие биогеоценозы утратили способность к регенерации и воспроизводству, оказались истощенными настолько, что потеряли возможность сопротивляться новым разрушительным процессам мутации и трансформации.

Постепенно пришло осознание того, что уровень потребления и уровень жизни – это далеко не одно и то же, а качество жизни никоим образом не следует сводить к размерам потребляемых благ. Уровень потребления растет за счет технологических средств. Но при этом снижается качество жизни. А тот факт, что современные продукты питания чаще всего имеют неорганическую природу и содержат разного рода химические добавки и заменители, произведены на основе генно-модифицированных технологий, ведет к дальнейшему росту зависимости человека от новых форм био-власти, от новых трансгенных и искусственно создаваемых продуктов потребления. Как свидетельствует практика, список ГМ-культур, разрешенных «Международной службой оценки применения агробиотехнологий» (ISAAA) для выращивания, постоянно расширяется. В общественном сознании активно формируется

представление о том, что у человечества нет иного способа увеличить объем производства продовольственных товаров, как только широко использовать ГМО.

К слову, ГМ-культуры и соответствующие технологии коммерциализируются уже достаточно давно, начиная с 1996 г. В 2014 г. Казахстан перешел к активной разработке ГМ-культур. В 2019 г. в США до предела упростили регистрацию новых линий ГМО. За последнее десятилетие даже Европейское агентство по безопасности продуктов питания (EFSA) все чаще дает положительные оценки и рекомендации по использованию ГМ-культур. В России 24 июня 2016 г. вышел закон о запрете на выращивание и разведение генно-модифицированных организмов (ГМО) и продукции. Однако, правоприменительная практика вновь, уже в который раз, оказалась не на высоте. Сначала ввели исключения. Как итог – широкий ассортимент ГМ-продуктов на прилавках торговых сетей.

А в 2020 российское правительство освободило от регистрации генно-модифицированные соевые бобы и шрот (корм для животных). Дальше, по всей видимости, будет продолжена политика по облегчению ввоза в Российскую Федерацию генно-модифицированной продукции и развитию технологий ГМО на российских предприятиях. В таких условиях совершенно понятно, почему рейтинг власти в стране неуклонно снижается: люди не доверяют подобным решениям. «Доверие – это своеобразная смазка общественного механизма. Если вам приходится его покупать – значит, у вас уже есть некоторые сомнения по поводу того, что вы покупаете» [18].

В такой ситуации можно говорить лишь об усилении био-власти как очередного проявления зависимости людей от биологической среды и биологических факторов. Причем эта зависимость часто оказывается не реальной, а виртуальной, надуманной, проявляется в виде различных фобий и комплексов.

Выводы.

Выходом из описанной ситуации является дальнейшее развитие био-интеллектосферы. Данное понятие подразумевает необходимость разработки и реализации планетарной стратегии рационального социо-природного развития. Однако возможности успешной реализации такой стратегии ограничиваются рядом обстоятельств [19].

Можно согласиться с мнением о том, что био-власть в современных условиях меняет свой статус, но нельзя признать, что она теряет свой манипулятивный характер [20]. Более того, во многих странах мира современные политические элиты стремятся усовершенствовать и методы биологического и социального

контроля. Классический пример – евгеника, посредством которой согласно еще пионеру биометрии Ф. Гальтону (1883 г.) будто бы можно исправлять расовые качества будущих поколений. Нечто подобное проделывали нацисты в концентрационных лагерях в годы второй мировой войны. О превосходстве «американской нации» всерьез не так давно говорил и прежний президент США Б. Обама. Даже Голливуд «отметился» в этом вопросе, выпустив знаменитый многосерийный к/ф «Универсальный солдат» (1992–2012 гг.) и блокбастер «На крючке» (2008). В отечественной литературе также существует мнение о том, что «есть негативная и позитивная евгеника». Негативная должна лишать «неполноценных» граждан возможности продолжения рода (например, стерилизовать), а позитивная – способствовать улучшению качества потомства (например, с помощью технологии экстракорпорального оплодотворения) [17].

Осмысливая проблему био-власти в контексте современного общества, известный французский философ Дж. Агамбен четко отмечает, что укрепление био-власти как «власти над жизнью» является «решающим событием современности». Продолжая идею М. Фуко о том, что био-власть сводится к тому, чтобы «заставить умереть или позволить жить» [21], Дж. Аганбен делает радикальный вывод о том, что теперь вопрос стоит о том, чтобы «позволить умереть и заставить жить» [22]. Однако реализация этой новой установки связана с эйджизмом – дискриминацией по возрасту. Впервые этот термин был предложен американским исследователем Р.Н. Батлером и трактовался как дискриминация людей по возрастному критерию [23]. Сегодня выделяют разные формы и направления эйджизма [24, 25].

Известно, что население планеты неуклонно стареет. В 2018 г. впервые в истории численность людей в возрасте 65 лет и старше превысила численность детей в возрасте до 5 лет. В соответствии с прогнозами число людей в возрасте 80 лет и старше утроится: с 143 млн. чел. в 2019 г. – до 426 млн. чел. в 2050 г. Соответственно усилится и их биологическая зависимость от био-среды. Тем самым, феномен био-власти оказывается решающим в жизни и этой категории людей. Именно поэтому внимание к проблеме био-власти в современных условиях неуклонно растет. Все чаще люди задаются вопросами биополитики и некрополитики [26].

В связи с этим считаем необходимым включение в учебные планы и рабочие программы всех высших и средних специальных учебных заведений страны (без исключения) курсов по ОБЖ, экологической культуре, начальной медицинской подготовке (оказанию первичной медицинской помощи) и иных сопутствующих дисциплин. Это позволит повысить качество образования и сформировать у будущих специалистов минимально необходимый уровень теоретических и практических знаний в области биологических рисков,

обусловленных современной макроэкономической нестабильностью и неопределенностью.

Литература

1. Марцева Л.М. Труд в контексте русской цивилизации. Социально-философский аспект. Омск: Изд-во ОМГУПС, 2002.

2. Экологические проблемы использования природных и биологических ресурсов в сельском хозяйстве. Екатеринбург, УралГАУ, 2013.

3. Стандарты генных банков для генетических ресурсов растений для производства продовольствия и ведения сельского хозяйства. Рим: ФАО, 2015.

4. Наумов А.С. Модели развития сельского хозяйства: сценарии для Европы и России // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Экономика. 2011. № 5. С. 212–220.

5. Агропромышленный комплекс: специфика государственного регулирования. Аналитический доклад. Агентство политических и экономических коммуникаций. URL: http://apecom.ru/projects/item.php?SECTION_ID=91&ELEMENT_ID=5903 (дата обращения 05.09.2020).

6. Серков А.Ф. Аграрная политика России в XXI веке: вызовы и перспективы // Немчиновские чтения. Материалы XII Международной научно-практической конференции Независимого научного аграрно-экономического общества. Москва: РГАУ – МСХА, 2008.

7. Стожко К.П., Стожко Д.К. Проблема земельной ренты в контексте устойчивого развития аграрной экономики // Историко-экономические исследования. 2020. Т.21. № 2. С.274 - 303. - ISSN 2308-2488

8.Самыгин Д.Ю., Барышников Н.Г., Мизюркина Л.А. Проектная модель развития аграрной экономики: продовольственный аспект Экономика региона. 2017.Т.13. № 2. С.591 - 603. - ISSN 2411-1406

9. Чирков Ю.Г. Время химер. Большие генные игры. Москва: Академкнига, 2002. - 397 с. - ISBN 5-94628-022-8

10.Хокен П., Ловинс Э., Ловинс Х. Естественный капитализм. Грядущая промышленная революция. Москва: Наука, 2002. - 459 с.- ISBN 978-5-02-013200-9

11. Шершнев Е.С. Как правительство США стимулирует развитие сельского хозяйства // Российское предпринимательство. – 2000. – Том 1. – № 7. – С. 79-83. - ISSN 1994-6937

12. Фуко М. Слова и вещи. Археология гуманитарных наук Санкт-Петербург: A-cad, 1994. – 408 с. - ISBN 5-85962-021-7

13. Загыртдинова, Ф. Б. Био-власть, политика // Вестник Челябинского государственного университета. 2012. № 33. С. 39 –43. - ISSN 1994-2796

14. Тищенко П. Д. Био-власть в эпоху биотехнологий. Москва: Институт философии РАН, 2017. – 177 с. - ISBN 5-201-02056-9

15. Желнин А. И. Современный социально-биологический кризис: конкретные тенденции и общие механизмы // European Social Science Journal. 2014. № 6(2). С. 368–374. - ISSN 2079-5513

16. Созинов А.С. Семь рождений, семь смертей и семь ипостасей биоэтики // Практическая медицина. 2008. № 32. С. 24 - 30. - ISSN 2072-1757

17.Желнин А. И. Трансформации био-власти в ситуации антропологического кризиса // Социум и власть. 2016. № 5. С. 25 –28. - ISSN 1996-0522

18. Фукуяма Ф. Доверие. Социальные добродетели и путь к процветанию. Москва: АСТ, 2004. – 730 с. - 978-5-17-051211-9

19. Смирнов С. В. Философские предпосылки постановки и исследования проблемы биоинтеллектосферы // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2016. № 8. С. 196–199. - ISSN 2618-9690

20. Желнин А.И. Биовласть как общественный феномен и ее современные кризисные трансформации // Вестник Томского государственного университета. Серия: Философия. Социология. Политология. 2018. № 41. С.49 - 56.- ISSN 1998-863X

21. Фуко М. Нужно защищать общество. Санкт-Петербург: Наука, 2005. - 312 с. - ISBN 5-02-026848-8

22. Agamben, G. Potentialities: Collected Essays in Philosophy. – Stanford: Stanford University Press, 2000. - 328 с.

23. Butler R.N.Age-ism. Another Form of Bigotry // The Gerontologist. 1969. Vol. 9. № 4. P. 243-246.

24.Асташова Ю.В. Эйджизм как фактор сдерживания геронтомаркетинга на российском потребительском рынке // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Экономика и менеджмент. 2018. Т.12. № 1. С.142-151. - ISSN 1997-0129

25.Шакалова В.Н. Влияние эйджизма как социальной проблемы на людей старших возрастных групп // Молодой ученый. 2019. № 4(242). С.145-146. - ISSN 2072-0297 - URL: https://moluch.ru/archive/242/55984/ (дата обращения: 31.08.2020).

26. Попов Д.В. Трансформация биополитики в некрополитику // Философия права. 2019. № 1(88). С. 91 - 99. - ISSN 2541-8947

Д.К.Стожко
кандидат философских наук, доцент,
кафедра истории и философии,
Уральский государственный экономический университет;
К.П.Стожко
доктор исторических наук, профессор,
кафедра философии,
Уральский государственный аграрный университет

ИСТОРИЧЕСКИЙ ОПЫТ РАЗВИТИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОГО СОРЕВНОВАНИЯ

Аннотация: В статье предложена авторская трактовка феномена социального взаимодействия в обществе и периодизация истории развития системы социального взаимодействия в нашей стране в XX столетии. Раскрыты ценностные трансформации на каждом этапе ее эволюции и их принципиальные различия. В частности, в рамках первого этапа развития социального взаимодействия особую роль играли кооперация и коллективистская психология народа. В рамках второго этапа социальное взаимодействие в виде социалистического соревнования оказалось обусловленным идеологическими соображениями. На третьем этапе социальное взаимодействие приобрело форму недобросовестной конкуренции со всеми вытекающими из этого последствиями. Автором раскрыты причины постепенного угасания активности системы социалистического соревнования в 60–70-х годах прошлого века и отказа от этой формы в пользу рыночной конкуренции. Особое внимание уделено развитию экономического соревнования на Урале, в частности, новаторскому движению, борьбе за повышение качества, экономию средств, повышение производительности труда и т.д. Отмечены новые формы организации соревнования на промышленных предприятиях Урала, получившие впоследствии распространение в других регионах страны.

Ключевые слова: институт, труд, трудовой коллективизм, социальное взаимодействие, соревнование, конкуренция.

Одним из наиболее распространенных и опасных мифов современной либеральной экономической науки является миф о конкуренции как двигателе экономического развития. На самом деле, когда А.Смит еще в XVIII веке писал общество пуритан, а не нынешнее его состояние, в котором вместо добросовестной конкуренции преобладает монополистическая и,

соответственно, недобросовестная конкуренция, деформировавшаяся за последние десятилетия чудовищным образом. Альтернативой такой дикой конкуренции всегда было и остается экономическое соревнование.

Экономическое соревнование представляет собой определенную форму социального взаимодействия субъектов национального хозяйства, обусловленную принципами самостоятельности, инициативности, самоорганизации, рациональности, эффективности. Среди разных форм социального взаимодействия в обществе можно назвать также артельную организацию, кооперацию, социальное самоуправление, конкуренцию и др.

Каждая из этих исторически сложившихся форм социального взаимодействия обладает своими специфическими характеристиками пережившими ряд периодов.

Первый период – это время широкой социальной кооперации. Он продолжался в нашей стране в рамках земского движения, развития широкой потребительской и сбытовой кооперации, артельного движения и т. д. и характеризовал, в общем и целом, дореволюционное время [1].

Второй период – это эпоха социалистического соревнования, которое приходится как раз на советский период, когда выстраивалась принципиально новая система социальных и производственных отношений, изменялся характер и содержание труда, его организация. В рамках этого периода социальное взаимодействие оказалось обусловленным определенными идеологическими установками [2].

Третий период – постсоветский этап в развитии современной России представлен современной конкуренцией, по большому счету, недобросовестной и потому малоэффективной. В условиях рыночной экономики ценностный ранг труда под влиянием деформаций в общественном и личном сознании постепенно снижается.

Таким образом, обнаруживается определенный тренд институциональных трансформаций: от социальной кооперации к соревнованию, а от соревнования – рыночной и недобросовестной конкуренции.

Впервые о соревновании было заявлено в п. 5 Резолюции IX съезда РКП(б) «Об очередных задачах хозяйственного строительства» от 3 апреля 1920 г. Соревнование в резолюции съезда рассматривалось как способ трудового принуждения (воздействия) и воспитания масс, как условие подъема производительности труда [3]. Но только в 1929 г., в газете «Правда» была опубликована заметка об инициативе рабочих завода «Красный выборжец» заключить договор с рабочими других предприятий о социалистическом соревновании по снижению себестоимости продукции и поднятию производительности труда. Инициатором этого предложения стал рабочий М.

Е. Путин [4]. А уже 9 мая 1929 г. выходит Постановление ЦК ВКП(б) «О социалистическом соревновании», в котором данный формат отношений рассматривается исключительно как инициатива самих рабочих: «Необходимо решительно бороться против каких-либо попыток бюрократически регламентировать и ввести установленные «сверху» схемы в различные формы соревнования, выдвигаемые массовым опытом» [5].

Собственно говоря, соревнование возникло в связи с необходимостью решения вопросов повышения трудовой и технологической дисциплины на предприятиях. А снижение уровня такой дисциплины объяснялось тем, что на промышленные предприятия приходило пополнение в основном из числа деревенских жителей. Как отмечалось в специальном Письме ЦК ВКР(б) «О поднятии трудовой дисциплины» от 21 февраля 1929 г., «в большинстве случаев деревенские настроения и интересы собственного хозяйства господствуют над этими слоями рабочих, и поэтому они труднее поддаются фабрично-заводской обработке и медленно усваивают необходимую в производстве трудовую дисциплину» [6].

Второй причиной распространения соревнования стала необходимость в технико-технологическом развитии, расширении практики изобретательства, рационализации и т. д. Была выдвинута задача преодолеть технико-технологическую отсталость страны от западных стран. И в этом контексте инициатива трудовых масс представлялась как один из мощных ресурсов решения поставленных задач.

В Постановлении ЦК ВКП(б) «О положении массового изобретательства под углом его влияния на рационализацию производства» от 26 октября 1930г. развитию массового изобретательства было отведено «исключительное значение», а само оно определялось как «одна из важнейших форм непосредственного участия рабочих в социалистической рационализации производства» [7].

Не случайно, что возникновение и развитие социалистического соревнования совпало с эпохой индустриализации. В 1935 г. возникло стахановское движение [8; 9]. В военное время получило развитие агарковское и лунинское движение [10], появилась специфическая форма соревнования – «за лучшие результаты в бою и труде», когда соревновались коллективы промышленных предприятий и воинские части [11]. С мая 1942 г. социалистическое соревнование получило широкое распространение на Урале.

В послевоенное время соревнование стало типичным явлением в народном хозяйстве. В целях улучшения его организации каждое предприятие должно было определять его основные направления, формы и методы учета и подведения итогов, распространение передового опыта. Свою роль в развитии

соревнования сыграла и переориентация экономики на выпуск потребительских товаров в соответствии с Постановлением «О мерах по увеличению производства товаров широкого потребления и продовольственных товаров предприятиями промышленности, промысловой кооперации и кооперации инвалидов». Согласно Постановлению 50 % прибыли, получаемой сверх плана, предприятия могли оставлять у себя; 25 % из оставляемой предприятиями прибыли шло на развитие подсобных хозяйств и культурно-бытовое обслуживание; остальные 25 % – на премирование работников за производственные достижения [12].

Проявлением положительной динамики развития соревнования стали рост активности работников, возникновение и распространение новых форм соревнования (бригадный подряд, новые системы стимулирования и оплаты труда) [13].

Одной из важных экономических задач, стоявших перед обществом, был рост производительности труда. В связи с этим в конце 50-х – начале 60-х гг. широкое распространение получило движение за выявление личных резервов каждым рабочим. К примеру, в 1963 г. на предприятиях Среднего Урала 100 тысяч передовых рабочих трудились по личным и комплексным планам, реализация которых позволяла ежегодно экономить более 14 млн. руб. [14].

Но к началу 60-х гг. наметилось определенное отставание СССР от ведущих индустриальных государств, как по объему производства, так и по техническому уровню и качеству выпускаемого оборудования. К примеру, в СССР был изготовлен только опытный образец многослойного сосуда высокого давления, а фирма «Смит» в США уже изготовила 10 000 многослойных сосудов на давление от 200 до 1500 атм.

Поэтому необходимо было направить организацию соревнования на развитие автоматизации производства, улучшение качества выпускаемой продукции. На решение этих задач было нацелено соревнование городов и районов за лучшую работу по изобретательству и рационализаторству. С инициативой по составлению личных пятилетних планов выступил конструктор Уралмашзавода В. М. Нисковских. По его инициативе развернулось массовое движение под девизом «Каждому инженеру и технику – творческий план научно-технического прогресса на пятилетку».

В 1964 г. на «Уралмаше» была создана уникальная машина непрерывного литья заготовок (МНЛЗ). Но изобретение, благодаря чиновникам, на десятилетие «сдали в архив». Только в 70-х годах уралмашевские МНЛЗ заработали, и сразу же в первый год дали по миллиону тонн слябов – невиданная прежде производительность!

В привлечении работников к техническому совершенствованию производства большую роль играли научно-технические общества (НТО), создаваемые в стране. К примеру, в 1961 году в Пермской области действовало 503 первичных организации НТО, насчитывавших 32 тысячи членов [15].

Дальнейшее развитие движения изобретателей и рационализаторов было связано с хозяйственной реформой 1965 года. В сентябре 1965 года вышло постановление «Об улучшении управления промышленностью, совершенствовании планирования и усилении экономического стимулирования промышленного производства». Было ограничено число централизованных показателей. Только число первичных форм отчетности сократилось с 1174 до 123, т. е. в 10 раз, что лишь по бухгалтерской и статистической отчетности составило в пересчете на год 15 тыс. показателей [16]. Одним из основных показателей становится прибыль.

Вместе с тем попытки включить в механизм реформы рыночные рычаги встречали активное сопротивление со стороны противников рыночной экономики. Появились публикации, согласно которым товарный характер производства рассматривался как несовместимый с общественной собственностью (И. С. Малышев) с планированием (В. А. Соболь) и т. д. [17].

Однако в начале проведения хозяйственной реформы значительно выросло число работников, занимавшихся изобретательством и рационализаторством. Степень их участия в этом движении во многом зависела от общеобразовательного и культурно-технического уровня. В промышленности Свердловской области, например, число рабочих со средним образованием в 1965–1970 гг. увеличилось в 2 раза, в строительстве более чем в 3 раза, более 60% работников имели среднее высшее образование. На одном только Уралмашзаводе в 1968 г. 1366 молодых людей окончили школы рабочей молодежи, 272 – техникумы, 133 – институты [18].

В 1966–1975 гг. росло число новаторов, количество поступивших и внедренных предложений и сумма экономии. За 10 лет в совершенствовании производства приняли участие 1 млн. 131 тыс. работников. Было сэкономлено 887 млн. руб. Рационализаторский фонд за этот период увеличился до 365 млн. руб. против 270 млн. руб. по плану [19]. Развитию технического творчества работников содействовали общественные конструкторские бюро (ОКБ), бюро экономического анализа (ОБЭА), впервые возникшие на предприятиях Свердловской области – Уралмашзаводе, Уралвагонзаводе и Первоуральском Новотрубном заводе. Ежегодно проводились соревнования за звание лучшего ОКБ, ОБЭА. Это способствовало росту числа изобретателей и рационализаторов, количеству внедренных предложений и сумме экономии. Всего за 1966–1970 гг. в Свердловской области было внедрено 2762

изобретения и 440 рационализаторских предложений, что позволило сэкономить 365 млн. руб. [20].

Вначале 60-х гг. XX века распространенной формой социалистического соревнования становится движение за коммунистическое отношение к труду. Задачами движения являлись: оказание бескорыстной помощи отстающим, развитие чувства коллективизма, повышение ответственности за результаты труда и работу всего коллектива предприятия. За достижение наивысших результатов в соревновании присваивалось звание «Ударник коммунистического труда».

Согласно исследованиям социологов в этой форме соревнования принимали участие 96–98% работников разных сфер экономики. Эти исследования, проведенные на металлургических заводах Урала, показали, что участвующие в движении за коммунистический труд в 4 раза активнее тех, кто не принимал участия в соревновании. Среди ударников коммунистического труда в 8 раз больше членов ВОИР, в 4 раза больше членов бригад НОТ [21].

В то же время организация соревнования имела ряд недостатков:

1) сложная и формальная система организации соревнования, многообразие форм отчетности;

2) плохая практическая организация починов и инициатив работников.

В целях повышения эффективности соревнования во второй половине 70-х гг. XX века в стране стало уделяться больше внимания вопросам улучшения экономических показателей: снижению себестоимости, росту рентабельности производства, улучшению качества выпускаемой продукции.

Вместе с тем, проявилась тенденция к уравниловке. Нарушение принципов социальной справедливости, уменьшение дифференциации в оплате труда разной эффективности и качества, установление различного рода «потолков» в вопросах материального стимулирования работников поставили их в такие условия, в которых работать производительно и качественно становилось просто невыгодно. Оплата труда ориентировалась не на рост его производительности, а на установленный в централизованном порядке фонд заработной платы, которым предприятие не вправе было распоряжаться по собственному усмотрению. Рост интенсивности труда не получал должной компенсации: рабочему становилось выгоднее работать по «средней». Менялось отношение работника не только к труду, но и к соревнованию.

Тем не менее, борьба за повышение производительности труда продолжалась. Так, на металлургических предприятиях Челябинской области получило развитие движение за повышение производительности труда на каждом рабочем месте. В конце 1978 года этой формой соревнования на Челябинском трубопрокатном заводе было охвачено 16 коллективов, 177

бригад, 2663 рабочих или 28,6 % от их общего количества. К 1980 г. на предприятии повысилась производительность агрегатов, снизился брак, увеличился выпуск труб со знаком качества, составлявший в общем объеме продукции 12,5 % против 11,4 % в 1976 г. [22]. Однако сама организация соревнования была малоэффективной.

В 80-е годы руководство СССР «вспомнило» о бригадном подряде. Основной особенностью бригады являлось включение в ее состав большого числа рабочих разных профессий (комплексные бригады) или рабочих одной профессии (специализированные бригады, работающие на один наряд). Особое внимание уделялось такой форме бригадного подряда, как сквозная бригада, объединяющая рабочих всех смен, обслуживающих один агрегат и работающих на один наряд. Производительность труда в комплексно-сквозных бригадах повышалась в среднем на 10–15 %. Оплата рабочих таких бригад производилась по конечным результатам работы участка, что повышало заинтересованность рабочих бригады в выполнении плана.

Бригадные формы организации и стимулирования труда повышали роль трудовых коллективов в управлении. В хозрасчетных комплексных бригадах, работающих по подрядному методу и на один наряд, повышалась трудовая активность работников, усиливалась взаимная ответственность. Полномочия трудовых коллективов определялись ст. 18 «Закона о трудовых коллективах». Трудовые коллективы принимали участие в смотрах эффективности использования сырья, материалов, топливно-энергетических ресурсов и рабочего времени. За счет данных починов в Свердловской области к началу 1983 г. было внедрено 269 тыс. предложений и получено 178 млн. руб. экономии.

В Свердловской области в 70-е годы XX в. получает развитие почин «Каждой бригаде – лицевой счет экономии», инициатором которого выступил рабочий Верх-Исетского завода В. Ермолаев. В 1980 г. на заводе открыли 350 лицевых счетов экономии, благодаря которым было сэкономлено 7 млн. 182 тыс. руб. Развитие соревнования за лучший лицевой счет экономии в целом позволяло изыскивать неиспользованные резервы повышения эффективности производства, улучшать качество работы.

Постепенно изменялись и оценочные показатели обязательств участников соревнования. К основным показателям в этот период относились объем реализованной продукции и производительность труда.

В то же время в соревновании продолжали оставаться элементы формализма: устанавливались нереальные задачи и непродуманные сроки для их решения, часто не учитывались возможности предприятий и т. д. Все это снижало роль соревнования в экономическом развитии страны.

Характерной особенностью технического творчества работников этого периода являлся переход от случайных, единичных усовершенствований к планомерному комплексному решению задач технического прогресса. К примеру, в 1979 г. при активном участии изобретателей и рационализаторов впервые в СССР был освоен выпуск новых видов изделий: экономические фасонные горячекатанные профили проката на Нижнетагильском металлургическом комбинате и Нижне-Сергинском металлургическом заводе.

В 1979 году в Свердловской области работали более 1200 ОКБ, около 9000 творческих комплексных бригад и свыше 100 советов новаторов, в которых было объединено почти 50 тыс. человек [23]. Расширение движение рационализаторов и изобретателей способствовало появлению и распространению более сложных и технически зрелых разработок.

Большое значение для широкого внедрения новинок, обмена опытом имела организация выставок достижений рационализаторов и изобретателей. В 70-е годы XX в. Средний Урал дважды представлял достижения своих новаторов на ВДНХ СССР. Регулярно проводились областные выставки.

Наряду с развитием технического творчества продолжали существовать и другие формы и методы соревнования. Много внимания, в частности, уделялось распространению соревнования рабочих ведущих профессий, конкурсам профессионального мастерства. Получила развитие практика заключения двухсторонних договоров между предприятиями одной отрасли, расположенными в разных регионах.

Совершенствование организации соревнования выразилось в значительном улучшении работы школ передового опыта. Такие организационные формы соревнования, как договоры, эстафеты, трудовые турниры развивали саму суть соревнования – состязательность, соперничество товарищей по труду.

Повысить общественный интерес и активизировать участие работников в соревновании стремились профсоюзные организации. При непосредственном их участии на Урале получили распространение движение за ежемесячное перевыполнение заданий по росту производительности труда, за выплавку металла строго по заказу, высокого качества и с минимальными затратами, за выполнение пятилетнего задания бригады меньшим составом, за право быть удостоенным почетного звания «Коллектив высокой эффективности производства и отличного качества продукции».

Новый характер приобрело соревнование по лицевым счетам экономии, возникшее еще в 1948 году по инициативе сталевара ВИЗа П. Заики. В лицевых счетах, помимо экономии материальных ценностей и трудовых затрат, стали учитывать эффективность от рационализации изобретательства, долю бездефектной продукции, сданной с первого предъявления.

За достижения в соревновании работники получали благодарности, награждались Почетными грамотами, значками «Отличник социалистического соревнования», удостаивались звания лучшего работника профессии по конкретному министерству.

В период перестройки проводились эксперименты, направленные на усиление связи соревнования с распределением по труду. Эксперименты показали, что изменение форм поощрения передовиков и воздействия на отстающих повышали уровень трудовой активности работников. В 1990 г. была предложена новая модель организации соревнования [24]. Участники соревнования должны были разделяться на две группы, формируемые на сравнимости условий труда. Определяются показатели, по которым подводятся итоги соревнования и заранее устанавливаются премии за первое, второе и последующие места. Премированием должны охватываться до 80 % работников, но размеры премий дифференцировались в зависимости от места, занимаемого в соревновании, что исключало «уравниловку». После хозяйственной реформы 1965 года это была последняя попытка соединить соревнование с централизмом. Но и она закончилась ничем.

Попытка превратить стимулы соревнования в доминирующую силу трудовой активности работников в конце 80-х начале 90-х гг. XX века не увенчалась успехом. Большинство работников воспринимали контроль результатов их труда, как нечто внешнее и чуждое. Таким образом, попытки руководства СССР «сверху» повысить роль трудовой активности работников через экономическое соревнование к началу 90-х гг. XX века закончились неудачей. Этому способствовало и распространение о том, что «нашей стране делать все точно так же, как на Западе» [25]. В связи с этим в нашем обществе вместо соревнования как здоровой формы социального взаимодействия распространилась недобросовестная конкуренция со всем арсеналом ее негативных средств.

Выход из сложившейся ситуации видится в возрождении трудового коллективизма, его идеалов, традиций и институтов. Эти ценности (социальная ответственность, социальная справедливость, социальная кооперация, взаимопомощь и др.) исторически всегда были свойственны субъектам национального хозяйства (трудовым артелям, бригадам, звеньям и т. д.). В их восстановлении и должна состоять принципиально новая идеология возрождения экономики России в XXI столетии.

Постепенно возрождается интерес и к истории организации соревнования [26; 27; 28; 29]. Накопленный опыт их развития и актуализации в хозяйственной практике может быть востребован и в современных условиях.

Литература

1. Воронцов В.П. Экономика и капитализм. Избранные произведения. М., 2008.

2. Марцева Л. М. Труд в контексте российской цивилизации. Социально-философский аспект. Омск, 2002. С. 276–277.

3. Директивы КПСС и Советского правительства по хозяйственным вопросам. М., 1957. Т. 1. С. 161–162

4. Призывы имени Путина звучали еще 75 лет назад. URL : https://www.ntv.ru/novosti/44113/ (дата обращения 15.03.2019).

5. Директивы КПСС и Советского правительства по хозяйственным вопросам. М., 1957. Т. 2. С. 60.

6. Там же. Т. 2. С. 13.

7. Там же. Т. 2. С. 215.

8. Рогачевская Л. С. Социалистическое соревнование в СССР. Исторические очерки. 1917–1970. М., 1977.

9. Шегута М. А., Штанько Л. А. Стахановское движение: предпосылки, начало, продолжение

10. Стожко К. П. Экономическая наука в СССР в годы Великой Отечественной войны. Екатеринбург, 2010.

11. Урал – фронту / под ред. А. В. Митрофановой. М., 1985. С. 213.

12. Директивы КПСС и Советского правительства по хозяйственным вопросам. М., 1957. Т. 2. С. 871.

13. Стожко Д. К., Стожко К. П. История социально-экономической мысли России: XX век. Екатеринбург, 2014. С. 505–514.

14. Государственный архив Свердловской области (ГАСО). Ф. 376. Оп. 2. Д. 121. Л. 26.

15. Государственный архив Пермской области (ГАПО). Ф. Р–948. Оп. 1. Д. 896. Л. 330.

16. Андреев С. Причины и следствия //Разорванный круг. Свердловск, 1988. С. 253.

17. Валовой Д. В. Экономика: взгляды разных лет. Становление, развитие и перестройка хозяйственного механизма. М., 1989. С. 218–220.

18. Свердловская область в цифрах за 1966–1970 гг. Свердловск, 1971. С. 20.

19. Рябов Я. П. Инициатива и творчество масс. М., 1973. С. 132.

20. Объяснительные записки к годовым отчетам по основной производственной деятельности предприятий черной металлургии Урала за 1980 год // Текущий архив МЧМ СССР. М., 1980.

21. Руткевич М. Н. Развитие социально-классовой структуры советского общества. М., 1989.

22. Партийный архив Челябинской области (ПАЧО). Ф. 1104. Оп. 12. Д. 40. Л. 56–57.

23. Уральский рабочий (газета). 1979. 30 июня; 1980. 28 июня.

24. Бобков В. Н., Сергеев А. А. Альтернатива: выбор пути. М., 1990.

25. Чуринов Н. М. Совершенство и свобода. Новосибирск, 2006. С. 494.

26. Антиномов М. Ю. Социалистическое соревнование как элемент государственной политики в формировании нового сознания подрастающего поколения в конце 1930-х годов // Ученые записки Тамбовского отделения Российского Союза молодых ученых. 2014. № 2. С. 3–4.

27. Даминаев И. И. История применений социалистических соревнований в строительной индустрии Башкирской АССР в 1965-1985 гг. // Проблемы современной науки и образования. 2016. № 9(51). С. 26–29.

28. Кирсанов Р. С., Камардин И. Н. Социалистическое соревнование на промышленных предприятиях Среднего Поволжья в годы первой пятилетки // Манускрипт. 2016. № 8(70). С. 99–101.

29. Королева Л. А., Редькина Д. С. Социалистическое соревнование в Среднем Поволжье в 1920-х – первой половине 1930-х гг. (по материалам Пензенского округа) // Образование и наука в современном мире. Инновации. 2017. № 5(12). С. 38–42.

Д. К. Стожко
кандидат философских наук, доцент,
кафедра истории и философии,
Уральский государственный экономический университет,
К. П. Стожко
доктор исторических наук, профессор,
кафедра философии,
Уральский государственный аграрный университет.

УПРАВЛЕНИЕ И САМОУПРАВЛЕНИЕ: ДИАЛЕКТИКА НАУКИ И ТЕХНИКИ

Аннотация: Целью исследования является философская реконструкция и оценка многомерного характера взаимосвязей между социальным творчеством и новой технико-технологической реальностью. На примере диалектики науки и техники, ноосферы и техносферы в работе раскрывается характер и особенности таких взаимосвязей в условиях современного глобализма, новой

научно-технической революции и перехода общества к новому технологическому укладу. Дается анализ понятий «трансгуманизм», «постчеловек» и ряда других терминов, а также результатов современных дискуссий по исследуемой проблематике. Обосновывается идея о том, что эффективное управление современной техносферой сопряжено с сохранением базовых традиционных ценностных оснований существования общества, которые позволили создать современную технику и технологию и которые способны обеспечить необходимое динамическое равновесие между наукой и техникой в условиях неуклонно растущей социальной нестабильности, неопределенности и рисков.

Ключевые слова: диалектика, динамическое равновесие, социальное творчество, наука, техника, технология, технологический детерминизм, техносфера, техноструктура.

Актуальность проблемы

Проблема взаимосвязи социального творчества (во всех его формах: науки, искусства, культуры, экономики, политики и т. д.) и техники (разного рода технических средств и технологий) давно является одной из наиболее обсуждаемых проблем для многих отраслей философии. Эта проблема рассматривается в социальной философии, философской антропологии, философии культуры, философии техники и др. Связано это с разнонаправленным влиянием техники, техносферы и так называемой «технической реальности» на социальное творчество человека, на всю его деятельность.

Данная проблема восходит своими корнями к временам античности, когда греческий философ Платон высказал мысль о том, что править обществом должны ученые (философы), обладающие «истинным» знанием. С той поры данная проблема прошла разные этапы в своем развитии. Это отражало, в первую очередь, развитие самой науки как важнейшего вида социального творчества: от мифологии, метафизики, алхимии и натурфилософии до современного ее состояния.

В настоящее время наука переживает очередную парадигму в своем развитии, связанную с накоплением огромного массива научных знаний и необходимостью их осмысления и переосмысления. Не случайно, что еще на рубеже XI – X веков до н. э. легендарный царь Соломон утверждал: «От многой мудрости много скорби, и умножающий знание умножает печаль».

Дискуссии и обсуждения

Одним из результатов обсуждения рассматриваемой проблемы в научной литературе стала концепция «технологического детерминизма», смысл которой состоит в том, что именно техника и технология во многом, если не в

решающей степени, обусловливают развитие самого социального творчества человека. И хотя собственно термин «технологический детерминизм» появился впервые в работах американского социолога и экономиста Т. Веблена (1857 – 1929), а затем получил свое распространение в работах американских авторов, экономиста К. Айреса (1891 – 1972) и философа Дж. Дьюи (1859 – 1952) и др., но некоторые исследователи связывают его даже с более ранними авторами. Например, с работами К. Маркса (1818 – 1883), который, в частности, указывал, что со временем наука сама превратится в непосредственную производительную силу общества, т. е., по существу, превратится в своеобразную технику и технологию, с помощью которой общество будет решать многие свои хозяйственные (и не только хозяйственные) проблемы.

Как бы там ни было, мотив техники и ее роли в жизни общества прослеживается постоянно в большинстве социальных утопий и научных сочинениях, начиная с выхода в свет знаменитого романа Ф. Бэкона «Новая Атлантида» (1626).

О взаимосвязи творчества (науки, искусства, культуры) и техники (техносферы, технологии, техноструктур) в настоящее время также ведется много обсуждений и дискуссий. Одним из ярких примеров этому стала работа «круглого стола» «Наука. Технологии. Человек», материалы которой опубликованы в журнале «Философия науки и техники» [1, с. 5–49].

В процессе обсуждения появились или были конкретизированы новые идеи и термины о взаимосвязи творчества и техники. В частности, такие понятия, как «постчеловек», «трансгуманизм», «трансдисциплинарность», «полифуркация», «сингулярность», «сайентификация» и др., с помощью которых отдельные участники названного «круглого стола» попытались примирить, казалось бы, непримиримое или, как выражаются философы, «снять» противоречие между влиянием человека на технику и обратное влияние техники на человека. В частности, В. А. Лекторский подчеркнул, что трансформация человека, вызванная влиянием современной техники и технологии, может происходить по-разному. «Можно пытаться трансформировать его с помощью НБИК – технологий (*нано-био-информационно-когнитивных – авт.*), превращая в «постчеловека», т. е., по сути дела, убивая его как человека. А можно осознать тот факт, что развитие культуры, философии, искусства, литературы, науки и было реальным трансформированием человека. То есть развитием его ценностных представлений, созданием нового «мира человека». И это развитие шло именно по пути гуманизации самого человека и его отношений, а не по пути его расчеловечивания, реальная опасность которого сегодня появляется» [1, с. 9].

Однако это вызвало определенные попытки со стороны других участников дискуссии нивелировать проблему, уйти в область обсуждения более частной проблемы характера и соотношения фундаментальной и прикладной науки, в область функционализма конкретных отраслей науки, понимания физикализма, полезности научных знаний, их экспертизы и т. д.

Так, Д. И. Дубровский попытался «оправдать» идею «трансгуманизма» и формирования «постчеловека» в условиях современной техносферы. Он, в частности, заявил, что, во-первых, надо уточнить ту систему ценностей, которая связывается с понятием гуманизма. На его взгляд, далеко не все ценности гуманизма бесспорны. Кроме того, отнюдь не все ценности конгруэнтны (согласуются) между собой, и уж тем, более соблюдаются.

И, во-вторых, что прежние ценности вполне можно обогатить новыми экзистенциальными смыслами [1, с. 13]. Это будто бы диктуется изменением самой реальности, в которой живет современный человек. Получается, что уже и не человек – творец своего счастья, а та среда (имеется в виду техносфера), которую он создал. Но ведь еще отечественный поэт-классик Н. А. Заболоцкий (1903 – 1958) писал в своем стихотворении «На закате» (1958):

«Два мира есть у человека:
Один – который нас творил.
Другой, который мы от века
Творим по мере наших сил.
Несоответствия огромны…».

Только этот первый мир, который творит самого человека, вряд ли можно сводить к технике. Это еще, а, возможно, даже в первую очередь, и социальный, духовный, культурный мир, в котором индивид постепенно становится личностью, человеком.

Вопрос об «обогащении» ценностей гуманизма новыми смыслами на том лишь основании, что такие ценности оказываются, по факту, часто прямо противоположными (от десяти заповедей – до «стандартов» однополых браков) вряд ли уместен. Дело в том, что ценности, как известно, бывают разными. Различают абсолютные, функциональные, условные, даже отрицательные ценности. Учение о ценностях (аксиология) имеет давнюю историю. Когда-то Н. О. Лосский, разрабатывая свою онтологическую теорию ценности, отмечал, что ценность – это то, что приближает нас к абсолютной полноте бытия. Он писал: «Полярность ценностей необходимо связана с полярностью симптоматического выражения их в чувстве, прежде всего в чувстве удовольствия и страдания. Точно также полярна и реакция воли на ценности, выражающиеся во влечении или отвращении» [2, с. 287].

При этом не следует смешивать разные типы и виды ценностей при объяснении гуманизма и, тем более, взаимоотношений между наукой и техникой. Сравнивать необходимо только те ценности, которые имеют равный статус. Например, абсолютные ценности (между собой), но никак не с функциональными или еще какими-то иными ценностями.

Сравнение ценностей - вещь вполне естественная, поскольку система ценностей иерархична. Известно, что еще апостол Павел утверждал, что из трех абсолютных ценностей человеческого бытия, веры, надежды и любви, «любовь больше».

Он писал в своем Послании к коринфянам:

«Если я говорю языками человеческими и ангельскими, а любви не имею, -
То я медь звенящая или кимвал звучащий.
Если я имею дар пророчества и знаю все тайны,
И имею всякое познание и всю веру так,
Что могу и горы переставлять, а любви не имею, - то я ничто»

(I Коринфянам: 13)

В этом отношении заявление о том, что «абсолютизация ценности какой-либо одной ветви человеческой деятельности неизбежно приводит к деформации в других» [1, с. 17] вызывает серьезное возражение. Несмотря на свою иерархичность, абсолютные ценности для всех «других ветвей» человеческой деятельности (в том числе и технических), сохраняют свой высший ценностный ранг во всей его полноте. Абсолютные ценности потому и являются абсолютными, что они имеют универсальное значение и высший (абсолютный) ранг во *всех* видах человеческой деятельности.

Как видно из материалов дискуссии, основным вопросом в ней стал все-таки вопрос не о соотношении науки и техники, а вопрос о власти, которой обладают наука и техника. Сожаления по поводу несбывшейся платоновской идеи о том, что «править должны философы» или бэконовской мысли о том, что «наука – это сила» привели участников дискуссии к вопросам о том, «как управлять» и «чем можно управлять» в сфере социального творчества.

Была высказана мысль о том, что управлять наукой нельзя, что она сама должна управляться (самоуправляться) на основе своих собственных импульсов и законов саморазвития. Отсюда взаимоотношения между наукой и техникой в плоскости «ученый – политик» иллюстрируют тот простой факт, что «ученый и политик мыслят абсолютно по-разному. Поэтому ученый или эксперт не могут заменить политика. И поэтому политик часто не может понять ученого» [1, с. 46].

Но интересно, что и сами ученые порой не могут понять друг друга и прийти к единому пониманию сути проблемы взаимосвязи социального творчества,

креативности и техники (технологии). Следствием чего является существование двух трактовок философии техники: гуманистической (Ф. Дессауэр, Э. Карнапп, П. Энгельмейер и др.) и «инженерной» (Л. Мэмфорд, Х. Ортега-и-Гассет, М. Хайдеггер, Ж. Эллюль и др.).

Они, в свою очередь, оказываются следствием определенного противостояния между представителями (носителями) антропоцентристского, социоцентристского и техноцентристского мировоззрения. Причем, именно «инженерная» трактовка философии техники в последнее время все более превалирует над гуманитарной философией техники [3; 4; 5; 6]. Эта тенденция сложилась в условиях зрелого индустриализма и перехода к новому индустриальному обществу. С тем лишь уточнением, что «революция управляющих» и переход власти в корпорациях к представителям техноструктуры, о которой когда-то писал Дж. К. Гэлбрейт, так и не состоялись.

Этот процесс закончился «термидорианским переворотом»: захватом реальной власти и функций управления администрацией (чиновниками и политиками). «В прошлом руководство в хозяйственной организации олицетворял предприниматель», но сегодня «вместо предпринимателя направляющей силой предприятия считается администрация» [7, с. 115].

В последние годы в литературе получил широкую прописку термин «техническая реальность», который стал дополнением к использовавшимся прежде понятиям «техносфера», «техносреда», «техноструктура» и др. За рубежом данная проблематика представлена в исследованиях Ф. Дессауэра, В. Джекобса, F. Callage, W. Newser, Т. Куна, С. Лема, H. Fogger, О. Шпенглера и др. В России она присутствует (помимо уже названных авторов) в работах В. В. Алексашиной, И. Ю. Алексеевой, К. Л. Анисимова, О. В. Аронсона, Н. А. Бердяева, С. С. Бескаравайного, В. И. Гнатюк, В. Г. Горохова, А. В. Григорьева, Ю. Л. Епископосова, В. П. Капитона, Ю. С. Мелещенко, Я. Г. Неуймина, В. М. Розина, О. Д. Симоненко, Е. Ю. Смотрицкого, А. И. Субетто, В. Н. Шубина и др.

Прикладные аспекты изучения соотношения социального творчества и техники находят свое отражение в современных научных периодических изданиях: журналах «Философия науки и техники», «Проблемы управления рисками в техносфере», «Безопасность в техносфере» и др.

Смысл введения новых понятий в научный лексикон оказался связан с представлением о том, что мир техники – это не подлинный, не реальный мир людей, а своеобразная проекция на него (Н. А. Бердяев). Основой этого представления служит то обстоятельство, что «бытие не тождественно реальности» [8, с. 45].

Тем не менее, «вся история человечества – это история творчества, в том числе технического, способствующего адаптации человека к миру, подчинению среды обитания его возрастающим биологическим, социальным и культурным запросам» [9, с. 80].

Но результатом такого творчества может служить не только созидание «мира человека», но и его разрушение, не только улучшение самого человека, но и его деградация как человека.

Результаты исследования

Известно, что «устойчивость структуры общества обусловлена постоянством соотношений, на которых оно базируется» [10, с. 347]. Одним из важнейших таких соотношений является соотношение между социальным творчеством и технико-технологической реальностью, между наукой и техникой, ноосферой и техносферой. При этом, «увеличение количества разнообразия, сложности, масштаба, функциональных возможностей создаваемых и изготовляемых в обществе техноструктур предопределяет рост числа способов удовлетворения потребностей, используемых в обществе» [10, с. 349].

Однако существенным отличием состояния общества за последние десятилетия стало как раз нарушение этого постоянства, рост динамики развития науки и техники и связанная с этим ростом бифуркация взаимосвязей между ними. Сложно говорить о какой-то строго определенной системе (системности) в сфере таких взаимосвязей, а, следовательно, и об их энтропии (поскольку энтропия, согласно Р.Клаузиусу, - это свойство сложившихся систем). А взаимосвязи между обществом и техносферой назвать системой в строгом значении этого слова вряд ли правомерно. Скорее, мы наблюдаем трансформацию прежних взаимосвязей, их модернизацию, диверсификацию, развитие их эмерджентности и рост их динамики. Все это, вместе взятое, можно было бы охарактеризовать биологическим термином «мутация» – изменение самой сущности рассматриваемых взаимосвязей и их характера, содержания. Используя данный термин (предложенный в 1901 г. Г. де Фризом), можно охарактеризовать процесс изменения взаимосвязей между социальным творчеством и технико-технологической реальностью, наукой и техникой как «мутагенез».

Точно так же, как в медицине или биологии попытки на нанокорпускулярном уровне изменять и направлять метаболические и генные процессы оказывается весьма сложно, так и в сфере социального творчества осуществлять процессы управления техносферой, новой технико-технологической реальностью оказывается все более затруднительно. «Чем сложнее техника - тем труднее ею управлять» (С.Джобс). «Произведения» как результаты творчества, вырвавшись на свободу, живут своей «жизнью». Кроме того, управлять

автомобилем или самолетом само по себе требует специальной подготовки и определенных условий. Что же касается более сложных видов техники, а тем более – техноструктур или техносферы в целом, то здесь даже тотальная диспетчеризация процессов не дает гарантированного результата. Сбои в электросетях, техногенные катастрофы и иные инциденты, связанные с функционированием разных техноструктур, все чаще напоминают человеку о том, что он попадает в зависимость от той техники или технологии, которую сам же и создает. Можно сколько угодно образцово соблюдать, например, правила дорожного движения или правила перелетов (воздушной навигации), но какой-либо иной технико-технологический фактор может свести на нет все усилия творца техники. Речь не идет о погодных условиях, которые свидетельствуют лишь об уровне развития техники и ее функциональных возможностях. Речь идет о самой технике. И точно также как можно организовать термоядерный синтез, но крайне сложно им управлять, а тем более управлять его последствиями, крайне сложно управлять современной техносферой.

Даже использование самого современного Большого андронного коллайдера (БАК) показало, что его мощности не достаточно для требуемого ускорения элементарных частиц. В поисках «черной материи», уже предполагается построить к 2050 г. намного более мощный «Большой циклический коллайдер». Стоимость проекта - 20 млрд. евро. А что дальше? Поскольку материя бесконечна, как бесконечен и процесс познания, то где гарантия того, что мощности нового устройства хватит для того, чтобы эффективно направлять потоки элементарных частиц в поисках новой материи (или антиматерии)? И что произойдет, когда эта новая материя (или антиматерия) станет технически доступной? Не произойдет ли все так, как показано в американском триллере «Ангелы и демоны» (режиссер Р.Ховард), когда, в результате создания «антивещества» возникла реальная угроза уничтожения планеты? Надежды на то, что человек окажется в состоянии управлять своими открытиями - это хорошо, но «надежды юношей питают»…

Эффективное управление постоянно растущей и развивающейся техносферой с гарантией безопасности для человека – это все еще задача будущего, без решения которой трудно позитивно рассуждать о судьбе человечества в целом. Все строго по А. П. Чехову: «если в начале пьесы на стене висит ружье, то к концу пьесы оно непременно выстрелит», если его не разрядить.

В последние десятилетия в области развития самой техники и технологии произошли фундаментальные изменения. Если раньше те или иные техноструктуры существовали раздельно, то на протяжении последних

десятилетий все они соединились в единую макросистему – техносферу. Эта техносфера стала более открытой, как и само общество (концепция К. Поппера об «открытом обществе»), и глобальной. Исследователи насчитывают до одиннадцати конкретных групп техноструктур, входящих в единую техносферу [10, с. 274].

На текущий момент можно выявить несколько уровней проблемы взаимосвязи творчества и техники: физиологический, психологический, биологический, нравственный, экзистенциальный и организационный.

«Граница естественного и искусственного в человеке разрушается, он становится не только произведением техносреды, но, проектируя и создавая новую реальность, он делается произведением своей собственной творческой активности, вплоть до изменения присущей ему телесности за счет вживления чипов, элементов искусственного интеллекта, генной технологии, трансплантологии и т. п.

Наука фактически ведет «атаку» на человека. Возникают трудности с критерием признания человека человеком в ходе замены естественных органов на искусственные.

Какой процент замены тканей и органов на механические, кибернетические, бионические сохранит статус человека за его «усовершенствованной» копией?» [11, с. 18–27].

Другой ракурс проблемы – генетика, а точнее – «генные игры» в современной науке и технике. Экспериментируя с ДНК и создавая технологии управления развитием молекул (так называемая «направляемая эволюция» – VEGAS), ученые становятся своеобразными технологами производства новых «научных» продуктов – химер: разных клонов, мутантов, «бифштексов на грядке» или «груш на вербе» [12]. Постоянная мутация нового вируса COVID-19, пандемия которого охватила весной 2020 г. практически весь мир, стала самым очевидным подтверждением (а точнее, опровержением) так называемой «направляемой эволюции».

Есть и еще более глубокий, нежели биологический или физиологический, уровень трансформации взаимосвязей между творчеством и техникой – *экзистенциальный*. Он вошел в наиболее острую фазу с началом цифровой революции, которая самым существенным образом трансформировала не только публичное, но и частное пространство, не только профессиональную, но и обыденную жизнь людей. Появилось и стало развиваться новое общество, которое уже не назовешь просто «индустриальным» (К. Сен-Симон), «постиндустриальным» (Д. Белл), «технотронным» (З. Бжезинский) или «информационным» (К. Кояма). Это уже «общество риска» (У. Бек) [13]. Для него стали характерными чертами высокая степень неопределенности,

нестабильности, турбулентности, рисков и угроз. Строго, как в японской пословице «Нет ничего более постоянного, чем перемены».

Только это уже не эволюционные перемены, не какие-то там долгие пути поисков смысла жизни - «*дао*» или длительные состояния просветления - «*сансари*», не «*суперволны*» или циклы М.И.Туган-Барановского и Н.Д.Кондратьева, не «*мегатренды*» Э.Тоффлера. А это то, что принято называть «*здесь и сейчас*». Или, как в физике - «*мгновенная* изменения скорости функции». И в контексте изменения техносферы меняется сама наука. Длительные логические и последовательные исследования все чаще замещаются инсайтом, озарением, наитием, роль которых становится едва ли не определяющей.

И тут, как бы вдруг, оказывается, «нет» не знаменитостей, не авторитетов. Их просто не принимают, не замечают. Если раньше человека учили, что есть авторитеты, что каждое новое поколение ученых стоим на их «плечах», на их достижениях. Ну и так далее. То теперь оказывается, что есть всего лишь техника. Поэтому у «технитов» возникает и вопрос о том, а зачем, вдруг, им нужно это старое «антропологическое наследство»? Легче строить свое интеллектуальное «реноме» в другом «пространстве». Не в пространстве «фундаментальных оснований», не в плане признания человека как «высшей ценности», а в плане «зачистки» этого пространства, которое некоторые наши современники готовы уничтожить, подобно тому, как это делают «черные жуки» в к/ф «Мумия». Вместо антропологического пространства современные «техниты» постепенно создают пространство техницизма. Меняется даже сама риторика: «техниты» (апологеты техносферы) объявляются «бойцами», они в обществе доминируют, а все остальные презрительно именуются «тружениками», к которым относят, в том числе, «организаторов» и «ученых». И такое социальное расслоение общества, происходящее под влиянием современной техносферы, почему-то называется *симбиозом* общества и техносферы [10, с.376]. Нам этот процесс напоминает скорее *гиперкинез*.

То, как современная техносфера воздействует на психику человека, его разум и поведение - это даже не запланированный хаос (в терминологии И.Пригожина), а просто какая-то аберрация, отклонение от норм (ценностей) человеческого бытия. Не случайно в современной науке получил широкое распространение институционализм и неоинституционализм, представители которого исследуют институциональные трансформации, происходящие в обществе [14]. В частности, процессы превращения ценностей в социальные институты [15; 16], формирование новых норм, так называемых «правил игры» (Д.Норт).

И здесь обнаруживается, что происходящее ныне ускоренное усложнение техносферы, а также ускорение развития социальных процессов и явлений - это как бы два «крыла» *взрывного* характера динамики современных рисков. Вся современная теория рисков основана, практически, на признании этого факта. Не всегда такое ускорение поддается человеческой воле. «Перестройка» в 80-х гг. XX века в нашей стране тоже изначально называлась «ускорением». Планировалось ускорить социально-экономическое развитие общества, но ускорились совершенно другие процессы…

Одновременно, характерными чертами нового «общества риска» стали и глобальные сети, электронные коммуникации, генные технологии и другие достижения, которыми сегодня пользуются миллиарды людей. Например, те же сети дают людям возможность не только коммуникации, обмена и взаимодействия, но и обеспечения самых базовых потребностей [17, с. 149].

Тем не менее, не смотря на свою высокую техническую оснащенность, «общество риска», как и предшествовавшее ему «развитое индустриальное общество» во многом оказывается иррациональным. С той только разницей, что «если ранее основой саморегулирования развитой индустриальной цивилизации служила репрессия, то сейчас этим средством служат стандартные ложные потребности» [18, с.VII, XI].

К сожалению, осознание высокой степени риска в развитии современной техносферы приходит к людям с большим опозданием. Дело в том, что многие самые современные достижения научного творчества рассматриваются и «дозволяются» к использованию не самими учеными – экспертами и даже не менеджерами – управленцами, а политиками – чиновниками (бюрократией), оцениваются ими исключительно с точки зрения коммерческой выгоды, пользы, эффективности. Это позволяет констатировать, что современное «общество риска» – это всего лишь модифицированное, бюрократизированное и радикализованное (дошедшее в своем развитии до полного товарного и денежного фетишизма) «общество потребления» (термин Ж. Бодрийяра) [19]. «Деньги из продукта исторического развития экономической деятельности превращаются в господствующую над человеком высшую силу, ради которой он отказывается и от собственной личности, и от духовного развития, и от отношений с близкими и дорогими ему людьми» [20, с.75].

Тем самым, личность оказывается один на один с современной техносферой. У нее остается все меньше союзников и друзей в «противостоянии с машинами». Она уже не мыслит себя без смартфона, планшета, Интернета, навигатора, часто попадая в самую тривиальную зависимость от них. Здесь любой сбой в функционировании техники может оказаться фатальным для индивида.

Кроме того, все больше растет социальное одиночество, начинает распадаться само общество как таковое, которое уже вроде бы даже и «не существует» (М.Тэтчер). Этот сценарий, достойный триллеров А.Хичкока - не отвлеченная метафора, он все чаще наблюдается в условиях нынешнего, уже «цифрового общества». И тут нечему удивляться, поскольку цифровизация - это результат развития самой техносферы и конкретного состояния общества. Это своеобразный вызов техники - человеку, подобный тем, о которых писал Дж.Тойнби, возводивший такую взаисмосвязь конкретных реальностей в закон исторического развития [21, с.89-148].

Но наивно думать, что только масштаб техносферы и исключительно усложнение функционирующих техноструктур побудили человека пойти по пути оцифровки информации. Или, что человек сам, свободно, полностью осознанно и независимо, пошел на такую цифровизацию всей практики социального творчества. В конце концов, можно было бы отказаться от многих достижений техники и технологии. Ограничить свои потребности, остаться в рамках модели «бережливого общества», соблюдать принцип умеренности и т.д. Жить, опять же, строго по А.Тойнби, в рамках парадигмы «Уход - Возврат» [21, с.240]. Например, отказаться полностью от экологически «грязных» технологий, от практики использования ГМО, от клонирования самого человека. Но ведь не отказались же. Продолжаем идти по гибельному сценарию накопления богатства, которое называется «естественным капитализмом» и отождествляется с «инвестициями, фабриками и оборудованием» [22, с.25] А это тотальное «накопительство» да еще с помощью техносферы вполне может привести к так называемому «надлому цивилизации» [21, с.240-274].

Поэтому, «восхитившись триумфом природы и человека, задумаемся над смыслом таких словосочетаний, как «машинное производство», «механическое движение», «механическое поведение», «машина». Здесь явно просматривается не идея триумфа жизни над материей, но, напротив, господства материи над жизнью» [21, с.249].

Возникает такое впечатление, что техника как бы «загипнотизировала» и увлекла в свой мир самого человека, точно так же как это иногда делает наука, когда ученый осуществляет поиск нового и «истинного» знания. Не важно, будь то «элексир долголетия» - волшебное средство Макропулоса, или «философский камень» средневековых алхимиков, или даже «perpetuum mobile» - «вечный двигатель» - поиск «истинного знания» постоянно присутствует не только в истории науки, но и в истории техники. Вспомним хотя бы историю с гиперболоидом инженера Гарина (А.Н.Толстой). Или историю про подводную лодку «Наутилус» легендарного капитана Немо

(Ж.Верн). Есть и вполне реальные примеры: Н.Тесла и его поиск мифического эфира.

Но разница в этих влечениях все-таки есть. В одном случае мы видим культ материальных факторов (и не только денег, богатства, но и техники, технологии). В другом случае - это культ знания, истины, духа, абсолютных ценностей человеческого бытия. И хотя культ сам по себе это крайность, но все-таки культ культу - рознь. В связи с этим крайне актуально звучат в XXI веке суждения русского экономиста и философа Н.С.Булгакова, сформулированные им еще в 1910 г. в отношении культивирования материальных благ: «Та особая и неотразимая жизненная правда, что приоткрылась и интимно почувствовалась с такой серьезной и горькой искренностью нашей современностью, делает экономический материализм в известном смысле неопровержимым. Он не может быть просто отвергнут или опровергнут, как любая научная теория. Он должен быть понят и истолкован - не только в своих явных заблуждениям и слабых сторонах, но и в том вещем содержании, которое через него просвечивает. Он должен быть *внутренне превзойден* как философское «отвлеченное начало» [23, с.7].

Современное общество еще крайне далеко от такого «внутреннего преодоления» материального фетишизма, культа науки, техники, технологии. Оно все еще «очаровано» тем «вещим» смыслом, который рисует ему этот культ: обретение полной власти над природой, бессмертия, абсолютной свободы… Но это - все-таки мифология, «песнь сирен», подобная тем, с помощью которых когда-то завлекали Одиссея в западню певицы заколдованного острова.

Поэтому необходимо помнить о том, что, сколько бы человек не передоверял технике функции производства, управления, стимулирования, мотивации, распределения и контроля, цифровизация науки и техники, сама по себе, не дает человеку никаких гарантий его безопасности и благополучия. Уже около полувека прошло с момента появления так называемых «экспертных систем управления» информацией, знаниями и различными технологическими процессами («DENDAL», «Mycin», «PROSPECTOL»). За это время появились десятки новых «экспертных систем» управления информацией, ее накопления, оцифровки, использования: «CIRUS», «MEDIATOR», «CHEF», «PERSUADER», «CASEY», «JULIA» и др. Но все они оказываются мало эффективными. «Эксперты» все чаще принимают управленческие решения не на основе рекомендаций таких систем, а интуитивно [24, с.14].

Это говорит только о том, что техносфера даже в своей наиболее совершенной - оцифрованной - форме не создает и не задает таких ценностей, которые бесспорны для человека. Наоборот, она нацелена, прежде всего, на

математический расчет рациональности. На оценку соотношения затрат - результата, коммерческой полезности (прибыли, рентабельности) таких ценностей. В частности, знаний, информации, техники, технологии. Сам человек часто оказывается за рамками таких расчетов, рассматривается как «погрешность», «допустимые потери» в применении (использовании) техники или технологии. Неслучайно говорят, «гибель одного человека - трагедия, гибель миллионов - статистика».

Опасность, обусловленная подменой ценности истинного знания как продукта научного творчества или подлинной красоты как результата искусства на коммерческие критерии реальна. Она связана все чаще уже с тем, что производителем и «экспертом» в оценке потребительской ценности создаваемого продукта сегодня становится даже не сам человек, а именно техника.

Это происходит двояко: как в отношении к товарам «народного потребления», так и в отношении к товарам «производственного потребления».

Например, покупая продукты питания, потребитель выясняет их качество. Но качество определяется с помощью различных технических средств, приборов, технологий и т.д. «На глазок» человек не может определить удельные значения вредных веществ в том или ином продукте. Он «доверяет» этикетке, в которой должны быть указаны такие значения. Но насколько точно эти значения определены, приходится доверять самой технологии. А она, в свою очередь, тоже была когда-то товаром, кем-то купленным и используемым в чьих-то интересах. Здесь даже ссылка на авторитет «Роспотребнадзора» не дает никаких гарантий. Мы знаем это по ситуации с лекарствами в российских аптеках: значительная их часть крайне дорога и практически бесполезна. Нас утешают эффектом плацебо.

Другой случай, когда речь идет о «производительном потреблении». Очистительную жидкость или машинное масло, конкретную марку бензина или керосина непосредственно употребляет не сам человек, а созданный им механизм (машина).

Человек вроде бы приобретает конкретную марку топлива. А мотор затем приходит в негодность от разного рода присадок и добавок. Ведь их современные коммерсанты не декларируют. Многим автолюбителям хорошо известно, что качество топлива может существенно отличаться на разных автозаправочных станциях. А все - те же технологии: от простого способа «бодяжить» - до дистилляции.

И что тревожит больше всего, так это то, что «чем более рациональным, продуктивным, технически оснащенным и тотальным становится управление обществом, тем труднее представить себе те средства и способы, посредством

которых индивиды могли бы сокрушить свое рабство и достичь собственного освобождения» [18, с.9].

Здесь-то и проявляется во всей своей остроте вопрос о том, какое знание истинное? Либо то знание, которое формируется независимо от его полезности и соответствует только объективной реальности? Или, это - то знание, которое обладает полезностью и соответствует субъективной реальности? И как «привить» машине (технике) способность к самонаучению? Иначе говоря, способность к сочетанию истинного знания и полезного знания, способности к блокировке производства на основе «вредного» (опасного, несвоевременного, неполного и т.д.) знания в рамках сложившейся технической реальности?

Иначе говоря, что нужно сделать для того, чтобы даже современное оружие, направленное на человека, блокировалось бы и не могло его убивать даже тогда, когда оно кем-то на человека наведено? Какие микросхемы, чипы или иные «стабилизаторы» для этого необходимы?

Ведь даже доступ к обычному сейфу, в котором лежат нужные человеку ценности, постороннему лицу преграждает кодовый замок и броня. Как же быть с более сложной машиной (например, с комьютером, киборгом, клоном, атомным реактором)? Ведь и здесь уже используются блокирующие, страхующие, противоугонные, сигнальные и иные системы. Но влияние, часто определенно негативное, со стороны техники и техносферы на человека при этом только возрастает. Инциденты на атомных станциях в Чернобыле, Фукусиме (Япония), трагедия на Саяно-Шушенской ГЭС, масса других менее известных широкой публике «сбоев» техноструктур напоминает о том, что идеология «технологического детерминизма», доведенная до крайности, до «перепоручительства» функций человека электронике - это больше чем преступление. Это ошибка, которую потом люди должны «смывать кровью» (к/ф «Кавказская пленница»). Никакие технические средства, будь то автопилотирование или «рациональная» СОФЭ, кардиостимулятор или анабиоз не позволяют гарантировать безопасность личности и общества. Техносфера, наряду с соблазнами комфорта, быстроты и удовольствия несет с собой огромный «отрицательный» заряд. А потому должна быть подчинена воле человека, ее творца.

Ключевым условием для развития наиболее благоприятного сценария функционирования техносферы для человека пока остается сам человек, его культура, нравственность, мораль, совесть. Их не переложишь на денежный эквивалент, не сделаешь предметом финансовой калькуляции. Это - «нематериальные активы», как модно сегодня выражаться. Вот они и должны оставаться *активами*, в строгом смысле этого слова.

На этот счет Н. Виннер когда-то писал: «Любая машина, созданная в целях выработки решений, если она не обладает способностью научения, будет совершенно лишена гибкости мысли. Горе нам, если мы позволим ей решать вопросы нашего поведения… Для человека переложить проблему своей ответственности на машину независимо от того, будет ли она способна к научению или нет, означает пустить свои обязанности с ветром и видеть, что они возвращаются ему бурей» [25, с. 215].

Сценарий известного американского фильма «На крючке» прекрасно проиллюстрировал возможность такой «бури», когда взбунтовавшийся компьютер попытался устранить всю «политическую верхушку» в США и захватить власть в стране для того, чтобы уничтожить все человечество.

К несчастью, главный тренд в развитии современного искусственного интеллекта состоит как раз в том, чтобы машина не имела нравственных критериев в своей работе, не обладала способностью к научению, а только реализовывала уже заданные компьютерные программы и основывалась на предоставленной ей базе данных. Выяснить подлинные интересы человека, его потребности и чаяния и, соответственно, действовать в согласии с ними никакой робот или компьютер даже «не обязаны».

А, соответственно, оказывается необязательным и для профессиональных работников, обслуживающих техноструктуры (назовем их «технитами») думать и заботиться о потребностях и чаяниях людей. Работала бы техника. Тот же печатный денежный станок или промышленный конвейер.

Кстати, еще Адам Смит писал: «Не от благожелательности мясника, пивовара или булочника ожидаем мы получить свой обед, а от соблюдения ими своих собственных интересов. Мы обращаемся ним к их гуманности, а к их эгоизму, и никогда не говорим им о наших нуждах, а об их выгодах» [26, с.94].

Уповая на «невидимую руку Божественного Провидения», великий экономист даже в условиях, религиозного, более того - пуританского общества уже особенно-то не рассчитывал на гуманизм. Но обмен товарами и их производство А.Смит связывал все-таки не с техникой, а с общественным разделением труда, не с его отчуждением, а всего лишь со специализацией и конкуренцией.

«Отчуждение» труда от самого человека происходит не только через отчуждение созданное им продукта и его присвоение собственником машины, оборудования. Такое отчуждение происходит и посредством изменение характера труда и его содержания. Характер труда связан с эксплуатацией, формы которого при капиталистическом производстве меняются. Что же касается содержания труда, то оно также меняется. Было бы наивным полагать, что содержание труда при различных общественно-экономических системах

одно и то же. Растущая зависимость труда от машин - признак растущей индустриализации. Концентрация и централизация капитала превращает труд в обслуживание машин. Научный труд как источник новых знаний также оказывается нацеленным не на обслуживание самого труженика и не на обслуживание общества, а, исключительно, на обслуживание собственников машин. Но, по мере развития тезносферы, сама функция собственности также может оказаться отчужденной, поскольку общество пока понимает, что отдельная атомная электростанция или атомная бомба не могут и не должны находиться в чьей-то частной собственности. Точно также и научные знания во многих случаях не могут быть чьей-то частной собственностью и «прятаться» за грифом «коммерческой тайны». Угроза такой концентрации собственности, техники или технологии крайне высока. Но вопрос состоит в том, как долго эти ограничения будут действовать? Илон Маск уже отправил в космос первый частный пилотируемый корабль…

Вероятность того, что в условиях рыночной капиталистической экономики труд может быть полностью «передоверен» машинам вполне реальна. Но ведь труд как сущностная характеристика человека - это неотъемлемая его часть. Право на труд человек получил в классовой борьбе. И всякое отчуждение, а особенно технократическое отчуждение труда (напомним, что технократия, в буквальном переводе означает власть техники) есть, одновременно и нарушение этого права, есть прямой вызов человеку и очевидный призыв к классовой борьбе.

Развитие отчуждения труда (в рамках индустриального капиталистического общества) даже привело к тому, что Г.В.Ф.Гегель сравнивал его с рабством. И хотя во времена Гегеля «пролетариат только еще превращался из класса-в-себе в класс-для - себя» [27, с.99], то даже такое социальное отчуждение труда (формирование наемного труда) вызвало появление нового направления в общественных науках - марксистской политической экономии. Кстати, Гегель считал, что весь труд не может быть передан машине, поскольку тогда и сама личность становится фикцией. Он писал о работнике: «Он может некоторые виды труда передать машине; тем формальнее становится его собственное делание» [28, т.1, с.343]. Поскольку машина есть овеществленный капитал, то подчинение машине представляет собой одновременно и подчинение работника капиталу. И не важно, было ли это подчинение в XIX веке, или оно в новых, более «совершенных» формах осуществляется сейчас, факт остается непреложным: цифра равно как и когда-то мануфакутра - это всего лишь способ организационно-технического подчинения труда капиталу. «Само умение становится вследствие этого

механическим и приобретает способность заменить человеческий труд машиной» [29, т.3, с.91].

Естественно, что Гегель, как и А.Смит, видели проблему отчуждения труда внутри общества, а не в отношении (плоскости) общества и техники. И тем более, техники и общества. Им просто, в силу реального уровня развития техники и технологии, не возможно было представить себе, что новый общественный класс - промышленный пролетариат, в какое-то время вдруг окажется не нужным, что кто-то за него и без его воли и согласия передаст его собственные производительные функции машинам.

Но в XX веке это стало обычным явлением. Техника выдавливает человека из сферы руда. И здесь сторонники современного технологического детерминизма пытаются уже подвести «взрывные петарды» даже под этот фундаментальный тезис философской антропологии. Так, в одной из работ написано: «Известен тезис Ф.Энгельса… «Труд создал человека»… Следует, пожалуй, признать, что оценка, данная Ф.Энгельсом эволюционной роли труда, несколько завышена [30, с.37].И далее цитируемый автор доказывает, что это техника создала человека, а вовсе не его труд. Формирование личности, оказывается, было связано с появлением объекта (техники): «личность - это понятие, обозначающее человека, жизнедеятельность которого совершается в форме «C_1-O-C_2», а разница между C_1 и C_2 состоит в «отдельности от любого другого» [30, с.53]. Что же касается науки, то она будто бы создает знание, которое является «истинным навсегда» [30, с.69].

Но, во-первых, многие знания устаревают, теряют свою «истинность» в связи с изменением самой реальности. Поэтому знания могут быть временно истинными, относительными. В связи с этим и становится необходимым предвидеть, планировать, прогнозировать будущее.

Во-вторых, «ревизия» положения о том, что труд создал человека, явно не получилась. Просто необходимо различать понятия «труд» и «работа». Труд, как известно, это целесообразная, целенаправленная, осознанная деятельность людей, связанная с созданием новых благ. Тогда как под термином «работа» подразумевается простая затрата физической, мускульной и нервной энергии, никак не связанной с нашим сознанием или волей. Наше сердце «работает» всегда и без перерывов, хотим мы этого или нет. А для того, чтобы трудиться, нужно иметь сознание, желание, волю. Для творческого труда необходима особая воля - воля к совершенству и высокая ответственность [31].

Очевидно, что ценности, которые лежат в основе социального творчества, оказываются во многом альтернативными тем, которые закладываются в работу техники. В связи с этим «вкультуре техногенных обществ всегда можно

обнаружить идеи и ценностные ориентации, альтернативные доминирующим ценностям» [32, с. 27].

Именно эта альтернативность и тенденция к доминированию новых ценностей техногенных обществ и разрушает сложившуюся традиционную ценностную иерархию, становится триггером (*trigger* – в пер. с англ. «спусковой крючок») в обострении противоречий между наукой, культурой с одной стороны, и техникой и технологией, с другой стороны. Думается, не случайно поэтому, сегодня идет активный поиск замены информационному подходу в управлении социальными, интеллектуальными и технико-технологическими процессами [33]. Понимание того, что «складывать все яйца в одну корзину» не следует как раз и отражает известный принцип диверсификации деятельности.

Известно, что радикализм в любой своей форме всегда опасен. Если говорить о необходимости разрешения диалектического противоречия, складывающегося между наукой и техникой и проявляющегося в вопросе о том, кто является главным в контексте их взаимосвязей (человек или машина), то данное противоречие предполагает несколько сценариев собственного разрешения. Оно может быть снято радикально. Например, захватом власти над человеком машинами. Этот сценарий широко представлен в голливудских блокбастерах. Либо отказом от достижений техногенной цивилизации, подобно луддизму. Эту дилемму можно, по аналогии с историей про юного Аладдина, назвать «дилеммой лампы». Смысл ее состоит в том, что бы ответить на вопрос: кто должен ради исполнения своих желаний стать «рабом лампы»: добрый человек (сам Аладдин), злой человек (Джафар) или джин? В этой истории происходит чудесное разрешение сложнейшего вопроса: никто, в конечном счете, не становится «рабом лампы». Аладдин получает свою Жасмин, джин – свободу, а Джафар изгоняется из города.

«Изгнание» из сферы социального творчества «джина техники» – идеологии технологического детерминизма, на который возлагается слишком много необоснованных надежд (например, по созданию «общества всеобщего изобилия», «экономики всеобщего благосостояния», «экономики счастья» и др.) – это объективная необходимость. Абсолютизация или идеализация информационных технологий, «экспертной власти» или инновационной экономики – это из области такой «идеологии». Такая «идеология» сродни «информационной бомбе», которая взрывается в самой гуще людей, осыпая нас шрапнелью образов и в корне меняя и восприятие нашего внутреннего мира, и наше поведение» [34, с.267].

Эта «проктопия» или «утопическая идеология» должна быть заменена другой идеологией, более адекватной реальности, а именно идеей соблюдения

динамического равновесия между наукой и техникой, социальным творчеством и техносферой. Смысл такого динамического равновесия состоит в постоянном воспроизводстве самого человека, общества, повышении их социальной безопасности, а, следовательно, и социальной ответственности по отношению к самим себе и к будущим поколениям. Отсюда следует, что любые виды техники и технологии, которые не могут быть использованы ради такого воспроизводства, которые несут в себе угрозу уничтожения их творца, должны быть запрещены, а их разработка остановлена. Здесь не может быть места для рассуждений о любви к «истинному» научному знанию, знанию «самому по себе». Подобный «перфекционизм» всегда лишь умозрителен и представляет собой одну сплошную иллюзию.

Известная платоновская формула «ты мне друг, но истина дороже» требует в современных условиях более адекватной формулировки: «истина мне дорога, но друг дороже». «Друг» как человек, как соратник. В этом, в оценке человека и его жизни как высшей ценности, собственно, и заключается ключевая идея гуманизма. Без всяких поправок на «транс», «гипер» или «супер».

Противопоставляя человека и технику, человека и науку, науку и технику, можно оказаться в «капкане веры». История, случившаяся с кардиналом Монтанелли, служит яркой иллюстрацией губительности такого противопоставления. В романе «Овод» (Э.Войнич) отец предает своего сына ради веры в Бога, а затем сходит с ума от горя и прозрения. Современный человек, ради веры в технику, предает, порой, сам себя. Где он окажется после этого? Что с ним будет? И будет ли он после этого вообще?...

В этой связи, вспоминаются известные слова: «Какой смысл в том, что ты обретешь весь мир, но потеряешь свою бессмертную душу?» (Евангелие от Матфея, 16:26).

Наука и техника представляют собой ценность не сами по себе, а исключительно в их приложении к безопасному существованию и благосостоянию людей. Для осознания этого и для отказа от технологического детерминизма, культа техники, равно как и так называемой «чистой» науки следует еще сделать очень многое.

Выводы

В качестве итогов можно сформулировать следующие предложения для того, что необходимо сделать в первую очередь.

Во-первых, было бы целесообразным расширить изучение проблемы взаимосвязи социального творчества и техники, особенно в плоскости наука - техника. И, соответственно, выделить в таком изучении несколько уровней анализа: ноосферу, биосферу, пневматосферу, техносферу (с учетом творческого синтеза соответствующих концепций В. И. Вернадского,

Н. Виннера, П. Кругмана, Т. Куна, С. Лема, Н. О. Лосского, А. И. Опарина, П. Тейяр-де-Шардена и др.).

Разграничение «горизонтов» исследования характера взаимосвязи между социальным творчеством (прежде всего, наукой) и техникой (технологией) крайне важно. Оно позволит не смешивать, как это порой случается, ценности высшего (абсолютного) порядка и ценности функционального порядка. И, тем самым, в большей мере приблизиться к объективно верной системе ценностных координат, которые позволят современному обществу сохранить динамическое равновесие между творчеством человека и техникой. При этом принципиально важно считать научную деятельность именно *социальным* творчеством.

Во-вторых, было бы более логичным скорректировать распространенный тезис о том, что техника является результатом развития одной только науки [35; 36], поскольку техника все-таки появилась исторически раньше самой науки и была изначально результатом развития инстинктов и рефлексов человека (эмпирика), а также его первичных, ненаучных форм знания (метафизика, мифология, религия). Создавая примитивную технику методом проб и ошибок, первобытный человек (гоминид) еще не знал науки. Для этого необходимо было накопить и обработать куда более значительный объем информации, чем знание о том, как разжечь костер или заострить кремневое рубило. Процесс такого накопления растянулся, без всякого преувеличения, на тысячелетия. И наука появилась в процессе развития общественного разделения труда как специальная форма человеческой деятельности намного позже того, как человек изобрел примитивный ткацкий станок, технику плавления металлов или ветряную мельницу.

При этом идеализация роли техники и технологии в рамках технологического детерминизма столь же порочна, как и идеализация разных форм социального творчества (той же науки, с которой отдельные авторы связывают появление так называемой «ноономики») [37; 38].

На различных этапах человеческой истории соотношение социального творчества и техники менялось, их роль трансформировалась, что свидетельствует о динамическом равновесии как перманентном состоянии данной взаимосвязи. Но антропологический, очеловечивающий характер такой связи никогда «не переставал быть» [39]. И, тем не менее, стоит заметить, что в настоящее время сложилась реальная угроза для такого антропоцентричного характера связи «человек - техника», которая обусловлена возрастающей нестабильностью, неопределенностью и рисками практически во всех сферах человеческой жизнедеятельности, как в публичном, так и в частном пространстве.

В-третьих, при решении вопроса о «дополнении» традиционных систем ценностей «новыми ценностями» техногенного общества необходимо исходить из приоритета именно традиционных ценностей, уже проверенных временем, поскольку «устойчивая и гармоничная система ценностей формируется только традицией» [40, с. 177]. Как гласит наша пословица, «семь раз отмерь, один раз отрежь». Такое отношение к традиционным ценностям и к накопленному историческому опыту их практического освоения позволит более основательно скорректировать многие из тех негативных социальных последствий современного технического прогресса, о которых не раз уже писали исследователи [41; 42].

Литература

1.Саймон Г.А. Теория принятия решений в экономической теории и науке о поведении // Вехи экономической мысли / Ред. В.М.Гальперина.Т.2.СПб.: «Экономическая школа». 2000. С.54-73.

2.Ламберт Х. Социальная рыночная экономика: Пер. с нем. М., 1991.

3. Наука. Технологии. Человек. Материалы «круглого стола» // Философия науки и техники. 2015. Т. 20. № 2. С. 5–49.

4. Лосский Н. О. Ценность и бытие // Лосский Н. О. Бог и мировое зло. М.: Республика, 1994. – 432 с.

5. Волков Г. Г. История и горизонты прогресса. Социологические проблемы развития науки и техники. М.: Политиздат, 1976. – 335 с.

6. Осипов Г. В. Техника и общественный прогресс. М.: АН СССР, 1959. – 262 с.

7. Негодаев И.А. Философия техники. Ростов н/Д: Центр ДГТУ, 1997. – 562 с.

8. Ленк Х. Размышления о современной технике: пер. с англ . М.: Аспект-Пресс, 1996 // Электронная публикация: Центр гуманитарных технологий. URL:http://gtmarket.ru/ laboratory/basis/6037

9. Гэлбрейт Дж. К.Новое индустриальное общество: пер. с англ. М.: АСТ, 2004. – 602 с.

10. Елькина Е. Е. Философский анализ феномена и понятия технической реальности // Известия РГПУ им. А.И.Герцена. 2009. № 108. С. 43–50.

11. Малькова Т. П. Философия техники: современные проблемы развития теории // Манускрипт. 2018. № 4 (90). С. 79–84.

12. Григорьев А. В. Антропология: от организмов к техносфере. М.: USSR, 2009. – 480.с.

13. Юдин Б. Г. Технонаука и «улучшение» человека // Epistemology & Philosophy of Science. 2016. № 3(48). С. 18–27.

14. Чирков Ю. Г. Время химер. Большие генные игры. М.: Академкнига, 2002. – 397 с.

15. Бек У. Общество риска: На пути к другому модерну: пер. с англ. М.: Прогресс, 2000. – 384 с.

16. Стожко Д.К.Мировоззренческие основы современного институционализма. Екатеринбург: Стягъ, 2012. - 518 с.

17. Стожко Д.К.Как рождается ценность: констуирование социальной реальности // Гуманитарий. Актуальные проблемы гуманитарной науки и образования. 2018. Т.18. № 3. С.303-315.

18. Стожко Д.К. Проблема взаимосвязи ценностей и норм в экономической культуре современного общества // Актуальные проблемы гуманитарной науки и образования. 2019. Т.19. № 3(47). С.283-294.

19. Слюсарев В. В., Хусяинов Т. М. Цифровая революция и экзистенциальный кризис личности // Век глобализации. 2018. № 4. С. 145–151.

20. Маркузе Г.Одномерный человек. Исследование Идеологии Развитого Индустриального Общества: пер. с англ. М.:REFL-book, 1994. - 368 с.

21. Бодрийяр Ж. Общество потребления: пер. с фр. М.:АСТ, 2020. – 320 с.

22. Букарос М.В., Зеленски А.В. Деньги - важный фактор социальной эмансипации // Гуманитарий. Актуальные проблемы гуманитарной науки и образования.2017. № 2(38). С.70-82.

23. Тойнби А. Постижение истории: пер. с англ.М.: Прогресс, 1996. - 608 с.

24. Хокен П., Ловис Э., Ловис Х. Естественный капитализм. Грядущая промышленная революция: пер. с англ.М.: Наука, 2002. - 459 с.

25. Булгаков С.Н. Философия хозяйства. М.: Наука, 1990. - 412 с.

26. Авдеенко Т.В., Алетдинова А.А. Цифровизация экономики на основе совершенствования экспертных систем управления знаниями // Научно-технические ведомости Санкт-Петербургского государственного политехнического университета. 2017. № 1. С.7-18.

27. Виннер Н.. Творец и будущее: пер. с англ. М.: АСТ,2003. – 732 с.

28. Смит А.Исследование о природе и причинах богатства народа //Антология экономической классики. М.: Эконов, 1993. Т.1. - 475 с.

29. Хандруев А.А. Гегель и политическая экономия. М.: Экономика, 1990. - 127 с.

30. Гегель. Работы разных лет. В 2-х т. М.: Мысль, 1970-1971.

31. Гегель. Энциклопедия философских наук. В 3-х т. М.: Мысль, 1974-1977.

32. Мерцалов В. Логика антропогенеза. Происхождение человека еще не завершено. СПб.: Алетейя, 2008. - 296 с.

33. Ильин И.А. Путь к очевидности. М.: ЭКСМО-ПРЕСС, 1998. - 912 с.

34. Платонова А. В. Философия техники. Томск: Изд-во Томского государственного архитектурно - строительного университета, 2016. – 160 с.
35. Биричева Е.В., Стерхов Е.В. Парадоксальность творческой деятельности и интеллектуальные системы: поиск альтернатив информационному подходу // Российский гуманитарный Журнал. 2019. Т.8. № 6. С.390-402.
36. Тоффлер Э. Третья волна: пер. с англ. М.: АСТ, 1999. - 784 с.
37. Печчеи А. Человеческие качества: пер. с англ. М.: Прогресс, 1980. – 304 с.
38. Хайдеггер, М. Вопрос о технике // Новая технократическая волна на Западе. М.: Прогресс, 1986. – 453 с.
39. Бодрунов С.Д. Ноономика. М.: Культурная революция, 2018. - 432 с.
40. Силова Е.С. Возможна ли ноономика в России? // Вестник Челябинского государственного университета. Серия: Экономические науки. 2019. № 3(425). С.212-215.
41. Антропология социального творчества / ред. К.П.Стожко. Екатеринбург: Стягъ, 2011. - 483 с.
42. Шабатура Л.Н.Социогенез традиции. Екатеринбург: Изд-во Урал. гос. ун-та, 2003. - 209 с.
43. Коэн Р. Социальные последствия современного технического прогресса // Новая технократическая волна на Западе. М.: Прогресс, 1986. С. 212–219.
44. Скалимовски Х. Философия техники как философия человека // Новая технократическая волна на Западе. М.: Прогресс, 1986. С. 240–249.

К.П.Стожко
доктор исторических наук, профессор,
кафедра философии,
Уральский государственный аграрный университет

КРЕАТИВНОСТЬ CONTRA РАЦИОНАЛЬНОСТИ

Аннотация. В статье дается анализ процессам развития креативности в контексте формирования нового типа общества в условиях глубоких институциональных трансформаций. Результатом этого становится переформатирование многих стимулов и мотивов в хозяйственной практике человека, формирование нового типа рациональности. Прежнее постклассическое и неоинституциональное представление о рациональности постепенно замещается новым ее толкованием как веротяностного феномена хозяйственного поведения человека.

Ключевые слова: инновации, креативность, рациональномсть, экономика.

Сегодня при решении сложных задач в экономике, социальной политике и других сферах общественной деятельности лица, принимающие решения, все меньше полагаются на опыт, интуицию и здравый смысл, а обращаются к точному анализу проблемы, расчету и построению математических моделей. И хотя еще Й.А.Шумпетер предупреждал о пагубности такого упрощенного подхода, мода на этот подход заставляет обратиться к анализу такой «новой» рациональности в сфере хозяйственной деятельности человека.

В этой связи актуальным становится вопрос о том, насколько вообще целесообразно использование в экономическом анализе принципа рациональности. Если рациональность, являющаяся важнейшей предпосылкой неоклассической и институциональной экономики, определяет качество экономического анализа и создаваемых на его основе моделей, то это условие оказывает влияние на формирование мероприятий экономической политики. Именно поэтому следует выяснить значение этих установок в современной науке и понять, в какой мере они сказываются на макроэкономической политике и ее результативности. Без социально-философского аспекта анализ этой проблемы будет не полным.

Экономическая теория со времени своего возникновения как самостоятельной области знания использовала модель *homo economicus* - экономического человека. Создание такой модели было обусловлено необходимостью исследования проблемы выбора и мотивации в хозяйственной деятельности индивидов. Но, как справедливо отмечал Г.Саймон, классическая, а затем и неоклассическая теории исследовали не сам процесс выбора как таковой, а лишь его результаты [1]. Внимание экономистов к проблеме и механизму экономического выбора и условий, опосредующих этот выбор, обусловило пересмотр классической модели экономического человека в рамках новой теории институционализма. Креативность подхода к проблеме проявилась в XX столетии, когда появились первые модели рациональной деятельности, сначала – теория исследования операций, а затем – концепция рационального выбора в экономике, основанная на теории игр.

Заметим, что понятие *рациональность* является настолько сложным для научного анализа, насколько простым это понятие кажется с точки зрения обыденного сознания. В настоящее время существуют две основные модели рационального поведения, используемые в экономическом анализе: рациональность как таковая и следование своим интересам. В экономической теории выделяют три основные формы рациональности: максимизация, ограниченная рациональность и органическая рациональность. Вторую форму рациональности можно также представить в нескольких категориях:

оппортунизм, простое следование своим интересам, послушание. Неоклассика и институционализм расходятся по так называемым *поведенческим* предпосылкам. И это составляет принципиальное расхождение данных подходов и связанных с ними научных школ.

Поскольку с позиций рациональности сегодня рассматриваются труд и предпринимательская деятельность, то сначала необходимо рассмотреть предпосылки, на которых базируется неоклассическакя модель «*Homo economicus*». Классическая традиция полагает объективность идеалом знания. При этом объективность понимается как объектность, то есть совпадение понятия и объекта, а также исключение из процесса получения объективного знания всех средств познавательной деятельности человека.

Б.Рассел такую объективность связывал с достоверностью знания, а Э. Гуссерль называл «овнешнением» знания, отчуждением знания от человека, искажением его духовной природы. Подобного рода «наивный» «метафизический реализм», отрывая знание от процесса его получения, а научную методологию от ценностно-целевых ориентиров, ведет к скептицизму относительно всякого рода рациональности, с одной стороны, и методологическому релятивизму, с другой стороны.

Современная экономическая наука вступила в «постнеокласический» этап развития, который характеризуется тесной связью познания с ценностно-целевыми установками деятельности, экспликацией средств познания. Как следствие, новым пониманием субъекта и объекта экономического знания, новым пониманием экономической реальности и рациональности, расширением объектной сферы экономического знания за счет включения в нее новых объектов познания, связанных с характеристиками познающего субъекта, его ценностями, культурными детерминантами, социальным содержанием знания.

Изменения, касающиеся понимания объекта экономического познания, можно свести к двум характеристикам. *Во-первых*, расширяется и усложняется объектная сфера экономической науки за счет включения в нее новых экономических явлений. Речь идет не о простом расширении предметного поля. Речь идет о радикальной гуманизации содержания экономической науки как науке о человеке. Прежние представления о хозяйственной деятельности как вынужденной борьбе за кусок хлеба все в большей степени уступают представлениям о духовном содержании труда, посредством которого хозяйствующий субъект развивает свои духовно-нравственные и продуктивно-творческие силы. Человек входит в экономическую картину реальности не как вещь, рядоположенная с иными экономическими явлениями, а как

системообразующий принцип новой реальности, как начало новых координат современного знания.

Символичным в этой связи стало присуждение Дэниелу Канеману (Принстонский университет, США) Нобелевской премии в области экономики за разработку теории экономического поведения человека, нового направления поведенческой экономики. По сути, научным сообществом признан факт, что экономика должна быть ни чем иным, как наукой о человеческом поведении в реальной хозяйственной жизни людей. Своим решением Нобелевский комитет по экономике подтвердил принципиальную линию на пересмотр методологических оснований современного экономического знания, основополагающих постулатов, считавшихся непреложными в течение последнего столетия.

Общепринятым традиционным объектом экономической науки до сих пор в академических учебниках остаются материальные блага, вещественное богатство, факторы и отношения производства, деньги, ресурсы, издержки, прибыль, рынок и т.д. Подобная экономическая парадигма, сформировавшаяся еще в XIX веке, образовала так называемое «гносеологическое ядро» и смыслообразующий комплекс идей и для неоклассики начала XX века. Прежде всего, это касается понимания природы экономической реальности и методологических принципов ее исследования.

Линию эволюции идеалов рациональности в сфере экономического знания можно обозначить как переход от объектной рациональности с овещнением и функционализацией экономических форм жизни к рациональности коммуникативной, направленной на понимание ценностей жизненного мира, социальной практики хозяйствующего субъекта, его повседневного мира.

Классическая рациональность основывалась на дихотомии субъекта и объекта. Подобное противопоставление воплощено в категориях издержек и прибыли: субъект несет издержки с целью получения полезности и прибыли, богатство формируется за счет утраты природных или трудовых ресурсов, рост материального богатства у одного экономического субъекта предполагает объективные потери у другого (наемного работника, делового партнера).

«Размывание» прежних постулатов классической парадигмы началось еще в конце XIX в. В связи с таким «размыванием» прежних представлений о роли и месте человека в мире экономики произошла известная «маржиналистская революция» в науке. Появились идеи экономического равновесия (Л. Вальраса, Р.Нэша и др.). Были поставлены проблемы связи субъекта и объекта в сфере хозяйственной деятельности (оптимум Н.Калдора, В.Парето и др.). Эта связь субъекта и объекта все больше стала рассматриваться

не как дихотомия, а как взаимодействие человека и природы (теория ограниченности ресурсов), как экзистенциальное учение о полезности и ценности как практических ориентирах потребительного поведения, равновесия и взаимообусловленности элементов экономики (теория равновесия).

«Неоклассическая рациональность» учитывает соотнесенность объекта со средствами, методами и операциями познавательной деятельности, «нетрадиционным» для экономического знания объединением гносеологических и социокультурных «концептуальных схем» в единую теорию. Методология экономического познания эволюционировала от увлечения «объектными парадигмами рациональности», заимствованными у классической традиции, к анализу «неоклассической рациональности», в ходе которой наблюдалось проникновение в экономическую науку методов социологии, истории, математики, социальной психологии. С другой стороны, границы экономической науки существенно раздвинуты благодаря проникновению экономических методов в такие «нетрадиционные» для экономики сферы, как политика, семейные и расовые отношения.

Большое значение для понимания субъектно-объектных отношений имела возникшая в середине 50-х годов теория трансакционных издержек (Р. Коуз), объясняющая взаимозависимость, кооперацию экономических субъектов. С позиций этой теории деятельность субъектов хозяйственных процессов уже не может трактоваться ни как поведение атомарных независимых индивидов, ни как воздействие субъекта на независимый объект. Представители новой волны в развитии институционализма (в частности, немецкого ордолиберализма) попытались выявить механизмы опосредования объектно-субъектных отношений системой экономических, государственных и социальных институтов во взаимодействии экономики и общества (немецкая модель «социального рыночного хозяйства» В. Ойкена и Л.Эрхарда), духовных институтов и экономической действительности (Э.Хопман, А.Шюллер). Сегодня очевидно повышенное внимание многих исследователей из числа приверженцев институциональной теории хозяйства к идеям М.Вебера, Г.Зиммеля и некоторых других европейских предшественников экономического институционализма. В частности, можно отметить современные трактовки «духа капитализма» и протестантской этики (М.Новак, Э.Фромм и др.). Вполне осознана необходимость создания институциональной среды и в отечественной науке (А.Н.Олейник, В.М.Полтерович и др.) для стабильного и эффективного функционирования экономики (политико-правовой системы, защиты прав собственности, создание условий добросовестной конкуренции, распределение прав на информацию).

«Постнеоклассическая рациональность» характеризуется соотнесенностью знания не только со средствами познания, но и с ценностно-целевыми структурами деятельности. Такие характеристики, как ценности и цели экономического субъекта, были включены в структуру рациональности. Экономической науке понадобилось целое столетие, чтобы преодолеть разрыв между объективностью и субъектностью экономического познания.

Решающие перемены в гносеологическом потенциале экономики произошли тогда, когда в сферу экономического знания были вовлечены такие сложные комплексы, как институты, в которые включен человек.

Введение в экономический анализ социальных факторов позволило по-новому взглянуть на поведение экономических субъектов. В теории «рациональных ожиданий» были раскрыты механизмы развития субъекта, адаптации его к изменяющейся динамичной рыночной среде, а соответственно, и к свободе [2].

В конце 90-х годов бурное развитие получила экспериментальная экономика, изучающая психологию экономического поведения людей в условиях рынка. Именно за психологические исследования последних десятилетий была вручена Нобелевская премия за 2002 год в сфере экономики. Тем самым признано, что только в практическом эксперименте возможно преодолеть «объектную рациональность» экономического знания, а экспериментальное направление было признано наиболее перспективным для развития экономической науки в XXI-м веке.

При всем многообразии направлений и школ принципиальной установкой экономического мышления минувшего века можно считать объективизм и позитивизм, универсализм экономических категорий, тяготение к «высокой теоретичности», формализованности и абстрактности знания. Не случайно в XX-м веке столь широкое развитие получили макроэкономические исследования. Они включали теории экономического роста, исследования статистической модели рынка, теории ценностей, рыночного равновесия, теории благосостояния. Среди таких теорий весьма скромное место занимали исследования труда и стоимости в постиндустриальном обществе (А.Алчиан, Г.С.Беккер, Ф.Махлуп, М.У.Редер, Г.А.Саймон и др.) Но наряду с макроэкономическими исследованиями начались и микроэкономические исследования (теория фирмы, теория эластичности спроса и предложения и др.). Знаковой фигурой начала XX в. стал А. Маршалл, лидер Кембриджской школы экономики. Он особо подчеркивал, что «экономическую науку нельзя приравнивать к точным естественным наукам, ибо она имеет дело с постоянно меняющимися, очень тонкими свойствами человеческой натуры» [3]. На это обстоятельство особое внимание обращали Дж. М. Кейнс, П. Самуэльсон, И.

Фишер, А. Пигу, М. Фридман, Р. Лукас Ж. Дебре, Р. Манделл, В. Ойкен, Л. Вальрас.

На протяжении XX-го века прогресс в научном познании экономического развития обеспечивался в основном за счет макро теорий: теории стоимости П. Самуэльсона, теории рыночного равновесия Л. Вальраса, теории благосостояния А. Пигу, государственного регулирования Дж. М. Кейнса, теории идеальных хозяйственных типов В.Ойкена [4], теории предельной полезности. В России также можно отметить крупные достижения в анализе стоимости и труда с позиций институционального понимания рациональности. Например, «синтетическая» теория стоимости М.И.Туган-Барановского [5]. Однако, развитие институциональной теории в целом, а «синтетической» теории стоимости в частности, оказалось в отечественной науке прерванным в связи с установлением марксистско-ленинской ортодоксальной идеологии. Идеологическая критика попыток анализа стоимости с ценностных оснований началась сразу же после выхода первых работ М.И.Туган-Барановского. Так, Н.И.Бухарин, раскритиковав идею «синтетической» стоимости, упрекал ученого за то, что он не видит разницы между стоимостью и ценностью. Но в действительности сам Н.И.Бухарин безосновательно отождествлял ценность и полезность, тогда как понятие «ценности» имеет совершенно иной и более емкий смысл [6]. В аристотелевской интерпретации «ценность» как раз и является «стоимостью», поскольку выражает *внутреннюю* сущность, а не внешнюю видимость продукта. Н.И.Бухарин свел «ценность» к «полезности», а «полезность» к чисто «субъективной полезности». При этом он проигнорировал существование «объективной полезности». То есть заложенной в продукте «ценности», определенной общественно необходимым трудом его производителя.

При этом категории «стоимость» и «ценность», по мнению М.И.Туган-Барановского, хотя и имманентны друг другу, но не тождественны. «Стоимость – средство, а ценность – цель» [7]. В самом деле, субъект трудовой деятельности трудиться не только и не столько ради наслаждения трудом, сколько ради удовлетворения своих интересов и потребностей. Поэтому ценностный подход, если его не опошлять и не сводить к гедонизму, это единственно верный философский подход в понимании феномена стоимости.

Одна из основных причин господства неоклассического подхода - это его универсализм, единообразие, рационализм. Подобные характеристики стали особенно привлекательными для российской практики управления экономикой.

Однако познавательный и прагматический потенциал данных теорий при всей их востребованности и политических надеждах оказался намного скромней, чем ожидалось.

По существу, в данных теориях обосновывалось принципиальное отчуждение экономики от человека. Хотя проблемы соотношения интересов индивида и общества, взаимозависимости экономики и социальных отношений, государства и экономики, были центральными основополагающими идеями этих учений.

Существенный вклад в развитие социальной парадигмы современного экономического мышления внес институционализм. Было осознано влияние социальных и государственных институтов на экономическую жизнь и практику хозяйствования. Не ресурсные, а институциональные ограничения вышли на передний план.

В новейших институциональных теориях (Р. Коуз «Природа фирмы», Т. Эггертссон «Экономическое поведение и институты», О. Уильямсон «Сравнение альтернативных подходов к анализу экономической организации») институты рассматриваются с точки зрения поведения экономических субъектов, влияния институтов на хозяйственные решения и на структуру взаимодействия экономических субъектов (контракты, кооперация, доверие, выбор). Таким образом, рациональность экономического поведения рассматривается как переменная величина, зависящая от ситуации выбора, уровня доверия экономических субъектов друг к другу, степени владения необходимой для принятия решений информацией, сложной структуры интересов и мотивов поведения.

В рамках данного течения исследовалось влияние устойчивых дорыночных структур и традиций на экономическое развитие; теории «общественного выбора» и «коллективных действий» показали взаимосвязь технологических систем с институционально-культурной средой. Подобные исследования наиболее актуальны для российских реформ.

Влияние институтов на хозяйственную жизнь обусловлено трансакционными издержками, которых невозможно избежать в условиях неопределенности и взаимозависимости субъектов рынка при защите прав собственности, оплате информации. Чем они эффективнее работают, тем эффективнее и стабильнее экономическое развитие. Трансакционные издержки – это, по сути, не материальные затраты, а социальные издержки, которые растут гораздо быстрее, чем материальные. В современном мире не прибыль как таковая, а создание благоприятных условий для развития бизнеса, стабильного существования предприятий и фирм является главной предпринимательской ценностью. Неслучайно, формулируя миссию компании и определяя смысл предпринимательской деятельности, руководители фирм не формулируют корпоративную миссию в категориях прибыли, а стремятся выявить весь спектр благ и ценностей, которые они несут потребителям.

Конвенционалистские тенденции относительно ограниченных благ, статусов и власти прослеживаются в теории общественного выбора. В настоящее время экономический рост это также результат соглашения между государством, общественными институтами и хозяйствующими субъектами по поводу условий распределения ресурсов и доступа к рынкам.

Граница между субъектом и объектом становится условной, бинарность отношений исчезает, уступая место взаимной зависимости друг от друга и от системы в целом. С этого момента наступает соперничество двух основных эпистемологических парадигм в сфере экономического знания. Одна из них ведет к релятивизму и трактовке экономического субъекта в эмпирическом и индивидуалистическом ключе (экономика «субъективности» Ф. Хайека) [8]. Другая парадигма ведет к поискам «новой субъективности» как меж-субъектной коммуникации. Центральное место в этом направлении занимает понятие «коллективный субъект», которое постепенно перешло в экономическую науку из историко-культурных, социально-психологических экспериментальных исследований.

Социоцентрическая теория экономического познания предлагает свою перспективу и возможные приобретения на выбранном пути. Прежде всего, открывается новый горизонт комплексного междисциплинарного подхода к познанию экономической реальности. Характерной особенностью такого подхода является превращение различных исследовательских программ и теорий в единую комплексную метатеорию с солидной экспериментальной базой. Во-вторых, открывается возможность отхода от абстрактных макроэкономических моделей экономического роста к объяснению исторических и социальных механизмов экономического развития.

Здесь особенно важно новое понимание субъекта экономического познания, которое связано с пониманием социальной «коллективистской» природой познающего субъекта. Прежде всего, это выразилось в новом понимании человека как экономического агента. В позитивистской методологии человек в хозяйственной деятельности руководствуется рациональностью, полезностью, осознанным интересом, упорядоченными покупательскими предпочтениями, максимальной выгодой. Только такой человек, с позиций традиционного мировоззрения, может быть конкурентоспособным в рыночной среде, только при таком подходе в рыночном поведении могут быть вскрыты некоторые закономерности, которые станут объектом изучения экономической науки. Однако не секрет, что реальные люди в их индивидуальном поведении не всегда руководствуются рациональным выбором. Подчас при принятии того или иного решения на первый план выходят контекст и ситуация, социальные и политические предпочтения, интуитивные соображения, многосложные взаимозависимости

между деятельностью человека и культурно-исторической средой, элемент игры, что усиливает неопределенность и риск, а следовательно, и отклонения от модели рационального экономического поведения.

В настоящее время экономика не может быть представлена как область взаимодействия атомарных экономических субъектов, имеющих целью максимизировать полезность и прибыль в условиях ограниченных ресурсов. Уже в 60-е годы Г. Саймон, изучая практику принятия управленческих решений, показал, что люди действуют отнюдь не рационально, а в пределах ограниченной рациональности, так как в эмпирической действительности они руководствуются не теоретическими положениями о наибольшей целесообразности и полезности, а ведут себя ситуативно. Ограниченная рациональность связана не только с распределением внешних ресурсов, но и ограниченностью внутренних социально-психологических факторов (компетентность, культура и образование, способность восприятия и переработки информации, объем памяти, интеллектуальные возможности человека, его когнитивные способности). Подобный синтез экономических и социопсихологических параметров позволил более функционально и реалистично описать потребительское поведение людей. Хозяйствующий субъект является одновременно и субъектом, и объектом, так как в одинаковой мере производит и потребляет. Утилитаризм и рациональность отнюдь не универсальная формула экономического поведения человека. Даже эгоистические намерения действовать с выгодой для себя не реализуются на практике из-за ограниченности внешних институциональных и внутренних личностно-профессиональных ресурсов для принятия оптимального решения. Работы Г. Саймона в этой области отмечены Нобелевской премией за новый подход в теории принятия решений (1978 г.). Особо следует обратить внимание на новый прагматизм в поисках источников экономического роста.

Возрождение прагматизма в экономической науке связано, прежде всего, с привнесением духа эксперимента, социальной проблематики, с критикой жестких дихотомий, бинарных оппозиций, абсолютных оснований экономического знания. Присуждение Нобелевской премии Вернону Смиту (университет Дж. Мейсона, США) за утверждение лабораторных экспериментов в качестве эмпирического анализа в экономике, в особенности при исследовании альтернативных рыночных механизмов подтверждает, что в рамках экономических дисциплин сложились такие самостоятельные отрасли, как экспериментальная экономика, экономическая психология и поведенческая экономика.

Макротеории не смогли удовлетворительно объяснить внутренние механизмы экономического роста. Это касается, прежде всего, тенденций

мирового развития и высоких темпов экономического роста в промышленно развитых странах. Действительно, опираясь на принцип убывающей предельной доходности, прогресс и экономический рост должны были бы охватить отстающие в экономическом росте страны, а темпы развития индустриально развитых стран снизить. Однако этого не произошло. Прогностический потенциал данных теорий оказался незначительным с точки зрения исторической перспективы. Причины подобных отклонений в прогнозе заключаются, на наш взгляд, в невнимании к реальным механизмам экономического прогресса.

Разработка внутренних механизмов экономического роста на протяжении последнего столетия шла в рамках микроэкономических теорий и, прежде всего, теории фирмы. Именно в рамках данной теории разрабатывались конкурентные технологии, обеспечивающие высокие показатели роста. На мировых рынках конкурентные преимущества фирмы связываются не просто с конкуренцией между товарами, услугами и товарными марками, а с новыми технологиями, профессиональными командами специалистов и менеджеров, способными разрабатывать инновационные продукты. Сегодня реальное развитие обеспечивается инновационными процессами.

Подобные изменения связаны с новой институциональной политикой государственных и общественных организаций: антимонопольным законодательством, дающим простор свободному предпринимательству и конкуренции, ограничениями в снижении переменных издержек фирм на оплату труда, рост стоимости рабочей силы на рынках труда развитых стран, жестким экологическим законодательством, ростом дефицита и повышением стоимости природных ресурсов. Поэтому проблема выживания и развития бизнеса стоит наиболее остро. Решить ее традиционными методами экстенсивного расширения производства, его концентрацией и специализацией не представляется возможным. Экономический рост производства обеспечивается, в основном, за счет диверсификации бизнеса, его деконцентрации, диверсификации рынков и хозяйственных портфелей товаров (услуг).

Наиболее современными, отвечающими вызовам времени являются, на наш взгляд, идеи Й.Шумпетера, которые были совершенно не актуализированы в рамках абстрактных теорий экономического роста. Ключевой фактор экономического роста по Й.Шумпетер – нововведения [9]. Основными формами нововведений он считал новые продукты, новые технологии, новые рынки и ресурсы, новые материалы и организационные изменения. В работе «Теория экономического развития» Й. Шумпетер обратился к характеристике инновационных механизмов, обеспечивающих главный источник прибыли и

экономического развития. При простом воспроизводстве и функциональной стабильности предпринимательский доход – это плата за управление. Кстати, под управлением Й.Шумпетер понимал осуществление новаций, а не манипулирование людьми. Вознаграждением за осуществление новаций как раз и выступает предпринимательская прибыль. В такой трактовке труд и предпринимательство, заработная плата и прибыль оказываются имманентными друг другу понятиями. Прибыль всегда связана с экономической динамикой, прогрессом в хозяйственной жизни. Развитие и прибыль были поняты Й.Шумпетером как взаимообусловленные процессы: без развития нет прибыли, без прибыли нет развития. Поэтому сущность прибыли это вознаграждение за риск и новаторство. Однако само «развитие» автор понимает своеобразно. Он пишет: «Под «развитием» следует понимать лишь такие изменения, которые экономика сама порождает, т.е. только случайные изменения «предоставленного самому себе», а не приводимого в движение импульсами извне народного хозяйства» [10]. Таким образом, в основе теории экономического развития Й.Шумпетера лежит фактор случайности. Никаких закономерностей он не признает. Больше того, вместо труда как основы такого развития автор предлагает использовать понятие «комбинация факторов» производства. Можно, конечно, считать Остапа Бендера «великим комбинатором», но трудящимся – нет. Экономика, состоящая исключительно из одних только Остапов Бендеров, не может развиваться по определению: в ней нет главного – труда и трудового сознания личности.

Последние десятилетия прошлого века ознаменовались усилением внимания исследователей к «творческому началу» в хозяйственной деятельности: прибыль стала рассматриваться как результат инновационной деятельности предпринимателей, а сам работник не как фактор производства или его издержки, а как источник конкурентоспособности предприятия.

Подобные радикальные изменения осознаны и в рамках экономической теории. Это относится, прежде всего, к пониманию основных универсальных категорий экономической теории: «прибыль», «труд», «работник», «капитал», «богатство». Так, в качестве источника прибыли стали рассматривать инновационные процессы, обеспечивающие адаптацию бизнеса к изменяющейся динамичной рыночной среде. Существенные изменения претерпело понимание природы капитала. Возрастающая роль человеко-творческого начала в экономике нашла отражение в таких новых понятиях, как «человеческий капитал», «социальный капитал», «интеллектуальный капитал».

Введение в содержание экономической теории данных понятий знаменует признание многофакторности рыночной среды, оказывающей влияние на эффективность деятельности хозяйствующего субъекта, отказ от

вульгарно-позитивистской трактовки капитала как исключительно материального физического феномена. Эффективность управления связывается с такими отнюдь не экономическими факторами, как наличие высокопрофессиональной команды управленцев, ключевых фигур бизнеса, определяющих конкурентоспособность предприятия на конкретных направлениях деятельности, эффективной организационной структуры и корпоративной культуры предприятия, целевого управления и деловой стратегии развития бизнеса. Культурологический подход к исследованию проблем хозяйственного управления и самоуправления представлен в типологиях организационной культуры Р.Блейка, С.Иошимури, Ж.Мутона, У.Ноймана, И.Оучи, С.Ханди и многих других исследователей. Например теория клановой культуры (модель «7S») И.Оучи представляет определенный интерес для понимания того, что происходит и в современной российской экономики, которая управляется олигархическими, по существу, клановыми группировками. Современная модернизированная модель этой теории принадлежит американским исследователям Т.Питерсу и Р.Уотермену. Они разделили семь основных элементов бюрократической и клановой культуры на «гибкие» и «жесткие» и признали, что далеко не все из этих элементов поддаются четкому определению [11].

При всем многообразии и при всей перспективности именно культурологического подхода к исследованию организационного фактора в сфере предпринимательской и трудовой деятельности, у этого подхода имеются и свои недостатки. «К сожалению, в отечественной науке вопрос роли национального в организационной культуре практически не разработана, а ведь состояние современной организационной культуры во многом зависит от ее исторического прошлого» [12].

В свою очередь, и на потребительский выбор человека влияют факторы социокультурного и психологического порядка. Субкультуры референтных групп, на которые ориентируется потребитель, предписывают предпочтения и запреты в потреблении, социальные статусы, образ и стиль жизни оказывают влияние на мотивы и психологию потребительского поведения.

Очень изменилось и понимание природы богатства. Общественное богатство синтетический показатель экономической и социальной зрелости общества, его всеобщая качественная характеристика. Экономическое мышление долгое время вращалось в парадигме редуцированных овеществленных отношений и, соответственно, воспроизводило концепцию богатства в его вещественно-субстратной форме как совокупность материальных благ и ценностей. В большинстве случаев под богатством понималась совокупность потребительских стоимостей, национальное имущество, система факторов

производства. Из содержания богатства исключался сам его источник - человек. Сведение человека к роли фактора производства определило диапазон человеческой деятельности с преобладающей ориентацией на тиражирование человека-исполнителя.

Узко экономический подход к оценке механизмов воспроизводства абсолютизировал чисто ресурсные факторы экономического роста. Утрата социальной направленности механизмов воспроизводства богатства проявилась, прежде всего, в технократическом подходе к человеку. Безграничное по своей внутренней логике накопление материального богатства имеет сущностные антропологические границы: обеднение самого источника развития творческих сил человека.

Обращение экономической науки к концепции «человеческого богатства» связано с выработкой стратегии и конструктивной теоретической модели будущего развития. В стратегическом смысле необходимо четко осознать, что снятие исторических пределов роста, обогащение источников развития возможно только на принципиально ином общественном базисе - базисе человеческого богатства. Вопрос о человеческом богатстве это вопрос о приоритете гуманистических установок в общественном развитии.

По своей сущности человеческое богатство есть процесс накопления творческих способностей человека в формах его предметной деятельности. Система человеческого богатства, основанная на приоритете «вложений в человека», социально и экономически наиболее рентабельна, так как направлена на обогащение не внешних предметных форм богатства, а самого источника общественного развития. Эффективность нового типа богатства проявляется в усилении социальной ориентации экономического роста. Это позволит снять ограничения экономического роста, ибо накопление индивидуальных и коллективных сил формирует неисчерпаемый по своей природе источник развития, связанный с приращением продуктивно-творческих сил людей. Накопление человеческого богатства может быть охарактеризовано как социальное накопление, идущее не за счет вещественных факторов, а за счет развития производительной силы труда и ее общественных форм.

По своей структуре человеческое богатство может быть представлено как накопление «субъективного в субъекте» (деятельных творческих способностей людей), сил самой производственной деятельности (коллективных общественных форм деятельности), всеобщих духовных сил науки и предметных форм человеческого богатства.

При подобном подходе труд лишается своей отрицательной определенности (эксплуатация, издержки производства, фактор производства,

негативная полезность, способность создавать стоимость, отчуждение, утилитарная репродуктивная деятельность); феномен труда выводится за рамки чисто экономического измерения.

Сложившаяся в стране ситуация значительно усилила прагматический подход к оценке и решению назревших проблем. Опыт свидетельствует, что именно при выборе решения, на практике возникает наибольшая опасность отказа от стратегических целей развития и их полное искажение. Поэтому оформление подобного теоретического направления с ориентацией на разрешение тактических задач явление, безусловно, прогрессивное, но имеющее совершенно определенные границы применения, За пределами этих границ подобный узкоэкономический прагматизм воспроизводит теорию и практику овеществленных условий производства, продуцируя в силу своей односторонности не комплексность, не сбалансированность развития, апологию вещных форм экономического роста. В этих подходах прослеживается своеобразная «антиисторическая» историчность, схватывающая сиюминутную пользу, приносящая в жертву широкие перспективы общественного развития.

Обращение к концепции человеческого богатства связано с выработкой стратегии и конструктивной теоретической модели дальнейшего развития. Сегодня крайне необходимо, помимо решения тактических задач, начать стратегическое изменение наиболее глубинных базисных отношений. Перестраивать эти отношения на основе системы материального богатства значит загонять все новации в старое прокрустово ложе. Действительно, ведь хозяйствующий человек это не только создатель материального богатства потребительских благ, он созидатель собственного человеческого богатства продуктивных сил и их общественных форм существования. Неслучайно, создавая образ современного экономического человека, мы вновь обращаемся к идеям Й. Шумпетера о предпринимателе-новаторе, в чьем образе слились новаторство, риск, ответственность, самодеятельность, организаторские способности и стремление к лидерству, а не только присутствуют своекорыстный интерес и экономическая выгода. И все-таки, теория Й.Шумпетера – это, в известной мере, романтическое представление о предпринимательстве. «Типичный предприниматель никогда не задается вопросом, принесет ли ему каждое прилагаемое им усилие достаточную компенсацию (…) Его мало заботят гедонистические результаты его труда. Он трудится, не зная покоя, потому что не может иначе…» [13]. Такой «альтруистский» образ предпринимателя мало согласуется с тем, что мы можем наблюдать в современной действительности. Тем не менее, интересно, что

предпринимательскую деятельность, определяемую как новаторство, творчество, Й.Шумпетер причисляет к трудовой деятельности.

Изменения, которые происходят в современной экономической науке, можно назвать радикальной сменой исследовательских парадигм. Изменяется смысл и содержание всех универсальных категорий: «богатство», «труд», «капитал», «экономический человек». Трактовка данных понятий приобретает широкий гуманистический и социальный смысл: «общественное богатство», «человеческий капитал», «творческий труд».

Новое содержание приобретает сама экономическая реальность, становясь объектом не только сугубо экономического, но социально-философского, психологического, политологического и социокультурного исследования [14, с.196-212].

Экономическая реальность это пространство не только экономических реалий, но и всех иных сторон человеческого существования. Это не означает размывание предметного поля экономического знания, а знаменует расширение самого объекта науки, методология изучения которого базируется на междисциплинарном синтезе. Произошла интеграция экономической теории с эмпирическими экспериментальными и прикладными исследованиями. Экспериментальные исследования из ранга иллюстративного материала перешли в ранг основного средства проверки и разработки теории, приводя ее в соответствие с реальной жизнью.

В рамках экономического знания формируется новый тип рациональности, основанный не на вульгарном объективизме, дихотомии субъектно-объектных отношений, а на коммуникативной рациональности, где достоинство объективности и субъектности достигается на пути исследования социальных механизмов экономического развития, с учетом историко-институционального контекста. С точки зрения гносеологии, современная ситуация в экономической науке может быть охарактеризована, как эпистемиологический антропологизм.

Экономический субъект предстал не только как производящий и потребляющий материальные блага с рационально определенной для себя выгодой, но и как самодеятельный субъект, воспроизводящий свои продуктивные силы и социальные формы жизни, поведение которого регулируется институциональными нормами совместной хозяйственной деятельности [14, с.211].

На место абстрактных макроэкономических моделей экономического роста приходят эмпирические модели, в центре которых оказываются инновационные механизмы, обеспечивающие в условиях ограниченности ресурсов, растущей конкуренции, стабильный экономический рост. Можно

сделать совершенно определенный вывод: только те страны, которые создадут мощный механизм инновационного процесса, могут рассчитывать на экономический рост и достойное место в ряду развитых стран.

Таким образом, в данном контексте креативность заключается в расширении предметного поля экономической науки и в разработке новых методологических подходов к анализу теории рациональности. Изучение данной проблемы, имеющей методологический характер, сказывается не только на состоянии теории и соответствующих дискуссиях, но и на экономической политике. Новое понимание рациональности во многом позволяет преодолеть мистификацию хозяйственной реальности, ориентацию на субъективные потребности, а не объективные интересы людей. И в этом смысле рациональность как объективная необходимость не может вызывать сомнений. Но сводить трудовую, творческую, предпринимательскую деятельность человека, равно как и работу его сознания, формирующего образы будущего, было бы не совсем корректно. Как отмечал когда-то М.О.Гершензон, «два общих закона могут быть установлены с очевидностью, вопреки учению исторического материализма. Первый – тот, что характер деятельности нашего сознания (т.е. ее ритм, напряжение и окраска) всецело обусловлены врожденной психофизической организацией личности. Второй – тот, что направление и емкость сознания на известном уровне в значительной мере автономны» [15, с.87]. Это означает, что деятельность нашего сознания – это создание идеального. И если справедливо суждение о том, что для философии процесс труда важен как *воплощение* идеального», то не менее важен для нее и процесс труда как *создание* идеального. Осмысление этого аспекта процесса труда как целого, как труда вообще, т.е. как «абстрактного», идеального труда, представляет собой ключевое условие для формулирования и понимания рациональности не только как объективной необходимости, но, прежде всего, как проявления (отражения) абсолютных ценностей. В частности, как отражения ценности Истины. «Сознание может уходить от личности вдаль, блуждать свободно по разным путям, долетать до неба. Оно – тот орган духа, который приемлет в себя истину. Велико количество истины, которое способен воспринять отдельный ум. Но знать истину и жить по истине, как известно, разные вещи» [15, с.88]. Рациональность, понимаемая как объективная необходимость *знать* истину и *жить* по истине («жить не по лжи», как выражался Л.Н.Толстой) – это подлинно верное, объективно правильное понимание рациональности. Но истина состоит не в обогащении и накоплении благ, а в улучшении качества самой жизни, в развитии и сохранении самого человека.

Литература

1.Саймон Г.А. Теория принятия решений в экономической теории и науке о поведении // Вехи экономической мысли / Ред. В.М.Гальперина.Т.2.СПб.: «Экономическая школа». 2000. С.54-73.

2.Ламберт Х. Социальная рыночная экономика: Пер. с нем. М., 1991.

3.Маршалл А. Принципы экономической науки. В 3-х т. Т.1.: Пер. с англ. М. «Прогресс». 1993.С.69-70.

4.Ойкен В. Основные принципы экономической политики: Пер. с нем. М.,1995.

5.См.: Туган-Барановский М.И. Учение о полезности хозяйственных благ как причине их ценности // Юридический вестник. 1890. Т.6.ч.2; Он же. Основы политической экономии. СПб. 1911.

6. См.: Бухарин Н.И. Политическая экономия рантье. Теория ценности и прибыли австрийской школы. М.: «Орбита». 1988. –192с.

7. Туган-Барановский М.И. Социализм как положительное учение // Туган-Барановский М.И.К лучшему будущему. Серия «Научная философия». М.: «РОССПЭН». 1996.С.388.

8.Хайек Ф. Философия рынка: Пер. с англ. М., 1985.

9. Шумпетер Й. История экономического анализа: Пер. с англ. М., 1992.

10.Шумпетер Й. А. Теория экономического развития. Капитализм, социализм и демократия. М.: «Эксмо». 2007.С.128.

11. См.: Уотермен Р. Фактор обновления. Как сохраняют конкурентоспособность лучшие компании: Пер. с англ. М.: «Прогресс».1988. С.73-80 и др.; Питерс Т., Уотермен Р. В поисках эффективного управления: Пер. с англ. М. 1986; Маршев В.И. История управленческой мысли. М.: Изд-во МГУ.2005.С.708 - 710.

12.Стожко К.П. Экономическое сознание. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та.2002.С.206.

13. Шумпетер Й. А. Теория экономического развития. Капитализм, социализм и демократия. М.: «Эксмо». 2007.С.165.

14.Пьянова Л.А., Пономарева С.И. Креативность как фактор формирования нового типа экономического сознания // Креативная экономика. Материалы XIV межрегиональной научно-практической конференции. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та. 2010. С.196-212.

15. Гершензон М.О. Творческое самосознание // Вехи; Интеллигенция в России. Сборник статей. М. 1991. С.87.

К.П.Стожко
доктор исторических наук, профессор,
кафедра философии,

Уральский государственный аграрный университет

ПРОБЛЕМЫ СОЦИАЛЬНОЙ ЭКОНОМИКИ: МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Аннотация. В материале дается обобщенный взгляд на сущность и содержание феномена социальной экономики. Выявлены различные категории благ и их роль в формировании экономического благосостояния людей. Приведен критический анализ состояния сферы услуг с позиций сложившейся макроэкономической ситуации.

Ключевые слова: благо, потребление, потребительский выбор, производство, социальная экономика, ценности.

Тория социальной экономики представляет собой комплекс конкретных концепций и идей, объединенных общей направленностью [1; 2]. Суть этой направленности заключается в социальной ориентации экономики, в разработке вопросов ее социального характера. Сюда относятся вопросы повышения качества и уровня жизни людей, их поведения как потребителей, их ожидания и предпочтения. В современной литературе социальную экономику не случайно называют сервисной экономикой или экономикой сферы обслуживания. Услуги – своеобразный товар, который отличается от товара в сфере материального производства. Он часто не имеет материальной формы, его нельзя положить в холодильник или упаковать в тару для хранения.

В общем и целом, социальной сферой экономики называется сфера национального хозяйства, включающая в себя здравоохранение, образование, науку, культуру, спорт и туризм, социальное страхование и ряд других областей, непосредственно касающихся граждан. Совокупность этих направлений характеризуется различными показателями: финансовыми (сколько бюджетных и внебюджетных средств государство расходует на их финансирование), социальными (уровень потребления и его структура), нормативными (какие нормативы государство закладывает в показатели «прожиточный минимум», «минимальный размер оплаты труда», «минимальный размер пенсии», «потребительская корзина», в индексацию доходов и т.д.).

Социально ориентированная экономическая политика – это, прежде всего, политика государства в сфере потребления. Именно в этой сфере складывается основная масса показателей, которые свидетельствуют об уровне потребления и

уровне жизни населения. Среди этих показателей особенно значимыми являются понятия *благосостояние*, *уровень жизни, качество жизни, уровень потребления, прожиточный минимум, средний уровень доходов* (заработной платы, пенсий, пособий стипендий и т.д.).

Социальная политика государства в сфере потребления имеет много аспектов. Она связана с интересами разных категорий населения, как самих товаропроизводителей, так и потребителей, в частности не работающих в сфере производства (детей, студентов, инвалидов и т.д.). Эти интересы отражены в разных экономических теориях, которые вместе взятые можно рассматривать как теоретические основы потребления.

Прежде всего, необходимо помнить о том, что не только интересы разных категорий населения бывают разными, но и сами товары (блага) также бывают различными. Все блага делятся на потребительские блага и дары природы. Воздух, природа, время – это блага, не создаваемые в сфере производства и не имеющие соответствующей ценны. Промышленные товары, услуги – это блага потребительские. Они представляют собой результат человеческого труда и имеют соответствующую цену.

Существуют следующие категории потребительских благ:

-*долговременные и недолговременные*. Недолговременные – это блага разового потребления (продукты питания). Долговременные блага –это товары длительного пользования (автомобили, жилье, электробытовые приборы и т.д.).

-*взаимозаменяемые и взаимоисключающие* друг друга. Такие блага иногда называют транзитивными и не транзитивными. Например, масло и маргарин могут взаимно заменить друг друга при приготовлении пищи. А вот молоко и селедка взаимно исключают друг друга, поскольку могут вызвать расстройство желудка. Точно также не сочетаются между собой и многие другие блага, что требует от потребителя соблюдения *культуры потребления* – ряда важных принципов потребительского поведения.

-*взаимно дополняемые и взаимно не дополняемые* друг друга. Такие блага называют *комплиментарными* и *не комплиментарными*. Например, дорогое ювелирное украшение может носиться как с рабочей одеждой, так и с праздничной одеждой – это пример *комплиментарности,* т.е. допустимости, сочетаемости. А вот соотношение отдельных цветов в гардеробе может так резко контрастировать между собой, что становится не *комплиментарным*, не сочетаемым. Возникает представление о безвкусии потребителя или производителя.

-*настоящие, прошлые и будущие*. Настоящие блага находятся в непосредственном распоряжении хозяйствующего субъекта. Они уже произведены. *Будущие* блага либо только находятся в стадии производства,

либо предполагаются (например, неразведанные залежи полезных ископаемых). Механизмом приобретения *будущих* благ являются *форвардовы*е и *фьючерсные* сделки. *Прошлые* блага – это те, которые сложились и остались в прошлом. Примером *прошлого* блага может служить авторитет родителей, которым пользуются наследники, антикварные вещи, которые приобретаются на аукционах или передаются по наследству и т.д.

Большинство благ относится к категории прошлых, поскольку они созданы в прошлый период. Наряду с этим существуют и *настоящие* блага, которые производятся и приобретаются «здесь и сейчас»: например изготовленные по заказу блюда в ресторане или созданные в присутствии заказчика изделия.

Между различными категориями благ существует транзитивность - переход благ из одной категории в другую. Но не все блага обладают свойством транзитивности. Некоторые настоящие блага не могут стать прошлыми или будущими, поскольку создаются на короткое время. Это можно сравнить с песочным замком на линии прибоя, который недолговечен.

-*прямые и косвенные* блага. Первые блага уже готовы к употреблению. Они непосредственно удовлетворяют потребности людей. Их не нужно преобразовывать, дорабатывать в условиях домашнего хозяйства. Вторые блага требуют доработки, преобразования в условиях домашнего хозяйства. То же сырое мясо или картофель из магазина, не могут сразу удовлетворить наш голод. Их необходимо приготовить (обжарить, сварить и т.д.).

-*блага высшего и низшего порядка*. В соответствии с известной пирамидой А.Маслоу все потребности людей делятся на уровни. К низшему уровню относятся блага, удовлетворяющие физиологические потребности. К высшему уровню – эстетические и духовные. Соответственно все блага можно было бы разделить по этим уровням как высшие и низшие. Однако все не так просто. Даже наши физиологические потребности мы можем удовлетворять с помощью изысканной или грубой пищи, одежды, обуви и т.д. Высшие потребности также могут удовлетворяться с помощью благ высшего и низшего порядка. Та же потребность в общении как пример потребности высшего уровня, осуществляется порой при помощи абцессной лексики (матерщины). А вот потребности в питании как пример потребностей низшего уровня могут осуществляться путем употребления деликатесов.

-*товары и услуги.* Как благо услуга – это процесс, включающий серию (или несколько) неосязаемых действий, которые по необходимости происходят при взаимодействии между покупателями и обслуживающим персоналом, физическими ресурсами, системами предприятия - поставщика услуг. Этот процесс направлен на решение проблем покупателя услуги. Встречается понятие «чистая услуга». Это экономическое благо в форме деятельности, то

есть последовательность действий, цель которых - повышение потребительской полезности объекта услуги, а задача - воздействие на этот объект услуги.

Такая услуга, как известно из теории, не существует до момента предоставления. Чистая услуга неотделима от производителя, потребляется одновременно с производством, не подлежит хранению, ее качество изменяется легче, чем качество материально-вещественного товара. Права собственности на объект услуги принадлежат потребителю услуги.

Услуга в отличие от товара – не материальна. Ее нельзя накопить как деньги или запасы, хранить на складе. Именно поэтому услуги, хотя они тоже являются товаром, выделяются в отдельную категорию благ. В условиях пандемии COVID - 19 и иных форс-мажорных обстоятельств производство услуг резко сократилось. Предприятия и организации перешли на так называемый удаленный характер работы и предоставляют услуги не в массовом поточном плане, а на заказ, по записи, с доставкой клиенту. С одной стороны, эти новые форматы обслуживания представляют собой способ адаптации производителей к новым условиям. Но, с другой стороны, «производство на заказ» существенно ограничивает масштабы производства как такового, поскольку персонификация такого производства является затратной и, кроме того, не всегда доступна в силу отсутствия необходимой инфраструктуры или конкретных технологий. Нельзя, например, пляжный отдых на берегу моря приблизить до дверей конкретной квартиры.

Поэтому развитие социального характера современной экономики не стоит сводить к индивидуализации производства и обслуживания, как бы заманчиво это не звучало.

Литература

1.Саймон Г.А. Теория принятия решений в экономической теории и науке о поведении // Вехи экономической мысли / Ред. В.М.Гальперина.Т.2.СПб.: «Экономическая школа». 2000. С.54-73.

2.Ламберт Х. Социальная рыночная экономика: Пер. с нем. М., 1991.

3.Маршалл А. Принципы экономической науки. В 3-х т. Т.1.: Пер. с англ. М. «Прогресс». 1993.С.69-70.

4.Ойкен В. Основные принципы экономической политики: Пер. с нем. М.,1995.

5.См.: Туган-Барановский М.И. Учение о полезности хозяйственных благ как причине их ценности // Юридический вестник. 1890. Т.6.ч.2; Он же. Основы политической экономии. СПб. 1911.

6. См.: Бухарин Н.И. Политическая экономия рантье. Теория ценности и прибыли австрийской школы. М.: «Орбита». 1988. –192с.

К.П.Стожко
доктор исторических наук, профессор,
кафедра философии,
Уральский государственный аграрный университет

«ПОТРЕБИТЕЛЬСКОЕ ОБЩЕСТВО» И СОВРЕМЕННЫЕ КОНЦЕПЦИИ ПОТРЕБЛЕНИЯ

Аннотация. В статье раскрыты сущность, содержание, особенности и недостатки различных современных концепций потребления, сложившиеся в экономической науке на протяжении последних десятилетий. Обоснован тезис об ограниченном характере данных теорий, зацикленных на феномен потребления и игнорирующих все другие цели современного социально-экономического развития. Такая ограниченность ведет к фетишизации потребления и проявлению разного рода социальных аберраций, девиаций, фобий.

Ключевые слова: благо, спрос, товар, предложение, потребление, экономическое поведение.

Термин «потребительское общество» или «общество потребления» ввел в экономический лексикон французский социолог и философ Ж.Бодрияр (1929-2007). В своих сочинениях «Система вещей», «Соблазн» и других автор выявил главную характерную черту современного постиндустриального общество - культ потребления. Впоследствии появился целый ряд конкретных теорий потребления, о которых будет сказано далее. Предварительно следует оговориться, что, хотя эти теории порой носят совсем «непотребительское» название и посвящены другим экономическим вопросам (занятость, накопление, экономической динамике и проч.), тем не менее, все они по существу являются теориями потребления. Дело в том, что «конечным пунктом» таких теорий служит именно потребление.

Важными теоретическими основаниями потребления выступают различные научные концепции.

1.Теория рациональных ожиданий – была сформулирована в трех статьях американского математика и экономиста Дж.Мута, написанных на рубеже 50-60-х гг. XX в. Ключевой стала написанная в 1959 г. и опубликованная в 1961 г.статья Рациональные ожидания и теория движения цен». Дж.Мутон родился в 1930г. в Чикаго, окончил университет Вашингтона в г.Сен-Луисе и университет Карнеги – Меллона.

Дж.Мут поставил вопрос о том, насколько ожидания сами по себе влияют на развитие потребления и на цены. Он высказал мысль о том, что внутренняя логика модели потребительского поведения индивида нарушается, если цели ему задаются не им самим, а извне. При внешнем воздействии модель потребительского поведения становится противоречивой, утрачивается возможность прогнозирования. Суть рациональных ожиданий Дж.Мут связывал с тем, что эти ожидания возникают у самого индивида как его внутренний выбор. Свои исследования он посвятил в большей степени анализу воздействия нерациональных ожиданий на трансформацию моделей потребительского поведения.

Данная теория весьма проблематична, поскольку отнюдь не все ожидания, возникшие как самостоятельный выбор индивида, рациональны в строгом смысле слова, т.е. полезны. Употребление наркотиков или психотропных веществ изначально также можно рассматривать как «рациональные» потребительские ожидания. Но при этом утрачивается первоначальный смысл самого термина «рациональность».

Дальнейшее развитие этой теории было связано с именем Р.Лукаса. Он особое внимание обратил на *цикличность* в потреблении. Р.Лукас пришел к выводу о том, что характер и объем потребления в текущем моменте времени зависит от уровня производства в прошлом. Иными словами в модели Лукаса функция совокупного предложения задается как функция прошлого уровня производства, объема капитала в прошлом и настоящем, а также изменения цен.

2.Теория игр – разработана Дж. фон Нейманом и О.Моргенштерном, которые в 1944 г. опубликовали книгу «Теория игр и экономическое поведение». Авторы применили для характеристики полезности математический аппарат теории вероятности, теории множеств и создали модели лотерей. В общем и целом, суть их теории состояла в том, что максимальное удовлетворение при покупке товаров и услуг – это своего рода лотерея, которая может выиграть, а, может, и нет. Например, вы купили бутылку молока, но разбили ее по дороге, поскользнувшись по не зависящим от вас причинам. Или вы купили банку консервов, но что там внутри – обнаружите только, когда придете домой. Такое потребление называется «действовать вслепую».

3.Теория ожидаемой полезности – возникла как побочный продукт развития теории игр. Суть ожидаемой полезности состоит в выборе не из бесконечного многообразия ресурсов, а из строго ограниченного их круга. Сам принцип ограничения выбора позволяет спрогнозировать эффективность того или иного его сценария. При выполнении некоторых простейших аксиом

относительно упорядоченности предпочтений, можно доказать, что вариант, выбранный индивидом, должен иметь наибольшее значение ожидаемой полезности. Например, при бюджете индивида в 100 у.е. и потреблении им двух товаров (молока и хлеба, цены на которые равны) можно теоретически представить варианты, когда он питается либо молоком, либо хлебом. Но оптимальный сценарий с ожидаемой оптимальной полезностью будет где-то в середине. Если в структуру потребительского бюджета вводить новые категории продуктов (при условии равенства цен), то сценарий оптимальной полезности вполне поддается прогнозу. Даже если будет нарушен ценовой паритет, такой сценарий вполне может быть обнаружен с помощью математических инструментов. Собственно, на этой основе и определяются прожиточный минимум, потребительская корзина и некоторые другие показатели потребления.

4.Теории человеческого капитала и экономической дискриминации – сформулировал американский экономист Гарри С. Беккер, лауреат Нобелевской премии. В 1964 г. он опубликовал книгу «Человеческий капитал», тем самым введя в научный оборот новое понятие. Раньше использовали понятия «финансовый капитал», «промышленный капитал», «торговый капитал», «банковский капитал» и т.д. Но Г.Беккер попытался доказать, что существует еще одна форма капитала – человеческий капитал – имеющийся у каждого запас знаний, навыков и мотиваций. Инвестициями в человеческий капитал могут быть образование, накопление полезного опыта, охрана здоровья, географическая мобильность, поиск информации.

Помимо разработки теории человеческого капитала Г.Беккер осуществил и практический расчет экономической грамотности индивида и экономической эффективности его образования. Он, например, определял доход от высшего образования как разность в пожизненных заработках между теми, кто окончил колледж и теми, кто не пошел дальше средней школы. В составе издержек на обучение главными элементами были признаны «потерянные заработки», т.е. заработки, не полученные студентами за годы учебы.

Г.Беккер предложил различать *общие* и *специальные* инвестиции в человеческий капитал. В статье «Теория распределения времени» (1965) Г.Беккер изложил основы собственной теории потребления. Он отверг жесткое противопоставление работы на рынке и досуга. Нерабочее время нельзя считать полностью свободным, поскольку значительная его часть посвящена особому виду деятельности – домашнему хозяйствованию. Необходимо поэтому различать а) товары, приобретаемые на рынке и в) товары, являющиеся конечным продуктом деятельности в домашнем секторе и фактически – источником полезности. В конечном счете, потребителей интересует не «мясо»,

а, например, «бифштекс» или «рагу». Не «пылесос», а «чистая комната»; не обучение хорошим манерам», а «воспитанный ребенок». Ключевым компонентом производства «конечного продукта» в домашнем хозяйстве являются затраты времени. Потому, что если на общественном производстве оно оплачивается, то в домашнем секторе оно отнимается у досуга (отдыха), а значит, сокращает время воспроизводства самого человека.

Характер потребления связан также с тем, что в условиях современной рыночной экономики сложилась своеобразная экономическая дискриминация. Предприниматели, работники и потребители нередко проявляют озабоченность не только количеством или качеством товаров и услуг, достающихся им на рынке, но и личностными характеристиками тех, от кого или совместно с кем они их получают. Дискриминация, по мнению Г.Беккера, порождается специфическими потребительскими предпочтениями лиц, не желающих вступать в контакты с лицами данной расы, национальности, религии и т.д. Примером такой дискриминации может служить отношение к трудовым мигрантам или умственно отсталым ученикам. Фактически общение с представителями таких групп служит источником отрицательной полезности. Поэтому отдельные потребители готовы частично жертвовать удовлетворением собственным потребностей только для того, чтобы избежать таких контактов.

5.Теория предложения – одна из концепций современного американского консерватизма. Суть ее в том, что повышение налогов ведет к объективному сокращению спроса и потребления. Практика повышения налогов контрпродуктивна также и для накопления капитала, решения проблем инвестиций. Высокие налоги – одна из причин инфляции и обесценивания доходов населения. Впервые концепция предложения была сформулирована в 1977-1978 годах профессором из штата Юж.Каролины А.Лаффером, автором известной *кривой Лаффера*. Он доказал, что при непомерном росте налоговых ставок собираемость налогов в бюджет начинает снижаться, а постепенно и вообще прекращается. Поэтому низкие налоговые ставки необходимо поддерживать как можно дольше. Это создает благоприятный инвестиционный климат в стране. Сторонником концепции был президент Р.Рейган, который за два срока своего пребывания в Белом доме не повышал налоги и тем самым добился роста потребления на внутреннем рынке США (этот курс получил название *рейганомика*). В отличие от американской экономики, российская модель ориентирована на экспорт ресурсов и не создает необходимых условий (предложения) на внутреннем рынке. Постоянно увеличивая экспортные пошлины на лес, нефть, газ, уголь, металлы, российское правительство десятилетия проводит политику искусственного ограничения их предложения

на внутреннем рынке. Это сдерживает развитие реального сектора экономики и провоцирует постоянный рост цен.

6.Теория жизненного цикла продукта – Впервые данная теория была изложена в систематическом виде в статье американского ученого Р.Верона «Международные инвестиции и международная торговля в свете цикла жизни продукта» (1966). В ней автор попытался ответить на вопрос о том, почему одни отрасли американской экономики выдвигаются на передний план, а другие – сходят со сцены. Каковы закономерности динамики экспортной структуры? Р.Верон предложил рассматривать эту проблему сквозь призму движения самого продукта той или иной отрасли. Он выделил сначала две, а затем уже и три фазы коммерческого производства в соответствии с изменением значимости критериев наукоемкости и трудоемкости производства продуктов.

На первой фазе – внедрение нового продукта в производство – успех зависит от научно-технической базы. Основным фактором производства нового продукта выступает высококвалифицированный труд. На второй фазе жизненного цикла продукта особую роль играет производственная мощность предприятия. Ключевые «игроки» здесь – капитал и управленческий труд. Для третьей фазы – зрелости производства – на передний план выдвигается неквалифицированный труд, обеспечивающий массовое производство. Значение труда ученых, инженеров и менеджеров резко падает.

Очевидно, что критерием выделения отдельных фаз в движении товара Р.Верон выбрал *потребление* труда и капитала.

Сегодня теория жизненного цикла товара интерпретируется несколько по другому. Ее суть заключается в том, что товары, производимые на рынке, проживают свою собственную жизнь, которую условно можно разделить на определенные фазы. Время от момента выставления товара для продажи на рынке и до момента его потребления по назначению называется жизненным циклом товара. Характер и динамика потребления в полной мере отражают структуру жизненного цикла товара. В первой фазе, когда товар только начинает поступать в сферу продаж, он является дефицитным, модным, престижным. Соответственно, он пользуется большим спросом и динамика его потребления высокая, его раскупают быстро. На второй фазе жизненного цикла товара, когда начинается его серийное производство, товар утрачивает ореол новизны и становится обычным продуктом, который начинают приобретать уже не из-за каких-то психологических соображений (мода, престиж, соцальный статус), а по мере необходимости и для удовлетворения базовых потребностей. В условиях третьей фазы жизненного цикла, когда осуществляется массовое производство товара, часто возникает эффект

затоваривания, кризис сбыта. Торговые организации вынуждены списывать излишний товар, неся при этом определенные убытки. Наконец, четвертая фаза связана со снятием товара с производства и реализацией его остатков в сфере торговли. Здесь может быть двойственное отношение потребителя к товару. Если цены остаются на прежнем уровне, оставшийся товар вряд ли найдет своего покупателя. Но если цены на остатки снижаются, то начинаются распродажи товара по сниженным ценам (например, при ликвидации магазина или коллекций прежнего сезона). Либо цены на аналогичный товар повышаются (например, на алкоголь или сигареты), что вызывает рост потребительского спроса на оставшийся товар, реализуемый по старым ценам.

Проявлениями теории на практике можно назвать парадокс Василия Леонтьева и правило Э.Хекшера – Б.Олина. Суть правила скандинавских экономистов Элли Хекшера и Бертиля Олина состоит в том, что главным фактором жизненного цикла товара является его трудоемкость (потребление труда). Предприятия и страны экспортируют товары, характеризующиеся высокой трудоемкостью там и тогда, где и когда она низкая, и импортируют товары с более высокой капиталоемкостью и наукоемкостью. Что же касается парадокса, получившего имя В.Леонтьева, то она состоит в том, что Соединенные Штаты Америки вывозят на мировые рынки продукцию с высокой трудоемкостью чего они, казалось бы, не могли делать. Объяснение этого парадокса просто: на мировом рынке есть страны с разной трудоемкостью продукции. Те из них, где труд дешевый, составляют конкуренцию США. А те из них, где труд дорогой, наоборот, потребляют продукцию США как менее трулоемкую.

7.Кейнсианская теория накопления и борьбы с безработицей. Ее автором является известный английский экономист Джон Мейнард Кейнс (1884-1946). В 1936 г. он опубликовал книгу «Общая теория занятости, процента и денег», в которой сделал вывод о том, что государство обязано регулировать процессы потребления. Все потребление он разделилна производительное и непроизводительное. Под производительным потреблением понимается такое, которое приносит доход, пользу. Под непроизводительным потреблением понимается такое, которое дохода или пользы не приносит. Например, хранение денег в банке приносит вкладчику процент, а их хранение дома не дает никакого дохода.

В основе потребления Дж.М.Кейнс выделил три так называемых психологических закона потребления. Первый закон – склонность людей к сбережениям – он объяснил тем обстоятельством, что рост потребления всегда отстает от роста доходов, а вот желание потребления всегда опережает рост доходов. Второй закон – склонность к инвестированию – Дж.М.Кейнс объяснял

тем, что для удовлетворения желания потреблять люди ищут новые источники доходов, к числу которых относится и практика инвестирования. Третий закон – предпочтение ликвидности – связан с рисками в самой экономике и стремлением людей держать свои доходы в денежной форме.

Для устойчивого макроэкономического равновесия в экономике страны Дж.М.Кейнс предлагал свое *кейнсианское равенство*: все сбережения населения и предприятий должны вкладываться в экономику, т.е. становиться инвестициями. Чем больше средств оказывается не капитализированным, тем меньше, в конечном счете, будет спрос и потребление.

Стихийная игра рыночных сил, на которую делали ставку неоклассики, не может обеспечить устойчивого развития экономики. Государство обязано содействовать преодолению склонности людей к сбережению и наоборот стимулировать их склонность к инвестированию. Для этого необходимо регулировать норму процента по инвестициям и кредитам. Дешевые деньги, взятые под низкий процент и вложенные в бизнес, - это стимул экономического развития. При этом, политика в области заработной платы должны быть также нацеленной на повышение инвестиционной активности. А это означало, что ограничение заработной платы.

Главный вывод Дж.М.Кейнса гласил, что государство должно бороться с безработицей для того, чтобы обеспечить рост совокупного спроса и совокупного потребления благ. Именно это потребление является двигателем экономики, способствует ее росту. Поэтому даже если приходится идти на то, чтобы возник государственный долг, государство должно допускать такую ситуацию, поскольку рост доходов, спроса и потребления со временем не только компенсируют дефицит бюджета, но и наполнят его за счет новых налогов.

8.Теории антиинфляционного регулирования. Существуют разные теории инфляции. Все они могут быть сгруппированы в три группы: *неоклассические, кейнсианские и социальные* теории. *Неколассические* теории инфляции объясняют инфляцию избытком денег по отношению к выпуску продукта и нарушением механизма денежного обращения. Представители монетаризма (М.Фридмен, А.Мельтцер, Ф.Кейган) считают, что главное звено проблемы – это потребление денег. С помощью денежно-кредитной политики они считают возмождным ограничение и даже преодоление инфляции. Для этого необходима жесткая денежная эмиссия, таргеттирование денежных агрегатов и соблюдение известного «правила Фридмена» об увязывании темпов эмиссии с динамикой ВВП.

Кейнсианские теории инфляции, в отличие от монетаристских концепций, базируются на движении совокупного спроса и динамике общего пользования

производственных ресурсов. Последователи Дж.М.Кейнса сформулировали свою теорию инфляции, суть которой можно выразить через два постулата: во-первых, необходимо стимулировать совокупный спрос и потребление; во-вторых, необходимо увеличивать занятость населения, но при этом жестко регулировать заработную плату.

Суть этих идей очевидна. С увеличением занятости растет НД и, следовательно, увеличивается потребление. Но потребление растет медленнее, чем доходы. Рост занятости определяется склонностью к потреблению, которая растет. Поэтому необходимо повышать предельную эффективность инвестиций и снижать при этом норму процента по кредитам.

Что же касается заработной платы, то ее необходимо ограничивать. По мнению кейнсианцев, избыток спроса создается в значительной мере в силу якобы неумеренных притязаний рабочих повысить заработную плату. Именно эти требования будто бы являются главной причиной инфляции.

Однако необходимо иметь в виду, что существуют два вида инфляции: инфляция спроса и инфляция издержек. Инфляция спроса выводится из увеличения совокупного спроса по отношению к имеющимся товарам и услугам. Инфляцию спроса часто связывают с ростом расходов государственного сектора на здравоохранение, образование, науку, культуру и другими социальными расходами, которые предлагается жестко ограничивать. При этом и кейнсианцы, и неоклассики «забывают», что огромные государственные расходы осуществляются не по социальным направлениям: на поддержку банковской системы, на управленческие расходы, на милитаризацию экономики и т.д. Но их почему-то не предлагается снижать. Тезис о том, что цены товаров будто бы определяются или регулируются заработной платой, является давно устаревшим и ошибочным в теоретическом отношении.

Наконец, *социальные* теории и инфляции объясняют ее антисоциальными действиями самого государства. Тезис о том, что повышение совокупного спроса неизбежно ведет к росту цен и социальных расходов государства по их индексированию представители этих теорий отвергают. Они считают, что спрос рождает предложение. Этот тезис Ж.Б.Сэя, отрицавшего возможность кризисов перепроизводства или недопроизводства, его современные последователи интерпретируют в том смысле, что рост совокупного спроса и потребления ведет к еще большему росту производства и опережающей динамике предложения. Тем самым, инфляция спроса оказывает мультиплицирующее воздействие на производства, обеспечивая его прирост. Собственно, здесь используется в качестве аргументации известный мультипликатор

Дж.М.Кейнса, который представляет собой отношение прироста доходов к приросту инвестиций – $K = \Delta Yw / \Delta I w$, где

К – мультипликатор, Δ - прирост, w – совокупный объем, Y – доходы, I – инвестиции.

Справедливости ради, необходимо заметить, что понятие мультипликатора впервые ввел в научный оборот Р. Кан (1931). Который как раз и вел речь об эффекте мультипликатора в сфере занятости. Если иметь в виду именно эффект мультипликатора – то, насколько прирост инвестиций увеличивает эффективный спрос – то становится понятным, что инвестиции в занятость обеспечивают куда больший рост производительности труда, чем инвестиции в управленческие бюрократические расходы. Поэтому, как говорится, «нечего на зеркало пенять, коли рожа кривая», нечего обвинять рабочих в каких-то «необоснованных» притязаниях, если сами чиновники погрязли в коррупции, и демонстрируют необоснованность своих высоких зарплат и «золотых парашютов».

Вывод представителей социальных теорий инфляции один: нужно снижать налоги и сокращать управленческие доходы, особенно административную ренту. Высокие налоги вызывают замедление производства товаров, что вызывает инфляцию, и являются следствием неграмотной государственной экономической политики, осуществляемой некомпетентными чиновниками.

9.Теория общественного выбора – суть ее состоит в том, что потребитель считает наиболее оптимальным и выбирает такое общественное устройство, при котором его потребности удовлетворяются в максимальной степени. Этому требованию, как считают экономисты, соответствует в наибольшей степени демократический режим и рыночная экономика. Именно в условиях демократии наиболее рационально решаются вопросы производства общественных благ, формирования цен и компенсации возможного ущерба (вреда) при потреблении. В случае, если предпочтения потребителей или интересы потребителей и производителей существенно различаются, предлагается использовать механизм голосования, результаты которого являются обязательными для всех. Этот тезис впервые сформулировал еще в конце XIX в. шведский экономист К.Викселль (Стокгольмская школа экономики).

Позднее его ученик Э.Линдаль в книге «Справедливость налогообложения» выдвинул тезис о том, что доля индивидов в финансировании общественных благ должна соответствовать в точности предельной полезности общественного блага (модель добровольного обмена). Дальнейшее развитие эта теория получила в работе Э.Даунсона(США) «Экономическая теория демократии» и в книгах У.Нисканена (Финляндия), посвященных исследованию «экономики

бюрократии». В частности, У.Нисканеном была сформулирована теория административной ренты, которую получают органы демократической власти, обслуживающие общественный выбор. Последним вариантом данной теории стала концепция «конституционного выбора» Дж.Бьюкенена (США), изложенная им в книге «Границы свободы. Между анархией и Левиафаном».

Однако теория общественного выбора также имеет ряд серьезных возражений и недостатков. Это относится, прежде всего, к тому, что часто демократический режим устанавливается не волеизъявлением населения, а насильственно навязывается ему по образу и подобию демократической системы США. А она уже давно перестала быть демократической де-факто. И тем более она перестала быть эффективной. Национальный долг США составляет сегодня около 16 трлн. долл., что бесповоротно доказывает неэффективность общественной системы и отсутствие демократического выбора. При экспорте же этой модели в другие страны проявляется негативный эффект, связанный с тем, что такой экспорт демократии не учитывает реальные социально-экономические и культурно-исторические условия этих стран.

Кроме того, сторонники теории общественного выбора игнорируют цену вопроса – стоимость тех самых демократических институтов, которые, по их мнению, обеспечивают оптимальное потребление. В действительности, цена этих институтов, их содержание обходится обществу часто гораздо дороже, чем при тоталитарном режиме. Примеры коррупции в современном российском политическом мире – яркое тому доказательство. Известен и такой тезис: демократия дает чувство свободы, не утоляет голода.

10.Поведенческие экономические теории – они разрабатывались в США, где в середине XX в. возникла так называемая Мичиганская школа экономистов. Основателем этой школы считается Дж.Катон, который в 1975 г. опубликовал книгу «Общественный выбор». Он делит все потребительские расходы и сбережения на обязательные (контрактные) и необязательные (дискреционные). Главный теоретический интерес представляют дискреционные покупки (к ним относятся покупки товаров длительного пользования) и сбережения. Решения по их поводу принимаются относительно редко. На эти решения влияют не только объективные факторы (доходы, процент по потребительским кредитам), но и совокупность психологических факторов. Их Дж.Катон назвал «промежуточными психологическими переменными» в том смысле, что именно через эти психологические факторы объективные экономические факторы воздействуют на потребление и сбережение. К этим переменным психологическим факторам он отнес *мнения, ожидания, настроения, притязания*. В прежней макроэкономической теории

эти факторы не учитывались, и потребительские расходы рассматривались исключительно как функция доходов и других «объективных» факторов.

При всей привлекательности данной теории обнаруживается ее сложность, связанная с необходимостью осуществления постоянного мониторинга за потребительскими настроениями, за психологическими особенностями клиентов. Это порождает дополнительные расходы и способствует росту цен товаров и услуг, что не оправдывается никакими психологическими особенностями клиентов.

11.Теория «нового социализма» - ее разработчиком является выдающийся американский экономист Дж.К.Гелбрэйт. Он написал ряд интересных книг: «Индустриальное общество», «Постиндустриальное общество», «Экономические теории и цели общества» и т.д.В них автор сформулировал идею технологического детерминизма, смысл которой состоит в том, что все проблемы в экономике связаны с научно-техническим прогрессом. Чем выше динамика НТП – тем больше товаров и услуг выпускается на рынке, тем выше предложение, ниже цены, выше уровень потребления. Однако, следует иметь в виду так называемую *рыночную систему*, т.е. ту часть общества, которая связана с производством и распределением товаров. Во второй главе своей книги «Экономические теории и цели общества» он как раз и описывает эту систему, которая включает в свою структуру индивидуальных производителей, мелкие фирмы, корпорации и т.д. Эта система отличается социально-экономической неоднородностью и высоким уровнем противоречий между ее участниками. Выход из такой ситуации Дж.К.Гелбрейт обнаружил в «революции управляющих» - приходе к власти в корпорациях профессионалов – менеджеров. Тем самым, по его мнению, прежние хозяева оказались отстраненными от реальных рычагов управления, которые оказались в руках истеблишмента – «белых воротничков».

Ученый вводит понятие «планирующая система», разрабатывает концепцию индикативного планирования, полагая, что именно планирование способно предотвратить кризисы перепроизводства и обеспечить оптимальный уровень потребления благ.

Но предположения о том, что новые профессиональные менеджеры наладят процессы потребления и управления, оказались преждевременными. Современный глобальный экономический кризис (2008) доказал, что этого не произошло. Отделение капитала как функции (управления) от капитала как собственности не стало спасением. Поэтому Дж.К.Гелбрэйт пришел к выводу о том, что необходима национализация крупных корпораций, которые не способны оптимизировать процессы производства и сбыта товаров. А это и есть одно из требований социализма: отнять и перераспределить.

Дж.К.Гелбрэйт выступает за создание так называемой *смешанной экономики*, которую он называет «прагматическим социализмом». В пятой главе названной книги он излагает собственную версию – общую теорию реформ и употребляет термин «социалистический императив», под которым подразумевает активное государственное вмешательство в социально-экономические процессы.

Неоправданные надежды на роль техноструктуры в решении социально-экономических проблем подтверждаются и сегодня.

12.Теория потребительского выбора – это одна из теорий, которую можно отнести к разряду поведенческих. Часто ее называют теорией потребительского поведения. Суть ее состоит в том, что в условиях ограниченности финансовых и материальных ресурсов потребитель ведет себя на рынке строго рационально, как гедонист, максимизирует выгоды и минимизирует убытки.

В действительности, данная теория крайне спорная. Дело в том, что данная теория основывается на спорных предпосылках:

-*множественности потребления*, т.е. из тезиса о том, что каждый потенциальный потребитель желает потреблять как можно больше разнообразных товаров и услуг. В действительности же у потребителей имеются свои предпочтения, что ведет к феномену консервативного потребления;

- *не насыщенности (ненасытности) потребителя*. Это также спорный момент, поскольку далеко не все ходят в магазины «голодными». Существует даже своеобразное правило ходить в магазины уже сытым, чтобы не поддаваться чувству голода и не покупать лишнего;

- *транзитивности потребления* – т.е. из тезиса о согласованности вкусов потребителей и продавца. Но продавцы часто предлагают потребителю отнюдь не транзитивные (не согласованные по качеству и количеству) товары и услуги. Так, продукты, содержащие ГМО, или товарные интервенции, обесценивающие ранее приобретенный товар – типичное явление на рынке;

- *наличие на рынке товаров – заменителей* (субститутов), что также расширяет потребительский выбор. Однако, на рынке довольно часты и хронически продолжительны ситуации узкого ассортимента, отсутствия товаров-заменителей. Например, нет альтернативы инсулину для лечения диабета или отдельных антибиотиков для лечения вирусных заболеваний.

Таким образом, объяснение характера, структуры и динамики потребления через тезисы теории потребительского выбора весьма условно и приблизительно.

Среди авторов и разработчиков данной теории можно назвать имена таких экономистов, как Дж.Р.Хикс, Г.Хотеллинг, Х.Лейбенстайн, К.Ланкастер, Т.Скитовски.

Джон Ричард Хикс (1904-1989) – английский экономист, профессор Манчестерского (1938-1946) и Оксфордского (1952-1965) университетов. Лауреат Нобелевской премии по экономике (1972). Сторонник *ординалистской* теории. Написал ряд интересных работ, среди которых особое место занимает книга «Стоимость и капитал» (1939). Но одной из первых работ молодого ученого стала книга «Теория заработной платы» (1932). В ней автор особое место уделил анализу проблемы заработной платы. В качестве основного источника доходов для основной массы населения заработная плата определяет потребление большинства работников.

Но вопрос состоит в том, чем определяется сама заработная плата (ее размер) в рыночной экономике? Автор связывает заработную плату с конкуренцией на рынке труда. Именно нарушение конкуренции стало, по мнению Дж.Р.Хикса, важнейшим условием ограничения заработной платы. И связано это было с тем, что в начале XX века в передовых странах мира получили свое развитие крупные корпорации – монополии. Ценообразование на рабочую силу в условиях монополизма – это совсем не то же самое, что ценообразование на рабочую силу в условиях конкуренции и рынка. Таким образом, ученый справедливо связал динамику потребления, спроса и заработной платы с формами организации производства и реализации товаров. Но при этом он совершенно не справедливо отнес к категории монополий и профсоюзы, которые будто бы являются единственным фактором, нарушающим свободное взаимодействие рыночных сил. Это обстоятельство свидетельствует о непонимании исследователем значения промышленной и коммерческой монополии в развитии производства и потребления. В 1943 году вышла известная его статья «Четыре излишка потребителя». В статье автор развивает свою идею приращения излишка потребления, которую он сформулировал в книге «Стоимость и капитал». Дж.Р. Хикс скорректировал старую теорию потребительского излишка, связанную с тем, что конкретный потребитель получает от потребления дополнительный выигрыш, если он «находится в нужном месте и в нужное время». По мнению английского экономиста, такой излишек носит не абсолютный характер, а относительный характер. Можно быть в нужном месте и в нужное время и просто «прошляпить» собственную выгоду. Поэтому автор рассматривает излишек потребителя в *движении* от одной определенной ситуации – к другой.

Другим представителем теории потребительского поведения считается американский экономист Гарольд Хотеллинг (1895-1973). Профессор Колумбийского университета в США (1931-1946), он опубликовал ряд работ по проблемам потребления. В этих работах автор отстаивает тезис, согласно которому «оптимум общественного благосостояния соответствует продаже

всех благ по предельным затратам». С этого тезиса начинается и его известная статья «Общее благосостояние в связи с проблемами налогообложения и установления железнодорожных тарифов и тарифов на коммунальные услуги». Если не вдаваться в конкретные расчеты экономиста, то суть тезиса проста. Предельные (максимально низкие) налоги, цены и тарифы стимулируют потребление. Производители и продавцы при этом остаются в выигрыше, так как рост объемов сбыта товаров по низким ценам оказывается для них более выгодным, чем производство и сбыт небольших количеств товаров по высоким ценам и тарифам.

Важный вклад в теорию потребительского поведения внес американский экономист Харви Лейбенстайн. Он родился в России (1922). Но эмигрировал с семьей в Канаду (1925), а затем в США (1922-1997). После автокатастрофы (1987) он отошел от активной научной работы. Тем не менее, он известен как создатель нового направления в экономической науке «микро-микро-теории». Он доказывал, что конечным субъектом принятия решений о потреблении является не производитель или посредник (рекламирующий свой товар), и даже не «домохозяйства», как принято было в традиционной неоклассической теории). А сам человек (потребитель). Исследования мотивации потребления на разных рынках, проведенные разными национальными школами экономистов, свидетельствуют о том, что больше половины трансакций на розничном и мелкооптовом рынке и почти половина их на оптовых рынках осуществляются спонтанно, под влиянием эмоций или иных личностных характеристик. В науке же широко известна «*точка Лейбенстайна*» - точка, в которой происходит переключение спроса.

Еще одним разработчиком теории потребительского поведения (выбора) считается австралийский экономист Келвин Джон Ланкастер. Он родился в 1924 г. в Сиднее (Австралия). Затем переехал в Великобританию, где получил образование и стал профессором Лондонской школы экономики. С 1962 года он живет в США. Он известен своими работами по теории спроса и потребления. Одной из наиболее известных его работ является статья «Перемены и новаторство в технологии потребления» (1966). В ней автор доказывает, что непосредственными объектами наших предпочтений в потреблении выступают не сами товары или услуги, а только те значения, которые мы придаем им. Наделяя определенными значениями конкретные блага, мы исходим из наших желаний, которые стремимся удовлетворить посредством этих благ. Цены, оплачиваемые потребителем, ученый называл вкладами (инвестициями) в потребление. Для удовлетворения наших желаний необходимы не просто качественные товары и услуги, но и эффективные технологии потребления. Ряд видов потребительской деятельности как раз и образует технологию

потребления. Потребительские технологии бывают простыми и сложными. Глубокая переработка продуктов (например, охлаждение, заморозка) – это производственная технология, не имеющая ничего общего с технологией потребления. А вот процесс приема пищи или процедура одевания, способ использования средств косметики или дизайн обстановки жилья – это как раз технологии потребления, от которых зависит и полезный эффект. К.Ланкастер предлагает различать потребительские характеристики самих благ (товаров) и характеристики самого процесса потребления товаров. Потребитель выбирает подходящие для него наборы характеристик из доступного множества. Он разработал теоретическую модель, в которой соотнес оба типа характеристик и показал, как модно оптимизировать свое потребительское поведение.

Наконец, важный вклад в теорию потребительского поведения внес венгерский экономист Тибор Скитовски. Он родился в 1910 году в Будапеште. В 1939 году эмигрировал в США. Работал профессором в престижных университетах – Гарвардском и Йельском. Одной из наиболее известных работ ученого стала статья под названием «Суверенитет и рациональность потребителя», изданная в 1971 году в Лондоне. Пафос этой статьи прост: лишь потребитель может сам в полной мере оценить свое благополучие. Любая попытка предписания чего-либо или установление стандартов в этом смысле представляет собой вмешательство в сугубо личные дела индивидуума. С этих позиций автор доказывает, что суверенитет потребителя – главное условие социально ориентированной и экономически эффективной системы производства и сбыта.

Вместе с тем, как пишет автор, было бы опасным принимать как истину тезис о том, что все, что бы ни сделал потребитель, наилучшим образом удовлетворяет его. Тезис о том, что «потребитель всегда прав», по мнению Т.Скитовски, – это метафора. Дело в том, что существует достаточно много причин того, что поведение потребителя на рынке не отличается рациональностью. Это и слабая информированность потребителя, и манипуляции его сознанием, и монополизм и т.д. Одной из причин может служить и конфликт между инстинктом и удовольствием. А также весьма проблематичные ситуации, когда, например, необходимо сделать выбор между удовольствием и комфортом.

13.Институциональные экономические теории, к числу которых относятся три основные концепции: а) концепция трансакционных затрат, в) концепция экономической дискриминации и с) концепция прав собственности. Данные концепции были разработаны американскими экономистами Р.Коузом (Нобелевский лауреат 1991г.) и Д.Нортом (Нобелевский лауреат 1993г.).

Р.Коуз в 1937 г. опубликовал свою знаменитую статью «Природа фирмы», в которой сформулировал теорию трансакционных затрат. Трансакция – это рыночная сделка. Внимание к затратам на ее непосредственную подготовку и осуществление показало, что значительная доля цены на товары и услуги связана не с их качеством, а с условиями их реализации. И, прежде всего, с правом собственности и переходом этого права от одних участников рынка – к другим. Прежняя неоклассическая экономическая теория потребления «знала» только два ограничения или допущения: ограничения, порожденные редкостью ресурсов и технологические ограничения, обусловленные конкретным уровнем знаний, развития техники и технологии. При этом не учитывалось влияние на потребление институциональной среды, издержки по ее обслуживанию. Р.Коуз и Д.Норт ввели новый класс ограничений, обусловленный институциональной структурой общества. Среди важнейших трансакционных издержек, влияющих на потребление (его объем, динамику, структуру и результаты) Р.Коуз назвал следующие:

1) издержки поиска информации – затраты времени и ресурсов на получение и обработку информации о ценах, об интересующих товарах и услугах, об имеющихся поставщиках и потребителях;

2) издержки ведения переговоров;

3) издержки измерения количества и качества вступающих в обмен товаров и услуг – затраты на промеры, измерительную технику, потери от остающихся ошибок и неточностей;

4) издержки по спецификации и защите прав собственности – расходы на содержание судов, арбитража, органов государственного управления, а также затраты времени и средств на восстановление утраченных прав собственности (реституция);

5) издержки оппортунистического поведения.

В 1986г. Д.Норт впервые измерил общую долю трансакционных издержек (затрат) в структуре ВНП США. Их доля оказалась равна 41% в отношении услуг частных организаций, и 54,9% в отношении услуг государственных структур.

Дальнейшее развитие этой теории связано с исследованиями американских экономистов А.Алчиана и Г.Демсеца. Именно они ввели в научный оборот понятие «система прав собственности», под которой предложили понимать совокупность норм, регулирующих доступ к редким ресурсам.

Прежняя экономическая теория рассматривала систему прав собственности как триаду «владение – распоряжение – пользование». А.Алчиан разработал теорию «пучка прав собственности», в который сегодня включают до

пятнадцати разных прав. Среди них основными правами собственности считаются:

1) право на исключение из доступа к ресурсу других агентов;

2) право на пользование ресурсом;

3)право на передачу прав на ресурс другим лицам;

4) право на получение дохода от ресурса.

Естественно, что потребление зависит от полноты прав собственности. Одно дело – покупать, например, «*фри-холд*» (право ограниченного пользования ресурсом, например, недвижимостью), и совсем другое – приобретать недвижимость в полную собственность.

14. Экономическая теория семьи. В последние полвека стали появляться работы экономистов, посвященные анализу семьи. Вопросы ее роли в экономике, разделения труда в самой семье, анализ «брачного» рынка, проблемы рождаемости, усыновления стали все больше связываться с экономическими аспектами. «Цена вопроса» оказалась весьма высока.

Начало экономическим исследованиям семьи положил Г.Беккер своей книгой «Трактат о семье» (1981). В книге не осталось, пожалуй, ни одного из аспектов жизни семьи, не истолкованного в свете «экономического подхода». Это и разделение труда между полами, и действие механизмов брачного рынка, и выбор между количеством детей и их «качеством», и динамика разводов, и заключение брачных контрактов, и трансформация семейных ценностей.

Известно, например, что характер семьи и ее структура оказывают влияние на потребление. Чем больше в семье детей – тем больше нужно детских товаров. Чем выше уровень образования в семье – тем больше книг, и т.д. Но важным аспектом, оказывающим влияние на потребление, является внутрисемейная специализация. Она оказывает влияние на *производственное* потребление. Такая специализация осуществляется между полами и по возрастным признакам. Но она есть результат рационального выбора.

Что касается брачного рынка и заключения брака, то брак характеризуется Г.Беккером как создание партнерской фирмы: люди вступают в брак с целью улучшить свое существование. Важнейшим признаком такого качества жизни как раз и является совместное (семейное) потребление (коллективные поездки на уик-энд, походы в театры, музеи и кино, и т.д.).

Институт брака существенно меняет характер, структуру и динамику потребления. Например, семейные люди приобретают *комплиментарные блага*, т.е. такие товары и услуги, которые либо могут быть предметом общего потребления, либо получают одобрение другого супруга.

Таким образом, расторжение происходит тогда, когда польза от его сохранения оказывается ниже ожидаемых выгод, связанных с его

расторжением. При заключении брака все обстоит с точностью наоборот: брак заключается тогда, когда польза от него выше, чем выгоды безбрачной жизни.

Все, приведенные выше методологические подходы и теоретические концепции социальной экономики, существующие на текущий момент в мировой экономической и философской науке, свидетельствуют о следующем. Во-первых, о фокусировании исследовании уже не на богатстве, его производстве и накоплении, как это было во времена классиков (У.Петти, А.Смит, Д.Риккардо), а на проблеме благосостояния [3]. Во-вторых, на необходимости создания универсальной концепции социальной экономики, в структуре и содержании которой количественные показатели (уровень потребления, уровень доходов, уровень жизни и др.) постепенно уступали бы место качественным критериям. К числу последних можно отнести индекс счастья, индекс благополучия, качество жизни и т.д.

Литература

1. Слезингер Г.Э. Социальная экономика. М.: Дело, 2001. - 368с.

2. Стожко Д.К., Стожко К.П. История мировой экономики. Екатеринбург: Ажур, 2017. - 498с.

3. Экономика благосостояния и общественный выбор // Вехи экономической мысли /ред. А.П.Заостровцев. СПб.: экономическая школа. Т.4. - 568 с.

Д.К.Стожко
кандидат философских наук, доцент,
кафедра философии,
Уральский государственный экономический;

КУЛЬТУРА ХОЗЯЙСТВА В ЦИФРОВОЙ ЭКОНОМИКЕ

Аннотация. Современная парадигма социально-экономического развития общества связана с переходом от традиционных моделей хозяйства к цифровой экономике. Этот переход обусловлен необходимостью сочетания функционирующих ценностей и норм (социальных институтов) культуры хозяйства с новыми правилами и технологиями. Решение данной проблемы предполагает выработку новых теоретико-методологических подходов в анализе складывающихся противоречий и поиске способов их решения. Одним из таких новых подходов может служить матричный подход, связанный с конструированием математических прогнозных моделей развития и цифровых

баз данных, учитывающих старые и новые ценностные ориентации субъектов хозяйственной практики.

В статье изложены авторские представления о перспективности такого подхода в контексте не только позитивных, но и негативных аспектов (рисков и угроз) в развитии цифровой экономики.

Ключевые слова: культура хозяйства, матричный подход, принципы, ценности, цифровая экономика, экономический концепт.

Введение

Цель исследования состоит в раскрытии диалектического противоречия между современной цифровой экономикой и традиционной культурой хозяйства, которое детерминирует риски, нестабильность и неопределенность дальнейшего социально-экономического развития. Данное противоречие представляет собой единство и борьбу различных ценностных установок, характеризующих экономическую систему на различных стадиях ее существования. Переход современной экономики от инновационного типа к креативному типу предполагает и переход от традиционной модели «бережливого производства» к модели быстро реагирующего производства» [1;2]. В связи с этим необходимо кардинальное ускорение всех управленческих, логистических, производственных и иных процессов, что может стать новым конкурентным преимуществом и условием повышения конкурентоспособности национальных товаропроизводителей на рынках. Цифровые технологии являются одним из способов решения данной задачи и должны стать конструктивным компонентом всей системы культуры хозяйства.

Методология исследования

В статье использованы диалектический подход, структурно-функциональный, программно-целевой, историко-ретроспективный и герменевтический методы исследования. Предметом изучения является развитие цифровой экономики и ее соотношение с современной культурой хозяйства. Объектом исследования является культура хозяйства как система старых и новых ценностей, норм и правил хозяйственной жизнедеятельности людей.

Результаты исследования

Культура хозяйства представляет собой систему ценностей, которые детерминируют поведение его субъектов. Среди таких ценностей необходимо отметить, в первую очередь, принципы и правила, которыми руководствуются участники экономических отношений. К наиболее общим принципам и правилам культуры хозяйства необходимо отнести идеи рационализма, прагматизма, экономичности, эффективности, общественной полезности,

которые определяют характер и способы организации, планирования, управления, мотивации, стимулирования и контроля.

Эти общие принципы и правила конкретизируются в конкретные установки, которые можно назвать функциональными принципами и нормами, которые, в свою очередь, подразделяются на неформальные нормы (традиции, обычаи и т.д.) и формальные нормы (например, нормы права, закона).

В этой связи отметим ключевые функциональные принципы традиционной культуры хозяйства, ценностный ранг которых в последнее время все чаще подвергается девальвации со стороны современных информационных технологий и цифровизации экономики. К наиболее важным принципам относятся принцип социальной ответственности бизнеса (перед обществом), принцип социальной справедливости, принцип социальной безопасности личности и общества и, наконец, принцип социального взаимодействия (партнерства). Девальвация этих принципов происходит разными способами. Например, за счет сохранения анонимности инициатора распространяемой информации или анонимных финансовых расчетов (через электронные кошельки) и т.д. При этом отследить такого инициатора, и тем более привлечь его к ответственности за неправомерные действия чаще всего оказывается крайне трудно. Не случайно, поэтому, в отельных странах созданы свои специальные службы кибербезопасности. В США, например, такая служба была создана в 2003 г. В РФ вопросами информационной безопасности занимаются ФСТЭК, Роскомнадзор и некоторые другие службы. Имеются соответствующие службы и в современных корпорациях, банках и т.д.

Среди наиболее очевидных рисков, к которым ведет развитие цифровой экономики, относят: дегуманизацию управления, расщепление личности (шизис), дестимуляцию экономической активности, ограничение искусственного интеллекта и ограниченность цифровых технологий [3,с.137-139]. Сюда же можно добавить и растущую бюрократизацию управления экономикой, которая находит свое подтверждение в самых разных ее сегментах: начиная от социальной сферы и заканчивая «реальным сектором» экономики и материальным производством.

Для понимания сущности диалектического противоречия, складывающегося между развивающейся цифровой экономикой и традиционной культурой хозяйства, следует вспомнить о самом определении цифровой экономики, как «экономике, которая функционирует, главным образом, за счет цифровых технологий, особенно электронных трансакций, осуществляемых с использованием интернета» [4;5]. Существуют и другие ее определения [5;6], но «оксфордский стандарт» является общепринятым в мире. Отталкиваясь от него, обратим внимание на терминологию «функционирует за

счет цифровых технологий». По сути, речь идет о том, что цифровая экономика представляет собой лишь часть экономики в целом, субъекты которой существуют благодаря используемым ими цифровым технологиям (в основном, трансакциям). Иначе говоря, речь идет о ничего не производящей «экономике», поскольку даже цифровые технологии – это продукт реального сектора экономики (сферы производства средств и технологий автоматизации, роботизации, компьютеризации и др.).

Таким образом, цифровая экономика по самой своей природе - экономика виртуальная, создающая пока что (в основном) мыльные пузыри, финансовые пирамиды и иные схемы быстрого обогащения для определенной части финансовой олигархии и менеджмента.

Как и у всякого экономического концепта, у цифровой экономики есть и свои достоинства, общественно полезные характеристики (способности). Она, например, может существенно ускорять движение капиталов, повышать экономическую динамику, что в условиях перехода от традиционной модели «бережливого производства» к новой модели «быстро реагирующего производства» крайне важно. Но здесь ключевое слово «может». А может и наоборот, тормозить движение капиталов, ресурсов, информации, блокировать это движение, осуществлять коммуникационную дискриминацию и информационную асимметрию, способствовать возникновению информационных войн и различных «провалов рынка». Например, создавать ситуации «хэт энд ран», «дэдвейт-убытки» или «прайс-тайкер».

Термин «цифровая экономика» ввел еще в 1995 г. американский исследователь Николас Негропонте (Массачусетский технологический институт, США), который первоначально понимал под этим названием сектор создания и использования информационных технологий, и не более того [7]. Если можно так выразиться, речь шла о том, чтобы в новых научных терминах обозначить то, что можно было бы назвать электронной экономикой или экономикой Силиконовой долины. О тождественности понятий «цифровая экономика» и «электронная экономика» свидетельствуют разные источники [8;9]. Однако за прошедшие четверть столетия этим термином стали обозначать несколько иные формы социальной реальности. В начале XXI века цифровой экономикой называли уже систему информационного управления реальным сектором экономики, а в настоящее время им обозначают и само создание интеллектуального продукта (в том числе, клонирование, искусственный интеллект и пр.). На лицо расширенное представление о сути цифровой экономики, вышедшее далеко за рамки изначальной ее трактовки. Два различны подхода к цифровой экономике («расширенный» и «узкий») присутствуют и в отечественной экономической науке [10].

Существенным недостатком имеющихся теоретико-методологических подходов к пониманию цифровой экономики является практически полное игнорирование ее обусловленности существующей культурой хозяйства, представление о ней как о сугубо цивилизационном феномене, противопоставление цивилизации и культуры. При таком подходе сам смысл цифровой экономики как бы ускользает от научного понимания, существенно искажается. Аберрация обнаруживается в теоретической реконструкции, когда для обозначения применяются различного рода методологические конструкции: «плато», «ризомы», «платформы» и т.д. [11] При этом возникают своеобразные «линии ускользания смысла» [12, с.144], обусловленные релятивистским подходом к определению сущности, содержания, морфологии и функционала «цифровой экономики». Возникшая повальная мода на цифровизацию уже привела к вульгаризации определения самого концепта, к тому, что под цифровой экономикой понимают и счетоводство, и счетоведение, и экономико-математическое моделирование, и создание компьютерных сценариев развития и др.

Одной из важных причин «ускользания смысла» в понимании сущности цифровой экономики является различие в культуре и менталитете разных стран и народов. Здесь существуют определенные психологические и нравственные барьеры, которые, казалось бы, как раз и способна преодолеть цифровая экономика. Но, в действительности, она «спотыкается» о них. Например, попытки по каким-то надуманным идеологическим или политическим причинам отключить российскую экономику от мировых платежных систем «Swift», «Visa», «Mastercard», «American Express» уже привели к тому, что в нашей стране создана собственная платежная система «Мир» с далеко идущими планами ее интернационализации. А политика санкций со стороны отдельных евроатлантических институтов (МВФ, МБРР, ЕБРР и др.), направленная в отношении к Российской Федерации, объективно способствовала созданию «антидотовых» структур – международных и региональных объединений (АТЭС, ЕврАзЭС, ШОС, БРИКСи др.).

Другим примером внутренних преград на пути развития цифровой экономики служат национальные различия в области законодательства и правовой культуры. Здесь часто правоприменительная практика не соответствует нормам действующего законодательства, а сами нормы разных национальных правовых систем не конгруэнтны друг другу. Соответственно цифровать или унифицировать их оказывается крайне трудно, особенно когда отдельные государства демонстрируют пренебрежение к нормам международного права и оказываются недоговороспособными. Инфицированность системы международного права в области экономики

оппортунистическими сценариями поведения свидетельствует о хрупкости любых международных информационных систем и технологий.

Если говорить о существующих в настоящее время базовых принципах культуры хозяйства, то даже они практически довольно слабо отражаются в основополагающих документах и программах по цифровой экономике. Это можно объяснить представлениями многих экономистов о том, что сама экономика и экономическая наука должны быть «нейтральными», не должны содержать никаких ценностей культурного характера (В.С.Автономов, В.Л.Тамбовцев и др.). В наиболее четкой форме этот тезис сформулировал еще Л. фон Мизес, когда заявил, что экономическая наука «абсолютно нейтральна по отношению к любым ценностным суждениям и субъективным оценкам, так как она всегда относится к средствам и никогда – к выбору конечных целей» [13, с.829]. Правда, он тут же добавлял, что «экономическая наука не должна отдаваться на откуп учебным классам и кабинетам статистиков. Она является философией человеческой жизни и деятельности, и касается всех и каждого, энергией цивилизации и человеческого существования» [13, с.823]. Но это признание для представителей современного неоклассицизма, все еще главного направления в современной экономической науке, так и осталось пустой декларацией.

Поэтому становится понятным, почему современной экономической наукой никак не просчитываются возможные уровни социальной ответственности бизнеса (фирмы, компании) в различных ситуациях (фазах их жизненного цикла). Почти полностью отсутствуют научно обоснованные разработки механизма обеспечения экономической безопасности, результатом чего становятся частые техногенные и экологические катастрофы, растущая коррупция и т.д. Это, в частности, касается и хозяйственной деятельности конкретных предприятий и организаций, в которых порой просто отсутствует корпоративная социальная отчетность (КСО). В Российской Федерации все еще крайне мало компаний, в которых можно обнаружить социальный аудит, благотворительную деятельность или социальный маркетинг. Получается, что в условиях затянувшегося глобального финансово-экономического кризиса каждый выживает, как умеет.

Что касается принципа социальной справедливости, то он, как и десятки лет назад, сводится к традиционному аристотелевскому «эквивалентному обмену» [14]. Иначе говоря, трактуется безотносительно понимания многомерности и исторической трансформации самого аристотелевского правила, без учета принципа «не навреди» (Гиппократ), «золотого правила этики» (Кант) и др. А такое «усеченное» понимание фундаментального принципа культуры (в том числе и культуры хозяйства) свидетельствует о

релятивизме. В таком контексте, например, забота о старшем поколении, филантропия или благотворительность, спонсорская деятельность и меценатство вообще оказываются «несправедливыми» формами хозяйственной деятельности, что, естественно, никак не соответствует истине.

Поэтому столь важно комплексное и исторически конкретизированное понимание принципа социальной справедливости [15], равно как и принципа социальной безопасности [16], социальной ответственности [17] и т.д.

В условиях современной промышленной революции и перехода к новому технологическому укладу необходим поиск и создание механизмов адаптации новых установок и технологий цифровой экономики и традиционных ценностей культуры хозяйства. Это обусловлено еще и тем, что разработанные экономистами разные модели рационального поведения субъектов хозяйственной практики не просто способствовали математизации экономической науки, выхолащиванию из нее культурного контекста, но и породили серьезную проблему. Суть этой проблемы состоит в том, что «математический инструментарий имеет свою собственную логику развития и часто внедряется без какой-либо осмысленной поведенческой интерпретации» [18, с.758].

Диалектическое противоречие, как известно, может быть «снято» только двумя путями: либо синтезом старого и нового, либо уничтожение старого или отказа от нового. Очевидно, что лишь первый способ соответствует национальным интересам нашей страны, среди которых четко прописана необходимость «сохранения и развития культуры и традиционных российских духовно-нравственных ценностей» [19].

Снятие рассматриваемого противоречия между новейшими цифровыми технологиями и традиционными принципами культуры хозяйства возможно при условии определенной синхронизации внедрения новых технологий в практику управления и организации производства. Известно, например, что значительный износ основных фондов российских предприятий или инфраструктуры отдельных (депрессивных) территорий не позволяет эффективно использовать цифровые технологии, поскольку последние не учитывают или слабо учитывают степень и характер такого износа. Например, когда вместо геометрической прогрессии такого износа отталкиваются от арифметической прогрессии. Или когда содержат неверную экстраполяцию динамических рядов, искажающую последующую реальную динамику развития.

Поэтому при внедрении цифровых технологий необходима, прежде всего, детальная и адекватная инвентаризация основных фондов и оборотных средств самих предприятий, а шире – всего комплекса государственного имущества, его

внебюджетных и бюджетных средств, т.е. всего того, к чему такие цифровые технологии предстоит применять. Это соответствует принципам *эмерджентности* и *полисемии*, которые в условиях формирования и развития цифровой экономики выдвигаются на первое место.

Очевидно, что в настоящее время происходит изменение всей архитектоники принципов культуры хозяйства в современных условиях. И такое тектоническое изменение не может происходить спонтанно, в рамках аутопойезиса (Н.Луман), на основе случайных «ризом» (Ж.Делез) или «плато» (Ф.Гваттари).Было бы рациональным создание определенных теоретико-методологических матриц комбинирования новых принципов, правил и технологий цифровой экономики с уже функционирующими компонентами культуры хозяйства. Это позволило бы более успешно формировать новый креативный тип экономического сознания и обеспечить наименее болезненный переход к новому технологическому укладу без значительных социальных и экономических потерь.

Матричный подход к культуре хозяйства во многом аналогичен и матричному подходу в цифровых технологиях. Соотнося определенные принципы и правила хозяйственного поведения экономических субъектов, например, с их интересами и потребностями, можно более оперативно и адекватно прогнозировать динамику не только производства, но и функционирования глобального и локальных рынков.

Например, экстраполяция принципов социальной безопасности или социальной ответственности на разные уровни социальной онтологии (личностный, межличностный, групповой, общественный) и на разные уровни экономического ландшафта (общенациональный, региональный, местный) позволяет обнаружить определенные несоответствия. Когда, скажем, в конкретных территориях они оказываются более или, наоборот, менее актуализ0ированными. Различные уровни социальной безопасности или социальной ответственности обнаруживаются в среде субъектов хозяйственной практики даже на незначительных территориях (районы, область). Разработка матриц как оцифрованного банка данных, таким образом, позволит более успешно осуществлять мониторинг конкретных процессов для предупреждения техногенных и социально-экономических экстерналий.

Обсуждения и дискуссии

Теория и практика общественного развития все в большей степени требуют новых теоретико-методологических подходов к их исследованию. Объясняется это не только изменением содержания и характера такого развития, но и тем, что прежняя методология науки, разрабатывавшаяся в условиях

индустриального типа общества, все меньше отвечает потребностям времени и условиям информационного общества.

Отсутствие таких теоретико-методологических инструментов ведет к тому, что экономическое развитие все чаще представляется неосмысленным, спонтанным, самопроизвольным [20], рассматривается исключительно с позиций функционализма [21]. А само экономическое сознание людей трактуется как спонтанное

В современной науке также распространено представление о самопроизвольности становления и развития феноменов социальной реальности. [22], о ее атемпоральном и сенсибилитическом характере [23]. Кроме того, само сознание субъектов хозяйственной практики порой рассматривается в контексте анимальных выводов, что напоминает новую модель социал-дарвинизма. В том смысле, что экономика как система производства средств, необходимых для существования, для удовлетворения потребностей, основана на инстинктах и рефлексах, которые вполне поддаются более успешному моделированию и оцифровке, чем человеческое мышление. При этом никто не опроверг высокую вероятность искажения и возможности отклонения (ошибок) в понимании (интерпретации) информационных сигналов [24, с.153]. На этой почве как раз и стали появляться идеи цифровой экономики. Сегодня общество находится на второй фазе ее развития. За ней последует третья фаза (формирование искусственного интеллекта и его участие в процессах управления экономикой с последующей дегуманизацией всех социально-экономических отношений) и четвертая фаза. Сценарий последней фазы уже присутствует в науке и культуре. По мнению Кевина Келли, к 2050 г. власть на земле перейдет к роботам. В известных голливудских фильмах «Бунт роботов» (1984) и «Восстание машин» (2003) эти сценарии уже получили свое наглядное отражение.

В этой связи символично звучат заявления о том, что «человеческая биология недостаточна для того, чтобы «как следует» очертить поведение человека». Поэтому человек и создал культуру как систему ценностей, которые выходят далеко за пределы индивидуума и поколения [25, с.580]. И эти ценности необходимо сохранять и культивировать.

Выводы

Тренд к развитию цифровой экономики вне культуры чреват не только антагонизмом между старыми и новыми ценностями, но и коллапсом самой экономики. Своеобразным предупреждением в этой связи служит признание о том, что увлечение кибернетикой не позволило в рамках научных революций XIX и XX столетий создать жизнеспособную альтернативу прежней экономической науке и хозяйственной практике [26, с.659]., которые еще со

времен А.Смита опирались на ценностный фундамент культуры [27]. К глубокому сожалению, научно-технический прогресс несет с собой человечеству не только блага, но и серьезные риски. Как точно подметил еще К.Ясперс, уже в его время люди постепенно стали утрачивать собственную человечность все в большей степени превращаться в придаток машин, в неких биороботов [28, с.144]

И сегодня проблема нарастающего цинизма и рационализма, граничащего с элементарным эгоизмом, остается одной из наиболее актуальных проблем в философии культуры. Очевидно, что в сознании современного человека существуют серьезные противоречия между субъективными потребностями и объективными интересами [29, с.399], преодолеть которое только цифровыми технологиями невозможно. Необходим синтез в вопросе выработки теоретико-методологической модели экономики будущего, в рамках которого духовная доминанта не должна быть подвержена эрозии.

Диалектика социальной реальности и наших потребностей такова, что в ее исследовании мы не можем отказаться от ценностных критериев, с помощью которых вырабатывается научный взгляд, формируется научная картина мира. И здесь важно умение соотносить ценностные критерии между собой. Потому что взятые в двухмерном или даже многомерном (синергетическом) ракурсах, объекты и субъекты хозяйства становятся более объемными и. следовательно, адекватными реальности. Подобно тому, как голографическое изображение выгодно отличается от плоского изображения, а технологии 3-D, GPS или DIY-биологии - от старых инженерных технологий, культурологический подход к новому формату (цифровой) экономики выгодно отличается от прежних идеологических или технократических ее версий. Он позволяет в условиях экономической турбулентности преодолеть экзистенциальный кризис личности, о котором сегодня пишут уже открыто [30].

Матричный метод как конструирование многомерного объекта из числа феноменов новой экономической и социальной реальности позволяет более четко обозначить важнейшие уровни их исследования: сущность, структуру, содержание, системный характер. Это позволяет уйти от опасности примитивного функционализма, когда сущность сводят к функциям, содержание – к структуре, систему – к совокупности и т.д. Это также позволяет преодолеть субъективизм и психологизм, редукцию и дизъюнкцию в научном анализе. А тем самым избежать излишнего «технократизма, который уже привел к пагубным изменениям человека как такового» [31, с 109] и преодолеть «миф всесилия и всевластия техники», который «программирует западная цивилизация» [32, с.246].

Таким образом, преодоление гипертрофированного увлечения цифровизацией экономики и самой человеческой жизни (своеобразной модальности «стокгольмского синдрома»), включение цифрового контекста в общекультурный контекст человеческой жизнедеятельности становится вполне посильной и крайне актуальной задачей.

Литература

1.Сури Р. Время – деньги. Конкурентное преимущество быстрореагирующего производства: Пер. с англ. М.: БИНОМ. 2015. – 326с.

2.Марков Д.А., Маркова Н.А. Быстрореагирующее производство как концепции я повышения конкурентоспособности предприятия // Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. Серия «Социально-экономические науки». 2016. № 2.С.181-192.

3. Клейнер Г.Б. Системные основы цифровой экономик // Философия хозяйства. 2018. № 1. С.131-142.

4. English Oxford Living Dictionary. Oxford: Oxford University Prerss. 2017. URL: http: // en.oxforddictionaries.com/definition/digital_economy.

5.Гнездова Ю.В. Развитие цифровой экономики России как фактор повышения глобальной конкурентоспособности // Менеджмент в России и за рубежом. 2017. № 2.С.54-61.

6. Стратегия развития информационного общества в Российской Федерации на 2017-2030 годы (проект). URL: http:// d-rossia.ru/wp-content/uploads/2016/12/2016-strategia_IO_proect_dec.pdf.

7.Negroponte N. Being Digital. N.-Y.: Knof, 1995.

8.Экономика API.URL:http://www.ibm/com/ middleware/integration/ru-ru/api-economy.html.

9.Gartner Symposium / ITxpo, 1-5 October 2017 Orlando FL.URL: http:// www.gartner.com/us/symposium.

10.Силин Я.П., Анимица Е.Г. Контуры формирования цифровой экономики России // Известия Уральского государственного экономического университета, 2018. Т.19. № 3.С.18-25.

11.Делез Ж. Капитализм и шизофрения; Гваттари Ф. Тысяча плато. М.; Екатерибург: У-Фактория; Астрель. 2010. – 895с.

12.Логинов Г.А. Блокчейн, ризома, шизоанализ, виртуализация эффективности // Философия хозяйства. 2018. № 1. С.143-147.

13.Мизес Л. фон. Человеческая деятельность. Трактат по экономической теории. Челябинск: Социум. 2005.С.829.

14.Халин С.М. Будущее общество – общество социальной справедливости (достоинство и виды социального обмена) // Социально-гуманитарные знания. 2019. № 1. С.25-30.

15.Стожко Д.К. Социальная справедливость в контексте хозяйственного развития общества // Вестник Вятского государственного университета. 2018. № 3. С.40-48.

16.Стожко Д.К.,Стожко КА.П., Шиловцев А.В. Социальная безопасность личности в информационном обществе: теоретико-методологический аспект. Екатеринбург: УралГАУ. 2016. – 252с.

17.Культура социальной ответственности / под ред. К.П.Стожко. Екатеринбург: Уральский институт бизнеса. 2009. – 530с.

18.История экономических учений / под ред. В.Автономова, О.Ананьина, Н.Макашевой. М: ИНФРА-М, 2004. – 784с.

19.Стратегия национальной безопасности Российской Федерации (Утв. Указом Президента РФ от 31.12.15г. № 683) [Электронный ресурс]. URL.: http//www.kremlin.ru/acts/banc40391.

20.Луман Н.Общество как социальная система: Пер. с немец. М.: Логос. 2004. – 232с.

21. Барт Р. Структурализм и деятельность // http: lib.rin.ru / doc/ I / 42041p htm #

22. Налимов В. Спонтанность сознания. М.: Академический проект.2011.- 399с.

23. Пригожин И., Стенгерс И. Порядок из хаоса. М. 2000.- 432с.

24.Рассел Б. Человеческое познание, его сфера и границы: Пер. с англ. М.:Терра; Республика. 2000. - 464с.

25. Лем С. Фантастика и футурология: Пер. с англ. В 2-кн т. Кн.2. М.:АСТ. 2000. -667с.

26.Блауг Р. Экономическая мысль в ретроспективе. М.: Дело Лтд, 1994. – 720с.

27. Смит А.Теория нравственных чувств: Пер. с англ. М.: Республика, 1997. – 351с.

28.Ясперс К.Современная техника //Новая технократическая волна на Западе. М.: Прогресс. 1986. С.119-147.

29.Стожко К.П. Экономическое сознание. Екатеринбург: Изд-во Урал. гос. ун-та.2002.- 426с.

30.Слюсарев В.В., Хусяинов Т.М. Цифровая революция и экзистенциальный кризис личности // Век глобализации. Исследования современных глобальных процессов. 2018. № 4 (28). С.145-151.

31.Пивень П.В. Цифровое рабство или электронный рай? // Век глобализации. Исследования современных глобальных процессов. 2018. № 4 (28).С.107-113.

32.Сколимовски Х. Философия техники как философия человека // Новая технократическая волна на Западе. М.: Прогресс. 1986.С.240-250.

Фетисова А.В., старший преподаватель,
кафедра менеджмента и экономической
теории Уральского государственного
аграрного университета
Батракова С. И., старший преподаватель,
кафедра иностранных языков Уральского
государственного аграрного университета

ПРОБЛЕМА ИНФОРМАЦИОННОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ ПРЕПОДАВАТЕЛЯ АГРАРНОГО ВУЗА

Аннотация. На основе анализа научной литературы были выделены общие требования к профессорско-преподавательскому составу высших учебных заведений страны, а также повышение ответственности и их профессиональнойкомпетенции в условиях пандемии, вызванной COVID -19. Показана суть минимальной цифровой культуры преподавателя. Важным моментом является сочетание традиционных форм обучения студентов с дистанционными технологиями.

Ключевые слова. Цифровая культура, дистанционные технологии, цифровизация, информатизация, эффективность.

В современных условиях, вызванных пандемией одной из основных задач является постоянное обновление образовательного процесса, связанного с обеспечением интеллектуальной независимости, продвижением новых знаний, подготовкой высококвалифицированных специалистов, без которых невозможно дальнейшее общественное развитие страны.

Особенность деятельности профессорско-преподавательского состава высших учебных заведений довольно сложно организована и включает в себя несколько взаимосвязанных видов, имеющих общие компоненты. В нагрузку преподавателя вуза на современном этапе включены такие виды деятельности: педагогическая, научно-исследовательская, методическая, коммерческая, воспитательная и общественная.

Проведенный анализ педагогической научной литературы позволил авторам выделить общие требования к преподавателям высших учебных

заведений Российской Федерации. Для преподавателей должен быть характерен высокий уровень профессиональной, общекультурной и гуманитарной компетентности. Для решения этой задачи преподаватели должны систематически проходить курсы повышения квалификации, принимать активное участие в международных и национальных конференциях, выступая с научными докладами, проводить исследования, результаты которых отражаются в монографиях и статьях. Преподаватели высшей школы должны уметь быстро адаптироваться к изменениям условий их деятельности, что проявилось в связи с пандемией, вызванной COVID-19.Этому способствуют такие качества, как социально-экономическая и коммуникативная компетентность, креативность, владение инновационными методами преподавания.

В современных условиях пандемии в высших учебных заведениях уделяется большое внимание использованию в учебном процессе информационно-коммуникационных технологий, которые стали одним из базовых элементов высшего образования.

Сущность информационных технологий заключается в совокупности знаний, способов и средств работы с информационными ресурсами, сбора, обработки и передачи информации с целью получения новых данных об исследуемом объекте.

В связи с вышесказанным, необходимо преподавателям вузов постоянно развивать свою информационную культуру. Современное развитие экономики, науки и образования невозможно представить без широкого использования информационных технологий. Информатизация и цифровизация общественной жизни ставит в качестве одной из актуальных задач профессорско-преподавательского состава умение эффективно использовать новые технологии и источники информации в образовательном процессе. Это позволит студентам наиболее продуктивно усваивать новые знания с целью формирования навыков и умений в будущей профессиональной деятельности.

Таким образом, на современном этапе особое внимание в институте экономики, финансов и менеджмента Уральского государственного аграрного университета уделяется формированию и дальнейшему развитию информационной культуры студентов, широкому применению информатизации в учебном процессе и научных исследованиях бакалавров и магистров.

Сегодня практически каждый преподаватель института овладел в той или иной степени компьютерной грамотностью и современной информационной культурой, что значительно повысило эффективность преподавания учебных дисциплин, контроль знаний, проведение традиционного и дистанционного обучения.

Вместе с тем, следует отметить, что дистанционные компьютерные технологии являются вспомогательными средствами в процессе обучения студентов. Основной остается –традиционная форма обучения (преподаватель – студент) [6, с. 13].

В высшей школе стран Западной Европы задачами использования компьютерных технологий являются:

-обеспечение реализации компьютерного обучения с помощью соответствующих компьютерных программ;

-самостоятельная работа студентов по изучению нового материала с помощью компьютера;

-передача всевозможных форм знаний студентам на базе компьютера;

-оценивание с помощью компьютера полученных студентами знаний и др;

На сегодня минимальный уровень информационной культуры преподавателя подразумевает, прежде всего, знания и владения следующими средствами:

-операционными системами:Windows, MS-DOS,UNIX (необходимы для работы с различными файлами);

-текстовыми процессорами и редакторами типа: MSWord,Wordperfektи другие (их использование позволяет выдавать индивидуальные задания, упрощает работу с документами);

-системами навигации в сети Internet, упрощающих поиск нужного материала;

-платформами Moodle, Zoom, BBIи другими, позволяющими вести учебные занятия дистанционно.

Таким образом, применение информационных технологий в образовании имеет два основных аспекта, тесно связанных друг с другом: компьютер как предмет изучения и компьютер как средство обучения.

Применение компьютерных технологий оправдано тогда, когда они эффективны, то есть позволяют при одних и тех же затратах субъектов образовательного процесса получать более высокий образовательный результат. Поэтому дальнейшая информатизация и цифровизация общественной жизни требует от преподавателей высшей школы постоянно обращать внимание на новые технологии работы с информацией и непрерывное развитие компьютерной техники.

Литература

1. Анищик Т.А. Проблемы преподавания информационных технологий в аграрных вузах и подходы к их решению // Политематический сетевой

электронный научный журнал Кубанского государственного аграрного университета. 2017. № 131. С. 644-658.

2. Батракова С.И., Фетисова А.В., Сургаев В.В. Использование интерактивных форм и методов в обучении иностранному языку в аграрном вузе // Сборник материалов международной научно-практической конференции "От инерции к развитию: научно-инновационное обеспечение АПК". Екатеринбург, 2020. С. 153-154.

3. Никитина С.В., Пигорева О.В., Болдырева Т.П. Информационно-коммуникационные технологии в электронном образовательном пространстве аграрного вуза:вызовы дистаанционного обучения // Современные проблемы науки и образования. 2020. № 4. URL: http://science-education.ru/ru/article/view?id=30064 (дата обращения: 10.01.2021).

4. Дмитриченкова С.В., Должич Е.А., Санчес Посуэло Й. Использование мультимедийных средств в обучении иностранному языку // Современные проблемы науки и образования. 2020. № 3. URL: https://science-education.ru/ru/article/view?id=29894 (дата обращения:10.01.2021).

5. Белякова Е.Г, Захарова И.Г. Взаимодействие студентов вуза с образовательным контентом в условиях информационной образовательной среды // Образование и наука. 2019. №3. С. 77–105.

6. Сорокина Н. И. Английский язык для профессионального общения. Учебно-практическое издание для самостоятельной работы студентов специальности 071800 «Мехатроника» по дисциплине «Английский язык для профессионального общения». Екатеринбург, 2007.

Л.Н.Шабатура
доктор философских наук, профессор,
кафедра философии,
Тюменской государственный университет нефти и газа;
О.В.Тарасова
кандидат философских наук, доцент,
кафедра философии,
Тюменская государственная Академия культуры

К ВОПРОСУ ОБ ИЗУЧЕНИИ ВОЕННОЙ КУЛЬТУРЫ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ

Аннотация: В статье рассматривается проблема научного исследования феномена военной культуры. Раскрывается актуальность и основные вопросв ее научной реконструкции. Показаны причины определенной девальвации и

деформации военной культуры в связи с ростом агрессии и милитаризма в современном обществе. В рамках деятельностного подхода дается определение военной культуры в широком и узком смысле слова.

Ключевые слова: агрессия, военная культура, милитаризм, человек, ценности.

В современном обществе в последние десятилетия ощущается нарастание милитаризма и агрессии. Это происходит не только на международном уровне, но даже и на бытовом (в семье, трудовых коллективах и т.д.). Внутренние «разборки» стали едва ли не типичным явлением в подростковой среде (буллинг). А также на межсоциальном, групповом уровне («эффект Брейвика»).

Такая растущая агрессия - свидетельство не просто социальных отклонений в поведении и психологии людей. А и результат деградации (девальвации) культуры как системы ценностных предикат (институтов) социального взаимодействия. Агрессивная личность точно также ненавидит культуру, как фашист - свободного человека. Не случайно еще Геббельс любил повторять: «Когда я слышу слово «культура, я хватаюсь за пистолет».

В нынешних условиях все более учащаются и обостряются старые конфликты (Нагорный Карабах, Приднестровье, Донбасс и др.), появляются новые «точки напряжения» (Северная Корея, Иран, Йиемен и т.д.)

В этой ситуации мало кто задумывается о роли культуры как системы ценностей в устранении подобного явления.

Особо следует отметить проблему военной культуры, о которой в последнее время стали говорить и писать все чаще [1; 2; 3; 4]. Ее суть многопланова, поскольку наряду с общими (абсолютными) ценностями человеческого существования, она включает в себя и специфические ценности (например, ценности воинского братства, воинской службы и т.д.)

Сюда относятся такие ценностные конструкты культуры, как героизм, самообладание, выдержка, смелость, самоотверженность, патриотизм и т.д.

Особое значение военной культуры обусловлено тем, что она касается «человека с ружьем» (Н.Погодин), вооруженного и, следовательно, облеченного определенной (существенно более высокой, чем обычная административная власть или власть традиции, авторитета) военной властью субъекта. Отсюда следует вывод о том, что непременной стороной военной культуры должна выступать и более высокая социальная и правовая ответственность, иначе право может в один прекрасный момент оказаться в подчиненном положении по отношению к власти. Как это иногда бывает с культурой и искусством («когда грохочут пушки, музы молчат»).

Военная культура характеризуется своими онтологическими признаками. Эти признаки можно рассматривать в *широком* и *узком* смысле слова. К их числу относятся пространственные и временные характеристики. Рассмотрим данные признаки в *широком* смысле. Пространство в широком смысле предполагает выявление духовного, социального и материального аспектов военной культуры. Духовным ее пространством служит система ценностей, определяющая жизнедеятельность военного человека (военнослужащего).

Социальным пространством военной культуры является общество, частью которого являются сами военные (военнослужащие) люди. Материальный аспект предполагает наличие материальной культуры, т.е. системы тех материально-предметных факторов (ценностей), которые создает и которыми пользуется военный человек (военнослужащий).

Время, которое характеризует военную культуру, представляет собой период ее формирования и развития как в долгосрочном (диахрония), так и в текущем (краткосрочном) периоде. Здесь возникает ряд теоретико-методологических вопросов, которые требуют ответа.

Во-первых, вопрос о том, может ли военная культура существовать вне своих собственных временных координат, например, в мирное время, или же она строго привязана к данным онтологическим основаниям, и, следовательно, существует исключительно в военное время?

Во-вторых, является ли военная культура лишь *частью* общественной культуры, или же она представляет собой только определенную форму общественной культуры, которая возникает в определенное время?

В-третьих, военная культура может рассматриваться в статике и в динамике. В этой связи вспоминается известная фраза о том, что можно человека накормить и дать ему рыбу и накормить его, а можно дать ему удочку и научить его ловить эту самую рыбу (Конфуций).

В первом случае по существу формируется потребительский, иждивенческий подход, когда человек только и ждет, не важно, от кого – от государства, от соседа – чтобы его обеспечили благами. А самым важным благами как раз и являются мир и жизнь. Статика проявляется в постоянстве ожидания, когда человек словно застывает в своем состоянии потребителя.

Следует различать понятия военная культура и воинская культура. Даные понятия соотносятся между собой как общее и частное. Воинская культура характеризует поведение военного человека (солдата, офицера), тогда как военная культура охватывает и другие аспекты жизни людей (например, соблюдение уровня безопасности, дипломатические от ношения и т.д.). Это и понятно, поскольку военный аспект в широком смысле присутствует во всец жизни людей, даже в мирное время (гражданская самооборона, ОБЖ и т.д.).

Вся полнота и ценность спокойной мирной жизни, которую ему обеспечивает кто-то другой, представляется ему, потребителю, чем-то само собой разумеющимся. Она как бы *apriori* дана ему в его ощущениях. Отсюда и сентенции типа «человек рожден для счастья, как птица для полета». Но умение летать не приходит само по себе, ему надо учиться. Точно также и спокойную жизнь (мир) надо добывать трудом. Ратный труд – труд воина – это способ добывания мирной жизни. «Хочешь мира – готовься к войне». Ничего парадоксального в этом нет, поскольку «*инь*» и «*янь*», добро и зло, жизнь и смерть – это фундаментальные пропозиции человеческого бытия.

В динамике военная культура – это процесс деятельности, труда, выбора и следования ему (исполнение воинского долга). Деятельностный подход, который разрабатывается в современной литературе [5], представляется единственно верным для сущностного понимания закономерностей развития военной культуры. Однако проблема состоит в понимании воинского долга. Говорят, что «приказы не обсуждают», их исполняют. Но если приказ «худой», если он аморальный и направлен против самого человека, как быть? Здесь мы сталкиваемся с более глобальной проблемой соотношения морали и долга, морали и права. И эта проблема до сих пор не решена.

Разумеется, следование воинской клятве - вещь священная, иначе человек становится клятвопреступником. Но далеко не всегда и следование этой клятве правильно. Когда солдаты вермахта исполняли распоряжения эсесовцев и сжигали простых граждан в церквах или амбарах, они тоже следовали клятве верности фюреру. Но разве после этого они не преступники? Разве следование клятве и исполнение своего долга (послушания приказам) - не преступление против человечности, как это определил Нюрнбергский трибунал.

Данная проблема тем более актуальна, что в год 75-летия Великой Победы над фашизмом и Нюрнбергского трибунала над ним, то в Украине, то в Прибалтике, то еще где-то все чаще стали проявляться новые ростки фашизма, взращенные на почве радикального национализма и откровенного расизма. Знаменитый тезис бывшего президента США Б.Обамы об «исключительности американской нации» - из этой же истории.

Конкретным способом реализации всех этих «ростков» недобитого фашизма как раз и является разрушение подлинной культуры и деформация воинской культуры, насыщение ее элементами ненависти и презрения к человеку, к народу, оправдание этой ненависти мнимой «высокой миссией». Именно поэтому изучение и научная разработка проблематики военной культуры ныне так актуальна.

Литература

1 См.: Калинин Б.А. Эволюция идеи войны в культуре: Дисс. д. филос. н. - Ставрополь: Издательство СГУ, 2001; Гамов В.И. Образ войны в культуре: дисс. д. филос. н. Армавир, 2000.

2 См.: Люткене Г.В. Современные концепции войны: философско-политологический анализ: дисс. к. пол. н. Москва, 2011.

3 См.: Бажуков В.И. Эвристические возможности антропологического подхода к исследованию военной культуры: дисс. д. филос. н. Москва, 2009.

4 См.: Матишов Г.Г., Авксентьев В.А., Батиев Л.В. Атлас социально-политических проблем, угроз и рисков Юга России. Т. 3. Ростов н/Д: Издательство ЮНЦ РАН, 2008.

5.Невелев А.Б., Панасенко Ю.А. Деятельностный подход в осмыслении культуры воинской службы // Вестник Челябинского государственного университета. 2016. № 8(390). Философские науки. Вып. 41. С.29-32.

А.В.Шиловцев
кандидат исторических наук, доцент,
кафедра философии,
Уральский государственный аграрный университет;
К.П.Стожко
доктор исторических наук, профессор,
кафедра философии,
Уральский государственный аграрный университет

ФЕНОМЕН ЛИЧНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ

Аннотация: В статье раскрывается сущность понятия «ответственного человека». Показаны разные философские подходы к определению социальной ответственности личности. Дан авторский анализ основных тенденций и характера процесса формирования нового типа личности в современных условиях. Выявлены конкретные признаки социальной ответственности и осмыслены основные идеи ее формирования, содержащиеся в сочинениях Ф.Бэкона, В.Гете, И.И.Лапшина, Д.Локка, С.Л.Франка, М.Шеллера, Ш.Шнейдера и др.

Ключевые слова: индивид, личность, межличностное взаимодействие, общество, социальная ответственность

В условиях глубоких социальных, политических и экономических трансформаций, которые переживает современный мир, существенно меняются

и научные, прежде всего, философские представления о человеке, о его сущности. Эпоха индустриализма и постиндустриализма способствовала созданию образа «рационального человека», максимизирующего свою выгоду (прибыль), и минимизирующего затраты. Однако в условиях перехода к новому типу общества - «обществу риска», такой сугубо рационализированный подход уже не дает ответов на вопросы о причинах и последствиях многих антропологических трансформаций. А потому и традиционный взгляд на философию как на системно-рационализированное мировоззрение оказывается ограниченным [1].

Каждая новая ступень в развитии общества порождает свои проблемы, противоречия и кризисные ситуации, разрешение которых требует новых подходов. Информационное общество в условиях постиндустриального развития выдвигает на передний план в первую очередь именно *социокультурные* вопросы. Творческий акт и личная ответственность начинают играть решающую роль в преодолении одиночества, личностной заброшенности, отверженности. Для актуализации личной социальной ответственности в рамках творческого акта все большее значение начинают приобретать следующие способности личности:

1) умение отличать главное от второстепенного;
2) умение четко представлять и формулировать интересы каждого человека;
3) стремление опираться на собственные силы;
4) умение рисковать (измерять и определять риски);
5) умение обрабатывать информацию;
6) эмоциональная зрелость и устойчивость, опора на высшие эмоционально-ценностные установки и нормы;
7) умение подходить к проблеме с разных точек зрения;
8) готовность к переменам (антикризисный подход, предусмотрительность);
9) реализм (адекватное восприятие действительности);
10) наблюдательность;
11) стремление выйти из проблемной ситуации, увидеть ситуацию шире, в контексте более крупной совокупности явлений;
12) взаимопонимание;
13) дальновидность (понимание логики и перспектив развития);
14) умение извлекать положительный опыт из всего происходящего (в том числе и из ошибок);
15) оптимизм;
16) критическое отношение к самому себе [2, с. 105-110].

К сожалению, этот - далеко не полный перечень личностных свойств, опосредующий процесс формирования социальной ответственности субъекта

деятельности. Кроме того, когда мы начинаем рассуждать о *совпадении* или *несовпадении* отдельных (тех или иных) проявлений социальной ответственности (безответственности) личности, о транспарентности хотя бы названных выше шестнадцати свойствах личности, то обнаруживается, что: а) существует определенная несовместимость и несовпадения между различными свойствами личности; в) существует некая разница между понятиями *совпадение* и *совместимость*. Более того, *совместимость* может быть *полной* и *частичной*, в связи с чем *совпадение* правомерно, на наш взгляд, рассматривать как проявление *полной совместимости*. Частичная совместимость характеризуется не совпадением (идентичностью) характеристик (свойств) предмета, а их *взаимной дополняемостью*. Собственно говоря, именно поэтому общий тренд в развитии феномена социальной ответственности личности сегодня связан с практикой *делегирования полномочий* сверху вниз и передачи ряда функций от одного человека - другому. С одной стороны, это свидетельствует о продолжающемся процессе дифференциации и общественного разделения в процессе деятельности, а с другой стороны – доказательство нарастающего иждивенчества и несамостоятельности личности. Люди не просто привыкли, что ими управляют (направляют, нацеливают, мотивируют, контролируют и т.д.). Современный человек перестал *ответственно* стремиться к самостоятельности, к самоуправлению, к самореализации.

А ведь в контексте развития личностного самоуправления такая «иждивенческая» эволюция индивида оказывается невозможной, поскольку субъект и объект самоуправления, как известно, совпадают в одном лице, т.е. оказываются полностью идентичными (интерсубъектными) [3, с. 11-12].

Если использовать фундаментальный принцип *взаимной дополняемости* (Н.Бор), то можно обнаружить *процессуальный* характер феномена социальной ответственности личности, которая отнюдь не есть омертвленное (статичное) равновесие между интересами и ценностями самой личности, с одной стороны, и общества, с другой стороны. Такое равновесие *динамично*, т.е. выступает как процесс постоянного согласования интересов личности и общества, регулярной их верификации, переоценки ценностных координат, в рамках которых такое согласование происходит. Поэтому социальная ответственность субъекта деятельности не сводится только к его ответственности за свои поступки она гораздо шире и глубже, поскольку включает в себя еще и *априорный* момент согласования *чувства* ценности и *суждений* ценности, понимания интересов и потребностей. Уяснение мотивационной стороны действия, предваряющей само действие, есть непременное условие адекватного понимания самой социальной ответственности личности.

Как справедливо отмечал И.И.Лапшин, личность стремится к самоутверждению через свои поступки и ей свойственно поступать таким образом, чтобы осуществлять такое самоутверждение. Но из этого вовсе не следует, что личность изначально находится в антагонистическом противостоянии с обществом. Или что ее *логический акт утверждения* («да, это так, это соответствует моим интересам» и т.д.) должен выводиться из *аппетивных* реакций, а *логический акт отрицания* («нет, это не так, это – не для меня» и т.д.) – из *репульсивных* реакций.

Критикуя немецкого философа и исследователя культуры Г.Шнейдера за фактическое сведение *чувства* ценности к *суждению* о ценности, а *суждения* о ценности - к *самопроизвольному* целеполаганию, И.И.Лапшин не случайно обращал внимание на имеющееся противоречие между *аффективными* и *эффективными* наклонностями личности. Возражая против психологизации вопроса о творческих (субъектных) способностях личности, он полагал, что субъектные свойства должны быть направлены на то, чтобы быть «*достойным* членом всечеловеческого братства» [4, с. 199-201]. Итак, мы сталкиваемся еще с одним аспектом интерпретации личной социальной ответственности – личным *достоинством.* В работах С.Л.Франка, И.А.Ильина, И.И.Лапшина и ряда других отечественных исследователей личное достоинство рассматривается как соответствие личности как субъективной реальности некоей сверхличностной (духовной) объективной реальности.

Но и здесь творческий акт личности необходим: необходимо сначала освоить эту духовную объективную реальность; далее ее необходимо перевести в субъективную операциональность; наконец, необходимо ее актуализировать в предметном бытии, т.е. воплотить в деятельности. И здесь проблема совпадения, совместимости различных характеристик личности, ее различных свойств и способностей становится ключевой.

Таким образом, *смысл* понятия *совпадение* (принципов, форм, способов социального действия личности и общества) оказывается неразрывно связан с категорией *достоинства*. Быть социально ответственным означает быть *достойным* членом общества. В категории *достоинства* обращает на себя внимание сама структура термина: *до*-стояние, *до*-стоять. Приставка *до* как раз и указывает на изначально (*априорную*) природу социальной ответственности личности, которую нельзя отождествлять с какой-либо санкцией (наказанием или вознаграждением). В связи с этим уместно предположить ее (социальной ответственности) *альтруистическую* (бескорыстную) природу. Если мы примем такое допущение (как настаивал И.А.Ильин), то сразу становится очевидной социально-онтологическая разница между социальной ответственностью личности, осуществляющей творческий акт, и личностью,

руководствующейся при осуществлении творческого акта мотивами корысти и эгоизма. Социальная ответственность личности субъектов деятельности может (и должна) регламентироваться нормами права (административного, гражданского уголовного и т.п.). Но возникает закономерный вопрос о том, каким образом регламентировать социальную ответственность личности, если по своей природе она альтруистична? Вряд ли можно отрицать само указанное допущение (об альтруистической природе *реальной* социальной ответственности личности) только на том основании, что все наши суждения (в том числе и о ценности) имеют некую логическую принудительность, а наш собственный интерес будто бы для нас первичен («своя рубашка ближе к телу»). Но точно также было бы преждевременным выведение этой альтруистической природы феномена личной социальной ответственности из морали, которая, как известно, является продуктом исторического развития общества и потому, по отношению к личности, выступает как нечто внешнее (опять-таки логически принуждающее).

И здесь мы вновь возвращаемся к понятию *совместимости*. Сам смысл данного понятия указывает на совместный характер регламентации, о которой шла речь выше. Регламентировать социальную ответственность *линейно*, сверху – вниз, объективно бесперспективно, поскольку при таком характере регламентации снимается (а точнее было бы сказать, загоняется вглубь) проблема *совместимости* (интересов и ценностей личности и общества). Такой подход постоянно содержит угрозу конфликта, что и происходит на поверхности социальных отношений. Когда при таких социальных бифуркациях разрушаются доверие, взаимопонимание, сопричастность, то происходит аберрация ценностных ориентаций личности, когда понятия *патриотизма, авторитета власти, дисциплины* перестают быть ценностными понятиями (установками). В одних случаях такая аберрация носит спонтанный характер, в других ситуациях – перманентный. Но здесь следует вспомнить о том, что именно *соответствие целей и способов действий* личности, общества и власти является основополагающим условием для развития *реальной* и *формальной* социально ответственности. Но здесь необходимо постоянно помнить о том, что «духовное не может быть сведено к тривиальным проявлениям сознания во всем диапазоне его функционирования» [5, с. 36]. Иначе говоря, стремление формировать личную социальную ответственность путем придания максимально общественного характера творческого акту (например, правовому творчеству) не является гарантией достижения поставленной цели.

Имеется и другой уровень формирования социальной ответственности личности – межличностное взаимодействие. Здесь также постоянно

обнаруживается несовпадение целей и средств их достижения, которые использует каждая из сторон социального взаимодействия. Ведь уже классическими примерами стали ситуации, когда мать пытается успокоить больно ударившегося ребенка, предлагая ему жвачку или леденец или более сложные случаи, когда делегированные сотрудникам права не совпадают с перечнем обязательств (рассматриваемых порой как синоним их персональной ответственности), установленных ранее *за* низ и *до* них. Все это – звенья одной цепи, проявления деформации межличностных коммуникаций. И здесь возникают обоснованные сомнения в правомерности применения известного *закона экономии* к сфере социального взаимодействия. Данный закон, основные версии которого разрабатывали еще Ф.Бэкон, Д.Локк, Д.Юм и др., получил слишком гипертрофированное значение в отношении формирования основных правил социального взаимодействия между людьми. Требование достигать наибольших результатов при наименьших затратах оказывается лишь количественной характеристикой социальных процессов, ничего не говорящей нам об их качестве. Аристотелевская идея о том, что «смысл жизни состоит в счастье дарения, а не в эгоизме присвоения» в значительной степени девальвируется столь рационализированным подходом к организации межличностного взаимодействия. И здесь мы вновь сталкиваемся с понятием *достоинство*. Социально ответственный характер межличностных отношений неразрывно связан с *достоинством* каждой личности. Собственно говоря, *достоинство* представляет собой тот идеальный рубеж личностной автономности и даже свободы личности, нарушение которого составляет опасность для самой социальной ответственности. Но следует помнить, что бывает *положительная* и *отрицательная* свобода, равно как *формальная* и *неформальная* свобода. «Ошибка некоторых мыслителей станет ясной, если различить понятие формальной свободы и положительной материальной свободы» – указывал Н.О.Лосский. Считая, что люди, обособляющиеся друг от друга посредством эгоизма, обладают «пониженной положительной свободой и ограниченной свободой действий», русский философ справедливо ставил вопрос о мере личной свободы в зависимость от способности личности к раскаянию. А само раскаяние он считал проявлением личной ответственности. Называя раскаяние санкцией высшего нравственного закона, русский философ полагал что «все бедствия, переживаемые нами, суть, таким образом, не внешние наказания, насылаемые на нас, а выражение и следствие нашего нравственного несовершенства».

Важное значение для формирования в себе социальной ответственности для личности имеет взвешенное (адекватное) отношение как к самому себе, так и к объекту (субъекту) своего социального (взаимо) действия. Точно так же, как

абсолютизация объективной стороны этих межличностных отношений может привести к нравственным извращениям, к ним же может привести и абсолютизация субъективной стороны. Нравственное значение поступка определяется не только субъективными актами, но и тем, на что они направлены. Чрезмерная забота о самом себе порождает *фарисейство*. «Оно состоит в том, что человек делает «добро ради добра», а не из живой любви к человеку; он сосредотачивает внимание не столько на любимом или вызывающим сострадание существе, сколько на том, чтобы я был «добр», «праведен», «справедлив» [5, с. 127].

Полемизируя с М.Шелером, Н.О.Лосский справедливо полагал, что правило «поступай так, чтобы ты мог уважать себя» отнюдь не тождественно правилу «относись к другому так же, как ты хотел бы, чтобы он относился к тебе». В первом случае речь идет о самоуважении, т.е. признании своего собственного достоинства, во втором случае – об элементарном расчете (приобретении имиджа, статуса, авторитета).

Однако, *самоуважение* может оказаться в противоречии с уважением - отношением к тебе со стороны окружающих. Оказывается, что поступать таким образом, чтобы иметь возможность *самооправдаться* в своих собственных глазах, вовсе не есть *достоинство* как таковое. Сотворив подлость, человек все равно пытается оправдать свои действия: так уж он устроен. Заявления о том, что его «бес попутал», или что «он не знал чего-то» звучат сплошь и рядом. Желая, чтобы мыслимый нами образ самих себя был для нас всегда хорош, некоторые из нас как раз и впадают в *фарисейство*. Смысл этого явления заключен в тотальном эгоцентризме, доведенном до крайней степени. Не случайно, поэтому Христос изгнал от себя фарисеев. Ибо, даже с позиций христианской морали, Бог должен быть *внутри* человека, а не *вне* него. Можно строить храмы из каррарского мрамора или страстно проповедовать закон божий, но при этом оставаться фарисеем, т.е. социально безответственным человеком. Точно также, можно декларировать цели построения Царства божьего на земле, понимая, что оно есть лишь на небесах: это и есть духовно и социально безответственное отношение.

В связи с этими рассуждениями о *достоинстве* личности (как основе формирования ее социальной ответственной), встает вопрос и о том, что же происходит с личностью в условиях *жертвенности*, когда личность абсолютизирует объект своей социальной связи, когда она полностью отказывается от самой себя ради ближнего?

Прежние представления о забвении своего «Я» как проявлении альтруизма, на наш взгляд, несостоятельны. Альтруизм вовсе не есть *жертвенное* отношение, он совершенно не тождественен фанатизму. Бескорыстие, лежащее

в основе альтруистического поведения, означает лишь то, что человек не желает собственного благополучия *в ущерб и за счет других*. Но он, будучи вменяемым существом, существом социально ответственным, не может (и не должен) отказываться от своего собственного «Я» ради» Ты», «Они», «Мы». Социальная ответственность как раз и предполагает желание и умение личности разрешать (устранять) возникающие между «Я» и «Ты», «Мы», «Они» противоречия к общей (а не односторонней) пользе для всех. В таком «обоюдовыгодном» разрешении проблемы и состоит функция социальной ответственности. Прав был Д.И.Менделеев, когда говорил: «У научного изучения предметов две конечные цели: предвидение и польза» [6, с. 449].

Основным предикатом *достоинства* личности является ее *нравственный суверенитет*. Это означает, что личность должна быть в состоянии самостоятельно и ответственно осуществлять свой моральный выбор, выбирать для себя ценностные ориентиры, формулировать их в качестве мотивов собственного поведения. И хотя одной духовной любви и благих пожеланий (намерений) тут явно не достаточно, но именно *духовная любовь*, пожалуй, есть главная и наиболее фундаментальная основа для развития всего: самой личности, ее способности к осуществлению творческого акта и ее социальной ответственности. Духовно любить человека это не только любить ближнего или любить родное существо, желая им добра. Духовно любить – значит уметь отдавать другим часть *себя* и *своего*, уметь быть щедрым, уметь ценить самого человека выше любых артефактов. В связи с этим вспоминается фрагмент из романа В.Гюго «Отверженные», когда Жан Вальжан украл серебряную посуду у епископа Бьенвеню, а священник не только не сдал его жандармам, но, при очной ставке, даже подарил беглому каторжнику еще два серебряных подсвечника, упрекнув несчастного в том, что он *забыл* взять их. «Достоинство поступка монсиньера Бьенвеню состояло в любовном видении чужой души и открытии способа преобразить ее. Здесь прозорливость святого человека, отказ от своих прав, вся совокупность субъективных актов не может быть ни описана, не помышлена без тех объективных содержаний и ценностей, на которые она направлена» – указывал Н.О.Лосский.

Но кроме духовной любви необходима, как отмечалось выше, и *духовная свобода* личности, т.е. личная автономность, основанная и обусловленная ее духовным развитием. «Ответственность человека не только за мотивы своего поведения, но и за объективное содержание поступка, за осуществление его и следствия его можно обосновать еще и следующим образом. Нравственная ответственность возможна лишь в том случае, если существует свобода действия; отвечать можно только за то, что находится в моей власти». Свободу воли и свободу действий Н.О.Лосский правомерно различал: «Свобода воли

состоит в том, что «Я» есть творческий *источник* своих хотений и решений, не вынуждаемый необходимо к проявлению их ни внешними условиями, ни даже своим эмпирическим характером. Совсем иной характер имеет свобода действия: она существует там, где возникшее хотение и решение не встречают *препятствия* для своего осуществления. Очень часто эти препятствия обусловлены обстоятельствами, лежащими вне моей власти; в таких случаях я, лишенный свободы действия, не ответственен за неисполнения своего доброго хотения» [5,с.450].

В контексте этих рассуждений возникает вопрос: будет ли человек, руководствующийся добрыми намерениями, но нарушающий закон, установленный без его участия, *ответственен*: а) за такое нарушение; в) по существу? С правовой точки зрения – *да*, с точки зрения духовно-нравственной и социальной ответ может быть дан в зависимости от того, какой именно закон он нарушил, в какой степени нарушенный им закон соответствует субъективным его ценностям и объективным его интересам, равно как и ценностям и интересам других людей. Дело в том, что предметность закона и его форма – понятия различные. Предметность закона состоит в общественном признании личности, ее интересов и ценностей. Форма же закона может быть не только абстрактной, но и весьма противоречивой, что это признание нивелирует. И как тогда быть личности? Вспоминаются известные слова В.Гете: «Лишь тот достоин жизни и свободы, кто каждый день идет за них на бой».

Эти сова звучат актуально особенно в современных условиях, когда на смену традиционным формам социальных деструкций приходит новая форма - так называемое «цифровое рабство» [7]. В «обществе риска» (У.Бек) такое рабство постепенно становится своеобразной социальной инженерией, с помощью которых человек становится придатком техники, послушным потребителем и исполнителем чужой воли.

Отсюда следует, что, с одной стороны, социальная ответственность личности есть ее способность осуществлять творческий акт по эффективному проецированию своих ценностей и интересов в мир своего бытия, а, с другой стороны, воспринимать и усваивать ценности и интересы внешнего мира личностно, посредством духовного делания, работы со смыслами.

Для этого личность сама должна желать и уметь преодолевать угрозу духовного и социального отчуждения; она должна оставаться активным участником системы социального взаимодействия, самостоятельно создавать со стороны своего «Я» наиболее благоприятные условия для координации и оптимизации различных ценностей и интересов; она должна вовлекать конкретную (другую) личность и вовлекаться (включаться) сама в процессы

нормотворчества, осуществлять свой творческий акт, способствовать реализации своих субъектных свойств.

Литература

1.Фролов Д.Е., Сомкин А.А., Сомкина А.Н., Стафеев А.В. Философия как современное системно-рационализированное мировоззрение // Гуманитарий. Актуальные проблемы гуманитарной науки и образования. 2019. Т.19. № 3. С.295-305.

2.Спивак В.А. Корпоративная культура: Теория и практика. – СПб.: Питер, 2001.

3.Стожко К.П., Тарасова О.В., Новожилов А.Е., Маяков Н.Н. Социальная диалектика предпринимательства: Личность. Самоуправление. Культура. Творчество. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та. 2005.

4.Лапшин И.И. Философия изобретения и изобретение в философии. – М.: Республика, 1999.

5.Ветошкин А.П., Стожко К.П. Философия экономики. Екатеринбург: Изд-во Российского государственного профессионально-педагогического университета, 2001.

5.Лосский Н.О. Условия абсолютного добра. М.: Политиздат, 1991.

6.Менделеев Д.И. Границ познания предвидеть невозможно. М., 1991.

7.Пивень П.В. Цифровое рабство или электронный рай // Век глобализации.2018. № 4. С.107-113.

А.В.Шиловцев
кандидат исторических наук, доцент,
Уральский государственный аграрный университет;
В.Г.Благодатских
доктор исторических наук, профессор,
Уральский государственный экономический университет;
В.М.Князев
доктор философских наук, профессор,
Уральский государственный медицинский университет;

КУЛЬТУРА, ГУМАНИТАРНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ И НООНОМИКА

Аннотация. В статье раскрыта роль гуманитарного образования в формировании современного типа экономики - экономики знаний. Показаны

недостатки и просчеты в образовательной политике государства в области гуманитарного образования. Сформулированы рекомендации в области решения первоочередных задач укрепления и развития отечественного гуманитарного образования. Аргументировано положение о необходимости коррекции сложившихся представлений о феномене ноономики и ее роли в современном социально-экономическом и культурном развитии российского общества.

Ключевые слова: андрагогика, гуманитарное образование, неоиндустриальные системы, ноономика, педагогика, образование.

В современной науке существует много идей о характере наступающей новой эпохи и о будущем мировой экономики. Среди них можно назвать, например, весьма интересную идею «антропоцена» (Ю. Стормер, П. Крутен, Д. Чакрабарти), как эпохи, сменяющей прежнюю эпоху «голоцена» и характеризующуюся, как время определяющего воздействия человеческой деятельности на экосистему [1, с.16-17]. Можно назвать также идею «асфатроники» - как эпохи, характеризующейся глобальной безопасностью [2, с.16-17]. К сожалению, можно назвать также и весьма сомнительные, даже эпатажные идеи, такие как идея формирования «фрикоников» (С. Дабнер, С. Левитт), под которой подразумевается неформальная и даже экзистенциальная, а, точнее, уродливая экономика (от англ. *freak - уродец*) [3].

Одной из современных довольно сомнительных «новаций» является идея «ноономики», согласно который в скором будущем «традиционные категории и законы экономики постепенно потеряют привычный смысл, если не исчезнут совсем» и сформируется «неэкономический способ организации хозяйства для удовлетворения потребностей» [4,с.9]. Забывая о том, что труд является сущностной характеристикой человека, определяющей его мировоззрение и положение в мире, что именно «труд создал человека», авторы подобных «концепций» уверенно предрекают «уничтожение» материального производства и предлагают России заниматься торговлей идеями как «инновационной» формой хозяйственной (коммерческой) деятельности. Понятно, что производством и реализацией таких идей должны заниматься специалисты нового поколения или нового образца, «элита человечества» [5, с.104]. Всем остальным просто не останется места на «пиру жизни».

При рассмотрении вопроса о формировании таких специалистов в российских вузах (хотя специалистов теперь практически не готовят – выпускают бакалавров, магистров, равно как и в названии министерства пропал термин «профессиональное») говорить следует, к сожалению, не о гуманитарных технологиях в образовательном пространстве. И не об

образовании людей как таковом (формирование человеческого образа), не о гуманитарных науках. А о «технологах производства». Об этом свидетельствует низкое качество самого образования, ограниченная компетентность выпускников многих российских вузов, крайне слабый кругозор и отсутствие у них системных, фундаментальных знаний по многим учебным предметам. Мы, чаще всего, видим не гуманитарные технологии в образовательном педагогическом пространстве (асфатронику, синектику, бриколаж, эвтагонику и др.), а дегуманизацию высшего образования взрослых людей, своеобразную псевдо андрагогику (обучение через всю жизнь) по лекалам Болонской конвенции. Сюда можно отнести «технологию мастерских», модульные, игровые, проектные технологии, технологию уровневой дифференциации и т.д. Все они нацелены не на духовное нравственное развитие личности, а исключительно на инструменталистский аспект личностного существования, на формирование ее прикладных навыков и умений.

Превратив современное образование в индустрию предоставления образовательных услуг, мы столкнулись с очевидной дегуманизацией образования, с чисто информационным обслуживанием «по запросу клиента». Когда воспитание оказалось «ненужным» и даже «лишним» элементом в структуре образования. Ценностное мышление ныне все чаще замещается у учащихся готовыми сценариями поведения, а сами учащиеся просто «натаскиваются» разными тренингами, коучингами и веб-семинарами на те, или иные (заданные) модели поведения (*behavioral economics - поведенческая экономика*).

Как сказано в Болонской конвенции, договаривающиеся «стороны поручают всем высшим учебным заведениям удовлетворять все обоснованные запросы о предоставлении информации в целях оценки квалификаций, полученных в выше упомянутых заведениях» [6, с.14]. Нацеленность современной системы высшего образования РФ на принцип, согласно которому «кто платит - тот и заказывает музыку», четко прописана в документах Болонской конвенции: «Оригинальность и гибкость в этой системе (высшего образования - *авт.*) будет достигаться, прежде всего, посредством кредитов» [6, с.31].

За двадцать лет с момента опубликования Болонской конвенции (1999), мобильность студентов (главная ее цель) увеличилась крайне мало (этому способствовала и пандемия Covid-19), а установленные Министерство науки и высшего образования РФ показатели обучения иностранных студентов все еще остаются «филькиной грамотой», ничего не говорящей о качестве самого образования. Из 4,7 млн. студентов, обучающихся в 607 государственных и 358

негосударственных вузах России, доля иностранных студентов составляет менее 4%. Для примера, В США и странах Западной Европы этот показатель составляет до 15-20% от общей численности студентов. Правда, в последнее время он также снижается в силу негативных экзогенных обстоятельств, но, тем не менее, общее число иностранных студентов неуклонно растет и на текущий момент составляет около 5 млн. чел. По прогнозам, их численность в 2025 г. достигнет 7,2 млн. чел.[7, с.60].

Но эти цифры свидетельствуют только о разрастании и глобализации проблемы дегуманизации высшего образования, об общем кризисе образовательной культуры в мире. Потому что практика обеспечения доступа к образованию за деньги - это дегуманизация и самого образования.

Об этом говорит и сложившаяся криминальная ситуация в вузовской среде, в том числе и в студенческой среде [8]. Среди причин сложившейся ситуации необходимо назвать то обстоятельство, что при подготовке выпускников высших учебных заведений практически никак не учитываются естественноисторические особенности национальной экономики [9], уровень материального благополучии / неблагополучия учащихся. Важным фактором негативных процессов является также криминогенная ситуация в самом руководстве системой высшего образования, частые случаи злоупотреблений, незаконного обогащения и даже просто уголовно наказуемой деятельности.

Именно поэтому нужно ставить вопрос о более основательной и активной подготовке (в системе высшего образования) людей средствами именно гуманитарных наук и с использованием гуманитарных, социальных технологий. В противном случае разрыв между людьми, «человеческим», « слишком человеческим» и «нечеловеческим» (говоря словами Ф. Ницше) станет непреодолимым.

Какие технологии встречают людей в вузе и за пределами вуза? Это технологии современной неоиндустриальной системы. А в ней, как известно, только деньги «правят бал». Смысловое пространство концепта денег в такой системе гипертрофировано, а денежный фетишизм оказывается «заместителем» духовности и нравственности [10].

Все чаще выпускники вузов сталкиваются с откровенным цинизмом, эгоизмом, гедонизмом не только в процессе обучения, но и в процессе своей профессиональной деятельности. И им приходится осваивать и применять «серые» схемы, технологии демпинга, картелирования, контрафакции, редистрибуции, даже рэкета, промышленного шпионажа и т.д. Специалист, выпускник вуза, «подкованный» «технологически», но оказавшийся нравственно не состоятельным, по определению, становится субъектом недобросовестной конкуренции, «фрикономики» (уродливой экономики).

Поэтому подготовка подобных «специалистов» - это своеобразный геноцид, как точно подметил С.Ю.Глазьев. Именно так названа его книга [11].

Подготовка специалистов для народного хозяйства в контексте укрепления и развития гуманитарного образования в процессе обучения в вузе должна исходить из того факта, что новое поколение мало что сделало доля народного хозяйства. Промышленный и аграрный комплексы нашей страны, исторически, были созданы еще в прошлом веке. Наче говоря, в советский период нашей истории.

За все последующие десятилетия мы в основном только потребляли достижения советской эпохи и крайне мало добавили к тому, что было создано нашими предшественниками. Это - итог развития постсоветской системы образования. А ведь известно, что народнохозяйственный комплекс был изначально тесно связан с двумя другими системами – образовательной и научной.

Понимание того, что единый и эффективный промышленно-образовательно-научно-исследовательский комплекс требует серьезной гумантарной подготовки будущих специалистов - это условие успешной модернизации национальной экономики. Сегодня у нас провозглашен курс на новую модернизацию экономики с опорой на средний класс и цифровую экономику посредством реализации национальных программ, указов и введения в действие единого президентского указа прямого управления [12].

Но, как свидетельствует практика, пока что в стране активно формируется «дискриминационная экономика» - «периферийный капитализм» (Г.Беккер, Р.Пребиш) с сырьевой ориентацией, крайне слабым уровнем секторов высоких инновационных технологий и низким качеством профессиональной подготовки специалистов.

Поскольку в постсоветской России в качестве альтернативы традиционной системе народного образования, опиравшейся на исторически сложившиеся национальные ценности, последние сорок лет внедряют систему западного типа, неудивителен конфликт между ценностными системами в жизни и сознании людей. Так, преподаваемые сегодня в российских вузах науки об обществе – будь то политическая экономия, социология, политология, межкультурные исследования, этнология, структурная антропология или иные дисциплины – возникли как средство понимания реальности в интересах определённых групп и навязывания этого понимания другим группам. Они, в основном, пришли к нам с Запада. Как, например, когда-то классическая экономическая теория, марксизм, либерализм, кейнсианство или институционализми.

Они возникли когда-то как своеобразная «гуманитарная» технология, с помощью которой господствующие в XIX-XX вв. группы могли бы объяснять мир и устранять все остальные точки зрения как «альтернативные», «консервативные», «реакционные» или не «толерантные». Так формировался «одномерный универсум» с диктатурой рыночной психологии и идеологии [13].

Социальные науки западного образца эпохи модерна, как гуманитарные технологии власти в их конкретном виде, закреплённом в мозаичной структуре учебно-методических комплексов и факультативных оценочных средств очередного поколения, возникали благодаря практическим нуждам вполне конкретных лиц. И при активном участии разного рода «тъютеров», «модераторов», «экспертов», прочего «офисного планктона». Это участие финансировалось из зарубежных фондов А. Менегетти, Дж. Рокфеллера, Дж. Сороса, Дж. Фулбрайта, Г. Хенкель и т.д. Но со временем эти новации оказались в явном противоречии с национальными, в том числе экономическими, интересами нашей страны и нашего общества.

На самом деле в своей жизни выпускники вузов ныне встречаются с запросом своей страны на процесс инновационного развития науки, образования и промышленности, на сохранение национальных культурных и духовных ценностей. Но на практике провозглашение этих стратегических задач наталкивается на низкий уровень знаний, компетенций и узкое мировоззрение многих новых «специалистов». Либо на их «ангажированность», обусловленную получением разных грантов, стипендий, премий, субсидий и т.д. со стороны различных некоммерческих организаций (НКО).

Отдельными авторами в качестве выхода из сложившейся ситуации в стране в короткие сроки предполагается формирование так называемой «ноономики» - «знаниевой науки», в ходе формирования которой мы должны «пробежать» большую историческую дистанцию. Причем, непосредственно уже в ходе модернизационного развития. В сущности, этот путь представляется как «русский прорыв» в будущее. Или, как полагает Г.Х.Попов, новая альтернатива исторического развития России [5].

Тут предлагается три типа проектов ускоренного развития. Первый тип проектов основан на традиционных отраслях промышленности и может быть назван консервативным вектором, замораживающим отсталость. Для понимания этих проектов и работы с ними требуется знание всего объема советской и классической зарубежной культуры, марксистских гуманитарных наук и классического зарубежного обществознания.

Второй тип направлен на создание новых форм промышленности и таких ее отраслей, которые ныне находятся в эмбриональном состоянии в

лабораториях по оптоэлектронике, лазерной технике и выращиванию кристаллов, созданию роботов. Для работы с этими проектами нужны серьезные исследования в области неомарксистской и современной постструктуралисткой идеологии.

Третий тип ориентирован на создание метапромышленности как основы метаэкономики, связанной с циклами инновационной деятельности в рамках корпоративных университетов и технопарков. Источники развития извлекаются из самого человеческого капитала. Для работы с этими проектами необходимы обширные знания в области «физической экономики» и концептуальные разработки в ноономике и исследования четвертой и пятой мировой теории в области альтернативного цивилизационного развития [14, с. 59].

Но об ускорении уже много говорилось в начале перестройки 80-х гг. прошлого века. Вот только «весь пар ушел в гудок», потому что ускорение на прежней отсталой сырьевой и идеологической основе оказалось невозможно. Возможно ли оно теперь, когда «Россия сосредотачивается» (термин В.В.Путина), а высшее образование девальвированным?

Отдельные экономисты полагают, что сегодня изменения в материальном производстве настолько серьезны, что нельзя просто говорить о реиндустриализации. Следует толковать о радикальном изменении производства, о неоиндустриализации в связи с современной наукой и образованием. «Новое индустриальное общество второй генерации», как выражается, например, С.Д. Бодрунов, в мире ноосферы влечет за собой рождение качественно нового типа отношений – «ноономики» [15]. Тем не менее, экономика как таковая остается основой для любой ее инновационной модели. Смена различных типов и моделей общественного производства была не редким случаем на протяжении всей ее истории [16; 17].

Поэтому весь пафос рассуждений о ноономике как «нематериальной экономике» оказывается девальвированным более чем странным выводом о том, что «будущее человечества - не материальное производство», что в рамках «ноономики» человек оказывается «вне материального производства» [4, с.9]. А чем же тогда он будет питаться, исключительно «духовной пищей» что ли? Или как он будет удовлетворять свои физиологические потребности? Виртуально? Вероятно, авторы подобного понимания ноономики надеются на скорую тотальную роботизацию и компьютеризацию, но до нее еще очень и очень далеко. Так, в системе образования, как показывает опыт, дальше создания отдельных компьютерных классов и информационных платформ дело не идет. Охват смтудентов не полный, умение участников учебного процесса использовать компьютерные сети в образовании - далеко не на лучшем уровне.

Но главное, это то, что живой контакт с педагогом не может быть никак заменен ни системой «Zoom», ни системой «Moodle», ни какой-либо иной системой.

Не поспешными ли являются суждения о «ноономике», как о «новой» экономике без «материального производства»? Не ставят ли некоторые экономисты «телегу впереди лошади»? Ведь известно, что еще в середине XIX века К.Маркс рассуждая о духовном производстве, полагал, что наука становится непосредственной производительной силой общества. В свою очередь Ф.Энгельс прямо отмечал, что «труд создал самого человека» [18, с.486] Но эти суждения оказались явно преждевременными. Как и совершенно недоказательные заявления о том, что «оценка, данная Ф.Энгельсом эволюционной роли труда несколько завышена» [19, с.37]. Фрондирование в науке вряд ли можно считать убедительным доказательством правоты авторов подобных заявлений.

На наш взгляд, поспешность подобных суждений связана с непониманием реального уровня развития производительных сил в нашей стране, отстающим, догоняющим сценарием в развитии ее экономики, с низким качеством высшего образования и выхолащиванием в нем гуманитарного основания. Не признавать или отрицать это можно сколько угодно, но факт остается фактом: по многим ключевым показателям (индекс счастья, индекс интеллектуального развития, IQ и т.д.) мы все еще существенно отстаем от развитых стран мира. И не в последнюю очередь из-за развала нашего образования, вольных экспериментов над ним, девальвации национальных ценностей и его вестернизации.

Поэтому не лишним будет напомнить о том, что гуманитарные науки восстанавливают отечественный культурный код, основанный на негласном общественном договоре, в рамках которого право строится на правде, а этика основывается на коллективной совести, справедливости и стыде. В управлении таким образовательным процессом и в самом образовательном процессе с приобщением к гуманитарным наукам можно выделить две составляющие: специальная - индустриальная (или профессиональная) составляющая, гуманитарная (общекультурная) составляющая - формирующая мировоззренческие основания знаний, умений, навыков специалиста любого профиля, где знания об истории и теории культуры человечества должны даваться целостно, концептуально, без описания.

Изучение исторического опыта, ошибок и достижений высшего образования, а также практики инновационного обучения на Западе и в СССР ставит вопрос о переходе от плюралистического и толерантного многообразия современных педагогических технологий в вузовском образовательном процессе к гуманитаризаци и гуманизации высшего образования и воспитания.

Речь идет о формировании не только в вузах, но в обществе в целом, нового поколения специалистов, которые бы обладали креативными способностями к инновационному развитию и опирались бы на национальные ценности и национальные интересы. Идеи космополитизма, плюрализма и глобализма в системе высшего образования подходят к своему логическому и незавидному концу. Экономика знаний без культуры хозяйства, инновации без духовности - это путь в тупик. Как точно подметил еще Ф.Рузвельт, «воспитать человека интеллектуально, не воспитав его нравственно - значит вырастить угрозу для общества» [20, с.826].

Литература

1.Чакрабарти Д. Об антропоцене. М.: V-A-C-press. 2020. - 160 с.

2.Кефели И.Ф. Асфатроника. На пути к теории глобальной безопасности. Санкт-Петербург: ИПЦ СЗИУ РАНХиГС, 2020. - 228 с.

3.Дабнер С., Левитт С. Фрикономика. М: Манн, Иванов и Фарбер, 2012. - 272 с.

4. Бодрунов Б.Н. Ноономика: концептуальные основы новой парадигмы развития // Известия Уральского государственного экономического университета. 2019. Т.20.№ 1. С.9-12.

5.Попов Г.Х.О цивилизации в XXI веке // Вопросы экономики. 2013. № 2. С.94-107.

6.Болонский процесс. Основополагающие материалы. М,: Финансы и статистика, 2007. - 88 с.

7.Цапенко И.П. Международная студенческая миграция // Управление наукой наукометрия. 2008. № 6. С.60-68.

8.Симоненко А.В., Грибанов Е.В. Оценка криминальной ситуации в вузовской студенческой среде и меры ее коррекции // Вестник ВИ МВД России. 2015. № 1. С.12-18.

9.Стожко Д.К., Стожко К.П. Естественноисторические факторы повышения конкурентоспособности аграрной экономики России // Аграрный Вестник Верхневолжья. 2017. № 3(20), С. 115-124.

10. Назарова О.В. Смысловое пространство концепта «деньги» // Гуманитарий. Актуальные проблемы гуманитарной наук и образования. 2017. № 2(38). С.83 - 95.

11.Глазьев С.Ю. Геноцид. М.: Терра, 1998. - 320 с.

12.Стожко Д.К. Модернизация российской экономики: История. Теория. Практика. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2020. - 412 с.

13. Маркузе Г. Одномерный человек. Исследование идеологии Развитого Индустриального Общества. М.: Reefl-book, 1994. - 368 с.

14.Ларуш Л. Вы бы на самом деле хотели бы знать все об экономике? М.: Шиллеровский институт, 1992. -121 с.

15. Бодрунов Б.Д. Ноономика. М.: Культурная революция, 2018.

16.Стожко К.П., Шабатура Л.Н.Теоретическая экономика. Екатеринбург: Изд-во РГППУ, 1997. - 596 с.

17.Стожко Д.К., Стожко К.П. История мировой экономической мысли. Екатеринбург: УрГЭУ; УрГАУ, 2017. - 498 с.

18. Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т.20. М.: Госполитиздат, 1961.- 827 с.

19. Мерцалов В. Логика антропогенеза. Происхождение человека еще

20.Мудрость тысячелетий. Энциклопедия. М.: Олма-Пресс, 2006. - 848 с.

А.В.Шиловцев
кандидат исторических наук, доцент,
Уральский государственный аграрный университет

СОЦИАЛЬНАЯ БЕЗОПАСТНОСТЬ И ПРОБЛЕМА БЕЗРАБОТИЦЫ

Аннотация. В статье дан подробный анализ причин и последствий современной безработицы. Раскрыты ее особенности и различные трактовки, существующие в экономической науке. Безработица представлена как следствие деформации рыночной экономики, в отличие от либеральных ее трактовок как необходимого фактора экономического развития. Оценка безработицы дана в контексте более общей проблемы социальной безопасности личности.

Ключевые слова: бедность, безработица, занятость, рыночная экономика, труд,

В западной экономической литературе причины безработицы исследуются преимущественно на основе экономического подхода. При этом безработица рассматривается как экономическая проблема недостаточно полного использования рабочей силы. Часто причины безработицы объясняются несбалансированностью рынка труда или неблагоприятными изменениями на этом рынке. Наиболее известной теорией, объясняющей причины безработицы, является теория Дж. Кейнса. Заслуга Дж.Кейнса в разработке теории безработицы состоит в том, что он представил логическую модель механизма, раскручивающего экономическую нестабильность и ее составляющую - безработицу. Дж.Кейнс считал главной целью экономической

политики государства не борьбу с инфляцией, а обеспечение эффективной занятости [1].

Интересна трактовка безработицы видного английского экономиста А. Пигу, который в своей известной книге "Теория безработицы" (1923 г.) обосновал тезис о том, что на рынке труда действует несовершенная конкуренция. Он детально и всесторонне обосновывал мнение, что всеобщее сокращение денежной заработной платы способно стимулировать занятость. Но эта теория не может дать полного объяснения источников безработицы. Тем не менее, государственное вмешательство также может оказаться неэффективным, что мы наблюдаем в современных условиях [2, с.255].

Таким образом, можно выделить несколько основных причин безработицы:

1. Внедрение новых технологий, оборудования, что приводит к сокращению излишней рабочей силы
2. Политика правительства в области оплаты труда.
3. Экономический спад или депрессия.
4. Изменения в структуре населения, в частности, рост численности населения.

Безработица является следствием деформации рынка труда. Безработные и свободные места всегда существуют, но требуется время, чтобы между ними установилось соответствие. Следствием этого будет наличие безработицы.

Таким образом, можно сделать вывод, что на уровень безработицы влияет множество различных факторов, и, в тоже время, безработица является естественным сопровождением экономического развития в условиях неэффективной конкуренции. Доказательством этого является тот факт, что в 2019 г. на сельских территориях уровень безработицы достиг 8%, тогда как в городе он составил 4,3%. При этом, доля населения с денежными доходами ниже прожиточного населения на селе составила 20%, в городе - 11,2% [3]. На реализацию государственной программы по комплексному развитию сельских территорий в 2019 году были предусмотрены субсидии бюджетам субъектов РФ в объеме 17,4 млрд. рублей. На 2020 год - 18,8 млрд. рублей, на 2021 год - 17,3 млрд. руб. Но при этом безработица не только не снизилась, но даже увеличилась. Тем самым, можно говорить о снижении уровня социальной безопасности сельских жителей. В частности, их социальной защищенности от угрозы безработицы [4].

В связи с этим встает вопрос об эффективности современного программного подхода к развитию села. Как показывает опыт, большинство показателей долгосрочных федеральных программ оказываются не выполненными, а средства потраченными. Неэффективность такого подхода

связана с тем, что в федеральных программах не предусмотрено в качестве отдельной статьи финансирования обеспечение занятости, нет конкретики в росписи расходов на решение этого вопроса. Либерально настроенные представители монетарных властей все еще надеются на то, что рынок сам урегулирует данную проблему. Обычно, ссылаются на известную концепцию английского экономиста А.Смита о конкуренции, как «невидимой руке Божественного проведения», которая регулирует возникающие противоречия и «все приводит во благо всем».

Но при этом забывается, что А.Смит рассуждал об английском пуританском обществе XVIII в., в котором огромную роль играли нравственные религиозные ценности: не убий, не укради и т.д. Нынешнее «общество потребления» (Ж.Бодрийяр) настолько секуляризовано, что механически переносить идеи английского классика на современную реальность недопустимо. Проблема превращения моральных ценностей в социальные (институциональные) нормы - это отдельная тема, требующая особого внимания [5]. Тем более, в современном «обществе риска» (У.Бек).

Хотелось бы заметить, что крестьянское сознание гораздо более консервативно, нежели сознание интеллигенции. Оно на протяжении многих лет сохраняет и культивирует традиционные ценности общественного устройства на селе. Одной из таких ценностей всегда выступал сельский труд, самозанятость в домашнем хозяйстве. Именно самозанятость позволяет существенно снизить формальные показатели безработицы на селе. Тем не менее, существуют конкретные факторы, определяющие масштабы крестьянских хозяйств в современных условиях. Они представлены в таблице 1:

Таблица 1.

Факторы, определяющие масштабы крестьянских хозяйств

Группы факторов	Способствует росту масштабов хозяйственной деятельности	Сдерживает увеличение масштабов хозяйственной деятельности
1. Природные факторы	Большие массивы пахотных земель правильной конфигурации; равнинный характер	Мелкоконтурность и изрезанность сельскохозяйственных угодий; пересеченная местность;

	местности; однородность земельных угодий по типу, подтипу и механическому составу почв; хорошая водообеспеченность территории.	неоднородность земель по типу, подтипу и механическому составу почв; недостаточная водообеспеченность территории.
2.Экономические факторы	Специализация и интенсификация производства, наличие институтов обслуживающей инфраструктуры, развитие кооперации и интеграции производства, современные технологии; высокий технический уровень; механические процессы производства.	Многоотраслевая и экстенсивная система хозяйствования; отсутствие обслуживающей инфраструктуры; недостаточный уровень развития кооперации и интеграции; низкий технический и технологический уровень; биологические процессы производства.
3.Социально-политические факторы	Многосемейные крестьянские хозяйства; аренда земли и наем работников (отделены от земли); благоприятный налоговый климат; доступные источники капитала и государственная поддержка; возможности для повышения уровня жизни семьи.	Отсутствие развитых арендных отношений и найма рабочей силы; несовершенная система налогообложения; недоступность или трудности в получении кредитов; слабые возможности для роста семейного благосостояния.

4.Маркетинговые факторы	Благоприятная конъюнктура рынка сельскохозяйственных продуктов; опережение спроса над предложением; высокие цены на сельхозпродукцию; доступность каналов сбыта и низкие входные барьеры; развитая транспортная сеть; качественный маркетинг-менеджмент.	Стагнация рынка; низкие цены на сельхозпродукцию; затруднения по сбыту; высокие входные барьеры; неразвитая транспортная инфраструктура; неразвитая логистика и неэффективное управление.
5.Социально-психологические факторы	Престижность аграрного труда; наличие и доступность системы среднего и высшего профессионального образования, переподготовки и повышения квалификации; социальный статус профессий аграрного профиля.	Низкая престижность аграрного труда; низкие возможности для повышения образования; низкий статус профессий аграрного профиля
6. Экологические факторы	Плохая экология и высокий уровень загрязнения природной среды; низкая комфортность среды обитания; угрозы техногенных форс-мажорных ситуаций (пожары, наводнения и т.д.).	Хорошая экология и минимальный уровень загрязнения природной среды; высокая комфортность среды обитания (наличие экологических ресурсов по месту проживания); отсутствие угроз техногенных катастроф и т.д.

7.Социально-культурные факторы	Привычный образ жизни (в сельской местности); сельское воспитание; ценностные ориентации.	Непривычность к сельскому образу жизни; отсутствие культуры общения в природной среде; неадекватные ценностные ориентации.

Более последовательный учет этих факторов вполне может способствовать существенному сокращению безработицы в сельских территориях. Тем самым,

Литература

1. Кейнс Дж. М. Общая теория занятости, процента и денег / Антология экономической классики. В 2-х т. М.: Эконов, 1991. Т.2. С.137 - 434.

2. Ха Джун Чанг. Как устроена экономика: пер. с англ. М.: Манн, Иванов и Фербер, 2017. - 304 с.

3. Панов П. Трудовая порука: для снижения безработицы на селе надо 200 млрд. рублей // https://iz.ru/839468/pavel-panov/trudovaia-poruka-dlia-snizheniia-bezrabotitcy-na-sele-nado-200-mlrd-rublei#

4. Стожко Д.К. Методологические аспекты изучения проблематики социальной безопасности личности // Вестник МГПУ. Серия: Философские науки.2019. № 2(30). С. 20 - 27.

Сведения об авторах

Аджалова Айсель Алимовна - студентка IV курса, Институт менеджмента и информационных технологий, Уральский государственный экономический университет.

Батракова Светлана Игоревна – старший преподаватель кафедры иностранных языков Уральского государственного аграрного университета.

Благодатских Владимир Гурьянович - доктор исторических наук, профессор кафедры истории и философии Уральского государственного экономического университета.

Бурцева Татьяна Владимировна - кандидат экономических наук, доцент кафедры инфекционной и незаразной патологии Уральского государственного аграрного университета.

Ветошкин Анатолий Петрович – доктор философских наук, профессор кафедры философии и социологии Московского государственного университета путей сообщения (МИИТ, г. Москва).

Воронин Борис Александрович - доктор экономических наук, профессор кафедры экономической теории и менеджмента Уральского государственного аграрного университета.

Воронина Яна Викторовна - кандидат экономических наук, доцент, Научно-исследовательский институт, Уральский государственный аграрный университет.

Горбунова Олеся Сергеевна – кандидат экономических наук, доцент кафедры бухгалтерского учета и аудита Уральского государственного аграрного университета.

Журавлева Людмила Анатольевна - кандидат философских наук, доцент, заведующая кафедрой философии Уральского государственного аграрного университета.

Зарубина Елена Васильевна - кандидат философских наук, доцент кафедры философии Уральского государственного аграрного университета.

Кащапова Алина Сергеевна - студентка IV курса, Институт менеджмента информационных технологий, Уральский государственный экономический университет;

Князев Валентин Михайлович – доктор философских наук, профессор кафедры философии Уральской государственной медицинской академии.

Кружкова Татьяна Ивановна – кандидат исторических наук, доцент кафедры менеджмента и экономической истории Уральского государственного экономического университета.

Лавров Владимир Николаевич – доктор экономических наук, профессор, зав. кафедрой теории и практики управления Уральского федерального университета им. Б.Н.Ельцина.

Мартыненко Александр Иванович - магистрант, Институт экономики, финансов и менеджмента, Уральский государственный аграрный университет.

Лазутина Татьяна Витальевна – кандидат философских наук, доцент, заведующая кафедрой методики образования Российского государственного профессионально-педагогического университета (Первоуральск, Свердл. обл.).

Мартыненко Александр Иванович - магистрант, Институт экономики, финансов и менеджмента, Уральский государственный аграрный университет.

Митин Александр Николаевич - доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой теории и практики управления Уральского государственного юридического университета.

Некрасов Станислав Николаевич – доктор философских наук, профессор кафедры философии Уральского государственного аграрного университета.

Пильникова Ирина Федоровна – старший преподаватель кафедры бухгалтерского учета и аудита Уральского государственного аграрного университета.

Рущицкая Ольга Александровна - доктор экономических наук, доцент, заведующая кафедрой менеджмента экономической теории Уральского государственного аграрного университета.

Ручкин Алексей Владимирович – кандидат социологических наук, доцент кафедры менеджмента и экономической теории Уральского государственного аграрного университета.

Синько Вера Николаевна – старший преподаватель кафедры философии Уральского государственного аграрного университета.

Соболевский Михаил Александрович - студент I курса, ТМО, Уральский государственный аграрный университет.

Сорокина Наталья Ивановна – кандидат педагогических наук, доцент, заведующий кафедрой иностранных языков Уральского ГАУ

Стахеева Любовь Михайловна – кандидат экономических наук, доцент кафедры бухгалтерского учета и аудита Уральского государственного аграрного университета.

Стожко Дмитрий Константинович – кандидат философских наук, доцент кафедры общей и экономической истории Уральского государственного экономического университета.

Стожко Константин Петрович – доктор исторических наук, кандидат экономических наук, профессор кафедры философии Уральского государственного аграрного университета.

Тарасова Оксана Владимировна - кандидат философских наук, доцент кафедры философии и социологии Тюменской государственной академии культуры.

Фетисова Анастасия Викторовна – старший преподаватель кафедры менеджмента экономической теории Уральского государственного аграрного университета.

Фоменко Светлана Сергеевна – кандидат философских наук, доцент, заместитель директора учебно-производственного центра ОАО «Роснефть» (г.Югра, ХМАО).

Чупина Ирина Павловна - доктор экономических наук, профессор, Уральский государственный аграрный университет.

Шабатура Любовь Николаевна – доктор философских наук, профессор, заведующая кафедрой философии Тюменского государственного нефтегазового университета (г.Тюмень).

Шиловцев Андрей Владимирович – кандидат исторических наук, доцент кафедры философии Уральского государственного аграрного университета.

Межвузовский сборник научных статей

Выпуск2

НАУКА, ОБРАЗОВАНИЕ, КУЛЬТУРА

Материалы Всероссийской национальной конференции
8 февраля 2021 года «Целищевские чтения»

Под общей редакцией: Ю.А.Ермакова, доктора философских наук, профессора УрФУ; В.П. Леднева, доктора исторических наук, профессора РГППУ; К. П. Стожко, доктора исторических наук, профессора Уральского ГАУ

Подписано в печать Формат 60×84/16
Бумага офсетная. Гарнитура Times.
Уч. изд.л. Усл. печ. л. Тираж Заказ №